

Thomas Vaughan

**AULA LUCIS,
OR THE HOUSE
OF LIGHT**

Томас Воган

ОБИТЕЛЬ СВЕТА

**Самара
Издательский дом «Агни»
Арт-Лайт
2018**

ББК 87.3
В 61

Перевод с английского
Л.Б. Бабушкина, А.Е. Дунаев

Воган, Т.

В 61 Обитель Света / Т. Воган; пер. с англ. Л.Б. Бабушкина, А.Е. Дунаев. — Самара: Арт-Лайт, 2018. — 488 с.: ил.

ISBN 978-5-9908873-1-2

Издательство представляет читателям первый в нашей стране перевод на русский язык уникальных философских трудов прославленного английского философа, члена Королевского научного общества, священника, розенкрейцера, алхимика и мистика, писавшего в XVII веке под псевдонимом Евгений Филалет.

Книга включает в себя следующие работы: Теомагическая антропософия, или Беседа о природе человека и его посмертном состоянии; Душа тайной магии, или Беседа о вселенском духе Природы; Магия Адама, или Древняя магия; Coelum Terrae, или Небесный хаос мага, раскрывающий доктрину Земных небес; Светлый свет, или Новый магический свет; Свет Подземного Царства, или Дом Света; Братство Розового креста; Евфрат: воды Востока.

Книга является переводом с английского издания, опубликованного в 1919 году в Лондоне Артуром Эдвардом Уэйтом, и представляет ценность для всех, кто интересуется и изучает философию, религию, литературу, мировую культуру в целом.

ББК 87.3

ISBN 978-5-9908873-1-2

© ООО «Арт-Лайт», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

История рода Воганов уходит корнями в глубокое прошлое и Англии, и Уэльса. По преданию, их давний предок, сэр Дэвид Воган, пал в битве при Азенкуре¹. Интересующая меня ветвь этого рода владела замком Третауэр [Tretower Castle] на берегу реки Аск, в графстве Брекнокшир. Ныне от замка остались лишь руины, но ветшать он начал, по видимому, в конце шестнадцатого века, поскольку примерно в то время хозяин² покинул его, перебравшись в имение Ньютон, что между Сетрогом [Scethrog] и Ллансантфраедом [Llansantffraed], находившееся милях в пяти [от Третауэра] на берегах всё той же реки Аск. Следующее поколение было представлено его сыном по имени то ли Генри, то ли Томас³. В последнем из упомянутых мест проживания, ставшем

Все примечания в квадратных скобках принадлежат редактору и переводчику. Все примечания без пометы о том, чьи они, принадлежат Артуру Уэйту.

¹ [Сражение в ходе Столетней войны, состоявшееся 25 октября 1415 года между французскими и английскими войсками близ местечка Азенкур в Северной Франции.]

² [Последним владельцем замка Третауэр был Уильям Воган, дед Томаса и Генри Воганов.]

³ Достопочтенный А.Б. Гросарт [Александр Баллох Гросарт (Alexander Balloch Grosart) (1827–1899) — шотландский священнослужитель и литературный редактор], который первым подготовил к изданию полное собрание сочинений Генри Вогана в серии Фуллеровской библиотеки знаменитостей [Fuller Worthies Library], сообщает, что его отца звали Генри. А в регистре Оксфордского университета он записан как «Томас из Ллансантфраеда, Брекнокшир».

известным как усадьба в Ньютоне, у него и его жены, о которой не сохранилось никаких письменных свидетельств⁴, родились два сына-близнеца — Томас и Генри Воганы — то ли в 1621, то ли в 1622 году. Не проясняет ситуацию и Вуд⁵, который, хотя и использовал в качестве источника информации свидетельство младшего из двух братьев⁶, однако год рождения не называет. Записи рождений, случившихся в округе за тот период, как и почти за сто последовавших лет, отсутствуют. В дальнейшем мы убедимся, что дате рождения Томаса Вогана придаётся большое значение, и поэтому здесь необходимо отметить, что в этом отношении имеется некоторая неопределённость⁷.

Томас и Генри Воганы обрели славное место в литературных анналах — первый как мистик и алхимик, чьи небольшие книжицы студенты долгое время высоко ценили и жаждали заполучить, второй — как превосходный, хотя и весьма неоднозначный религиозный поэт. Обладая разными, по сути, способностями, они тем не менее составляли единое целое как по духу, так и по крови, ибо, следуя своей природе, Томас был также и поэтом, или, по крайней мере, сочинителем неплохих стихов, в то время как Генри манили оккультные тропы, чтобы ступать по ним в качестве транслятора и даже

⁴ [Более поздние исследователи утверждают, что отца близнецов звали Томас, а их матерью была Дениз Дженкин, урождённая Морган (см.: Hutchinson F.E. Henry Vaughan: a life and interpretation. Oxford, 1947).]

⁵ [Энтони Вуд (1632–1695) — английский историк и антиквар, подготовивший «Athenae Oxonienses» — сборник биографических сведений о выпускниках Оксфордского университета.]

⁶ [Младшим, родившимся на несколько минут позже, был Томас.]

⁷ Сохранилось письмо Генри Вогана Джону Обри, датированное 15 июня 1673 года, где говорится о том, что он и Томас родились в 1621 году. Но если Томас Воган умер в 1666 году на сорок седьмом году жизни, о чём упоминается в его другом письме, то одно из утверждений ошибочно, и дата рождения всё ещё остаётся под вопросом. [Джон Обри (1629–1697) — английский писатель и антиквар, известный как автор занимательных биографий великих англичан.]

в ином качестве, о чём свидетельствует его письменное признание⁸. Меж ними и над ними обоими возвышается фигура праведника Джорджа Герберта, их современника и родственника, хотя и дальнего⁹. Тропы тайных знаний были совершенно вне круга его интересов, и это являлось одной из характерных особенностей этой триады. Но была и другая, существенно бóльшей значимости. Герберт был искусным стихотворцем, «в высшей степени превосходным» мастером, и если он не достиг высот, доступных в редкие моменты Генри Вогану, он не познал и его падений. Я упоминаю эти особенности, чтобы обозначить высокородность и царственное величие, которые отличают эту триаду в литературе. Герберт продолжает оставаться популярным поэтом, о чём свидетельствуют многочисленные издания. Генри Воган по прозвищу Силурист¹⁰, действительно, пользуется известностью, но иного рода и гораздо более ограниченной. Его сочинения собирались дважды, и того, что было собрано, было немного. Что касается трудов Томаса Вогана, то за исключением трактата «Euphrates», они издавались в наше время только мной, а том, которому

⁸ См. стихотворение Г. Вогана «The Importunate Fortune» («Назойливая Фортуна»), адресованное д-ру Пауэллу из Лланхеффа. Поэт предаёт своё тело земле, свои «подспудные таланты... отсыревшей Луне», свои искусные умения — Меркурию, свои нежные чувства — Венере, свою гордыню, «если её есть хоть сколько-то во мне», — во власть Солнца, своё безрассудство и самомнение — Марсу, то малое, что у него имелось от алчности, — Юпитеру,

А магию фальшивую мою,
Которой верил безоглядно,
И ложных тайн запас коварный
Сполна Сатурну отдаю.

⁹ Об этом пишет А. Гросарт в издании «Works of Henry Vaughan», 1871. Т. I. С. 24. Другим родственником был Джон Обри.

¹⁰ Томаса Вогана также можно называть Силуристом. В том смысле, что это был родовой признак принадлежности к той ветви, которая обосновалась в Юго-Восточном Уэльсе, где некогда обитали воинственные силуры.

предпосылается настоящее предисловие, представляет собой первую попытку напечатать собрание его сочинений.

В окрестностях Ньютона и Третауэра есть городок Ллангатток, до которого также доносится плеск волн Аска, и там во времена оные проживал преподобный Мэтью Герберт, возможно, также родственник, которому Томас и Генри писали в стихах на латыни и на английском языке и которому первый, видимо, посвятил «*Aula Lucis*»¹¹, именуя его Селевком Абантиадом, по крайней мере, моё подозрение таково. Документальные свидетельства¹², на которые я опираюсь, сообщают мне, что мальчики были отданы на его попечение в возрасте одиннадцати лет для обучения, и настолько преуспели в этом, что в 1638 году они продолжили учение — очевидно, оба — в колледже Иисуса в Оксфорде¹³, где Томас в своё время получил степень бакалавра гуманитарных наук¹⁴. На этот счёт имеется подтверждение Вуда, и оно представляется решающим в этом вопросе, но изустно известно, что он стал или членом совета своего колледжа¹⁵ или же магистром гумани-

¹¹ Трактат, озаглавленный «*The Man-Mouse*» [с англ.: «Человек-Мышь»], в ответ Генри Мору был также посвящён Мэтью Герберту его «учеником и слугой» Евгением Филалетом.

¹² Кроме исследований Гросарта, имеется мнение Э.К. Чемберса, содержащееся в изданном в 1906 году двухтомном собрании сочинений Генри Вогана. Трудно согласиться, что открытия, сделанные этими издателями в отношении Томаса Вогана, заслуживают внимания, поскольку они не подтверждены документально. [Эдмунд Керчевер Чемберс (*Edmund Kerchever Chambers*) (1866–1954) — английский учёный, автор и редактор ряда книг по истории искусства Англии.]

¹³ Университетский регистр сообщает, что «Томас Воган... 16 лет от роду из колледжа Иисуса матрикулирован 14 декабря 1638 года».

¹⁴ «*Athenae Oxonienses*».

¹⁵ «Стал членом совета упомянутого колледжа» — сказано Вудом, имевшим в виду колледж Иисуса, но это утверждение ошибочно, по мнению Гросарта, который не приводит никаких пояснений. Факт его членства подтверждается Фостером в «*Alumni Oxonienses*» («Выпускники Оксфорда») вслед за Уолкером в «*Sufferings of the Clergy*» («Страданиях духовенства»).

тарных наук¹⁶. Также по-разному исчисляется его возраст ко времени матрикуляции¹⁷: восемнадцать, семнадцать и шестнадцать лет. Последняя цифра взята из университетского регистра, и отсюда следует, что он родился в 1622 году. Датой получения им степени бакалавра является 18 февраля 1640 года, и начиная с этого времени я не нахожу никаких сведений о нём до того момента, когда д-р Мэйнуоринг, епископ из Сент-Дейвидса, посвятил его в духовный сан, после чего его родственник сэр Джордж Воган из Фоллерстоуна, что в Уилтшире, представил его на должность священника в церкви Св. Бригитты¹⁸. И опять вызывает сомнение дата, которая обычно указывается, а именно 1640 год, поскольку она представляется слишком ранней¹⁹. Во всяком случае, именно так он стал священником в своём родном приходе и пребывал в этой должности вплоть до 1649 года, когда был лишён её решением Парламентской комиссии на основании Закона о распространении Евангелия²⁰. Непосредственной причиной послужило, бесспорно, то, что он, вместе с братом, был ярым роялистом. Он ведь и сражался на стороне короля, несмотря на свою пасторскую миссию, однако где и при каких обстоятельствах, мы, вероятно, никогда не узнаем. Но 30 января

¹⁶ Гросарт считает, что он «получил степень магистра гуманитарных наук (М.А.)», но не называет никакого авторитетного источника. Имеется, однако, высказывание Генри Вогана в его письме Джону Обри, уже цитированном: «...он, вероятно, был не ниже магистра гуманитарных наук».

¹⁷ [Матрикуляция (от лат. *matricula* — список) — официальная церемония зачисления в университет.]

¹⁸ [Церковь Св. Бригитты в местечке Ллансантфраед сохранилась до нашего времени, хотя и в перестроенном виде.]

¹⁹ См. Гросарт. *Works of Henry Vaughan*. 1871. Т. II. С. 301.

²⁰ Теофил Джонс говорит: «Он был изгнан проповедниками Евангелия в Уэльсе за пьянство, сквернословие, невоздержанность и за вооружённую поддержку короля». Последнее обвинение подразумевало, видимо, другие деяния.

1649 года Белый король [Карл I Стюарт] был казнён по приговору Верховного суда, и Вуд сообщает, что преданный королю, но изгнанный прочь герой искал тишины Оксфорда для продолжения своих занятий²¹. Он находился попеременно то там, то в Лондоне и — вопреки предполагавшемуся отдохновению — предавался многим занятиям. Самыми значимыми из них были издание в 1650 году первых пяти трактатов, вошедших в два небольших тома форматом в двенадцатую долю листа, и женитьба 28 сентября 1651 года на даме сердца по имени Ребекка — родовое имя неизвестно. В том же году он опубликовал три следующих трактата и ещё один в 1652 году. Одно из его писем, перехваченное службой Терло²², указывает на его присутствие в Ньютоне в начале 1653 года. К сожалению, нет возможности установить имя служаки из Уэйкфилда, подшившего в дело его записную книжку, которая сообщает нам, что он провёл с женой «те славные дни», когда «открылись врата», и он сам себе поверил, что попал в самую глубь царства тайн природы. Следующим важным событием было опубликование в 1655 году его сочинения «Euphrates». Затем был ещё один период безмолвия, но 17 апреля 1658 года, о чём мы узнаём из его собственного свидетельства, умерла Ре-

²¹ «Смутное время препятствовало ему в обретении спокойного места служения — имеется в виду исцеление души — и он оставил это занятие и удалился в Оксфорд, где в мире и покое дал волю своему медицинскому таланту (действуя в достойной его манере) и, в конце концов, стал выдающимся знатоком медицины по части химии в Оксфорде, а потом и в Лондоне»: «Athenae Oxonienses».

²² [Джон Терло (John Thurloe) (1616–1668) — один из организаторов секретной службы Парламента. Будучи на должности главного почтмейстера, организовал при почтовой службе тайную канцелярию для перлюстрации писем. В 1742 году в Лондоне было издано 7-томное собрание перехваченных секретной службой документов. В него вошло и упоминаемое Уэйтом письмо Томаса Вогана кузену Чарльзу Робертсу (A collection of the state papers of John Thurloe. 1742. V. 2. P. 120–121)].

бекка Воган и была похоронена в Мапперзалле [Mappersall]²³, Бедфордшир²⁴. Это было великой печалью его жизни, как видно из личных записей, и с того времени он, по-видимому, был одинок, поскольку нет никаких оснований считать, что в браке был рождён сын, как утверждает некий автор²⁵.

К этому времени Томасу Вогану исполнилось тридцать шесть лет, и посему он ещё не достиг зенита своей жизни; но он исчезает с писательского небосвода, и всё, что мы можем найти о нём, вмещается в несколько строк биографической справки Вуда. Сообщается, что он находился под защитой и покровительством сэра Роберта Марри [Robert Murray], государственного секретаря по делам Шотландии во времена Английской республики²⁶, а также был *persona grata* в период Реставрации в годы правления Карла II. Когда эпидемия чумы 1665 года вынудила королевский Двор выехать из Лондона в Оксфорд, Томас Воган отправился туда же вместе со своим патроном и, спустя недолгое время, поселился у приходского священника в Олбери [Albury], преподобного Сэмюэла Кема²⁷, в доме которого 27 февраля начавшегося года погиб при проведении химических экспериментов. Также говорится, что погребальный обряд был проведён в деревенской церкви в Олбери 1 марта «при заботливом участии вышеупомянутого сэра Роберта

²³ [На современных картах — Меппершолл (Meppershall).]

²⁴ Согласно полученной Чемберсом выписке из Метрической книги Мапперзалля, Ребекка, супруга г-на Вогана, захоронена 26 апреля 1638 года.

²⁵ Словарь национальных биографий (Oxford Dictionary of National Biography). Ст. «Томас Воган».

²⁶ «Athenae Oxonienses».

²⁷ Он выступал на стороне Парламента в дни гражданской войны и был печально известен драками, нравоучительными проповедями и воровством; однако стал ярким монархистом в эпоху Реставрации. Трудно представить себе связь Вогана с этой беспутной фигурой: Словарь национальных биографий. Ст. «Сэмюэл Кем».

Марри»²⁸. Таково авторитетное мнение Вуда, поддержанное Генри Воганом в его элегической эклоге, которая будет процитирована позже. «Заботливое участие» должно было означать нечто большее, чем расходы на похороны, и существует предание, что был воздвигнут памятник. Если дело обстоит таким образом, то все следы его [памятника] исчезли, а в метрических книгах в Олбери нет никакой записи о погребении Вогана. За сим, по-видимому, следует признать, что мы знаем столь много и столь мало об уходе Томаса Вогана, сколь можно было предполагать, исходя из его литературной значимости и известности в тот период²⁹. Его небольшие книжечки интересовали лишь немногих, ведь, как можно определённо утверждать, оккультная философия не вызывала большого интереса в то время. Он подвергался сатирическим нападкам со стороны Сэмюэла Батлера³⁰ в описанном им характере герметического философа³¹

²⁸ Письмо Генри Вогана Джону Обри тем не менее свидетельствует, что его брат умер «на службе Его Высочеству»: «Athenae Oxonienses».

²⁹ В Словаре национальных биографий ошибочно утверждается, что завещание Томаса Вогана хранится в Сомерсет-Хаусе. Это завещание другого человека, носившего такое же имя. Тот был родом из Кропреди в Оксфордшире, а сын Уильям, которому он завещал большую часть своего имущества, был отцом четверых детей ко времени составления завещания, а именно — 17 февраля 1662 (1663 ?) года — тогда как возможным наследникам Томаса Вогана из Ньютона и Ребекки, его жены, было бы к тому времени лишь около десяти лет от роду.

³⁰ [Сэмюэл Батлер (1613–1680) — английский поэт-сатирик.]

³¹ Эта сатира оставалась в рукописях около столетия. Несомненно, Батлер изображал именно Вогана и был знаком с некоторыми из его сочинений. Герметический философ, о котором идёт речь, «восторгался» Корнелием Агриппой, восхвалял Братство Розы и Креста, воевал с богословами-схоластами, отзывался одобрительно о Сендивогии и о книге Жана д'Эспанье «Enchyridion» — всему этому Воган соответствует. См.: The genuine remains... of Mr. Samuel Butler... from the original manuscripts... with notes by R. Thyer. 1759. Т. II. С. 225 и далее («Подлинные памятники Сэмюэла Батлера... из подлинных рукописей... с комментариями Р. Тайера»). Предположение, что Ральф, оруженосец Гудибраса, был также отображением Вогана, не могло быть высказано кем-бы то ни было, кто был знаком с трудами Евгения Филалета, ибо там нет ни малейшего признака сходства.

и — как считают некоторые — также в самом «Гудибрасе»³². Следовательно, среди своих современников он не был, по крайней мере, неизвестен.

Теперь я перехожу к рассмотрению достаточно запутанного вопроса. Томас Воган опубликовал «Aula Lucis», обозначив авторство последними буквами своего имени S.N., тогда как всегда подписывался Евгений Филалет, что и повлекло за собой путаницу в определении явных или предположительных личностей, на которую я надеюсь пролить такой свет, что вопрос этот можно будет считать решённым. В 1667 [?] году — спустя два года после того, как Воган, согласно его жизнеописанию, покинул этот мир, в Амстердаме было издано сочинение, озаглавленное «Introitus apertus ad occlusum regis palatium» [с лат.: Открытый вход в тайный царский чертог], авторство которого приписывается Иринею Филалету [Eirenaeus Philalethes], хотя в книге об авторе сказано: «Anonymo philaletha philosopho» (с лат.: анонимный философ, друг истины), и далее: «Космополит, рождённый в Англии». Издание сразу же обрело известность как трактат безупречного знатока алхимии, дающего исключительно чёткое описание алхимического Великого Делания. На тот момент, могло сложиться мнение, что некий английский автор избрал для себя латынь как средство самовыражения, Европейский континент — местом публикации и псевдоним, напоминающий Евгения Филалета. Все эти обстоятельства, однако, не содержат ничего, что могло бы вызвать интерес. Тем не менее тщательное прочтение труда и анализ обстоятельств, сопровождавших его издание, приковывают

³² [«Гудибрас» («Hudibras») — длинная сатирическая поэма Батлера, перекликающаяся с сюжетом «Дон Кихота» Сервантеса. Пользовалась огромной популярностью в XVII—XVIII веках.]

к себе внимание. Во-первых, он попал в руки «непревзойдённого и весьма осведомлённого в этих материях человека» Лангиуса, ставшего редактором издания и автором предисловия, который сделал такое сообщение об авторе сочинения: «Я знаю не больше, чем он, который в высшей степени несведущ... не знаю даже того, жив ли он до сих пор». Во-вторых, он, по его словам, не имел «подлинного рукописного экземпляра», так что его копия дала повод для всевозможных ошибок³³.

Для рассмотрения следующего важного обстоятельства мы всё-таки должны перейти от предисловия редактора к предисловию автора, которое начинается следующим откровением: «Я, адепт, анонимный философ, друг истины, взялся за написание этого небольшого трактата о лекарственных, химических и физических тайнах в год 1645 от Рождества Христова на двадцать третьем году своей жизни». Его побудительными мотивами могли быть: во-первых, желание вывести сынов Искусства из лабиринта заблуждений и лживых хитросплетений софистов; во-вторых, возможное признание его адептами своей ровней и братом. Если не принимать во внимание эти соображения, остаётся констатировать, что Ириней Филалет, в соответствии с его собственным утверждением, завершил Великое Делание в возрасте двадцати двух лет и что, иными словами, упоминание о нём не появлялось

³³ Предисловие Лангиуса представляет значительный интерес и имеет библиографическое значение. Он со всей остротой подчёркивает, что «Открытый вход» напоминает Сендивогия и его «Новый Свет Алхимии» не только в отношении понятности и искренности, но также и в вопросе стиля. Несомненно и то, что Сендивогий — или Александр Сетон, скрывающийся за ним, — является точной моделью Иринея; кроме того, оба они именовали себя космополитами. [Многие исследователи считают, что автором «Нового Света Алхимии» является не польский алхимик Михаэль Сендивогий, а шотландец Александр Сетон].

в течение двадцати двух лет. Это, несомненно, любопытное совпадение, из которого ничего не следует; но в результате несложных вычислений мы заключаем, что он родился в 1622 году, т.е. в том же, что и Томас Воган, который, если верить записи Оксфордского университета, был принят на учёбу в возрасте шестнадцати лет в 1638 году. Я, конечно, не готов отместить имеющее место совпадение, хотя оно примечательно по существу; однако я должен признать, что, с другой стороны, воображение склонно привести к тому, действительно ли Воган умер в 1665 [?] году, не изменил ли он своего местопребывания, взяв другой псевдоним, что он уже делал однажды³⁴. Определённый налёт фантастичности несёт в себе это суждение, благодаря тому обстоятельству, что ничего не было издано в стиле Иринья Филалета до тех пор, пока Евгений не обрёл упокоения в своей могиле в Олбери, как гласит молва.

Наша следующая задача состоит в том, чтобы установить, проливает ли последующая литературная история двух алхимиков какой-либо свет на этот вопрос, и тут выясняется, что ещё в 1705 году в Гамбурге был опубликован немецкий перевод «Открытого входа» под авторством Томаса де Вагана

³⁴ Генри Воган воспринял факт смерти своего брата с явным пониманием, поскольку возводит его в героя своей элегической эклоги, озаглавленной «Дафнис», где он отмечает «нашу долгую скорбь и его мирно длящийся сон». В следующих строках, несомненно, слышатся нотки идентичности:

Да будет имя Дафниса в анналы занесённым,
Во дни торжеств воспетым и славой осенённым.
И пусть смиренный Айсис и горделивый Темз-Отец
Несут следы его во струях своих божественных сердец,
Извечной славой этой непреложно
Марри благородному обязаны они.
Но только здесь его сияют звёзды,
Что первыми светили на его пути —
намёк на Аск и его окрестности.

[Thomas de Vagan]³⁵. С тех пор путаница в отношении двух алхимиков проявлялась почти как неизбежность до тех пор, пока в 1888 году — после блуждания по ложным тропам имеющейся на сегодня библиографии — мои старания не внесли ясность в этот вопрос³⁶. Но в некоторых отношениях она сохраняется и поныне. Далее следует, что совпадение по времени рождения подтверждается изначальным отождествлением, которое, вполне возможно, возникло из-за схожести псевдонимов³⁷, но, безусловно, не по причине совпадения как такового, о чём никому на континенте не могло быть известно. Впоследствии оно закрепилось в Англии в результате перемещения данных от одного писателя к другому.

Переходя к вопросу о том, подтверждается ли факт отождествления или может считаться допустимым, мы оказываемся перед данностью, что, за исключением некоторых метрических экзерсисов, относящихся к юному возрасту, Воган не писал на латыни. То, что он мог написать на этом языке,

³⁵ Чемберс утверждает, что Йенское издание «Открытого входа» на латинском языке, опубликованное в 1699 году, содержит предисловие Г.В. Веделя, который называет автора *Thomas de Vagan* — более ранняя по времени атрибуция, но он не смог установить её подлинность. Однако в настоящее время в Британском музее хранится экземпляр, и я имел возможность решить эту задачу. Вывод, сделанный Веделем в конце семнадцатого века, зиждется на компетентном мнении Г. Хорна, издававшего труды Гебера. На титульной странице «*Abyssus Alchemiae*» приведены сведения о Вогане как об английском адепте, при этом краткое предисловие переводчика не содержит никаких подробностей о нём. Нигде не всплывает присущий Томасу Вогану псевдоним, как и псевдоним Ириной Филалет.

³⁶ Жизнь алхимических философов. С. 187–200.

³⁷ Словарь национальных биографий утверждает, что Ириной Филалет использовал имя Евгений как псевдоним «по крайней мере, в одном случае». К сожалению, этот случай не обозначен, но я несколько не сомневаюсь, что в этом утверждении заложена существенная ошибка. Ссылка может иметь отношение к «Краткой естественной истории» Евгения Филалета 1669 года. Есть два момента в отношении этого трактата, которые не вызывают сомнений: во-первых, автор не Томас Воган и, во-вторых, автор не Ириной.

не вызывает сомнений, если бы в этом возникла необходимость или служило для решения какой-либо определённой задачи, но феномен «Открытого входа» на упомянутом языке не может, на первый взгляд, служить поводом для положительного ответа. Как бы то ни было, вся история этого трактата любопытна. Я упоминал уже, что Лангиус занимался поисками более подходящего текста, чем тот, который он был вынужден опубликовать, будучи глубоко убеждённым в его исключительной важности. Спустя два года после опубликования в Амстердаме, то есть в 1669 году, с предисловием, датированным 9 августа 1668 года, в Лондоне появилось — к тому же на английском языке — издание «Открытого входа» под редакцией Уильяма Купера, именовавшего себя «истинным Приверженцем Искусства и Природы». Существует гипотеза, согласно которой оно не является переводом текста³⁸ Лангиуса, но характеризуется как «подлинный рукописный экземпляр, который Джон Лангиус так жаждал заполучить». Он, как утверждается, находился у издателя в течение «многих лет до публикации на латинском языке». Более того, читателю предлагается отметить «значительные расширенные толкования и пояснения, в которых латинский перевод не является полным». Я сверил эти изменения и, по крайней мере, некоторые из них представляются важными для текста.

³⁸ Лангле дю Френуа (Lenglet du Fresnoy) по-своему интерпретирует куперовское заглавие на латыни и считает его переводчиком. Однако английское название в полном виде таково: Явленные тайны, или Открытый вход в тайные палаты Короля. Содержит Величайшее Сокровище Химии, никогда прежде не явленное столь откровенно. Сочинение знаменитейшего англичанина, именующего себя Анонимом, или Иринеем Филалетом Космополитом, который благодаря Вдохновению и Знанию получил Камень Философов, будучи двадцати трёх лет от роду в году 1645 от Рождества Христова. Издано для пользы всех англичан У.К. (W.C.), эсквайром.

Затруднительно утверждать с уверенностью, и я излагаю суть вопроса в порядке рабочей гипотезы, но в целом я склоняюсь к выводу, что Уильям Купер действительно хранил у себя английский вариант, каким бы путём он ни заполучил его. Это одна из тайн Иринейя. Купер не претендует на обладание авторским оригиналом рукописи, но, по-видимому, считает его вероятным списком с него «весьма незначительно искажённым». В таком случае «Открытый вход» был первоначально написан на английском языке. Но этому я обязан противопоставить тот факт, что в своём предисловии к «Рипли Возрождённому» Иринейей Филалет уточняет, что он писал его на латыни. Он упоминает различные трактаты, приводя в большинстве случаев заглавия, в том числе «один на английском языке, весьма откровенный, но не завершённый». К сожалению, он не попал мне в руки; будет жаль, если он выйдет в свет за границей. Далее он называет «Brevis Manuductio» и «Fons Chymicæ Veritatis», которые он решил не публиковать. Затем он добавляет: «Два других трактата на латинском языке, один, озаглавленный «Ars Metallorum Metamorphoses», другой — «Introitus Apertus ad Occlusum Palatium», написаны мною в последнее время»³⁹. Это, очевидно, представляется решающим аргументом в данном вопросе, но из этого не следует, что Купер представил версию, переведённую с латинского языка. Рукописи Иринейя, по-видимому, рассеяны по разным местам, а «Открытый вход» был написан за двадцать два года до того, как был издан в Германии. Следовательно, английский перевод вполне правдоподобен и, кроме Купера, им обладал Хорн — также в рукописной форме. Как бы то ни было,

³⁹ Он также говорит о двух утерянных поэмах на английском языке — «Enchyridion» и «Diurnal».

ничто не говорит в пользу вариантов с латыни, особенно в тех случаях, когда они представляются важными. Эти обстоятельства и рассуждения не имеют значения для любого издания в отношении тождества Ириней и Евгения, но они существенны с точки зрения библиографии. Решению вопроса различия или тождества может, по моему мнению, способствовать обращение к документальным материалам, а также подход к их интерпретации и отсылка к личностному аспекту. Я изложил последовательно и беспристрастно всё, что может быть сказано в поддержку отождествления двух писателей, и, может показаться, что исследование ничего не выявило, кроме сходства возраста. Этой ловушке для излишне доверчивых мы должны противопоставить следующие факты:

1) Ни в один период своей жизни, тем более в начале литературной деятельности, Томас Воган не заявляет, что завершил Великое Делание. Напротив, он говорит, что не достиг цели в работе над металлами и — даже с его собственной точки зрения — не знаком с тем, что называется Перво-материей, когда опубликовал свои первые два текста. Отсюда следует, что он, предположительно, занимал позицию, весьма отличную от позиции Ириней, который в свои двадцать три года объявил, что может извлекать из неё золото и серебро⁴⁰. «Явления, с которыми мы сталкиваемся, — поясняет он, — о которых мы говорим и которые создаём, которыми мы владеем и о которых знаем, — об этих вещах мы заявляем»⁴¹.

⁴⁰ Он говорит, что «ключ ко всему в Меркурии», Философском, а не обычном. Это хаос, который «является матерью всем металлам» и, «исходя из этого, я знаю, как получить всевозможные вещи, даже Солнце и Луну, без преобразующего Эликсира»: Открытый вход. Гл. 1, 2.

⁴¹ Там же. Гл. 13.

2) Воган, в свою очередь, был мыслителем космического плана, хранившим в памяти всевозможного рода доктрины и учения о сотворении мира, о первобытном состоянии человека, о его грехопадении и искуплении, как это освещают каббалистические и другие оккультные теософские учения, о которых Ириней, очевидно, ничего не знал.

3) Личностные качества этих двух людей полярно несхожи: валлийский мистик был пылким влюблённым в Природу, человеком тонко чувствующим, с живым воображением, истинным поэтом своего времени, выразителем определённого направления, в то время как его сонаследник в сфере герметической традиции был решительным, практичным, совсем не ощущавшим волнующей и умиротворяющей красоты окружающего мира и вряд ли был человеком гуманистического склада.

4) Личность Иринея никогда не проявлялась физически⁴², и продолжают жить лишь сложившиеся в поколениях толки относительно его жизни, за одним важным исключением. Что касается меня, я считаю, что он, по всей видимости, побывал у Джорджа Старки в Америке до 1654 года⁴³. Иными

⁴² В одном из хранящихся в Британском музее экземпляров «The Marrow of Alchemy» («Основ Алхимии»), напечатанных в 1654 году, имеется старинного вида рукописная помета, сообщающая, что настоящее имя Иринея было Чайлд [Childe]. Мне не удалось проследить происхождение этой информации. «Suggestive Inquiry» г-жи Этвуд на с. 51 последнего издания утверждает, что автором «Открытого входа» был Александр Сетон, а на с. 61 опровергает это утверждение, внося определённую путаницу.

⁴³ Джордж Старки родился на Бермудских островах, в 1646 году окончил Харви-колледж, занимался врачебной практикой в Америке и до наступления 1654 года — точная дата приезда не установлена — прибыл в Англию, где опубликовал «The Marrow of Alchemy» за авторством Иринея Филопона Филалета. В своём первом предисловии к изданию он подробно описывает знакомство с учеником истинного Иринея и перечисляет большую часть сочинений последнего за тринадцать лет до того, как первое из них вышло в свет в Германии. Он утверждает, что получил их на время от ученика Мастера. А ещё он утверждает, что тот, отвечая на настойчивую просьбу последнего, написал «Brevis manuctio ad

словами, его отождествляли с тем «чужестранцем в простой домотканой одежде», который «внешне напоминал уроженца

campum sophicum» — трактат, озаглавленный «Elenchus errorum in arte chemicâ deviantium», и, наконец, «The Marrow of Alchemy». Опираясь на все эти рукописи, Старки говорит, что он «разгадал тайну Меркурия и с её помощью тайну Первого Белого Вещества». Он также выразил надежду, что в скором времени ему предстоит познать Красное, но учитель пока ещё не обучил его этому, поскольку период его обета — данного Иринею Филалету — не истёк. В I части «The Marrow Alchemy» якобы Иринею Филопон, выдавая себя за ученика, повествует о своих приключениях и неудачах в познании Великого Делания и описывает адепта, которому обязан всем. Этот персонаж имеет все признаки Иринея Филалета, при этом молва считает, что он выходец из старинного и знатного английского рода, что «ему около тридцати трёх лет» и что он гражданин мира и в данный момент путешествует по свету. По серьёзном размышлении я пришёл к заключению: 1) что предполагаемый ученик Иринея есть плод фантазии Старки; 2) что по причине запрета, наложенного «анонимным адептом», или по причине, известной Старки, он утаил таким манером своё знакомство с великим алхимиком; 3) что или «Основы» были его собственным творением, или он вставил в него раздел, содержащий рассказ о Филопоне, который, фактически, является его собственной историей. В поэме нет ничего, что делало бы предисловие к биографическому повествованию хоть в малейшей степени правдоподобным или необходимым: напротив, оно нарушает связность. Поэма представляется едва ли достойной высокой репутации как герметическое произведение, но в целом второе предположение кажется более вероятным. Во всяком случае, Уильям Купер оставил без внимания рассказ Старки об ученике, когда готовил к изданию «Рипли Возрождённого». Остаётся лишь добавить, что Старки умер от чумы в 1665 году в Лондоне, предположительно, и Томас Воган скончался в это время. Драгоценные рукописи Филалета, которые Старки лицезрел и изучал, начали публиковаться спустя два года в Германии, за исключением «Рипли Возрождённого», который появился в Лондоне в 1678 году. В двух случаях публикации были подготовлены издателями за границей, в то время как Уильям Купер взял на себя труд подготовить английское издание и, предположительно, другой текст, оказавшийся в его распоряжении. По всей видимости, нет ничего изданного при участии самого автора, и Чемберс говорит, что «не может быть, чтобы он пережил Томаса Вогана». Реплика ничем не спровоцирована, поскольку нет доказательств того, что он [Филалет ?] был жив после 1654 года, когда Старки впервые объявил, что такой человек бывал повсюду в мире и достиг больших успехов в алхимии. Из предисловия к «Рипли» явствует, что Филалет обрёл знание из книг, а не от Мастера, как утверждает Старки. Оттуда же следует, что к 1645 году он написал пять, если не больше, трактатов — его сведения сформулированы нечётко — выдающийся результат для юноши двадцати двух лет, не говоря о научных исследованиях и достижениях, предполагаемых в этой связи.

INTROITUS APERTUS
A D
OCCLUSUM REGIS
PALATIUM;

AUTORE
ANONYMO PHILALETHA
PHILOSOPHO.
Thom: de Vagan.
*In gratiam Artis Chymice Filiorum nunc
primum publicatus,*

Curante
JOANNE LANGIO.

AMSTELODAMI,

Apud JOANNEM JANSSONIUM à WAESBERGE,

На обложке экземпляра первого (1667 года) издания «Introitus apertus ad occlusum regis palatium» («Открытый вход в тайный царский чертог»), хранящегося в Мюнхенской государственной библиотеке, чьей-то рукой начертано: «Thom: de Vagan» (Томас Воган). Написавший это, в отличие от многих, не сомневался относительно авторства книги.

Северной Голландии» и который заезжал к Джону Фредерику Гельвецию в Гаагу 27 декабря 1666 года, чтобы утвердить правомочность алхимии и предъявить Камень Философов⁴⁴. Необходимо также отметить, что в 1668 году, когда Даниель Эльзевир опубликовал в Амстердаме трактат «The Preparation of Sophic Mercury» [«Изготовление Философского Меркурия»], он был представлен как американский алхимик. Если верить этим утверждениям — каждому из них или одному — становится очевидным, что жизнь Иринейя Филалета была полной противоположностью жизни Томаса Вогана, чьи странствия ограничивались Уэльсом, Лондоном и Оксфордом⁴⁵.

5) Но бесспорным и решающим моментом является вопрос впечатления от текста с литературной точки зрения. Проявление этого дара определённо свидетельствует о том, что книги, подписанные именем Евгений, не принадлежат руке, написавшей «Открытый вход» и создавшей «Рипли Возрождённого». Это тот вопрос, который всецело пребывает за

⁴⁴ См. «Vitulus Aureus» 1667 года. Сюжет, которого я касаюсь, вошёл в третью главу, и прибывшему гостю было, как говорят, сорок три или сорок четыре года, и примерно таков же был возраст Иринейя в том году. Гость предъявил шкатулку слоновой кости, «в которой находились три больших куска некоего вещества, напоминавшего по виду стекло или тусклую серу, и сообщил мне, что его достаточно для получения двадцати тонн золота». Своим знанием он был обязан Мастеру, который останавливался на несколько дней в его доме и обучил его «этому Божественному Искусству» — что, как видно, противоречит рассказу Иринейя. Гельвеций признаётся, что когда держал в руках эту субстанцию, он отколупал ногтем несколько частичек, но они превратили графит в стекло, а не в золото. Позднее он отметил этот факт при следующей встрече со своим гостем и услышал в ответ, что ему следовало обработать пустую породу слоем жёлтого воска перед превращением её в металл. В итоге умелец вручил Гельвецию ещё одну частичку вещества вместе с наставлением, следуя которому, он позднее успешно превратил шесть драм графита в золото высочайшей пробы, когда-либо попадавшее в руки некоего ювелира, к которому оно было доставлено для проверки.

⁴⁵ Гросарт выдвигает как возможное предположение, что он мог посетить Эдинбург, воспользовавшись своим знакомством с Марри, но это чистый домысел.

пределами предмета споров и остаётся для тех, кто может понимать, — имеются в виду те, кто наделён здравым смыслом. Это должно стать конечным пунктом для них, если они пребывают в великих трудах, сравнивая тексты, равно как и для меня. Я завершаю выводом, что Томас Воган не был Иринеем Филалетом, кем бы последний ни был, и что они слились в одну личность исключительно по причине смешения псевдонимов.

В Англии имя Томаса Вогана было вскоре забыто, а в Европе оно оставалось известным, главным образом благодаря его отождествлению с Филалетом Космополитом. Достойная репутация «Открытого входа» возвеличивала его автора и придавала ему романтический ореол. Томас Воган Силурист подчёркнуто отрицает свою связь с каким бы то ни было розенкрейцерским Братством; а Томас де Ваган, английский адепт и предполагаемый автор труда «*Abyssus Alchimiae Exploratus*», добился успеха в нахождении эликсира жизни и был секретным Императором Невидимого Братства. Когда Лео Таксиль в наши дни создавал Диану Воган как главную героиню в «*Luciferian Palladism*», прообразом ей послужил Томас Воган, автор «Открытого входа» и руководитель розенкрейцеров⁴⁶.

⁴⁶ Будет достаточным отослать моих читателей к изданию «*Devilworship in France*» («Культ сатаны во Франции»), который я имел возможность опубликовать в 1896 году, для получения представления о заговоре Таксиля против масонства. См. главу, озаглавленную *Diana Unveiled* — «Диана разоблачённая». Лео Таксиль отодвинул дату рождения Томаса Вогана на 1612 год и представил его как человека, которого ввёл в Братство розенкрейцеров Роберт Фладд в 1636 году. В 1644 году он [якобы] председательствовал на собрании розенкрейцеров, где присутствовал Элиас Эшмол. «Открытый вход» он написал в 1645 году. В 1654 году он стал Гроссмейстером Ордена Розы и Креста, который поклонялся Люциферу как достойному божеству, и в 1678 году был взят в царство Люцифера / *the paradise of Lucifer*. В наше время эти измышления не заслуживают времени и усилий, но Лео Таксиль ещё не разыграл последних сцен своей достопамятной комедии, когда Чемберс опубликовал сочинения Генри Вогана, и уделил много места этой теме в своём втором томе.

Пожалуй, стоит добавить, что в теософских кругах Томас Воган считается Мастером, но это то звание, которое каждый из нас волен понимать по-своему. Я, со своей стороны, считаю, что он имел целью адепство, но не существует никаких письменных свидетельств и намёков на то, что он достиг его.

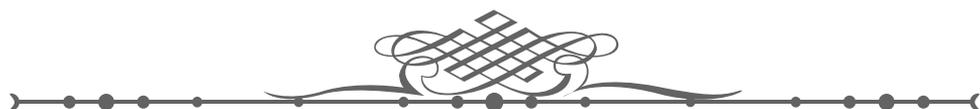
Хотя Евгений Филалет предстаёт перед нами прежде всего как оккультный и мистический писатель⁴⁷, с нашей стороны будет ошибкой оставить без внимания литературный аспект его писаний не в связи с теми достижениями, которыми они отмечены, но в связи с теми амбициями, с которыми они ассоциируются. Я оставляю в стороне его латинские экзерсисы, хотя — как сказал бы Олоферн — они свидетельствуют о гладкости стиля и, более того, их хвалили за утончённость. В лучшем случае, в них видна увлечённость. Но если его рвение не занесло его на тропы Тайной Традиции, я полагаю, что память о нём вполне может сохраняться среди нас как об авторе стихов на английском языке, поскольку в этой сфере он пошёл дальше. Его ритмизованные отрывки свидетельствуют о большом таланте. Он следовал примеру брата, и не важно, достигал ли он бóльших высот, чем те, которые рождались как свободные проявления совершенного мастерства Генри Вогана.

Остаётся сказать, что при подготовке отдельных текстов для настоящего издания я столкнулся с особым рода

⁴⁷ Для библиографии будет уместным упомянуть, что в 1888 году я издал *Anthroposophia Theomagica, Anima Magica Abscondita, Magia Adamica* и *Coelum Terrae* под общим заглавием «The Magical Writings» — «Магические Писания» Томаса Вогана. Моё заявление о том, что я обнаружил бесценную записную книжку Вогана, помещено там. В 1910 году я издал «Lumen de Lumine» с предисловием, ссылка на этот счёт имеется в другом месте. «Euphrates» вышел в свет в 1893 году в серии, озаглавленной «Collectanea Hermetica», и был издан с примечаниями, составленными мисс Флоренс Фарр, то есть S.S.D.D.

трудностями в отношении греческих и латинских цитат. Я имею в виду даже не прямое искажение содержания греческих цитат, но, во-первых, предельно трудную сверку в обоих случаях вследствие нечёткого характера сносок, если сноски вообще имеются; а во-вторых, чрезвычайной важности обстоятельство, открывшееся мне, когда в отношении определённой части цитат было, в итоге, достоверно установлено, что Томас Воган слишком часто цитировал по памяти, передавая общий смысл высказывания и отступая от дословного соответствия.

Артур Эдвард Уэйт

**Anthroposophia
Theomagica,
или
Беседа о природе
человека и его
посмертном состоянии**

SCHOLÆ MAGICÆ TYPVS.

Ro Vaughan sculp:

Прославленным и воистину возрождённым
братьям Розы и Креста¹,
старейшим из избранных
и мирным апостолам Церкви в сей бурный век —
приветствие из средоточия мира!

Поскольку известно, что свобода Вышнего алтаря дарована одному лишь первосвященнику, сие дерзкое предложение может показаться вам святотатством. Ведь и благочестие имеет свои пределы. Приближающиеся непозванными могут быть заподозрены скорее в самонадеянности, нежели в преданности, и подобные были давно осмеяны поэтами в *гигантомахии*², [ибо] пытались взять небо приступом. Столь же неразумны искры, мнящие себя звёздами и приравненные [некоторыми] к солнцу. Да будет чуждо Евгению подобное высокомерие и честолюбие. Воистину, это значило бы громоздить Пелион на Оссу³. Благородные братья, я стою в Саду Храма, и подношение моё не на алтаре, но смиренно положено на порог. Если моя лепта вознадобится, то желаю поднести вам такие дары, которые для будущих веков и поколений уподобятся свиткам Арпы. Не думайте, что я отчаялся. Быть может, в отдалённые дни появятся оценивающие мою лучину не хуже светочей Тосканы. И воистину, я — спутник Цицерона, ибо

¹ [Так именовались члены ордена розенкрейцеров — тайного мистического братства, основанного предположительно в Германии в период позднего Средневековья. Его полулегендарным основателем был Христиан Розенкрейц. Эмблема братства — роза, распускающаяся на кресте.]

² [Гигантомахия — битва олимпийских богов с гигантами. Ход битвы описан Аполлодором, события гигантомахии описали Гомер, Гигин и Павсаний.]

³ [Выражение «громоздить Пелион на Оссу» происходит из «Одиссеи» Гомера и означает — тратить огромные силы ради малозначительного результата.]

целью нашего труда является равная, непреходящая слава. Я странствовал подобно пчёлам — но не пчёлам Квинтилиана⁴, что летают по отравленному полю, — пробуя небесные цветы, чья сладость происходит с благоухающих вершин. Если здесь есть мёд, то я ставлю пред вами соты и улей. Но розы обыкновенно пачкаются, побывав у многих на груди; быть может, и эта горсть [цветов] не чиста, ибо собрана мною. Примем, что все ошибки — от Евгения, а остальное — истинно. Но что толку в этом свидетеле истины для вас, прямодушных, которые словно в открытой книге видят троичные письма Духа, Воды и Крови? Это — не глас помощи, а, скорее, бессмыслица. Мудр тот, кто хранит молчание пред очами небес. Примите же, прославленные братья, мою скромную лепту не как то, чем я готов поделиться, а как всё, что имею. Моя добрая воля — в моей готовности к служению. И скудость моя молит: примите во внимание не сам дар, а покорность

Вашего слуги
Евгения Филалета.
Оксфорд, 1648

Автор — читателю

Я взираю на эту жизнь как на путешествие царственной сущности: душа просто покидает свой двор, чтобы осмотреть страну. Небеса хранят в себе образ земли, и если бы они довольствовались одной лишь идеей, то не отправились бы в странствие за пределы известных земель. Но превосход-

⁴ [Марк Фабий Квинтилиан (около 35 — около 96) — римский ритор. Речь идёт о его труде «Пчёлы бедняка».]

ные прообразы восхваляют подражателей [mimes]: Природа, столь прекрасная в [исходном] типе, не может быть небрежной в анаглифе. Это заставляет её приблизиться, чтобы рассмотреть слепок при помощи стекла; но, изучая его гармоничность, она формирует её. Так её творение сообщается с собственным первообразом [original]. Господь, влюблённый в свою красоту, создаёт стекло, чтобы увидеть её отражение. Но, поскольку хрупкость материи противоречит вечности, эта форма обречена на распад. Невежество назвало сие освобождение смертью, но в действительности это — рождение души и привилегия, способствующая её освобождению. У души есть несколько путей разрушить свой дом, но лучший — безболезненный. Это — её мистическая прогулка, выход лишь для того, чтобы вернуться. Если душа выходит через эту дверь, то без какого-либо вреда для собственной обители⁵.

Маги сообщили мне, что душа выходит одним способом, а входит другим⁶. Некоторые, проверив это, именуют сие растратой воздействий [influences], словно душа являет своё величие через глаза или каким-то образом проявляется через поры. Но это значит оценивать суждения магов методами лёгкой,

⁵ В начале литературного поприща Томас Воган находился под сильным влиянием трудов Корнелия Агриппы, и в особенности его «De Occulta Philosophia» в трёх книгах. Он много почерпнул из этого источника, но предмет Агриппы претерпел у Вогана значительное изменение. Вышеприведённый текст содержит аллюзию на мистическое состояние метафорической смерти, являющейся порогом единства. Существует немало физических аналогий, в том числе в рамках состояний, относящихся к патологии. Есть также мысленные способы, очень важные в своём роде. Ссылаясь на Цицерона, Корнелий Агриппа упоминает «высшую ступень совершенства в созерцании», на которой душа познаёт все вещи в свете идей («Об оккультной философии». Кн. III). В русле Платона и его школы он говорит о «восхождении к мысленной жизни» и достижении «начального единства» (Там же). Как будет показано далее, это — мысленная реализация, но истинное достижение — в любви.

⁶ Одно из каббалистических положений Пико делла Мирандола в большом манускрипте, опубликованном Архангели де Бургоново в книге «Apologia pro Defensione Doctrinae Cabalae», 1564.

поверхностной критики обычной философии. Ныне — век мыслительного рабства: если они [философы] встретят что-то необычное, то обыкновенно упрощают его при помощи отличительных признаков или замарывают глоссами, пока не приведут в соответствие традиции Аристотеля. Последователи философа настолько уверены в его принципах, что тшятся не понять то, что говорят другие, а заставить их говорить привычное для себя. Так и в Природе, и в религии: мы до сих пор толкуем о стародавних элементах, но не ищем Америку, которая сокрыта за ними. Апостол велит нам отойти от первичных принципов учения Христа и следовать к совершенству, не закладывая в основание сожаления о прошедших делах; [он говорит] о верности Господу; о значении крещения и возложении рук; о воскресении и суде вечном. Также он говорит о просветлении, о вкушении небесного дара, о причастности к Святому Духу, о восприятии благого слова Господня и силах будущего века⁷. А если я обращаюсь к какой-либо секте — ведь в христианстве нет единства — с вопросом, куда направляют сии указания, то они лишь вернут меня к основам познания или предложат пустую имитацию духа. Наши натурфилософы весьма схожи с теми, кто присваивает себе привилегии пророков и предвосхищает обстоятельства и развитие событий. Их заключения так же обоснованны, как если бы я, увидев за упражнениями какого-нибудь шведа, объяснял бы его намерения на основании поз. Брат Бэкон прогуливался в Оксфорде между двумя звонницами, но тот, кто толковал бы его мысли на основании его шагов, стал бы скорее его шутком, чем собратом⁸.

⁷ См.: Евр 6:1–5. [Здесь и далее цитаты из Библии приводятся в синодальном переводе.]

⁸ Хотя речь идёт о Роджере Бэконе, примечание Вогана относится к труду «*Sylva Sylvarum*», «Естественной истории» Фрэнсиса [Бэкона], лорда Верулама, который в конце главы «*Century III*» делает несколько замечаний об «упражнении тела».

Перипатетики, определяя душу или какой-либо низший принцип, описывают её посредством одних лишь внешних признаков, что может сделать любой ребёнок; но они ничего не говорят о сути. Таким образом, они остаются лицом к лицу [с проблемой], их попытки — не более чем внешние касания, а их осведомлённость в Природе — неглубокая. Невзирая на это, я признаю оригинальность схоластов: они считают свои принципы нерегулярными и предписывают правила для метода, хотя им [схоластам] не хватает содержания [matter]. Их философия подобна церкви, которая содержит только дисциплину и никакого учения; ибо, если отбросить их пролегомены, их форму спора, их цитаты различных мнений и прочие отступления, то субстанции этих *Tostati*⁹ едва хватит для Меркурия¹⁰. Кроме того, их Аристотель — это поэт, пишущий прозой; его принципы — всего лишь фантазии, которые зиждутся больше на наших уступках, нежели на возведённой им основе. Вот почему его последователи, даже имея за спиной помощь стольких веков, не в силах извлечь из него ничего, кроме категорий; и эти категории они, как — по словам самого Аристотеля — делал Ликофрон¹¹ со своим эпитетами, употребляют не как приправу, а как само кушанье¹². Их сочинения — не более, чем извержение терминов. Интереснее [чтения] сцен сражений в «Дон Кихоте» наблюдать, как они ломают копыя из-за Аристотеля. Один считает, что

⁹ В средневековой латыни слово *tostatus* означало «жареный».

¹⁰ [Издатель не ставит перед собой задачу толкования герметической терминологии, но берёт на себя труд привести термины (Меркурий, Меркурий Философов, Философский Меркурий, Сульфур и т.д.) в том виде, в каком они применены в тексте оригинала.]

¹¹ Ликофрон (320-е годы до н. э. — середина III века до н. э.) — греческий поэт и драматург, был известен своим «тёмным» стилем.

¹² [Аристотель. Риторика. Пер. Н. Платоновой/Античные риторики. М., 1978. Кн. III. Гл. 3.]

тот изрекает разумные вещи, другой — наоборот, а третий [приписывает ему] и то, и другое. Фома Аквинский слегка касается его¹³, Скот¹⁴ заставляет его отшатнуться, и его, словно обезьянку, обучили нескольким фокусам. Если мы взглянем на его противников, то наименьший из них способен одолеть его; Телезий¹⁵ оглушил его, а Кампанелла¹⁶ привёл в полное замешательство. Но череп этого дерзкого любителя зрелищ приобрёл такую прочность благодаря [подобным] упражнениям, что об него разбились все черепки, которые в него швыряли, так что этот Аристотель вышел невредимым из всех потасовок, и мир его превозносит, тогда как истина — низвергает.

Перипатетики взирают на Бога как на плотника, строящего из камня и дерева и не вдыхающего жизнь [в своё создание]. Но мир — сие Божие творение — преисполнен духа, он жив и подвижен. Этот дух является причиной размножения, постоянного воспроизводства минералов, растений и живых

¹³ Не следует полагать, будто Фома Аквинский был безусловно согласен с Аристотелем или любым другим «языческим философом», но Аристотель был интеллектуальным мастером не только для великого Ангела схоластики [Фомы Аквинского], но и для всех схоластов. Когда настало время бунта против схоластической философии, многие мыслители пожелали сбросить иго Стагерита. Воган, утверждая, что перипатетики ничего не говорят по сути о душе и духовных принципах, выражает чувства всех бунтовщиков, всех тех, кто знал Платона и его последователей. В частности, он следовал путём философов-окультистов, а его непосредственным предшественником в Англии был Роберт Фладд.

¹⁴ Если имеется в виду Скот Эриугена, то не лишним будет вспомнить, что о нём высоко отзывается католический представитель мистицизма Й. Гёррес, поскольку Эриугене удалось сочетать диалектику Платона с логикой Аристотеля. См.: Görres J. Die christliche Mystik. B. I. S. 243. [Иоанн Скот Эриугена (Эригена) (около 810–877) — ирландский философ, богослов, поэт и переводчик.]

¹⁵ Бернардино Телезио (1509–1588) написал «De rerum Natura» в 1565 году и том философских трактатов. Его труды были помещены в список запрещённых книг, так как он опровергал доктрину Аристотеля, во всяком случае, так утверждают.

¹⁶ Кампанелла — монах-доминиканец, автор «Города Солнца», утопии об идеальной общине. Он выступал в защиту Телезио, долгое время провёл в тюрьме.

сущестъ, порождаемого разложением [элементов], и всё это служит очевидным и безошибочным доказательством жизни. Кроме того, структура Вселенной ясно обнаруживает её одухотворённость. Земля, которая есть видимая, естественная основа её, представляет собой грубую, плотскую часть. Стихия воды соответствует крови, ибо в ней бьётся пульс Великого Мира: большая часть людей именуется его приливом и отливом, не ведая истинной причины. Воздух — это внешний освежающий дух, которым сие огромное существо дышит, хоть и незримо, но всё-таки осязаемо. Межзвёздные небеса образуют его жизненные, эфирные воды, а звёзды — его животный, чувственный огонь¹⁷. Быть может, вы возразите: «Это — новая философия, а аристотелевская — старая». Верно, но лишь в той мере, насколько верно, будто религия укоренена в Риме. Это не первичная истина творения и не древняя, подлинная теософия евреев и египтян, а некий противоестественный конструкт, извержения Аристотеля, которые его последователи с таким усердием слизывают и проглатывают. Здесь я предлагаю вам не шумное препирательство с их учителем, но чёткое изложение принципов, как я нахожу их в Природе. Я могу сказать о них то же, что Моисей сказал о Сотворении: «Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо»¹⁸. Это — вещи за пределами суждения: разумные, практические истины, а не пустые фантазии и блуждания рассудка. Я не хочу, чтоб вы сочли мои старания намерением уловить тебя в сети. Я стремлюсь не к завоеванию, но к упражнению вашего ума, и не для того,

¹⁷ Ср. Агриппа: согласно его утверждению, поскольку небесные тела оказывают бесспорное воздействие на явления более низкого порядка, их следует считать одушевлёнными: «Таким образом, вся философия подтверждает, что мир имеет душу, и эта душа разумна». — Агриппа. Об оккультной философии. Кн. II.

¹⁸ Быт 2:4.

чтобы вы покорно следовали моим велениям, но сравнили мои умозаключения с природой и проверили их [взаимное] соответствие. Прошу вас не забывать, что упрямство порабощает душу и обрезает крылья, которые Господь дал ей для полёта и открытий. Если вы не пожелаете отказаться от своего Аристотеля, то пусть никакое предубеждение не воспрепятствует вашим дальнейшим исканиям. Велико число тех, быть может, достиг бы совершенства, если бы не считал себя уже совершенным. Таков мой совет; но насколько вы воспримете его, мне неизвестно. Если вы вздумаете брыкаться и отмахиваться, то я скажу вслед за кардиналом: «Мой осёл также веселится». В этот век истина считается почти заблуждением, и мне достаточно того, что в нужный день я зашёл ради неё так далеко.

Anthroposophia Theomagica

Когда я обнаружил ту истину, что человек изначально был ветвью, укоренённой в Господе, и постоянное истечение [influx] происходило от ствола к побегу, то был весьма обеспокоен его [побега] порчей и спросил себя, почему его плоды не соответствуют корням. Однако когда я узнал, что он [человек] вкусил с другого дерева, восхищение быстро покинуло меня, и главной моей заботой стало [размышление], как привести его к изначальной простоте и отделить добро от зла. Но Падение так повредило его лучшую часть, что в душе у него не осталось знания, которое могло бы научить его излечению. Возмездие последовало немедленно за прегрешением: «все вещи были сокрыты, и забывчивость, мать неведения, воцарилась»¹⁹.

¹⁹ Корнелий Агриппа. О тщете и ненадёжности наук и искусств, а также о превосходстве Слова Божия.

Сия Лета укоренилась не только в его теле, но, соединившись с его природой, проложила себе русло в его потомстве. Несовершенство — лёгкое наследие, тогда как добродетель редко находит преемников. Изначально человек, как и любая душа перед воплощением, обладает отчётливым знанием метода²⁰; но стоит душе облечься в плоть, как свобода утрачена, и не остаётся ничего, кроме общего, смутного представления о творении. Так остались у меня лишь способность без сил и стремление свершить то, что намного превосходило мои возможности. В таком смущении я изучил несколько искусств и проковылял по всем тем выдумкам, которые человеческое неразумие именует науками. Но, поскольку сии попытки не годились для моей цели, я оставил эти книжные занятия и решил, что лучшим путём будет изучение Природы, а не мнения [о ней]. Вслед за тем я рассудил, что человек является не изначально, непосредственным творением Господа, но [творением] мира, из которого он создан²¹. И чтобы упорядочить свои изыскания в отношении метода, я счёл разумным изучить вначале его [мира] принципы, а не его самого. Однако, поскольку целый мир слишком велик для исследования, я решил взять часть вместо целого и сделать предположение о целом на основе соотношения. Чтобы улучшить сей труд, я взял для своей задачи плоды одной весны. Я наблюдал великое множество растений, свежих и прекрасных в своё время;

²⁰ Поскольку, согласно Агриппе, душа в концепции платонизма является: а) Божественным светом; б) происходит непосредственно от Бога; в) изначально рациональна. «Отчётливое знание метода» соответствует «рациональному числу» Агриппы. — Агриппа. Об оккультной философии. Кн. III.

²¹ Это мнение Агриппы, цитирующего некоторых — не упомянутых им — богословов: согласно им, Бог — главный творец мира, но не творец собственно человеческого тела (т.е. первого человека). В создании его Он участвовал опосредованно, с действенной помощью небесных духов. — Агриппа. Об оккультной философии. Кн. I.

но, взглянув на их прообраз [original], я не обнаружил ничего такого, что напоминало бы растение. Это наблюдение я применил к миру и посредством его заключил, что вначале мир был не таким, каким он является ныне, но каким-то иным семенем или материей, из которого и произошло то строение [fabric], которое я ныне созерцаю. Но, не останавливаясь на этом, продолжал свои рассуждения. Я заключил, что те семена, из которых происходят растения, вначале должны быть чем-то отличным от [иных] семян, заключая в себе некую первичную [preexistent] материю, из которой они созданы; но что это за материя, не мог себе представить. Здесь я был вынужден оставить размышления и перейти к опыту. В поисках мира я вышел за его пределы и теперь искал субстанцию, которую нельзя увидеть без [особого] искусства. Непостижимым образом природа скрывает её в своём чреве и не открывает никому, кроме своего жизненного, небесного дыхания. Но поскольку Всемогущий Господь — единственная истинная, непосредственная Действующая Сила [Agent], движущая этой Материей, как в процессе создания [сущего], так и — некогда — при сотворении Им [мира], то весьма уместно сказать что-нибудь о Нём, дабы мы могли познать Причину по Его творениям, а творения — по их Причине.

Господь, Ты жизнь моя, и Твою сущность человек
Познать иль изучить не в силах никогда,
Но если к Твоему Двору прибудет гость,
Чьи мысли хуже, чем слова такие:
Когда припомню все свои блужданья,
Мне кажется, что возносить молитву — дерзость.
Как смею, грешный, к небесам взывать
И слуху Твоему без страха докучать?

Но так же, как смотрю я на кротов,
Что в тёмных норах прячутся, чтоб строить
Темницы мрачные, их обновлять,
Разбрасывая землю вокруг, чтоб воздуха набрать,
Взгляни и Ты на скованную душу — ей
Бороться нужно с бременем страстей;
Внемли её мольбе и луч зари Твоей
Направь частице заточённой.
Пускай в оковах и чрез грязь свою,
Узрит она престол Твой и Тебя.
Господь, из мрачной ночи выведи её
И вновь произнеси: «Да будет Свет».

Вот достоверная истина самого Господа. «В начале», т.е. среди того мёртвого безмолвия, в той ужасной и пустой тьме, когда ничто ещё не приобрело форму, рёк Господь: «Я помыслил, и сотворено было всё Мною одним, а не чрез кого-либо иного; от Меня также последует и конец, а не от кого-либо иного»²². То, что размышление предшествует всякому возвышенному труду, так хорошо известно людям, что этому не требуется какого-либо иного доказательства, за исключением собственной практики. То, что в Боге также есть что-то подобное, — на основании чего люди создали привычное представление о нём, весьма приятное для ума, — вполне годится для Провидения. «Боги, — говорит Ямвлих, — задумывают всё творение внутри себя, прежде чем породить его». А Святой Дух²³ возвестил Ездры: «Тогда я задумал всё это». [Таким образом] вначале он их задумал, а затем создал. Господь

²² 3 Езд 6:6. В своих трудах Воган цитирует 2-ю и 3-ю книги Ездры и «Премудрости Соломона» как канонические.

²³ На самом деле с Ездрой беседовал ангел Уриэль, но в данном случае он говорил от лица Всевышнего. См.: 3 Езд 4:1, также 5:15, 31.

в своём вечном размышлении [idea] предусмотрел [и] то, материального отображения чего пока не существует. Благость и красота первого [т.е. архетипа] побудили его создать второе [т.е. отражение], и, воистину, образ этого архетипа, будучи воплощён в отражении, внушил Ему такую любовь к Его творению, что, когда грех обезобразил последнее, Он восстановил его за счёт страданий прообраза, по которому отражение и было вначале создано. Дионисий Ареопагит, живший во времена древних христиан²⁴ и восприявший Божественные таинства от самих апостолов, иногда именует Бога-Отца «сокровенной Божественностью»²⁵, иногда «сверхсущественной неопределённостью», а в другом месте сравнивает Его с корнями, цветы которых суть Сын и Дух²⁶. Это верно, ибо Бог-Отец есть основа, или сверхприродный фундамент Его творений; Бог-Сын — прообраз, по чьему отчётливому образу те [творения] были созданы; а Бог-Святой Дух — Дух-Создатель, или Действующая Сила, оформившая творение в строгой симметрии относительно своего Типа. Это помышление, или Тип, Господь с тех самых пор использовал для трудов низшего порядка. Так, при основании храма Своего он призвал Моисея на гору, где Божий Дух (Divine Spirit) вложил в него

²⁴ Историческое место трудов [псевдо-] Дионисия Ареопагита должно было быть известно Вогану, хотя бы благодаря аргументам Скалигера. Воган, однако, не был критическим схоластом и заслуживает, скорее, противоположной характеристики. В свете последних исследований наиболее вероятно среднее между крайними датами, но мнение, что тексты Дионисия действительно принадлежат к периоду древнего христианства, в настоящее время можно встретить только у некоторых апологетов католической церкви. См. сочинение кардинала Мерсье «Manual of Modern Scholastic Philosophy» [с англ. «Руководство по современной схоластической философии»].

²⁵ [О Божественных именах. Гл. I, 1/Дионисий Ареопагит. Антология. Восточные отцы и учителя Церкви V века//Изд-во МФТИ, 2000.]

²⁶ Там же. Гл. II, 7. [...Если так можно выразиться: побеги... своего рода цветы, или сверхсущественные цветы.]

идею грядущего строения. «И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; всё, как Я показываю тебе, и образец скинии, и образец всех сосудов её; так и сделайте»²⁷. Так Божий Разум наставляет нас, «производя идеи, словно при расширении за пределы самого Себя», а временами, отдельным людям, во сне. Навуходоносору Он явил дерево, большое и крепкое, достигающее неба, «и оно видимо было до краёв всей земли»²⁸. Фараону Он показал семь зёрен пшеницы. Иосифу предстал в виде снопов, а затем принял образ солнца, луны и звёзд. Итак, Он может показаться в любом обличьи, ибо в Нём — бесчисленные, вечные архетипы, и он — истинный источник и кладезь [всех] форм.

Но обратимся наконец к нашему предмету: Бог-Отец есть метафизическое, сверхнебесное Солнце, Бог-Сын — Свет, а Святой Дух — пламенная любовь²⁹ или Божественный жар, исходящий от обоих. Итак, без присутствия сего Жара невозможно воспринять Свет и, следовательно, нет истечения [influx] от Отца Света. Любовь эта есть средство, которое соединяет Любящего с объектом любви, и, возможно, она и есть платоновский «верховный даймон, соединяющий нас с Высшими Духами»³⁰. Я мог бы сказать неизмеримо больше о проявлениях этого Любящего Духа, но те [проявления] суть «великая тайна Бога и Природы», и здесь приличествует не столько рассуждение, сколько почтение. Я могу упомянуть

²⁷ Исх 25: 8–9.

²⁸ Дан 4:8.

²⁹ В ортодоксальной теологии Святой Дух рассматривается как узы любви между Отцом и Сыном. Так же и в Троице внутри человека желание образует связь между разумом и волей. Наконец, при великом достижении любовь есть цепь союза между душой и Христом-Духом.

³⁰ Концепцию любви как союз между мирами внутри и снаружи [человека] Вогана можно сравнить с идеями ранних английских мистиков Ричарда Ролла из Хэмпола и Юлианы Норвичской.

здесь и о том сверхприродном творении, о котором Трисмегист³¹ [сообщает]: «Монада зачинает монаду и отражает на саму себя свой жар». Но сие я предоставлю Всемогущему Господу как его сущностную, главную тайну. Моё единственное намерение здесь — рассмотреть внешние действия или движение Троицы от центра к периферии; и, чтобы достичь этого наилучшим образом, вам надлежит понять, что Бог до Сотворения был свёрнут и сжат в самом себе. Применительно к этому состоянию египтяне именуют его одиночной монадой, а каббалисты — тёмным алефом; но когда настал предуказанный миг творения, появился светлый алеф³², и первой эманацией стала эманация Святого Духа во чрево материи. Потому сказано: «...и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»³³. Можно заметить, что, несмотря на сие действие [process] Святого Духа, света ещё не существовало, но [была] тьма над бездною, а свет стал деянием Бога-Сына. Ибо, когда материя была подготовлена Любовью к [приятию] Света, Бог изрёк: «Да будет Свет», что было не творением, как полагает большинство, но эманацией Слова, в котором была жизнь, и та жизнь была светом человека. О нём св. Иоанн говорит: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла

³¹ [Гермес Трисмегист — в христианской традиции — вымышленный автор теософского учения (герметизм), излагаемого в известных под его именем книгах и отдельных отрывках.]

³² Буква «алеф», иначе говоря, является первым путём проявления Божественного. Она соединяется с Кетер, наивысшим венцом, как тот соединяется с Аин Соф, бездонной пропастью божественного принципа в непроявленном состоянии. Здесь Бог называется «тёмным алефом» в том смысле, что он предшествует творению. Светлый алеф — это первый путь, упомянутый мной, и он объединяет Кетер с Хохмой, наивысшей Мудростью, в древе сфирот. Но алеф является также доктриной, тёмной в смысле её тайного значения и светлой ввиду открытости её смысла. Но и тьма, и свет являются таинством любви, и их лучше описать как свет сокрытый и свет явленный.

³³ Быт 1:2.

его»³⁴. Но, дабы не показаться странным в [своём мнении об] этом предмете, я предоставлю дополнительные доказательства. Поймандр, просвещая Трисмегиста о сотворении, говорит ему то же самое: «Это я, Ум, твой Бог, который предшествует влажной Природе, вышедшей из мрака»³⁵. А Георгий Венетий³⁶ в своей книге «De Harmonia Mundi» [«О гармонии мира»] утверждает: «Всё, что живёт, поддерживает своё существование благодаря внутреннему жару. Следовательно, эта субстанция жара, неравномерно распределённая в мире, должна содержать в себе жизненную силу. Воистину, Зороастр свидетельствовал, что все вещи созданы из единого огня, а именно того огня, которому Господь, пребывающий в огненной сущности — как сказано у Платона, — предопределил пронизать элементы земли и неба, в то время созданной грубой и бесформенной, чтобы [после] принять форму и жизнь. После чего Создатель тотчас возгласил: «Да будет Свет» [Sit Lux], что в неверном переводе превратилось в «Да будет создан Свет» [Fiat Lux]. Ведь Свет никоим образом не создаётся, но передаётся и сообщается вещам, прежде тёмным, дабы формы их могли быть освещены и прославлены».

³⁴ Ин 1:5.

³⁵ Гермес Трисмегист. Поймандр. Гл. I, 6. [Цитируется по изданию: Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада/Сост., коммент., пер. К. Богуцкого. К.: Ирис; М.: Алетейа, 1998.] Мне неизвестно, чьим латинским переводом пользовался Воган. Он отличается от перевода, приведённого параллельно с греческим текстом в труде калабрийского францисканца Ганнибала Россели «Divinus Pymander Hermetis Mercurii Trismegisti, cum commentariis R. P. F.» — подлинного кладезя ортодоксальной теософии в шести томах, инфолио.

³⁶ [Франческо Джорджи (Francesco Giorgi Veneto) (1466–1540), францисканский монах, в работах которого каббале отводится центральное место и впервые обильно цитируется текст основного произведения каббалистической литературы «Зохар» («Сефер ха-зохар» — «Книга сияния»), являющегося мистическим комментарием к Торе.]

Но продолжим: как только Божественный Свет проник в чрево материи, так идея, или прообраз всего материального мира, возник в тех первобытных водах, словно отражение в стекле. И этим прообразом Святой Дух оформил и вылепил структуру Вселенной. Сия тайна, или образование идеи, превосходно проявляется при магическом анализе тел. Ибо тот, кому ведомо, как воспроизвести первичный химический состав [proto-chemistry] Духа за счёт разделения принципов, в коих заключена жизнь, опытным путём может увидеть её отпечаток на внешних природных одеяниях³⁷. Но, дабы вы не сочли сие моей выдумкой, а не практической истиной, приведу ещё одно человеческое свидетельство. «Я хотел бы знать, — сказал некто, — будет ли кто-нибудь из великих философов утверждать, будто он наблюдал растение, рождающееся в один миг в стеклянном фиале, с окраской, как в жизни, [будто он] видел смерть этого растения и его возрождение, и так каждый день, когда бы ему ни пожелалось? Но власть вводить в заблуждение человеческие чувства, как мне представляется, входит в магическое искусство демонов». Это слова д-ра Марци в его труде «Defensio Idearum Operatricium»³⁸. Должно предупредить вас, что [сия] идея двоична — Божественное и природное. Природное — это неистовый, невидимый, сотворённый дух, собственно — всего лишь приложение, или покров истинного Единого³⁹. Поэтому платоники называют его нимбом нисходящего Божественного принципа. Зороастр

³⁷ Этот символический образ далёк от собственного значения фразы, а способ выражения сбивает с толку. Предположительно, смысл таков: душа восходит к единству со своим прообразом в Божестве путём освобождения от поработающих принципов.

³⁸ [Марци (Марци из Кронланда) Йоханнес Маркус (1595–1667) — чешский учёный. Открыл явление дисперсии света на 20 лет раньше Ньютона.]

³⁹ Слово используется в метафизическом смысле.

и некоторые другие философы полагают, что это — Душа Мира, но, с их позволения, они ошибаются. Различие между Душой и Духом велико⁴⁰. Но идея, о которой я сейчас говорю, является истинной, изначальной [primitive], образцовой — чистым воздействием Всемогущего. Сия идея до преобразования [coagulation] зародышевых принципов в огромное внешнее строение — что есть завершение творения — запечатлевает в жизненных, небесных принципах модель, или прообраз, в соответствии с коим должно быть устроено тело, и это есть первое, внутреннее, создание, или набросок творения. На это Божий Дух указывает нам в Писании, где Он говорит, что Бог создал «и всякий полевой кустарник, которого ещё не было на земле, и всякую полевую траву, которая ещё не росла...»⁴¹. Но, невзирая на такое присутствие идеи в Материи, создание всё же не произошло путём «проекции чего-то из сущности идеи», ибо Господь охватывает Своё творение, но не творение — Господа.

До сих пор я рассматривал сию изначальную, сверхприродную часть творения. Должен признать, что сказал слишком мало в сравнении с тем, что могло бы быть сказано; но я уверен, что это — более, чем было открыто прежде, ибо многие авторы не проникли столь глубоко в средоточие Природы, а другие не пожелали предавать бумаге такие тайны Духа⁴². Теперь я обращусь к главному труду, или механике Духа, а именно отделению нескольких субстанций от единой массы. Но прежде я изучу тот лимб, или массу материи, в котором столь непостижимо заключались все вещи. По мнению

⁴⁰ Ср. Anima и Animus, как эти понятия использовали некоторые мистики.

⁴¹ Быт 2:5.

⁴² Следует сказать, что в изысканиях Вогана нет ничего особенно нового, и они представляют собой сочетание каббалистической и платонической философии.

некоторых мужей, в том числе учёных, сей косный, пустой зачаток творения не относится к тому, что было сотворено. Вынужден признаться, что этот вопрос столь же тёмный, как и само явление, и изложить его вразумительно едва ли возможно — разве что [подобный] толкователь был бы просветлён тем же светом, которым изначально был просветлён сей хаос. Ведь разве способны мы судить о природе, отличной от нашей, вид которой к тому же столь далёк от всего существующего ныне, что даже воображению невозможно его постичь, тем паче разуму — определить? Если сия [масса] была сотворена, то я полагаю это результатом Божественного Воображения, действующего за своими пределами в созерцании того, чему предстояло появиться, и созидающего эту пассивную тьму для [некоего] предмета, работа над которым должна протекать на периферии. Трисмегист, который первым выразил своё видение света, так описывает материю в её изначальном состоянии: «Вскоре после этого спустилась тьма, жуткая и мрачная, завивавшаяся в спирали, подобно змеям, как мне показалось. Затем эта тьма превратилась в нечто влажной природы, бурлящее невыразимым образом, изрыгающее дым, как от огня, и издающее какой-то звук, скорбный, неопишуемый рёв»⁴³. Нет сомнения, что эта *tenebrae* [с лат.: тьма], о которой он ведёт речь, или покрытое сажей порождение Природы, была сотворена Материей вначале, ибо вода, о которой мы читаем в книге Бытия, являлась продуктом, или вторичной субстанцией⁴⁴. Здесь, очевидно, он тоже не противоречит Моисеевой традиции. Ибо этот «дым», извергнутый после превращения, не может быть ничем иным, как тьмой над бездною.

⁴³ Гермес Трисмегист. Поймандр. Гл. I, 4.

⁴⁴ Этот аргумент демонстрирует бессмысленность попытки примирить разные космогонические представления.

Но, дабы осознать точный способ или путь творения, вам надлежит понять, что в Материи присутствовало ужасающее, беспорядочное возмущение, или одуряющий дух влаги, холода и тьмы. [Тогда как] в противоположном принципе — свете — был жар и его следствие — сухость. Эти два [качества] не являются качествами элементов, как полагают последователи Галена и перипатетики. Но они, если можно так выразиться, суть рúки Божественного Духа, посредством которых он работал над Материей, прилагая каждую силу [agent] по назначению. Сии два качества активны и относятся к мужскому началу; тогда как влага и холод пассивны и принадлежат к женскому началу. Итак, когда Святой Дух и Слово, — ибо действовало не что-то одно, но оба: «Творящий Разум неразделим со Словом»⁴⁵, как сказано у Трисмегиста, но я опущу те слова «Создадим человека», которые действительно доказывают их союз в сотворении, — принялись вместе воздействовать на Материю, из её лона была извлечена тонкая, духовная, возвышенная субстанция, которая, приняв частицу жара и света, стала чистым, подлинным, неопалющим огнём. Из него состоят тела ангелов, а также небеса эмпирея, где обитают мысленные сущности. Это был «первозданный брак Господа и Природы», первое и лучшее из сочетаний. Сей экстракт, будучи, таким образом, помещён сверху и отделён от массы [материи], удержал в себе большую долю света и лишил солнца первый день. Но величие Слова, изгоняющего тьму вниз, сделало так, что она стала более густой [settled] и плотной к центру и породила ужасную, непроглядную ночь. Таким образом,

⁴⁵ Трисмегист. Поймандр. Гл. I, 5. Согласно «Зохару» Шекина являлась архитектором миров, действуя посредством Слова, произнесённого Богом при Творении, и это Слово соединилось с Духом. Однако весьма сложно отделить Шекину от Слова Каббалы. В *Хохме* Слово называется также Сыном, а в *Бине* Шекина — дочерью. См. мой труд «Secret Doctrine in Israel» [«Тайное учение Израиля»].

Господь, как описывается у иудеев, пребывал между светом и тьмою, ибо Дух ещё оставался на лике нижней части, дабы извлечь из неё то, что осталось. При втором отделении был извлечён «тонкий воздух» — как его называет Трисмегист — [т.е.] дух, не столь очищенный, как первый, но исполненный жизненной силы и следующий за тем [первичным]. Он был извлечён в таком избытке, что наполнил всё пространство от массы [материи] до небес эмпирея, под которыми он сгустился в воду, но иной природы, а не [обычной водной] стихии; и это есть плоть межзвёздного неба. Но мои перипатетики, следуя принципам Аристотеля и Птолемея, вообразили там столько колёс с уменьшающимися эпициклами, что превратили то стройное здание [fabric] в шумный, запутанный лабиринт⁴⁶.

Низшая часть этого второго экстракта, [исходившего] с луны на землю, так и осталась воздухом, отчасти для разделения низших и вышних вод, но главным образом — для дыхания и питания существ. Это то, что, собственно, и называется небесной твердью, как явствует из Ездры: «Во второй день сотворил Ты дух тверди...»⁴⁷, ибо это — «узы всей Природы», и по внешней геометрической структуре он [воздух] соответствует «срединной субстанции», ибо рассеян по всем явлениям, препятствует пустоте и поддерживает все части Природы в твёрдом, нерасторжимом единстве. Это — «сито Природы», как кто-то удачно назвал его, то, что предназначено для самых сокрытых и таинственных свершений;

⁴⁶ [Воган не подозревал, что иронизирует над одной из самых гениальных догадок древних учёных. Её авторство обычно связывают с великим древнегреческим математиком Аполлонием Пергским (262 до н. э. — 190 до н. э.). Клавдий Птолемей построил наиболее совершенную геоцентрическую теорию движения Солнца, Луны и планет в рамках модели эпициклов. Ясное математическое обоснование этой модели впервые было дано в работах великого французского математика и физика Жана Батиста Жозефа Фурье (1768–1830).]

⁴⁷ 3 Езд 6:41.

но мы обратимся к нему позже, когда будем рассматривать сами стихии. Итак, теперь остаются всего два низших принципа — как мы обычно называем их — земля и вода. Земля была нечистой, сернистой осевшей массой, или *мёртвой главо́й* [*caput mortuum*] Творения. Вода также была недвижимой, грубой и *лишённой содержания* [*raco*], и не столь жизненной, как прежние извлечения. Но Божественный дух, дабы придать совершенство своему труду, воспарил над ними, сообщая им жизнь и жар, и приготовил их к будущему порождению. Земля была так залита и скрыта водой, что ни частицы её не было видно. Но дабы сделать её более открытой для небесных воздействий, кои являются причиной произрастания [растительности], Дух повелевает водам отступить и нарушает ради них свой «предначертанный план» и ставит им «запоры и ворота»⁴⁸.

До сих пор свет не был ограничен [пределами], но, — сохраняя обширность течения и первозданную свободу, — в одинаковой мере владел всем творением. На четвёртый день он был собран в солнце и познал свой источник. Тьма, порождающая разложение и, следовательно, гибель творения, была заточена в середине, но и поныне вырывается с уходом дня, и словно недоумевающий великан высовывает голову из дверей в отсутствие своего соперника. Таким образом, Природа — это женщина, лицо которой прекрасно, но не без изъяна. Как бы то ни было, когда Господь соизволит более совершенно очистить Свои создания, этот налёт будет удалён с них⁴⁹, и тогда тьма станет внешней — да охранит нас от неё милосердный Господь.

⁴⁸ Иов 38:10.

⁴⁹ Предположительно, в период, который в «Зохаре» именуется Днём Мессии, Днём Вечного мира и Субботом Творения.

Итак, я дал вам беглый и сжатый обзор всего творения. Пора перейти к более пристальному исследованию Природы, особенно её низших, стихийных частей, чрез которые человек проходит ежедневно и от которых он не может быть отделён. На этом я намеревался закончить, дабы не допустить в будущем окриков; ибо, если перипатетик находит здесь всего три, точнее, два подлинных элемента — землю и воду, т.к. воздух — это нечто большее, то разве не возопит он, обвиняя меня в кощунстве по отношению к Природе, ибо я похитил огонь с её алтаря?! Воистину, это [мои] придирки, но до тех пор, пока те [перипатетики] парят в облаках и находят любимого ими идола неподалеку от луны, я не прекращаю своих упрёков. Это не праздное предположение: я уверен, что в Природе нет такого принципа. Огонь, который она использует, — это «материальный и нематериальный горизонт, узы любого мира и символ Святого Духа»⁵⁰. Это — не химера и не умозрительная причуда, как было у схоластов. Потому я предлагаю своим друзьям-перипатетикам вернуть их четвёртый элемент Аристотелю: пусть он поднесёт его Александру Великому в качестве первого элемента нового мира, ибо в [нашем] старом мире такого элемента нет.

Но продолжим: земля, как уже было сказано, будучи осадком или остатком той первичной массы [материи], которую Господь произвёл из тьмы, должна была быть грязным, нечистым телом; ибо извлечения, произведённые Божественным Духом, были чистыми, маслянистыми [oleous], эфирными субстанциями, тогда как грубые, недвижимые, неувоенные соки [humours] остались в середине, подобно осадкам. Земля — рыхлая, вязкая и магнетическая, с неопределённой структу-

⁵⁰ Воган часто забывает упомянуть цитируемых авторов, и в подобных случаях идентифицировать его источники почти невозможно.

рой — более всего пригодна, чтобы принимать многообразные воздействия жары, дождя и росы для питания и сохранения её продуктов. В ней главным образом пребывает та форма, которая притягивает и принимает семя из мужской части мира. Она — Этна Природы: здесь упражняется Вулкан, [но] не тот хромец, создание поэтов, обязанный хромотой своему падению, а чистый, небесный, пластичный огонь. Здесь нам подвластна астрономия; звёзды пребывают с нами, а также множество самоцветов. Она [земля] — кормилица и вместилище всех вещей, ибо высшие начала [natures] поглощаются ею; то, что она получает в этом веке, она открывает в последующем и, подобно верному казначею, не утаивает ни одной подробности из своих счетов. Её собственное, присущее ей качество, — холод.

Теперь перейдём к воде. Это — первая стихия, о которой мы читаем в Писании, самый древний из принципов и мать всего видимого⁵¹. Без её посредства земля не способна принять никакой благодати, ибо влага есть истинная причина смешивания и слияния. Вода имеет несколько аспектов, что отвечает нескольким путям творения. Здесь, внизу, а также на краю всего сущего, она изменчива, груба и пуста. По этой причине Природа не делает её частью своих резервов [provisions], но вначале улучшает, выдыхая вместе со своим жаром и сгущая затем в дождь и росу, и в таком состоянии использует её для питания. Где-то она — внутренняя, жизненная и небесная, испытывающая Дыхание Первичной Действующей силы и волнуемая духовными, вечными ветрами. В этом состоянии она [подобна] баловню Природы — *faemi-na satacissima*, как её называли. Это — та самая Психея

⁵¹ Автор полагает, что это так, хотя в тексте «Бытия» сотворение неба и земли предшествует сотворению воды. Существование земли, очевидно, постулировалось и предполагало существование воды, которая её покрывала.

Апулея⁵², а огонь Природы — её Купидон. Тот, кто видел их на одном ложе, признает, что любовь правит всем. Но вернёмся к нашей обычной, элементной воде: она не обязательно презренна. Она скрывает в себе сокровища, но настолько заколдованные, что мы не можем увидеть их, хотя сосуд так прозрачен. «Сгущённый дух невидимой воды лучше, чем вся суша», — считает благородный и учёный Сендивогий⁵³. Я не хочу, чтобы читатель принял это за утверждение, будто из морской воды можно извлечь Венеру [т.е. любовь], но я советую ему изучить воду, дабы познать огонь.

Итак, я рассмотрел два элемента, и больше я найти не могу. Мне известно, что перипатетики говорят о четырёх и даже, — обращаясь к квинтэссенции своего учителя, — о пятом принципе. Я без труда могу сократить их число, но то, о чём сейчас пойдёт речь, — воздух. Это не элемент, а некий удивительный гермафродит, соединитель двух миров и смесь крайностей. Он — общее место Природы, её указатель, где можно найти всё, что она совершила или собирается совершить. Он — славословие мирам; здесь встречается движение обоих небесных тел [globes], и я могу наречь его *свиданием*. В нём — бесчисленные магические формы людей и животных, рыб и птиц, деревьев, трав и всех ползучих тварей⁵⁴. Это — «океан невидимых вещей», ибо все образы «в лоне высшей

⁵² Бремя доказательства лежит на тех, кто, подобно Вогану, утверждает или предполагает, что легенда о Купидоне и Психее имеет космический смысл. Согласно интерпретации Пернети, Психея — символ Меркуриальной Воды, а Купидон — символ огненной, неподвижной земли; но всё это — фантазии.

⁵³ Найти точную цитату в труде «Novum Lumen Chemicum» мне не удалось; но там речь идёт о воде, которая не увлажняет рук и более ценна, чем что-либо в мире. [Михаил Сендивогий (Михаэл Сенджимир) (1566–1646) — польский алхимик.]

⁵⁴ Элементы у Вогана — это не мнимые элементы в прежней физике, что очевидно явствует из других текстов. Его воздух как вместительница форм напоминает звёздный свет Парацельса и Элифаса Леви, что соответствует памяти Природы.

Природы» оборачиваются в сию тончайшую ткань [tiffany], прежде чем погрузиться в оболочку. Он удерживает типы всего сущего и является непосредственным обиталищем духов после кончины, откуда они направляются в высший лимб⁵⁵. Я бы удивил читателя, если бы назвал некоторые задачи сего тела [т.е. воздуха]; но это — потайная дверь мага, и никто, кроме друзей, не должен ею пользоваться. Больше я не скажу ничего, добавлю только: воздух есть «тело жизни нашего чувственного духа», наше животное масло, топливо для жизненного, чувственного огня, без которого мы не просуществоем и минуты.

Я приближаюсь к четвёртой и последней субстанции, высшей *на лестнице* Природы. Это не пятый принцип, не квинтэссенция, как мнил Аристотель, но Всемогущий Господь. Сия четвёртая эссенция [essence] представляет собой влажный, беззвучный огонь. Огонь этот пронизывает всё сущее в мире, он — колесница Природы. В ней она восседает, и когда она [Природа] движется, то движется и колесница; а когда она останавливается, то останавливается и колесница, словно колёса в «Иезекииле», движимые духом. Это — маска и покров Всемогущего: там, где он [находится], его сопровождает сей огненный ореол. Так он явился Моисею в кусте, охваченном пламенем. Пророк увидел, как Он разразился [бурей] на севере, но [был], словно пламень, охватывающий сам себя⁵⁶.

⁵⁵ Это выражение не из алхимии. Природный лимб представляет собой ту первозданную материю, которая ещё не была разделена на четыре элемента (См.: Пернети. Dictionnaire Mytho-Hermétique). Но Руланд, утверждающий, что следует Парацельсу, именует лимб «универсальным миром», в его понимании состоящим из четырёх элементов. См.: «Lexicon Alchemiae». Далее Воган говорит о лимбе духов, сфере чистого огня под Престолом Господа.

⁵⁶ Книга пророка Иезекииля 1:4, согласно версии в маргиналиях в Библии короля Якова. В Вульгате — *ignis involvens*, этому соответствует и основной текст Библии короля Якова: «fire infolding gives itself». [Русский синодальный перевод: «свет пламени из середины огня».]

На горе Хорив [Синай] его сопровождает бурный ветер; но вслед за тем появляется огонь, а вместе с ним — тихий поначалу голос. Ездра также именуется Богом, чья свита [office] сведуща в ветре и огне. Сей пламень — одеяние Божественного Величия, Его внешний покров, который он явил Моисею; но его обнажённая, царственная сущность не способна ни видеть, ни слышать. Величие Его присутствия может поглотить обычного человека и превратить его в чистого духом. Потому после общения с Ним лик Моисея сиял, и, руководствуясь сим кратким указанием, мы можем угадать свои будущие дома при воскрешении [regeneration]. Но я коснулся покрыва [тайны] и должен вернуться во внешний двор Святилища⁵⁷.

Итак, в некоторой мере я исполнил то, что обещал вначале: поведал о мире и его составляющих. Но, ведомый приверженностью к истине и желая ей господства, буду чуть более конкретен в изучении Природы и займусь дальнейшим открытием её богатств. Советую читателю быть усердным и любознательным [при чтении] сей части моего рассуждения, дабы, постигнув однажды основы науки, он лучше понял её надстройку. Знай же, что каждый элемент троичен, и эта троичность есть отчётливый образ Создателя и печать, которую Он наложил на Свои творения. Нет ничего на земле, — сколь примитивно, низко и презренно ни казалось бы оно человеку, — что не несло бы на себе печати Господа: даже та непостижимая тайна — Его Единство и Троичность. Любое возможное соединение — это три в одном и одно в трёх. Даже низшая рептилия своей внешней симметрией свидетельствует о сво-

⁵⁷ Как будто Воган знал, что в грёзах духовной алхимии истинный Сын Солнца представляет собой человека в «архиестественном», преображённом состоянии, явленном на горе Фавор как тайна Святого Святых, в сравнении с чем его собственная оккультная физика и космология являются лишь преддверием.

ём Создателе, ибо её пропорции отвечают их извечному, высшему архетипу. Итак, человек пользуется всеми этими созданиями, поскольку Господь наделил его живым хранилищем [форм], где он может применить себя. Но он, презрев труды своего Творца, принялся изобретать творение, поглощать извержения Аристотеля и прочих неграмотных язычников — мужей, которые, что касается веры, лишены спасения, а в [знании] закона Природы — не кто иные, как несведущие, небрежные, кощунственные безбожники; «чьи души» — как сказано у Агриппы — «расстроены и смущены созерцанием inferнальных божеств и вниманием им». Они весьма обеспокоены этими тайнами Троицы и Воплощения: один их отрицает, другой признаёт; но если бы однажды узрели свет Природы, то открыли бы эти Тайны посредством разума, что пока превосходит их веру.

Говоря о естественной троичности, я подразумеваю не кухонные предметы, те три «горшечных» принципа: воду, масло и землю. Нет, я говорю о небесных, сокрытых началах⁵⁸ [natures], известных только абсолютным магам, чей взор устремлён в центр, а не на периферию; и в этом смысле каждый элемент троичен. Например, существует троичная земля: во-первых, есть земля элементов, затем земля небесная и, наконец, земля духовная⁵⁹. Воздействия духовной земли при посредстве небесной объединяются в земной и являются истинной причиной жизни и роста. Сии три [принципа] суть основы Наук и Природы. Первый есть видимая, осязаемая

⁵⁸ Аналогией в нашем земном мире будут ум, эмоции и воля, и существует также их небесная ипостась, достижимая в святости.

⁵⁹ T.e. Terra elementaris [земля элементов], Terra caelestis [земля небесная] и Terra spiritualis [земля духовная], последняя является и Terra viventium [землей истинно Сущего].

субстанция, чистая, устойчивая и нетленная; её качество — холод, но при приложении высшей действующей силы она становится сухой и, следовательно, годится в качестве сосуда для влаги. Это — сотворённый *алеф*⁶⁰, истинная адамическая земля⁶¹, основа любого строения на небе и на земле. Она соответствует Богу-Отцу, являясь природным фундаментом творения, ибо Он — сверхприроден. Без неё ничто в магии не может быть совершённым. Второй принцип есть непогрешимый магнит, Тайна Единства. Посредством него может быть привлечено всё сущее, как физическое, так и метафизическое, как бы ни было велико расстояние [между ними]. Это — лестница Иакова: без неё нет ни восхождения, ни нисхождения, как в отношении влияния [свыше], так и в личном отношении⁶². Отсутствие сего я считаю той пропастью между Авраамом и Дивом. Он соответствует Богу-Сыну, ибо служит посредником между противоположностями и обеспечивает связь высшего с низшим. Но ни один из десяти тысяч не знает ни субстанции, ни назначения этой природы. Третий принцип, строго говоря, не является принципом: это не «откуда», а «посредством чего всё возникло». Он может создать всё во всём, и его способности не поддаются описанию. Он соответствует Святому Духу, ибо среди всего сущего в природе он — единственная Действующая Сила и мастер.

⁶⁰ *Aleph creatum* [сотворённый алеф]. Предположительно является *Aleph parvum* [малым алефом], что есть Малкут — Царство, или проявленный мир в состоянии совершенства, предшествующем появлению Змея. *Aleph parvum* среди видимых вещей является аналогией *Aleph magnum* [большого алефа] вещей сокрытых, который есть *Keter* — Корона.

⁶¹ *Terra Adama* — разумная, духовная земля, из которой был создан первый человек (См.: «Зохар»). На ней был построен и Храм в Сионе. Это красная с прожилками земля, напоминающая гранат.

⁶² Восхождение по Древу жизни в Каббале и нисхождение по нему милости. Сказано, что в мыслях Израиль поднялся к *Хохме* — Мудрости.

Итак, тот, кто в совершенстве изучил эти три [принципа] в их различных степенях и связях, отличных не сутью, но характером; тот, кто способен свести их примеси к чистой, однородной консистенции, а всё их многообразие — к духовной, сущностной простоте, тот есть абсолютный, полноценный маг, способный творить необыкновенные чудеса без каких бы то ни было ограничений. Далее вам надлежит понять, что каждый элемент двояк. Эта двойственность или неопределённость есть та *двоичность*, о которой Агриппа [ведёт речь] в труде «In Scalis Numerorum»⁶³, а также в переписке с Тритемием⁶⁴. Прочие авторы, занимавшиеся этой наукой, были назойливыми писаками, и не проникли в сию загадку Теней. Это — то, в чём творение отклоняется от истины и отходит от первоначального гармоничного единства. Потому следует вычесть диаду, и тогда магическая триада может быть сведена «тетрадой в очень простую монаду» и, следовательно, «в метафизический союз с Высшей Монадой».

Солнце и луна суть два магических принципа — один активный, другой пассивный; первый — мужской, второй — женский. Как движутся они, так же движутся колёса распада и творения. Они взаимно растворяются и сочетаются; но, в действительности, луна есть «средство трансмутации низшей материи». Эти два светила множественны и приносят плоды в каждом отдельном создании. Во всей Природе нет сочетаний, но [она] содержит малое солнце и малую луну.

⁶³ Согласно Агриппе цифра два — символ доброжелательности, взаимной любви и брака. Он соответствует Божественному имени Ях, представляющему собой союз Иеговы и Элохима, или Бога и его Шекины. Но это также символ беспорядка, раздоров и нечистоты, а кроме того — смеси добра и зла.

⁶⁴ [Иоганн Хайденберг (Тритемий, лат. *Iohannes Trithemius*) (1462–1516) — автор книг по истории, криптографии и оккультизму. Его имя — латинизированная форма названия его родного города Триттенхайм. Агриппа был его учеником.]

Малое солнце — это сын Небесного солнца, а малая луна — дочь Небесной луны. Какие бы задачи сии два великих светила ни исполняли для сохранения большого мира [great world] как целого, два малых светила совершают подобное ради сохранения своего малого сосуда [cask] или микрокосма как частного. Они суть «копии большого животного» — неба и земли — в уменьшенном виде. Подобно мудрому зодчему, Господь восседает посредине, устраняя разрушения Своего строения, улаживая все разногласия и поддерживая Своё творение в его изначальной, первозданной гармонии. Невидимая, срединная луна является тем «увлажнённым и орошаемым принципом влаги», на вершине которого восседают Юпитер и Юнона на золотом престоле⁶⁵. Юнона — [символ] невоспламеняющегося, вечного масла и потому — пригодный приёмник для огня. Сей огонь — её Юпитер, то малое солнце, о котором мы говорили ранее. Вот истинные принципы Камня; вот Солнце и Луна философов, но никак не золото и серебро, как хотели бы некоторые шарлатаны. Но коль скоро я рассказал так много, выдам тебе рецепт Лекарства [воскрешения]. Возьми десять частей небесного ила. Отдели мужское от женского, а затем каждую [часть] от земли [earth], но естественным способом, без насилия. После разделения соедини их в правильной, гармоничной, жизненной пропорции. Душа, спускаясь прямым из сферы, не подвластной пламени, чудесным объятием воскресит своё мёртвое, покинутое тело. Соединившиеся субстанции будут согреты естественным огнём в совершенном браке духа и тела. Действуй согласно вулкано-магическому искусству, пока они не возвысятся до Пятого метафизи-

⁶⁵ В христианском мистическом символизме душа представляется в виде Луны в свете Солнца, которое есть Христос-Дух.

ческого порядка [rota]. Вот то Лекарство, ради которого столь многие марали бумагу, но знали лишь немногие⁶⁶.

Странно считать, что в Природе существуют неуничтожимые, бессмертные принципы. Обыкновенный огонь в очаге, который в некотором смысле есть враг любого состава [composition], тем не менее не столько причиняет разрушения, сколько очищает некоторые части. Это очевидно, если взять золу от плодов: ибо, хотя их внешние, более слабые элементы разрушаются силой огня, однако их основа-земля [earth] не может быть уничтожена: [она] подвергается стеклованию⁶⁷. Спекание и прозрачность сей субстанции обусловлены природной влагой или семенной [seminal] водой состава. Эта вода противостоит ярости огня и, вероятно, не может быть уничтожена. «Сокрыта в этой воде, роза переживает зиму», — утверждает учёный Северин⁶⁸. Эти два принципа никогда не разделяются, ибо Природа не заходит так далеко при разложении [материи]. Когда смерть свершит свой мрачный труд, эти два [принципа] сохранят единство, и из них Господь воскресит нас в Судный день и восстановит нашу духовную структуру. Помимо того, в них сохраняется тот изначальный, универсальный след [tincture] огня. Он активен и после смерти, вновь приводя в действие Природу, порождая

⁶⁶ Рецепт заставляет подозревать, что автор шутит или пародирует нелепые рецепты шарлатанов от алхимии.

⁶⁷ Согласно «Алхимическому лексикону» Руланда, процесс, именуемый стеклованием, представляет собой «спекание глины и золы в прозрачное стекло». Но в соответствии с «Мифогерметическим словарём» Пернети, это есть кокция [варка или нагревание вещества при умеренно высокой температуре в течение длительного времени] Алхимического камня, которая раскаляет его докрасна. Что до остального, то мне представляется, что зола — это зола, а земля — это земля.

⁶⁸ Марк Аврелий Северин, помимо трудов по медицине, [которыми он и известен], написал сочинения «Controversia de Verae Circuli Mensura» (1647), а также «Antiperipatetica — hoc est adversus Aristoteleos — Diatriba» (1659).

червей и прочих низших созданий. Я не считаю, что предстоит воскрешение каждого вида: скорее, их земные части вместе с водным элементом — ибо «моря уже нет»⁶⁹ — будут объединены с землёй в единый состав и присоединены [fixed] к чистой, прозрачной субстанции. Это — кристальное золото св. Иоанна, основа Нового Иерусалима, названного так не по цвету своему, но по строению⁷⁰. Их души [низших созданий], я полагаю, будут сведены к своему первому лимбу — сфере чистого эфирного огня, подобно роскошному, вечному ковру, устилающему подножие Господнего престола.

Итак, читатель, я совершил общее, но краткое исследование тайн Природы. Это более, чем было открыто доселе, и потому ожидаю больших противоречий. Мне ведомо, что моей наградой будет клевета; но тот, кто уже презрел тщету мнений, не станет обращать внимания на тщету порицания. Что ж, я предоставлю эти создания их заслуженной судьбе и от этого поверхностного созерцания поднимусь к Творцу, [создавшему] меня и их.

Господь, сей камень был
Не менее твёрд, чем любой иной,
Твоим законом созданный в Природе.
А ныне он — весёлый родничок,
И капли многие владеют речью,
Ведь создан он Твоим искусством.

Господь, ему подобно моё сердце:
Оно — из камня, из него
Не выжать ни одной слезинки.

⁶⁹ Откр 21:1.

⁷⁰ Откр 21:21: «...чистое золото, как прозрачное стекло».

Своим огнём ты раствори его,
Чтоб устремилось и взошло
На ниве сей хоть что-нибудь.

И я прошу не только чистых слёз,
Прошу, чтобы престол
Вознёсся Твой над этою водою.
И я тогда, преображённый светом,
Продолжу путь без тёмной свиты
И без капризов.

Теперь, если следовать методу, данному самим Господом, необходимо рассмотреть природу и состав человека, ибо мы уже описали те элементы и принципы, из которых он сотворён и состоит. Мужчина — если взять его материальные составляющие — был извлечён из большого мира, как женщина была извлечена из мужчины. А потому во избежание повторений я отсылаю читателя к предыдущей части сего сочинения, которая — если он понял всё надлежащим образом — не может оставить его в неведении относительно его [человека] строения и состава. Из «Бытия» мы узнаём, что Бог создал его из земли. Здесь [сокрыта] великая тайна, ибо [земля] сия не была простой глиной для горшков, но другой, гораздо лучшей природы⁷¹. Тот, кому ведомо это, знает и сущность Философского лекарства⁷² и, следовательно, то, что разрушает или оберегает человеческий

⁷¹ Об адамической земле см. ссылку на «Зохар» выше [сн. 61].

⁷² Это весьма спорный момент. Материальные элементы, из которых состоит человеческое тело, и есть элементы, благодаря которым это тело может быть охранено. Мы знакомы с этими элементами, и нам также известно, что их невозможно соединить в некое Философское лекарство, на которое намекает Воган. Следовательно, его заключения чисто умозрительны, и он не знал ни предполагаемого лекарства, ни физического строения человека.

темперамент. В нём [лекарстве] принципы единосущности с жизнью [человека], поэтому оно может остановить увядание и превратить его расстройствa в гармонию. Те, кто невежественны в этом отношении, — не мудрые судьбы жизни и смерти, а шарлатаны и доктора ночных горшков. Учёный Ариас Монтано называет сию Материю «уникальной частицей множественной земли»⁷³. Если хорошенько вдуматься в эти слова, то их [смысл] можно понять; но достаточно про это тело. Его душа — это сущность, не обнаружимая в ткани [texture] большого мира и потому чисто Божественная и сверхприродная⁷⁴. Монтано именует её «ветром Божьего Духа и вдыханием Божьей жизни». Видимо, он считает сотворение человека малым воплощением [Бога] — как если бы Господь стал множественным в этом творении. Адам, по его словам, получил свою душу «благодаря восхитительному и неповторимому Божьему вдохновению и, если не кощунственно так выразаться, оплодотворению». Св. Лука, в свою очередь, утверждает то же самое, ибо считает Адама сыном Божьим, и не вследствие внешнего акта творения, но путём нисхождения [Бога]⁷⁵. А св. Павел подтверждает сие словами Арата: «мы Его и род»⁷⁶. Душа человека состоит преимущественно из двух частей, *пуах* и *нефеиш*, — низшей и высшей. Высшая — мужская и вечная, низшая — женская и смерт-

⁷³ Бенито Ариас Монтано (1527–1598) — испанский антиквар и ориенталист. В дополнение к труду по еврейским древностям он написал в 1571 году сочинения «*Humanae Salutis Monumenta*» и «*Historia Naturae*», последнее из которых, видимо, вышло не ранее 1601-го, или через три года после его смерти.

⁷⁴ Очевидно, Воган, как явствует и из других пассажей, считал, что человек стал «живой душой» благодаря Божьему дару, а именно вдыханию Божьего Духа. Душа человека — это Божий Дух во плоти, и в итоге этот Дух «возвращается к Господу, давшему его».

⁷⁵ Лк 3:38: «Сын... Сифов, Адамов, Божий».

⁷⁶ Деян 17:28. В Библии короля Якова — «отпрыск» [offspring] вместо «род» [generation].

ная⁷⁷. В них заключён наш духовный род [generation]. «Однако, поскольку в остальных живых существах, как и в человеке, соединение мужского и женского [начал] склонно к оплодотворению, и воспроизводство становится природой каждого, так и в самом человеке та внутренняя, тайная связь мужского и женского, т.е. соитие мужской и женской души, служит созданию достойного плода Божественной Жизни. И к этому относится то тайное благословение и обещанная плодовитость, тот возвещённый дар и предостережение: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте»⁷⁸.

Из этого и некоторых других пассажей рассудительный читатель может понять, что брак есть комментарий жизни, иероглифическое или внешнее представление нашего внутреннего, жизненного, склада⁷⁹. Ибо жизнь есть не что иное, как союз мужского и женского принципов, и тот, кто в совершенстве владеет сим секретом, знает тайны брака — и духовные, и природные, а также, как надлежит обходиться с женой. Бракосочетание — отнюдь не обыкновенное, тривиальное действие, но в некотором смысле сакраментальное. Оно есть видимый знак нашего невидимого союза с Христом⁸⁰, который св. Павел именует великим таинством; и, если само действие столь почтенно, то и его [внешний] признак не является *преходящим* [*ex tempore*], незначительным обстоятельством. Но об этом — в другом месте. Когда Господь завершил своё

⁷⁷ На самом деле в Каббале деление троично: *нефеш* — жизнь, *руах* — дух и *нешамах* — разум, что есть душа Господа.

⁷⁸ Ариас Монтано [последняя фраза — цитата из Бытия 1:28].

⁷⁹ Поскольку то, что снаружи, подобно тому, что находится внутри, а венец всего внутреннего — союз души и Христа-Духа.

⁸⁰ Об этом союзе апостол Павел сказал: «Я говорю по отношению ко Христу и к церкви». — Еф 5:32.

последнее и наиболее чудесное творение, Он назначил ему Эдем в качестве места пребывания, сделал его Своим наместником и даровал полное господство над всеми Своими творениями⁸¹ — дабы, [подобно тому] как сам человек состоит из тела и духа, так и низшие, земные, создания были бы подвластны одному, а высшие, духовные, сущности [essences] служили бы другому. Но сие возвышенное положение продолжалось недолго; ибо предпочтение его [человека] вызвало недовольство в небесных чертогах, и ангелы, гнушающиеся прислуживать этому куску глины, стали размышлять, как бы от него избавиться⁸². Наиглавнейшим в этом заговоре был Люцифер: Монтано сообщает, что звали его Хилел. Стал он раздумывать, как уничтожить то, что совершил Господь, дабы сразу превзойти Его и Его творение. Этим планом он поделился с некоторыми из иерархии [ангелов] и усилил себя сообщниками. Но нет пути против Бога. Едва злодейский замысел созрел, как он и его сообщники были изгнаны из света во тьму. Итак, бунт подобен греху колдовства: колдун есть бунтовщик на физическом плане, а бунтовщик — это колдун в политике. Один действует против Природы, другой против Порядка — её правителя. Но оба состоят в союзе с дьяволом — отцом раздоров и колдовства.

Сатана после изгнания, — ибо такова участь всех коснеющих во грехе, — ещё более укрепился в своей решимости, и дабы осуществить свой злобный умысел, с позволения [Бога?] явился в Эдем. Здесь он сделал женщину своим орудием, что-

⁸¹ С этим можно сопоставить описание в «Зохаре», где сказано, что Адам: 1) венчан небесным венцом; 2) получил власть над шестью сторонами; 3) узрел высочайшие тайны и 4) познал славу Господа.

⁸² В «Зохаре» рассказывается по меньшей мере о двух спорах, имевших место в небесных чертогах относительно предложения создать человека: первый — между Богом и Его ангелами определённого чина [class], второй — между Шекиней и ангелами Азой и Азаэлем.

бы искусить мужчину и низвергнуть его с помощью того самого средства, которое Господь создал для помощи ему. Адам, преступив Божий указ, был заклеимён [навек], а в нём и его потомство. Но здесь скрывается загадка: как можем мы узнать его болезнь, если нам неизвестна её непосредственная причина? Если я задам нашим богословам вопрос, что было тем запретным плодом, то едва ли дождусь ответа. Изучи всех схоластов — от Рамуса⁸³ до Петра Испанского⁸⁴ — и не обнаружишь у них никакой логики в этом вопросе. Что же делать в таком случае? Возразить что-нибудь против жала Аристотеля, — хотя, быть может, мы и попадём в цель, — значит навлечь на себя настоящую бурю. Но, поскольку я предпочитаю частную истину публичной ошибке, продолжу. А теперь, читатель, напряги внимание и продолжай [чтение] без предубеждения, и я поведаю то, что доселе не открывалось никому.

То, что я пишу сейчас, должно казаться очень странным и невероятным для обычного человека⁸⁵, чьё знание покрыто корой аллегорий и мистических словес, [и который] никогда не понимал, что они означают для нас. Это, говорю я, неизбежно должно звучать странно для тех, кто воспринимает Писания в их буквальном, очевидном смысле, не принимая в расчёт широты и намерений Божьего Духа, Который

⁸³ Пётр Рамус, или Пьер де ла Раме (1515–1572) известен как противник схоластической философии. Его перу принадлежат сочинения «Aristotelicae Animadversione» (1543), «Institutiones Dialecticae» (1548) и прочие. В 1561 году он принял кальвинизм. Основываясь на методе Рамуса, Мильтон написал свой трактат по логике.

⁸⁴ [Пётр Испанский (Petrus Hispanus), настоящее имя Пьетро Ребули-Юлиани (около 1220–1277) — медик и философ. Был врачом папы Григория X и кардиналом, а в 1276 году стал папой под именем Иоанн XXI. Известен как автор широко распространённого в Средние века пособия по логике «Summulae logicales».]

⁸⁵ Это во многом верно для настоящего времени и тем более верно для середины XVII века; но в рассуждениях Вогана нет ничего необычного для теософского учения — нынешнего, прошлого или будущего.

впервые запечатлел и передал их. Тем не менее Ориген⁸⁶ — один из многих и, по суждению ряда мудрецов, самый учёный из отцов [церкви] — никогда не доверял себе в этом предмете, но всегда усматривал тайну в тех Писаниях, где ум его не был достаточен. Разумеется, если признать, хотя некоторые упорно не делают этого, что Древо Познания было растением, а Эдем — садом, то можно легко заключить, что Древо Жизни, описываемое, как говорят схоласты, подобным же образом, также было растением. Но является ли это умалением Господней власти, совершенств и страданий Иисуса Христа, даровавшего вечную жизнь, надлежит судить каждому непредубеждённому христианину. Итак, здесь пред нами как бы вход в рай, чтобы найти это Древо Познания и, буде возможно, узнать, чем оно является. Что касается его вида, следует признать, что Древо Жизни символизирует Божий Дух, ибо именно Дух оживляет и когда-нибудь возведёт нас из состояния порока в непорочность; не будет безрассудством сделать и противоположный вывод, что Древо Познания служит символом некой чувственной природы, противной духовной и дающей пристанище и главенство нашим мирским, греховным страстям — таким, как похоть, гнев, и прочим.

Теперь я сделаю небольшое отступление, но лишь немного отклонюсь от своей цели, причём читателю может показаться, будто буква неудовлетворительно выражает [дух] Писания и расхождение между формой и смыслом текста велико. Дионисий Ареопагит в своем послании к Титу делает такое предупреждение: «Притом должно заметить, что богословское учение двоякого рода: одно невыразимое, таинственное,

⁸⁶ [Ориген (около 185–254) — греческий христианский теолог, философ, учёный. Основатель библейской филологии. Выступал сторонником идеи конечного спасения всего сущего (апокатастасис). Учение Оригена — первое системное изложение идей христианства в философском контексте.]

другое — ясное и легко понимаемое»⁸⁷. А в своей книге «О церковной иерархии», обращённой к Тимофею, он подтверждает, что в древние, апостольские времена, в которые жил и он сам, Тайны Божества открывались «отчасти посредством письменного, а отчасти — устного канона». Некоторые истины, по его признанию, были описаны в теологических трудах, и к ним относятся ныне общие догматы Церкви, в которых — по выражению св. Петра — «есть нечто неудобовразумительное»⁸⁸. Некоторые вещи, опять же, «передавались от сердца к сердцу между строчек писанных слов, но иные, превосходившие плотский разум, передавались без слов». И, без сомнения, эта устная традиция стала причиной того, что в последующие века Церкви все тайны Божества были утеряны. Более того, даже ныне среди всех наших докторов-схоластов или иных учёных [extemporaries] не найдётся ни одного, который знал бы, что символизирует для нас при крещении внешний элемент — вода. Конечно, они скажут, что сие возвещает отмывание от греха, и в этом мы с ними согласимся, но это лишь часть смысла, ради которого она [вода] предписана. Во все времена было распространённым заблуждение относительно знака [signum] и означаемого [signatum], или оболочки и ядра. Но дабы не допустить этого, св. Дионисий написал свою книгу «О небесной Иерархии» и, в особенности, [трактат] «Theologia Significativa»⁸⁹, каковые столь часто упоминаются в его трудах. Воистину, сам Спаситель, благословенный вовеки, иногда говорил притчами и повелел не метать бисер перед

⁸⁷ Дионисий Ареопагит. Послание IX, к Титу. Мне неизвестно, чей латинский перевод использовал Воган, но явно не Иоанна Скота. [Русский перевод приведён по изданию: Антология. Восточные отцы и учителя Церкви V века/Изд-во МФТИ, 2000.]

⁸⁸ 2 Пет 3:16.

⁸⁹ Трактат «О мистическом богословии».

свиньями, ибо не всем людям дано «...знать тайны Царствия Небесного»⁹⁰. В предположении — и оно воистину верно, — что среди других мистических речей, содержащихся в Писании, эта [речь] об Эдеме и о Древе в нём — одно и то же, я перейду к изложению её, пусть неполному, опуская подробности.

Вначале человек — я подразумеваю сущностного, внутреннего человека — как в процессе, так и после сотворения, в продолжение недолгого времени был чисто мысленной [intellectual] сущностью, свободной от всех плотских, чувственных страстей. В этом состоянии *душа* [anima], или чувственная природа⁹¹, не господствовала над духовной [сущностью], как ныне она господствует в нас. Ибо высшая, ментальная, часть человека была соединена с Богом сущностной связью⁹², и Божественный Свет, воспринимаемый и привносимый в низшие части души, умерщвлял все плотские желания в такой мере, что в Адаме чувственные способности едва ли были задействованы, а духовное имело над ними верховенство, подобно тому как в нас они имеют верховенство над духовным. Вот почему мы читаем в Писании, что, будучи невинным, он не знал о своей наготы. Но, едва вкусив с Древа Познания, он узрел свою наготу и устыдился её — потому-то и скрылся среди деревьев [райского] сада и, когда Господь позвал его, отвечивал: «Голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что

⁹⁰ Мф 7:6 и 12:11.

⁹¹ Имеется в виду *нефеш* Каббалы, как упоминалось выше [сн. 77].

⁹² Это утверждение несколько искажает доктрину о душе в иудейской философии. Как мы видели, *руах* в действительности — ум, а *нешама* — Божественная душа, но в этой жизни она не обязательно занимает принадлежащее ей верховное положение. Преображение нешама в Божественное знание обозначается различными именами, как будто для указания высших частей души. Но есть также *цура*, прототип индивидуальной души в разуме Бога, союз с которым является высочайшим мистическим состоянием в иудейской теософии.

[В «Теософском словаре» *цура* определяется как «Божественный прототип, вечный Божественный Человек».]

я наг, и скрылся». Но Господь, знавший о его прошлом состоянии, спросил: «Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?»⁹³ Здесь мы лицезреем два состояния человека: его первичное и лучшее — в духовном, сущностном единстве с Богом его мысленной [intellectual] части⁹⁴ — и умерщвление его эфирной [ethereal], чувственной природы, в которой укоренены плотские, греховные страсти; его второе [состояние], или его падение, наступило после вкушения запретного плода, вследствие чего его мысленные способности заснули, но чувственные всколыхнулись и разожглись. Ибо сказал змей: «...знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги...»⁹⁵. Итак, мы видим, что чувственные способности ожили в наших прародителях, перейдя — по выражению схоластов — из потенции в активность благодаря запретному плоду. Это вкушение подавило мысленные способности не только Адама⁹⁶, но и всех поколений после него, ибо воздействие сего плода перешло, вместе с его природой, к его потомству. Все мы, подобно Моисею, рождаемся с завесой на лице. Она

⁹³ Быт 3:10, 11.

⁹⁴ Этот контраст необычайно ценен потому, что он не создан намеренно Вогагом или теософией, на которую он опирается. Описанное единство противоречит тексту мифа [о Творении] в Бытии, и это — первый и наиболее очевидный ответ на все фантазии и схоластической теологии, и Каббалы, Якоба Бёмэ, Сен-Мартена или Мартинеса де Паскуалиса. Поскольку миф в буквальном прочтении оказался неприемлем, для его спасения были придуманы аллегории, но сам миф растворился в них.

⁹⁵ Быт 3:5–7.

⁹⁶ Надо сказать, что в тексте [Библии] смысл противоположен: там сказано, что их глаза открылись как символ мысленного понимания за счёт приобретённого знания.

и скрывает зрелище того мысленного, сияющего Света, который Господь поместил в нас; и если раскрыть истину, касающуюся всего человечества, то величайшая тайна и в теологии, и в философии [заключается в том], как убрать эту завесу⁹⁷.

Будет нелишним поведать здесь о природе и складе человека, дабы сделать более ясным то, что уже было сказано. Подобно тому, как большой мир состоит из трёх частей: элементной, небесной и духовной, над которыми восседает сам Господь в том бесконечном, недостижимом свете, источаемом Его собственной сущностью, так и человек обладает земной, элементной частями совместно с небесной и ангельской природой, в средоточии коих движется и сияет Божественный Дух. Обычная, небесная, эфирная часть человека — то, посредством чего мы движемся, видим, чувствуем, осязаем и обоняем, и вообще сообщаемся со всеми возможными материальными предметами. Эта [природа] в нас та же, что и в зверях, и с неба, где она господствует, передаётся всем низшим, земным существам. Попросту говоря, это — часть Души Мира⁹⁸,

⁹⁷ Это — одно из центральных утверждений Вогана, не теряющее своей верности и значимости, даже если причина описанного препятствия кроется в другом.

⁹⁸ Весьма непросто следовать рассуждениям Вогана из-за расплывчатости его стиля. Его воззрения до известной степени близки к томизму, поскольку он признаёт: 1) материальную сторону человека, «землю» как основу его тела; 2) сторону души, которая является источником чувств более высокого порядка и аналогична душе животных; 3) сторону духа, которую Воган именует ангельской и которая, согласно томистам, принадлежит ангельской семье [familia angelorum]. Но Воган, как представляется, не читал сочинения Фомы Аквинского в первоисточнике и в действительности опирался на Агриппу, который, вероятно, был знаком с ними. Агриппа утверждает, что элементы в человеке соответствуют их истинным качествам: «В нём [человеке] также есть как бы воздушное тело, колесница души, соответствующее небу по аналогии. Кроме того, в нём также — жизнь растений, инстинкты животных, небесный дух, ангельский рассудок и Божественный разум, вкупе с истинным сочетанием всего названного ради одной и той же цели и Божественного обладания». — «Об оккультной философии». Кн. III. Гл. 36. В этой части своего сочинения Воган, как и ранее, следует Агриппе.

обычно именуемая душой-посредником, поскольку воздействие Божественной природы через неё передаётся более материальным частям творения, с которыми сама она [Божественная природа] не имеет связи. Из-за этой души-посредника, или эфирной природы, человек подвержен влиянию звёзд и отчасти лишён небесной гармонии. Ибо этот срединный дух — под срединным я понимаю то, что он [расположен] между двумя крайностями, но не то, что он действительно объединяет миры, — а также присутствующий как во внешнем небе, так и в самом человеке, обладает плодovitой, проникающей [insinuating] природой и движим сильным желанием к размножению, так что небесная форма приводит в волнение и возбуждает элементную природу. Ибо сей дух есть и в человеке, и в зверях, и в растениях, и в минералах; и во всём он — опосредованная причина сочетаний и размножения. Да не будет никто удивлён, что я утверждаю [присутствие] этого духа в минералах, хотя оно там незаметно. И разве можем мы на этом основании сделать вывод об отсутствии внутренней силы, приводящей в действие и придающей форму тем пассивным, неопределённым принципам, из которых они [минералы] состоят? Не говорите мне о слепых «формах» и «качествах» перипатетиков. Форма — это то, что ни Аристотель, ни кто-либо из его последователей не сумел объяснить по существу, и потому они не могут быть авторитетными судьями в этом предмете. Но, молю вас, разве способности этого духа не подавлены и в самом человеке, как это имеет место у слепых? Однако, невзирая на это, гибнет только [физический] глаз, но не зрительная способность, ибо она остаётся, как явствует из их [слепцов] мечтаний. Но для них эта [зрительная] способность осуществляется путём отражения видимых лучей в их внутреннем, истинном ядре. Ибо Природа использует свои дары лишь там, где она находит благоприятную

возможность и готовые органы: а поскольку они отсутствуют в минералах, мы не можем ожидать столь явного проявления в них природных сил. Несмотря на это, цветы различных растений, в некотором смысле подобные глазу, обладают более тонким и острым восприятием жара и холода, а также прочих небесных воздействий, чем какие-либо иные части [растений]. Это явление очевидно у тех цветов, которые раскрываются на восходе и закрываются на закате, что обусловлено духом, ощущающим приближение и уход солнца. Ибо, воистину, цветы можно уподобить роднику духа, который вырывается и течёт, проявляясь в виде небесных ароматов. Опять же, это особенно очевидно в животнорастениях, таких, как растительный баран⁹⁹, *Arbor casta*, и некоторых других. Но это [качество] не погибнет ни в ком, за исключением тех, кто видел, как сей дух отделяется от своих элементов, где я его пока и оставлю.

За этой чувственной природой человека следует ангельский, или рациональный, дух. Сей дух иногда прилепляется к *разуму* [*Mens*], или высшей части души, и тогда наполняется Божественным Светом. Но, как правило, он опускается в эфирную, более низкую часть, которую апостол Павел именует «природным человеком», где он изменяется под воздействием неба и подвергается многообразным искажениям из-за хаотичных эмоций и страстей чувственной природы.

Наконец, над рациональным духом находится *разум*, или скрытое понимание, обычно именуемое просветлённым пониманием, а Моисеем [называемое] дыханием жизни. Это —

⁹⁹ [Растительный баран, или баранец, — мифическое растение, якобы произраставшее в Азии. Считалось, что плодами баранца являлись овцы, которые были соединены с растением пуповиной и питались произраставшей вокруг травой. Когда трава заканчивалась, животное умирало.]

тот дух, который сам Господь вдохнул в человека и благодаря которому человек воссоединяется с Богом. Итак, как Божественный Свет, втекающий в *разум*, вобрал в себя и обратил низшие части души к Богу, так и, напротив, Древо Познания омрачило и затемнило высшие части [человека], но пробудило и разожгло животную, греховную природу. Итог всех этих рассуждений таков: человек, пока находился в единстве с Господом, знал только благо¹⁰⁰ — т.е. вещи от Бога. Но едва он протянул руку и отведал запретного плода, а именно срединной души, или духа большого мира, как немедленно после такой непокорности и нарушения приказа его союз с Божественной природой был разрушен; и, поскольку дух его соединился с духом мира, он знал теперь только дурное, т.е. вещи от мира. Верно то, что он знал добро и зло, но зло — в гораздо большей мере, нежели добро.

Какие-то искры [Божьей] милости в человеке оставались, и хотя после падения совершенство невинности было утрачено, однако глас Божий [conscience] по-прежнему был с ним — отчасти, чтобы направить, а отчасти, чтобы наказать. Итак, вы видите, что эта срединная душа, или срединный дух, формируется Древом Познания; но тот, кому известно, почему оно, как сказано, оказалось посреди сада и выросло из земли, полнее уразумеет сказанное нами. Мы видим также, что способности, приписываемые Древу Познания, можно отыскать только в срединной природе. Во-первых, говорят, будто дерево то желанно для жаждущих мудрости, но это — плотская, чувственная мудрость, мудрость сего мира, а не Божья. Ещё говорят про него, будто оно хорошо для пищи и приятно для глаз. Такова и срединная природа, ибо она есть единственное

¹⁰⁰ В тексте мифа [о сотворении] сказано: «знающие добро и зло» [Быт 3:5], откуда явствует, что до падения человек не знал ни того, ни другого.

средство, способное предотвратить увядание естественного человека и поддерживать наши тела в их изначальной силе и целостности¹⁰¹.

Наконец, добавлю что-то и от себя: всё это — не какой-то новый, неслыханный вымысел, как разумный читатель может понять из Трисмегиста. Нет, я действительно придерживаюсь мнения, что египтяне переняли это знание от евреев, которые долгое время жили среди них, как явствует из Писания, и что первые [египтяне] передали его грекам. Это следует из книги Ямвлиха «О египетских мистериях», где можно прочесть: «видимый и мыслимый человек, прежде пребывавший как единое с созерцанием богов, попал во власть иной души, связанной с присущим людям видом внешнего облика, и потому оказался заключённым в оковы необходимости и рока»¹⁰². И что ещё, спрошу я вас, означает то поэтическое сказание о Прометее, укравшем с неба некий огонь, за что Бог покарал мир столькими болезнями и смертями?

Однако кто-нибудь может возразить: «Если Господь сотворил всё сущее благим, как явствует из Его оценки своих творений на шестой день, как мог Адам совершить грех, съев то, что в основе своей было добрым?» Воистину, грех не был

¹⁰¹ Это утверждение следует сопоставить с тем, которое было прокомментировано в одной из прошлых сносок. Было сказано, что: а) Господь создал человека из земли гораздо лучшей, чем обычная глина, и б) такая земля является сутью Философского лекарства, оберегающего [здоровье] человека. Теперь мы узнаём, что единственным восстанавливающим, а следовательно, оберегающим лекарством является некая срединная природа, которая есть дух этого мира и запретный плод. Если слова что-нибудь значат, то это — одно и то же, и то самое лекарство; но тогда выходит, что Господь сотворил человека из запретного плода, т.е. из того, что именуется плотским и чувственным. Неудивительно, что Философское лекарство также «разрушает темперамент человека».

¹⁰² [Перевод цитируется по изданию: Ямвлих Халкидский. О египетских мистериях. Перевод с древнегреческого/Вступ. статья Л.Ю. Лукомского. Изд-во АО «Х.Г.С.», 1995. С. 224.]

укоренён в природе того, что он вкусил¹⁰³, но он стал следствием [нарушения] веления, поскольку есть от него [дерева] было воспрещено. Именно это и говорит нам апостол Павел: он не иначе узнал грех, как посредством закона¹⁰⁴. И снова, в другом послании: «...сила греха — закон»¹⁰⁵. Но из-за непослушания первого человека и нарушения им [Божьего] веления творение стало подвластно тщеславию. Ибо было наложено проклятие, и нечистые семена были соединены с чистыми, и до сего часа они правят в наших телах; и не в нас только, но и в любом ином природном творении. Итак, потому мы читаем в Писании, что «...и небеса нечисты в очах Его»¹⁰⁶. И на это намекает апостол в своей речи к колоссянам, говоря «благоугодно было Отцу... примирить с Собою всё» посредством Христа, «...и земное и небесное»¹⁰⁷. И здесь можно заметить, что Корнелий Агриппа ошибочно принял акт творения за первородный грех, который в действительности был его следствием: но это единственный предмет, в котором он заблуждался¹⁰⁸.

Я закончил: ещё несколько слов о рае, более из-за различия мнений касательно того [места] утешения и их нелепости. Апостол Павел во Втором послании к коринфянам объясняет это в таких словах¹⁰⁹: «Знаю человека во Христе,

¹⁰³ Тем не менее он был там укоренён, особенно, как автор сказал выше, если это было дерево «плотской мудрости», а «не Божьей».

¹⁰⁴ Рим 7:7.

¹⁰⁵ 1 Кор 15:56.

¹⁰⁶ Иов 15:15.

¹⁰⁷ Кол 1:19–20.

¹⁰⁸ Тем не менее следует отметить, что Агриппа, как многие до и после него, предложил ясное объяснение, которое мы можем принять или отбросить, тогда как у Вогана выходит «Всё сущее — тайна» (*Omnia eheunt in mysterium*), и действительного определения первородного греха он не даёт.

¹⁰⁹ В соответствии с традицией Каббалы, которой Воган в целом придерживается, хотя и с оговорками, существуют два рая: в Бине и Малкуте, или в мире Божественном и мире действия.

который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (*только* не знаю — в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай...»¹¹⁰. Здесь можно увидеть, что рай и третье небо — заменяемые понятия, так что одно раскрывает другое. Много больше я мог бы поведать о Древе Познания, что само по себе есть обширный и весьма таинственный предмет; но удовольствуюсь собственным, частным описанием, не желая расширять его ещё больше. Я доверил столь многое бумаге лишь из-за любви к истине, а также потому, что не хотел, чтобы те размышления сгинули в безвестности.

Теперь, если только вы не самые твердолобые, понимаете, как пал человек¹¹¹, и, следовательно, можете предугадать, каким образом ему подняться. Он должен воссоединиться с Божественным Светом, с которым был разъединён непокорностью. Необходима вспышка или проблеск сего [Света], иначе он [человек] будет различать вещи путём духа не лучше, чем в отсутствии солнечного света различает цвета естественным путём. Сей [Божественный] Свет нисходит и соединяется с ним тем же способом, каким его душа изначально была соединена со светом. Я говорю не о символическом, внешнем нисхождении с планет-первообразов в сотворённые сферы¹¹² и оттуда — во «мрак те-

¹¹⁰ 2 Кор 12:2–4.

¹¹¹ Когда Воган начал своё повествование о Деревьях Эдема с обещанием опустить подробности, он сделал что угодно, но только не объяснил — даже со своей точки зрения, как же пал человек. Что касается следствий, в его понимании, то он довольствуется несколькими цитатами, которые можно понять в смысле отделения [человека] от Божественного Света.

¹¹² Вероятно, имеется в виду существование души до воплощения в тело, о чём Воган говорит на удивление мало во всех своих сочинениях.

ла»¹¹³, но о том таинственнейшем и безмолвном спуске духа «по ступеням природных форм»; эту истину нелегко воспринять. Закон Каббалы гласит, что «ни одна духовная сущность, спускаясь сюда, в низший мир, не может действовать без одевания»¹¹⁴. Тщательно поразмыслите об этом и постарайтесь не бродить по периферии. Человеческая душа, пока она пребывает в теле, подобна свече, зажжённой в непрозрачном фонаре, или огню, почти потухшему из-за нехватки воздуха. По словам платоников, духи, находясь «на своей родине», подобны обитателям зелёных полей, постоянно живущим в окружении цветов, в пряном, ароматном воздухе; но здесь, внизу, «в кругу порождения», они скорбят из-за тьмы и одиночества, подобно людям, запертым в чумном бараке. «Здесь они страшатся, жаждут и печалются», и т.д. Это и делает душу подвластной столь многим страстям, [подобной] Протею настроения. Она то цветёт, то засыхает, то улыбнётся, то прольёт слезу; и когда сыгран весь репертуар, она начинает повторять те же капризы, пока, наконец, не воскликнет вслед за Сенекой¹¹⁵: «Сколько можно?»¹¹⁶ Это обусловлено её беспредельной широтой, которая не может удовольствоваться ничем, кроме Господа, от Коего она произошла. Удивительно наблюдать, как она борется со своими цепями, когда человек оказывается в нужде, как она обманывает судьбу, какую роскошь, какую негу, какой рай она обещает себе. Она в один миг охватывает королевства и внутренне наслаждается всем,

¹¹³ In noctem corporis — цитата № 8 из компендиума «Conclusiones Kabalisticæ», составленного Пико делла Мирандола по книгам «Зоха́ра».

¹¹⁴ Conclusiones Kabalisticæ, № 35.

¹¹⁵ [Луций Анней Сенека (около 4 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ-стоик, поэт и государственный деятель.]

¹¹⁶ [Сенека. Философско-этическое сочинение «Письма к Луцилию». М.: Наука, 1977. LXXXIX, 118.]

чего наружно ей недостает. В ней — прообразы и представления всего сущего в мире. Стоит ей лишь вообразить себя посреди океана, как она уже там и слушает шум прибоя. Она совершает невидимое путешествие из одного места в другое и представляет себе отсутствующее так, как будто оно присутствует. Мёртвые для неё живы: никакая могила не в силах сокрыть их от её мысли. Вот она — в грязи и трясине, а через миг — уже превыше луны.

Парит она над бурями, внимая шумным облакам
Под стопами её, и гром слепой она с презрением отторгает.

Но это — пустяк. Если бы ей когда-нибудь удалось вырваться из тела, она могла бы свершить всё, что представляет себе. «В один миг, — говорит Агриппа, — исполнится всё, чего она ни пожелает». В таком состоянии она способна «воздействовать на настрой макрокосма», производить волнения в двух сферах — воздушной и водной — и менять характер времён. Это — не россказни, а единодушное мнение арабов [во главе] с двумя корифеями — Авицеброном¹¹⁷ и Авиценной¹¹⁸. Кроме того, она обладает полной властью [совершать] чудесные и сверхприродные трансмутации. В мгновение ока она способна перенести свой сосуд [тело?] из одного места в другое. Посредством союза с вселенской силой она может внушать и сообщать свои мысли отсутствующим, сколь бы ни

¹¹⁷ Авицеброн, или ибн Гебиrol, (около 1021–1055 или 70) — испанский еврей, сыгравший заметную роль в истории философии. См.: Исаак Майер. *The Philosophical Writings of Solomon Ben Yehudah Ibn Gebirol, &c.* [Философские сочинения Соломона бен Иегуда ибн Гебиrolа.] Филадельфия, 1888.

¹¹⁸ Авиценна, или Ибн Сина, (980–1037) известен своими энциклопедическими трудами по философии и различным наукам. Его репутация и влияние были весьма значительны на протяжении всего Средневековья.

было велико расстояние. Нет ничего под солнцем, чего бы она не знала, и, оставаясь в одном и том же месте, она может узнать о действиях, производимых в иных местах. Не буду говорить о её магните, посредством которого она может притягивать все вещи — как духовные, так и природные. Наконец, «во всём течении Природы нет задачи, — сколь трудной, сколь превосходной, сколь сверхприродной бы она ни была, — которую человеческая душа, достигнувшая источника своей Божественной природы, — это состояние маги именуют душой устойчивой, а не шаткой [falling] — не могла бы выполнить своей собственной силой, без какого-то ни было внешнего содействия»¹¹⁹. Но кто же тот — среди многих тысяч философов, — кто проник в самую суть её природы и знает её подлинное, особое назначение? Сие есть Авраамова «тайна великая, удивительная и сокрытая и скреплённая шестью печатями, и оттуда происходят огонь и вода и разделяются между собою муж и жена»¹²⁰. Посему нам надлежит неустанно молиться, чтобы Господь открыл нам глаза, и стараться приложить тот талант, который Он даровал нам, но [который] ныне лежит, зарытый в землю, и не приносит плодов. Он — Тот, с кем мы должны соединиться «сущностным контактом», и тогда мы познаем все вещи «раскрытыми ясным видением в Божественном Свете». Сие истечение от него есть подлинное, действенное средство нашего возрождения, та *сперма*¹²¹ св. Иоанна, Божье семя, которое остаётся во всех нас. Если когда-нибудь удастся его получить, нам не придётся

¹¹⁹ Корнелий Агриппа. Об оккультной философии. Кн. III. Гл. 44.

¹²⁰ Сефер Йецира. Гл. 3, § 2. [Перевод А.А. Философова, приведён в сборнике: *Judaica Rossica*. Выпуск 2. М.: РГГУ, 2002.]

¹²¹ Предположительно, имеется в виду Первое послание Иоанна 3:9: «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нём».

[назовёт] «tradatur Satanae» [с лат.: предавшийся Сатане]. Я знаю, что за свои страдания буду ненавидим многими и, быть может, подвергнусь насмешке, подобно Пифагору у Лукиана: «Кто купит Евгения? Кто хочет быть сверхчеловеком? Кто хочет узнать гармонию мироздания и ожить после смерти?»¹²⁴. Но поскольку, согласно их собственному учителю, клятву следует уважать, и христианин не может пренебречь заявлением подобного рода, я готов принести клятву. Итак, торжественно заявляю пред ликом моего славного Господа, что написал сие не из порочных побуждений, но из рвения и приверженности к истине моего Творца. Пусть же они поберегутся, иначе, презирая тайны, они оскорбляют величие Бога в Его творениях и попирают ногами кровь клятвы. Но не сочтут ли меня чародеем, видя, что я следую принципам Корнелия Агриппы, этого великого архимага, как именуют его те антихристовы иезуиты? Воистину, он — мой создатель [author], и после Бога, я обязан ему всем, чем владею. Он был, о читатель, благороден по своим принципам; по религии [был] протестантом¹²⁵, как явствует из его сочинений, помимо позднего, но злонамеренного свидетельства Промонда, учёного паписта¹²⁶; его жизненный путь сделал его известной персоной как в деяниях войны, так и [в деяниях] мира; [он был] любимцем величайших правителей своего времени и вызывал благоговение

¹²⁴ [Аллюзия на: Лукиан. Продажа жизней/Лукиан. Сочинения. Том II. СПб.: Алетейя, 2001. С. 228.]

¹²⁵ Так же, как после истовых исследований и подтверждения своей учёности на памятном диспуте Агриппа убедился в пустоте всех современных наук, — включая собственную, — так же разочарован он был и в официальной религии. Но он не стал протестантом. Его можно сравнить с Парацельсом, приветствовавшим Лютера и многочисленных реформаторов (без сомнения, верившим, что из этого что-нибудь выйдет), но не примкнувшим к реформаторам.

¹²⁶ Что касается «злонамеренного свидетельства Промонда», то оно, видимо, утрачено, а сам он неизвестен.

всех учёных мужей. Наконец, он был человеком, вознёсшимся над всеми несчастливými обстоятельствами, среди коих был рождён, и заставившим удачу понять, что смертный может быть её господином. Это — исчерпывающий ответ некоторым софистам и, тем самым я — вопреки всей клевете, — свидетельствую почтение его памяти.

Великий, славный автор, имя чьё не должно называть,
Чтоб не подумали, что меряю тебя я славой,
Приверженец Природы, ею избранный первосвященник,
Её евангелист, таинственный и светлый:
Как восхищён, когда тебя я созерцаю,
Вознёсшись сверх границ, доступных взгляду.
Дух строк твоих, подобно мировой душе,
Огонь в меня вдыхает, и ввысь я устремляюсь;
Ты и труды твои создали облик мой,
Твои писания — вот мой экстаз;
Иль если я решу в потомстве раствориться,
Твои элементы вновь уловят мою душу.
Могу я обнажиться пред твоим стеклом прозрачным
И вновь облечься в одеянье, что пред тем носил.
Вот я — земля, а вот — звезда, затем я — дух,
И вновь звезда, затем — земля;
А если просто сущее всё я обыщу,
В последний миг все три я поглощу:
Соединю я землю, небо и всё, что наверху,
И более того: природу и [людей] любовью солью.

Огнём венчая мою душу, он в ней сияет,
Подобно радуге средь туч моих.
Однако есть закон, которым растревожу
Пепел и обнаружу сам огонь;

Он, как и прежде, сияет изумрудом:
Лишь саваны разбрасывая здесь.
Тот, кто узрит сей пламень без его покрова,
Испепелит глаза тем блеском, и жизнь его покинет.
Вот тайны, о которых, Агриппа славный,
Я скорбел, когда уста твои сомкнулись.

Туда направили меня слова твои,
В безлунной ночи же меня вела звезда;
И я нашёл те тайны, коих
Твой труд вместить мог втрое больше.
За звёздами узрел Восток я новый,
Заря твоей божественности там занялась.
Здесь небо утвердит союз с людьми, когда
Признательные руки их сумеют взять, глаза — увидеть.

Что ж, наивные схоласты: вы потешаетесь
над высшей истиной,
Но ничего произвести не в силах, лишь гомон
и надменность —
Вы всё поносите, кроме того, что выдумали сами.
Но опытным путём вы ничего найти не в силах:
Рука незримая удел ваш начертала,
Три Книги же его с Тремя Мирами не исчезнут.

Итак, читатель, я рассмотрел состав и возвышенное положение человека. Теперь я расскажу немного о растворении его [элементов] и завершу своё изложение смертью, — как он завершает свою жизнь. Смерть есть «отступление жизни в сокрытое состояние» — не уничтожение хотя бы одной частицы, но возврат сокрытых начал [natures] в то состояние, в каком они находились до своего проявления. Это вызвано

несоразмерностью и несходством материи; ибо, когда гармония разрушена избытком какого-то принципа, жизненное сплетение — без своевременного изменения начального единства — ослабляется и распускается. При таком отступлении различные составляющие человека возвращаются к тем отдельным элементам, из которых они когда-то возникли, чтобы образовать сочетание. Ибо предположение, будто Господь в процессе творения создает что-то *ex nihilo* [из ничего] — метафизический вымысел в чистом виде. Так земные части — как мы видим благодаря эксперименту — возвращаются на землю, небесные — в высший небесный лимб, а дух — к Господу, давшему его. Пусть никто не удивляется моему утверждению, будто Дух живого Бога пребывает в человеке, когда Сам Господь признаёт его за Свой собственный. «Мой дух не всегда будет заключён в человеке, ибо он есть и плоть: однако его дни будут длиться сто и двадцать лет», — именно так сказано на иврите¹²⁷. Кроме того, вдухание духа в Адама доказывает, что он [дух] произошёл от Бога, а следовательно, является Духом Божьим.

Так и Христос дохнул на апостолов, и они восприяли Святой Дух. В «Иезекииле» Дух происходит от четырёх ветров и дышит на погибших, чтобы они ожили¹²⁸. Итак, сей Дух был Духом Жизни, и то же верно для Дыхания Жизни, которое вдунули в первого человека, после чего он стал живой душой. Без сомнения, Дыхание или Дух Жизни есть Бо-

¹²⁷ Быт 6:3. [Выше приведён буквальный перевод; в синодальном переводе: «...не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет».] В Библии короля Якова: «Мой дух не всегда будет бороться [strive] с человеком». Но в Вульгате: «Dixitque Deus: Non permanebit Spiritus meus in homine in aeternum» — «Мой дух не всегда будет пребывать в человеке», что оправдывает прочтение Вогана.

¹²⁸ [Иез 37:9.]

жий Дух. Сей Дух [пребывает] не в одном только человеке, но и во всём большом мире, хотя и иным способом. Ибо Господь дышит постоянно и проникает во все вещи, подобно освежающему воздуху, — за что пифагорейцы и называют его «всеоживляющий». Потому-то Господь в Писании имеет несколько имён, соответственно тем нескольким задачам, которые Он выполняет, оберегая Свои творения. Вот слова Ареопагита: «Говорят также, что Она [Причина всего] в умах, в душах, в телах, в небе и на земле, вместе с тем Сама в Себе, в мире, вокруг мира, над миром, над небом, над сущим; Её называют солнцем, звездой, «огнём», «водой», «духом», росой, облаком, самоцветом, камнем, всем сущим и ничем из сущего»¹²⁹. И вне сомнения, из-за его скрытого прохождения и проникновения Дионисий привёл ещё одно сравнение: «Прибавлю и то, что мне кажется наиболее недостойным и странным: сведущие в божественном передают, что Оно Себе приписывает даже облик червя»¹³⁰.

Итак, сия образная манера речи с её многочисленными именованиями присуща не одному лишь Святому Писанию; египтяне тоже — как сообщает Плутарх — именовали Исиду, или самую таинственную часть Природы, «той, у которой тысяча имён» [myrionymous]; и разумеется, то, что сие должно обладать тысячью имён, вовсе не новость для тех, кто изучал Философский камень. Но вернёмся туда, откуда мы свернули: я сказал вам, что несколько принципов человека при его

¹²⁹ [Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. Гл 6. [Перевод цитируется по изданию: Антология. Восточные отцы и учителя Церкви V века/Изд-во МФТИ, 2000.]

¹³⁰ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Гл. 6. [Перевод цитируется по изданию: Антология. Восточные отцы и учителя Церкви V века/Изд-во МФТИ, 2000. Аллюзия на Псалом 21:7: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе.»]

растворении уходят — как иногда случается и с друзьями — разными путями: земля к земле (как сказано в нашей литургии), а небеса к небесам, как написано у Лукреция:

Также всё то, что земля породила, уходит обратно
В землю, а что изошло из пределов эфира, то снова
Всё возвращается к ним, улетаая в обители неба¹³¹.

Более ясно сказал [об этом] божественный Вергилий, описывая своих пчёл:

Видя такие черты, наблюдая такие примеры,
Многие думали: есть Божественной сущности доля
В пчёлах, дыханье небес, потому что Бог наполняет
Земли все, и моря, и эфирную высь, — от Него-то
И табуны, и стада, и люди, и всякие звери,
Всё, что рождается, берёт тончайшие жизни частицы
И, разложившись, опять к своему возвращает истоку.
Смерти, стало быть, нет — взлетают вечно живые
К сонму летающих звёзд и в горнем небе селятся¹³².

Сие исчезновение, или асцензия внутренних, эфирных принципов, не происходит тотчас вслед за их отделением; ибо та часть человека, которую Парацельс называет «звёздным человеком», или, более удачно, «животной частью человека», Агриппа — «фантомом», а Вергилий [говорит о ней]: «Душ из-

¹³¹ [Перевод с лат. цитируется по изданию: Тит Лукреций Кар. О природе вещей/Пер. Ф. Петровского//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

¹³² [Перевод с лат. цитируется по изданию: Вергилий. Георгики/Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

начальный огонь, эфирным дыханьем зажжённый»¹³³, — сия часть, говорю я, которая в астральном теле иногда держится близ мест упокоения мёртвых, и это в силу магнетизма или притяжения, существующего между ним и радикальной, жизненной влагой. Сей «фантом» есть обитель воображения, а после смерти он сохраняет отпечатки тех страстей и привязанностей, которым было подвержено тело. Это заставляет его блуждать поблизости от мест, где человек при жизни часто бывал, и имитировать жизненные движения и жесты. Сей магнетизм превосходным образом подтверждается тем памятным случаем, истинность коего д-р Фладд доказывает свидетельствами великих и учёных мужей. Так же и Агриппа, говоря о появлениях мёртвых, пишет: «Но то, что я видел собственными глазами и [чего] касался собственными руками, не стану упоминать в этом месте, иначе меня постигнет судьба быть обвинённым во лжи невеждой, в силу удивительной необычности событий». Но зрелище [scene]¹³⁴ это продолжается не более одного года, ибо, когда тело начинает полностью распадаться, дух возвращается к своему изначальному элементу. Подобные появления вызывали большой шум в мире, не без некоторой выгоды для папы; но я сохраню все [примеры] для своего главного произведения, где более полно опишу сии тайны.

Теперь расскажу о человеке, ибо он судим сверхприродным судом; и — чтоб быть кратким — моё суждение таково: помимо небес эмпирея существуют два низших дома, или вместилища, духов. Одно из них — то, что наш Спаситель именует «внешней тьмой», и оттуда нет вызволения —

¹³³ [Перевод с лат. цитируется по изданию: Вергилий. Энеида/Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

¹³⁴ В авторской орфографии — *scaene*. Слово кажется неуместным; возможно, Воган написал латинское *scaeva* — «знак» в смысле «знамение», «предзнаменование».

«откуда им уже никогда не выйти»¹³⁵, как написано у божественного Платона. Другое, я полагаю, примерно соответствует Елисейским полям, некой тонкой, приятной сфере, как бы предместью неба, тем семи величайшим горам, на которых произрастают розы и лилии, или пределу рая у Ездры¹³⁶. Таково место, где, как поведал Амелию оракул, обитает душа Плотина:

Где обитают и милая дружба, и нежная страстность,
Чистая благодать царит, вновь и вновь
наполняясь от Бога,
Вечным теченьем бессмертных потоков,
где место любви,
И сладковейные вздохи, и вечно эфир несмутимый,
Где от великого Зевса живёт золотая порода¹³⁷.

Стеллат считает, что душа восходит последовательно, постепенно, в соответствии с ходом искупления, а её временное обиталище находится на луне¹³⁸. Но где бы оно ни было, моё мнение таково, что сей срединный дом назначен для таких душ, которые при жизни человека не раскаялись в этом мире до конца. Но невзирая на это, они принадлежат к числу тех, которые будут спасены, и сохраняются в этом месте для

¹³⁵ [Платон. Федон. Пер. С.П. Маркиша.]

¹³⁶ 3 Езд 2:19. Этот фрагмент представляет собой часть обращения Бога к Ездры и никак не связан с раем, но аллюзия на его «пределы» есть в главе 2:7, в другом контексте.

¹³⁷ [Перевод цитируется по изданию: Порфирий. Жизнь Плотина/Жизнь Пифагора. Жизнь Плотина/Пер. М.Л. Гаспарова//Диоген Лаэртский (Лаэртский). О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.]

¹³⁸ Марцелл Палингений Стеллат, автор написанной гекзаметром латинской поэмы «Зодиак жизни» (Zodiacus Vitae) в двенадцати книгах, соответствующих двенадцати знакам. Книга IX, соответствующая Стрельцу, содержит рассказ о посещении луны, которая считается местом суда над душами ушедших.

дальнейшего покаяния в духе за прегрешения, совершённые ими во плоти. Я не утверждаю здесь тот *ignis fatuus* [с лат: блуждающий огонёк] чистилища, или какой-либо красочный, воображаемый Тофет¹³⁹ подобного рода; но то, о чём я говорю, — если только я не сильно заблуждаюсь, — основательно свидетельствует Писание. В Послании св. Петра сказано, что Христос «...быв умерщвлён по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал, некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие, то есть восемь душ, спаслись от воды»¹⁴⁰. Те духи были душами тех, кто погиб при Потопе, и [они] будут находиться в этом месте, покуда не явится Христос с проповедью о покаянии.

Мне ведомо, что Скалигер¹⁴¹ думает обойти сию конструкцию своим *qui tunc* [с лат: кто же тогда], имея в виду, что тогда — до Потопа, — когда им проповедовали, они были живы. Но я опровергну это единственное противоречие тремя основательными рассуждениями, почерпнутыми из текста. Во-первых, не сказано, что им проповедовал сам Дух, но Тот, кто был направлен туда Духом, а именно Христос в ипостасном союзе [hypostatical union] Его души с Божественной природой — союз этот отсутствовал до Потопа [во времена], когда жили те погибшие. Во-вторых, написано, что Он

¹³⁹ [Тофет — место в долине сынов Еннома, на юге Иерусалима. Здесь детей приносили в жертву Молоху (Иер 7:31).]

¹⁴⁰ 1 Пет 3:18–20.

¹⁴¹ Известны два Скалигера, отец и сын, годы жизни соответственно 1484–1558 и 1540–1609. Отец — Юлий Цезарь, французский филолог, критик, поэт Возрождения. Обоснованный им закон о трёх единствах лёг в основу эстетики классицизма. Сын, Жозеф Жюст, французский гуманист, комментатор античных текстов, заложил основы научной хронологии.

проповедовал духам, а не людям; тем, кто находился в темнице, а не тем, кто был жив¹⁴², что прямо противоречит Скалигеру. И сие толкование апостол подтверждает в другом месте «и мёртвым [было благовествуемо]»¹⁴³, т.е. проповедь, была обращена к мёртвым, а не к живым. В-третьих, апостол говорит, что те духи иногда проявляли строптивость, и вдобавок рассказывает нам когда, а именно — в дни Ноя. Откуда я заключаю, что они не были строптивы во время сей проповеди; и это явствует из следующей главы. «Ибо для того, — говорит апостол, — и мёртвым было благовествуемо, чтобы они, подвергшись суду по человеку плотию, жили по Богу духом»¹⁴⁴. Итак, сей суд по плоти был основан на их непослушании во дни Ноя, за которое они и были утоплены; но спасение по Богу духом происходит из их раскаяния при проповеди Христовой, которая имела место после [их] смерти. Я не возвещаю это читателю, словно с престола непогрешимости, но уверен, что сам текст не скажет ничего иного. Что касается доктрины, то она вовсе не вредна; но — в моем разумении — не умаляя Господней милости, она немало способствует утешению человека.

Я скажу ещё несколько слов, более о себе, а также об общей философии, после чего завершу. Быть может, спросят, кто я и в особенности, какова моя вера. Примите же сей краткий ответ. Я не папист и не еретик, но истинный, непоколебимый протестант в лучшем смысле Англиканской церкви. Ибо философия в её нынешнем виде весьма несовершенна и к тому же лжива, — всего лишь снадобье аптекаря, смесь из-

¹⁴² 1 Пет 3:19: «Которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал».

¹⁴³ Там же. 4:6.

¹⁴⁴ Там же. 4:6.

менчивых, противоречивых принципов, никак не согласующихся с гармонией и методом Природы. Словом, вся энциклопедия — как они её называют, заманивая показной, математической частью, — основана на одном лишь воображении, без малейшего света опыта. Посему я желаю всем истинным сынам моей знаменитой Оксфордской [alma] mater взглянуть за пределы Аристотеля, а не ограничивать свой разум узким и облачным горизонтом его словес; ибо у него столь же мало Природы, как у грамматиков — тайнописи. Я не ожидаю их признательности за сей совет или открытие; но настанет время, когда сия истина будет явлена более полно, и особенно — та великая и славная тайна, о которой едва упоминается в сей книге: «Лишь Царь-Мессия, Слово Отца, обретшее плоть, приоткрыл сию тайну, дабы была она явлена более [открыто] по прошествии времени». Это — собственное предсказание Корнелия Агриппы, и я уверен, что у него найдётся достаточно защитников, когда от меня не останётся здесь ничего, кроме памяти.

Иисус сладчайший, я слышал голос Твой: когда Я
Вознесён буду от земли, всех привлеку к Себе¹⁴⁵.
Но — здесь я. Задыхаюсь в этом прахе,
Далёк и от Тебя, и от прохладного восхода дня.
Мне ведомо: длинна твоя рука, но не достоин я,
Покрытый мерзостью и грязью, её принять.
Я смраден, и не надеюсь по сердцу прийти [Тебе],
Коль не возлюбишь хворь Ты в милости Своей.
Хворь излечима; но кто спасёт
Того, кто мёртв? Ответь мне, Господи, я жив ли?

¹⁴⁵ [Ин 12:32.]

Воистину: я жив; но сплю так крепко,
Что двинуться не в силах, и Твой зов едва мне слышен.
И колыбельные греха меня чаруют, когда хочу подняться;
Но привлеки меня к Себе, и побегу я.
Тебе известно, болен я: мне не нужны пиры,
Потребна же диета, которую б назначил Ты.
Ведь если побреду один, я вскоре
Излишества предамся и кровью истеку,

покончив с жизнью.

Прошу каменьев, скорпионов, но, как и прежде,
в сомнении,
И думаю лишь о любви: ведь если без неё оставишь —
я пропал.

Господь дражайший, отрекайся от меня, отвергни
Мою волю, коль она с Твоею не согласна.
Когда закончится сие боренье, и пред Тобой предстану,
Чтобы держать ответ, каким я был здесь пациентом,
Как лил я слёзы, когда Ты к сердцу моему стремился,
и как томился

По лучшим сладостям Твоим, в капризе детском
Твою любовь отвергнув, и как скорблю и плачу
По своим же погрешкам, желая с ними поиграть, —
Взгляни на крест Свой, вспомни кровь Свою.
Когда моя зардеет, стыдясь греховности моей,
Тогда я буду жить, спасённый вопреки паденью,
И передам посланье милости Твоим созданиям,
Которые, увидев наихудшие грехи во мне,
Признают наилучшую любовь в Тебе.

Итак, читатель, я завершил, но не могу сказать, насколько был я пристрастен. Уверен, что сие [сочинение] не пройдёт

незамеченным; но буду вполне доволен, если ты исполнишь всего одну мою просьбу. Я не хотел бы, чтобы ты искал здесь красноречие и изысканную риторику, и во многом потому, что не всё можно описать словами. Помимо того, сей труд был написан второпях и в дни моей скорби в связи с печальным событием — смертью моего брата. «А ведомо ли кому, каково писать при истечении слёз и чернил?»

В заключение: если я в чём-то ошибся, хотя и следовал правилам сочинения, то предоставлю сие милости не человеческой, но Бога, который более всех способен и желает даровать нам прощение в Судный день.

КОНЕЦ

Уведомление читателя

Если давний зуд бумагомарательства — болезнь, весьма свойственная последователям Галена, — одолеет кого-либо из их племени, я буду ожидать от них следующего: во-первых, ясного, чёткого толкования всех фрагментов сего сочинения, без какого-либо ущерба для смысла, вложенного автором; ибо если они истолкуют их [те фрагменты] иначе, чем надлежит, то лишь сами допустят ошибки, чтобы затем их же опровергнуть. Во-вторых, чтобы доказать свою осведомлённость и свои познания в сей области, пусть скрупулёзно опишут читателю все её тайны. Если это выше их способностей, значит, они не знают того, о чём спорят; а если не знают, то как могут судить, а если судят, то где их свидетельства, чтобы осудить? В-третьих, пусть они не коверкают и не раскладывают мой труд на составляющие грудой замечаний, но рассмотрят

последовательно недостатки каждой части, толкуя тёмные места и излагая истинную практику, дабы читатель мог увидеть ошибочность моих мнений не только посредством их теорий, но и — если он испробует — на своём личном опыте.

Добавлю ещё два предостережения для восприимчивого и благожелательного читателя: 1) да не пренебрежёт он моими стараниями из-за моих лет, коих немного. Обычай большинства людей — мерить знание по бороде; но взгляни на душу, что есть суть той природы, «которая не требует течения времени для своего совершенствования»; 2) да не будет он поспешен с заключениями относительно предмета сего Искусства, ибо этот принцип нелегко осознать. Он — не земля и не вода, не воздух и не огонь. Он — не серебро, не золото, не Сатурн, не сурьма и не купорос, но и не какой-либо из минералов. Он — не кровь и не семя какой-либо сущности — как полагали некоторые извращённые, непристойные авторы. Словом, он — не минерал, не растение, не животное, а как бы система всех трёх. По-простому, это — семя большого животного, семя небес и земли, наш таинственнейший, удивительнейший гермафродит. Если вам известно сие, — а вместе с тем и гидро-пиро-магическое Искусство, — то, с некоторой уверенностью, вы можете предпринять сию попытку: если же нет, то [подобная] практика — путь к бедности. Не пытайтесь [достичь] ничего без знания, но ограничьтесь теми пределами, которые Природа назначила вам.

**Anima magica
abscondita,
или
Трактат
об универсальном
духе природы**

Читателю

Да помилует меня Господь: что-то станет теперь со мною? Я не испросил совета ни у звёзд, ни у их мочеприёмников — астрономических календарей. Хорош же молодец, решившийся пренебречь пророками, каждодневно читаемыми в Англии. Да простят они меня за такое упущение. Есть в их ремесле тайна, о которой они едва ли слышали, — усеянное звёздами христианское небо — новое небо, помещённое воображением над прежней землёй. На нём двенадцать апостолов захватили Зодиак, и все святые расположились к северу и к югу от него. Весьма дерзким показалось бы утверждение, что св. Павел находится в асценденте, и разве не улыбнулся бы папист тому, что его Папа избран под знаком св. Петра? Читатель, если бы я стал изучать эти вещи, счёл бы, что со мной обошлись хуже, чем Чосер обошёлся с римлянином [т.е. Вергилием] в «Троиле»¹. Я выступаю так, словно день не разбит на часы, а часы не зависимы от планет: и меня не беспокоит ничто, кроме той интермедии Перенденга у Мигеля Сервантеса: «Бог не без милости, и да здравствует, мне на радость, сеньор мой»². Ты не поймёшь, куда я клоню: ведь у меня нет ни графа Лемосского, ни кардинала, коих я мог бы помянуть. Но я поминаю усопшего, желая светлой памяти тому, кто заслужил её своими трудами. Случилось так, что, когда я предоставил

¹ [Имеется в виду поэма Чосера «Троил и Хризеида».] Суть, видимо, в том, что, согласно предсказанию оракула, жизнь Троила была залогом независимости Трои. Но сын Приама был убит Ахиллом, и город пал. Сравнение Вергилия с Чосером не особенно удачно.

² [Цитировано по изданию: Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. Ч. 2/Перевод Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1988. Пролог.]

моё прежнее сочинение для просмотра, — обычай этот задушил многие истины в колыбели, — некий учёный муж довёл до моего сведения дурное мнение, которое он питал относительно моего наставника Генриха Корнелия Агриппы. Я всегда понимал, что сия странность была присуща уму не одного, но многих. Судьба глубоких авторов — оставаться непонятыми из-за [окружающей их] тьмы. Подобным же образом пятна на Луне для некоторых людей суть земля, но гораздо вернее, что они — вода. Сколь бы ни был ясен день, [его омрачают] тени у горизонта: так и низкие умы, размышляя о высших умах, оставляют туман в их лучах. Если бы он [Агриппа] жил в невежестве, подобно большинству, он исчез бы словно прошлогодние облака, не оставив по себе памяти. Но, поскольку я полагаю истину главной ветвью той цели, ради которой я был рождён, то считаю своим долгом защищать того, от кого её получил. Мир, не сумев опровергнуть принципы сего мужа посредством разума, решил добиться своего путём клеветы; и первым из использованных аргументов стало обвинение иудеями Спасителя: «Ты Самарянин и... бес в Тебе»³. Главнейший из преследователей — Чигонья⁴, после него — Дельрио с его неправдоподобным сочинением «Disquisitionum»⁵. Но Паоло Джовио примешал мерзость, которая — как и многих других — довела до смерти моего наставника⁶. Сие свершено с немалой настойчивостью им и его поэтом,

³ Ин 8:48.

⁴ Строцци Чигонья (Strozzi Cigogna), чьё сочинение «Magiae Omnifariae, vel potius universae naturae Theatrum» вышло на итальянском языке и было переведено на латынь в 1606 году.

⁵ «Disquisitionum Magicarum Libri Sex». Мне известно второе издание ин-кварто. Лейден, 1604. Упоминаний об Агриппе в этом обширном трактате мало.

⁶ Многочисленные труды Паоло Джовио, епископа Ночеры, были собраны и напечатаны в Базеле между 1578 и 1596 годами в пяти томах ин-фолио. Они посвящены самым разнообразным предметам, но демонологии среди них нет. Я не могу сказать, где именно он упоминает Агриппу.

которого он, видимо, нанял, чтобы накропать стишки [и добавить] в собственную прозу, и так выдумать легенду. Вот его слова: «Кто в силах поверить, что удивительная способность была сокрыта за невозмутимым ликом Генриха Корнелия Агриппы?» Рассуждая дальше, он даёт утвердительный ответ на свой вопрос и цитирует лучшие места из [сочинений] моего наставника, словно предъявляя иск его памяти. Но больше прочего он желает, чтобы Агриппа доказал свои воззрения на основании Писаний. Кроме того, он привлекает ту мрачную басню о сатане в образе его пса, чей ошейник, символически окованный гвоздями, сделал эту бестию его слугой. Развязку всей истории он устраивает в Лионе, где Агриппа — сам будучи при смерти — отторгает свою магию отчаянным приказом: «Прочь, заблудшая тварь, отдавшая мне всё». Это — невыносимейшая ложь и невероятнейшая в каждой подробности, в какой её когда-либо рассказывали. Бесы не покидают своих сообщников в день смерти, и в такое время их нельзя изгнать. В этот час они настигают свою жертву и из мнимых слуг превращаются в безжалостных хозяев. К тому же, разве не странно, что кто-то выследил этого пса от дома Агриппы до [реки] Арар, куда — как утверждает сей прелат — он и нырнул? Нет сомнения, что духи уходят невидимыми, и при этом ни один смертный не может выследить их. Поверьте в эти [рассказни], и останется поверить во все басни про чистилище.

Итак, читатель, ты услышал самое худшее; склони же справедливый слух, и ты услышишь лучшее. Иоганн Виер, известный враг обрядовой магии, некоторое время бывший секретарём Корнелия Агриппы, в своём трактате «*Daemonomonia*»⁷

⁷ Французский перевод появился в 1579 году под заглавием: «*Histoires, Disputes et Discours des Illusions et Impostures des Diables*». См.: Кн. II. Гл. 5. [Видимо, речь идёт о книге Виера «*Pseudomonarchia Daemonum*» («Псевдомонархия демонов»), написанной в 1563 году как дополнение к его же «*De Prestigiis Daemonum*».]

говорит следующее. Он удивляется, что некоторые учёные немцы и итальянцы не стыдятся злословить на его учителя в своих сочинениях, предоставляемых на суд публики. Действительно, у него [Агриппы] был пёс по кличке Месье, и Виер выгуливал этого спаниеля на шерстяном поводке, когда Агриппа бывал в отъезде. «И разумеется, — добавляет он, — пёс этот был обычным кобелём», с которым Агриппа спарил суку той же масти по кличке Мадемуазель. Известно, что он любил своего пса и, когда развёлся с первой женой, позволял ему шутки ради спать рядом, под накидкой. Во время его штудий пёс лежал на столе рядом с хозяином; и великий философ, «со всех сторон обложенный своими редкими рукописными диковинами», по словам Виера, мог иногда не выходить наружу целую неделю. Столь усерден он был на благо потомства, воздавшего за его труды лишь холодностью. Из его переписки мне известно, что, когда он жил в Мехелене⁸, слуги в своих письмах отчитывались перед ним о здоровье его пса, — вот как он любил эти создания⁹!

Но вернёмся к легенде. Паоло Джовио рассказывает, будто он [Агриппа] умер в Лионе «в грязной и тёмной таверне», но Виер, который, естественно, был более осведомлён об обстоятельствах смерти хозяина, сообщает, что тот умер в Гренобле и «в Господе», а не в отчаянии, как хотели бы его враги. Забавная получается прогулка, от Гратианополиса до Лугдунума¹⁰:

⁸ [Город на территории современной Бельгии.]

⁹ Для англоязычного читателя наиболее доступным источником является труд Генри Морлея (Morley) «Корнелий Агриппа» в двух томах (1856) — сочинение серьёзное и читабельное. Корреспонденция Агриппы занимает семь книг. Появилась она в его собрании сочинений вскоре после смерти. Часть была переведена на французский и вошла в сборник под названием: «Генри Корнелий Агриппа: его жизнь и творчество». Жозеф Орсье, 1911.

¹⁰ Гратианополис — это Гренобль, а Лугдунум — Лион, если только не подразумевается Lugdunum batavorum, т.е. Лейден.

неважным географом был этот Паоло. Но, читатель, в намерения мои не входит скрывать что-либо в этом деле: знай же, что у Агриппы был ещё один пёс [по кличке] Филиоли, и умер он в бóльшем почёте, нежели многие враги его хозяина. Ибо мой наставник некими тайными средствами столь удивительно обучил его, что учёные мужи сочиняли в его честь эпитафии, некоторые из которых вышли в свет и существуют до сих пор. Поверив в эту басню о крещёном цербере, Поссевин сочинил такие стишки:

Живущий ныне, огляди сию могилу и подумай,
Заслуживает ли слова мира покоящийся в ней,
Знай же: погребённый — истинный царь Стикса,
С защитой адовой жил он на земле,
Но после смерти стал добычей своего слуги.
Пока была та сила с ним, парил он так же высоко,
Как ныне низко пал.

Вот так все они демонизировали его; но почему бы не выразить в стихах и истину, коль можно было выразить в них клевету?

Итак, Агриппа славный в двух мирах творил,
Являя силы многоликие в сосуде хрупком.
Земля охватывает землю, а небо — с небесами связано.
Писал при жизни он пред ликом мудрецов.
Природа забрала природу, высшее же бытие
Встречает его душу, как родную, на высотах.
Учил при жизни он и учит даже в смерти:
В то время как средь звёзд восходит он,
Магическую силу рука его ещё дарить способна.

Что ж, читатель, если тебе надобны иные доказательства его отвращения к чёрной магии, то советую прочесть его хри-

стианнейшую инвективу против немецкого колдуна, служившего при французском дворе. Более того, столь ревностен [в вере] и совестлив он был, что, когда некие богословы обратились к нему за комментарием к Трисмегисту, он дал им весьма колкий ответ, возведя всё истинное знание к Писанию. Словом, он ненавидел не только нечестивые, но и пустые искусства, потому-то и утратил милость королевы-матери, не пожелав помогать ей в астрологии — в [той самой] науке, в истинной, природной части которой он был изумительно искусен. Но ему было ведомо, что бессмысленно искать в планетах [знаки] роковых событий, ибо таковые начертаны не в Природе, но в Высших Скрижалях Судьбы. Итак, приведя достаточно доказательств его чистосердечия, я в немногих словах раскрою причины его преследований. Он был человеком реформированной веры; и, если бы я располагал досугом, чтобы цитировать его сочинения, я мог бы легко доказать, что он не принадлежал к католической церкви. Ибо в своём трактате «О тщете наук» он не славословит ордена монахов, — как живущих в монастырях, так и странствующих, — но называет их сектами, «освободившись от коих, Церковь стала бы много лучше», и, разумеется, та его известная насмешка в адрес черноризцев до сих пор не даёт покоя папистам¹¹. Также он отрицает их образа, их обращения к святым, их чистилище и индульгенции, и высказывает пожелание, чтобы миряне общались «обоими способами». Он немало противоречит самому папе и резко выступает против службы инквизиции. Его мнение о Лютере нетрудно узнать из его писем, ибо в письме к Меланхтону¹²

¹¹ Предположительно, это ссылка на трактат «О тщете наук». Там представлена картинка, сопровождаемая едкой критикой монашеских орденов. Непонятно, почему в тексте она названа насмешкой.

¹² [Филипп Меланхтон (1497–1560) — немецкий гуманист и видный деятель Реформации, ближайший сподвижник Лютера.]

он выразился так: «Приветствуйте от меня этого непобедимого еретика Мартина Лютера, который — как Павел говорит в Деяниях — служит Богу своему по учению, именуемому ими ересью»¹³. Наконец, он выступал всецело за писаное слово [т.е. Священное Писание], предпочитая его человеческим установлениям в противоположность папистам, не позволявшим привлекать его [Писание] в качестве арбитра в спорах. Таков сей человек, и так он оценён на родине, что бы ни говорили о нём на чужбине.

Приступим же к его более таинственным принципам: из этого трактата ты узнаешь их суть, и, если сумеешь воспринять её, то назовёшь его так, как Трисмегист именует человека — «смертным Богом»¹⁴, или как Панеций именовал Платона — «божественным, святейшим, мудрейшим из людей, Гомером философов». Но сия вздорная перепалка недостойна его памяти, а мои рассуждения стали похожи на критику, а не на [философское] сочинение. Больше я не пророчю ни слова, но предоставляю тебя твоим изысканиям, сам же переведу ту эпитафию Платины¹⁵:

Кто бы ты ни был, но если ты благочестив,
Не досаждай умершему Агриппе,
А также тем, кто рядом погребён,
И просит только неприкосновенного покоя.

Евгений Филалет.

¹³ Деян 24:14.

¹⁴ [Manifested God. Буквального перевода — «проявленный Бог» — нет, поэтому взято «смертный Бог» из 10-й части герметического свода, 25, в издании «Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада». К.: Ирис; М.: Алетея, 1998.]

¹⁵ [Бартоломео Сакки, по прозвищу Платина (1421–1481) — итальянский гуманист, библиотекарь.]

Anima magica abscondita

Всем известна поговорка «Строить воздушные замки», но только перипатетики действительно этим занимаются. Сколь часто меня изумляло, что даже цель и результат их философии недостаточно обнаруживают её лживость. Её предмет лишь способствует беседе. Модус и фигура¹⁶ — вот два их столпа, их пределы. Их семивластье находит своё завершение в силлогизме, а их лучший профессор — не более чем дисциплинированный сквернослов. Семь лет их обучения — это семь лет голода; они оставляют душу без насыщения и похожи на сон больше, чем сон фараона¹⁷. Ибо, воистину, если место действия и царство снов находятся лишь в воображении, то измышления этих мужей, пребывая только в них самих, стоят на тех же столпах. Таким образом, сия секта может быть названа «братством мечтаний». Их представления не зиждутся на каком-либо смысле, существующем в природе, но они готовы водрузить Природу на основания, созданные и воздвигнутые их собственными представлениями. Их философия построена на общих, бессодержательных утверждениях, а столь растяжимые и широкие понятия можно приложить ко всему, и в итоге они не приведут ни к чему. Таковы общие очертания их монстра, относительно которых у них существует множество дальнейших заблуждений, якобы соразмерных с их основами, но в действительности ею [соразмерностью] не обладающих. Эти последние так расчленены

¹⁶ [Модус и фигура — формы категорического силлогизма. Эти понятия использованы Аристотелем в труде «Первая аналитика».]

¹⁷ Аллюзия на Бытие 41.

категориями и признаками, что даже их авторы опасаются применять их. Их физиологию я мог бы сравнить со [сценой] охоты на гобелене, где много сходства, но ни капли истины. Это — дитя воображения, роман в силлогизмах, ткань их собственного мозга, подобно той паутине, которую у Лукиана пауки соткали между Луной и Венерой. По их словам, Природа как целое представляет собой «принцип движения и покоя». Форма есть «внешнее выражение внутренней сущности» — что делать с этим определением, им неизвестно, — а душа есть действительность, или «активный принцип органического тела». Два последних описания — ибо они не являются определениями по существу — столь загадочны, что я искренне верю, что Аристотель ухватился за те слова λόγος и ἐντελέχεια, [т.е.] форма и действительность, потому что не хотел показать своё невежество в этих вопросах. По какой же причине называть форму λόγος и у какого ещё автора встретится это ἐντελέχεια? Но, поскольку Природа как целое, т.е. в своей активной и пассивной частях, а именно — материя и форма — вместе с человеческой душой суть первостепенные основы, на которых надлежит возводить философию, и поскольку этот Аристотель столь превозносим своими почитателями, что иезуитские богословы называют его «предшественником Христа в явлениях природы, как Иоанн Креститель был [предшественником] в благодати», я разберу эти его определения и признаю [их] преимущество, если найду его.

Прежде всего могут счесть, будто я обязан этому мужу за сообщение, что Природа есть принцип. Так и я могу заявить читателю, будто пассивный дух мага есть принцип; но если не открою ему, какого рода эта субстанция, то обещаю ему десять лет исследований, и даже если солнце на его лимбе [dial] будет двигаться вспять на десять градусов [degrees] каждый день, без сверхъестественной помощи ему

не удастся узнать, что это или где [оно]. Но вы возразите: он [Аристотель] сообщает, что сей принцип обуславливает движение и покой тела. Признателен ему за такую безделицу. Но не желаю знать, что обуславливает этот принцип, — ибо сие очевидно любому, — однако хочу узнать, чем он является; и потому он может забрать своё определение. Опять же, вы можете возразить: мол, он не ограничивается словами, что Природа есть принцип, но также [сообщает], что «Природа есть Форма», а, следовательно, «Форма есть Природа». Это — *idem per idem* [с лат.: определение через определяемое] удерживает меня в круге понятий, но ничего не разъясняет по сути. Кроме того, форма — в истинном смысле понятия — означает внешнюю симметрию или форму сочетания¹⁸. Но перипатетики, которые понуждают язык так же, как и Природу, в своих сочинениях трактуют по-иному, принимая следствие за причину. Посему я восприму это так, как написано, и удовольствуюсь пока тем, что подпишусь под их комментариями. Итак, форма в их концепции идентична с *δύναμις πλαστική*, или формирующей силой, которую Аристотель определяет как «внешнее выражение внутренней сущности». Признаюсь, что я его не понимаю, поэтому приму на веру интерпретацию его учеников. «Именно λόγος, — по словам Магира, — совершенствует, разукрашивает и отделяет природную вещь так, что благодаря ему одна отличается от другой». Это раскрывает назначение и смысл форм, но ровно ничего [не сообщает] об их субстанции или сущности.

Посмотрим теперь, что он говорит о человеческой душе. Душа, по его словам, есть действительность, то есть, попросту,

¹⁸ Согласно Фоме Аквинскому, главе схоластической философии, то, что обозначается термином «форма», есть совершенство каждой отдельной вещи, её конкретного, определяющего принципа.

совокупность, — или, варварски, но справедливо, *finihabia*, — хотя его собственные последователи неверно истолковывают сие как «активный принцип органического тела». Но такое определение пригодно также для зверей и растений, и потому он ухватился за другое: «Душа есть принцип, посредством которого мы живём, чувствуем, движемся и постигаем». Что ж, оба эти определения касаются исключительно действий и способностей, которые душа проявляет в теле, но совсем не раскрывают её природу или прообраз [original]. Искренне поступил Гален, признавшийся в своём невежестве относительно субстанции души; тем не менее этот малый — в целом не отличающийся честностью — наречён Принцем философов, и мнения более значимых авторов поверяются его предписаниями, словно пробирным камнем. Более того, само Писание нередко извращается и искажается его учениками, чтобы получить *placet* [с лат.: за, согласие] для его умозаключений. Презренное это занятие — изучать сего язычника, собирая его солому и жнвьё большую часть жизни, чтобы в итоге знать о себе самом только то, что душа есть течение [course] жизни, чувства, движения и понимания. Мне внушает жалость наше обычное безрассудство, заставляющее налагать на себя ученичество, требующее трат и времени, и лишь для того, чтобы познать несколько поверхностных истин, которые любой землепашец знает и без книг. Воистину, Природа такой наставник, что никто не может быть невежествен в этом, ибо кто настолько глуп, чтобы не знать разницы между жизнью и смертью, между отсутствием и присутствием своей души? Но эти самые определения, — хоть и считаются редкими, глубокими, философскими заключениями, — не дают нам более ничего.

Итак, достаточно этой философии перипатетиков, этого негодного пустословия, как справедливо именует сие

апостол Павел¹⁹, ибо нет сомнений, что он имел дело с ней в Афинах, во время своего диспута о воскресении. Не будем же более рассматривать эту *olla podrida* [с исп.: мешанина], но [займёмся] тем духом, который пребывает в элементах, ибо именно он производит истинное действие при последовательном чередовании смерти и творения; тогда как дух заблуждения — т.е. дух Аристотеля — не производит ничего, кроме множества понятий. Заметьте, что Природа и сей Стагирит весьма далеки друг от друга: одна завершается созиданием, другой — словесами. Последователи его уточняют прежние понятия, но не прежние создания. И, действительно, тайна их ремесла заключена только в их терминах. Если бы их спекуляции были явлены миру в простом одеянии, то пустота и поверхностность смысла никому не позволили бы признать их философами. Признаю, что в некоторых трактатах они обращаются к Природе, но не идут правильным путём, чтобы постичь её. Они охотятся, но никогда не достигают свою дичь, ибо есть ли среди них кто-нибудь, обладающий столь целостными и систематическими познаниями, чтобы подкрепить свои умозаключения практикой? Опять же, в некоторых вопросах они проходят мимо сути: они бранятся и пререкаются из-за собственных вымыслов и препятствий, которые в Природе встречаются не чаще, чем Лукиановы капустнокрылы или гиппогрифы²⁰.

Итак, причина их заблуждений [кроется] в том, что они не искушены ни в чём, кроме внешних обстоятельств или качеств, и все их свершения в философии [сводятся к тому], чтобы объявить тело горячим или холодным, влажным или сухим. Но если они подразумевают сущностный

¹⁹ 1 Тим 6:20, 2 Тим 2:16.

²⁰ [Лукиан. Правдивая история. Ч. 1. С. 13–15.]

темперамент, то сильно ошибаются, приписывая такие характеристики, ибо касание или наблюдение не помогут различить внутренний, подлинный характер [complexion]. Тело, снаружи холодное на ощупь, внутри, где находится настоящий темперамент, может быть горячее, чем представляется само солнце. Но им неведома предусмотрительность Природы, которая наделяет различной способностью к сопротивлению на периферии всего, иначе качества окружающих тел будут слишком сильно соответствовать центру и тем вызывать распад состава. Так она вкладывает свой пассивный, освежающий дух между центральным огнём и Сульфуром. После чего она помещает Сульфур между раствором небесной Луны [т.е. серебра] и её внешним Меркурием — редкостная, изумительная структура, неопровержимо доказывающая, что никто, помимо Господа, единственного Мудреца, предусмотревшего удобства и неудобства Своих творений, не мог расположить их в том благом порядке и связи²¹. Но вернёмся к перипатетикам: их философия — разновидность физиогномики. Они готовы судить о внутренних принципах — формах, как они их называют, запертых в темницу материи, на основе внимательного изучения внешности, или корки Природы. Столь же безрассудно самонадеянной была бы попытка ювелира установить ценность или блеск запертого [в ларце] самоцвета. Посему советую им применять руки, а не воображение, и сменить абстракции на экстракции; воистину, до тех пор пока они подобным образом облизывают оболочку, а не проникают к средоточию вещей посредством опыта, им не про-

²¹ Воган говорит о некоторых принципах, гипотетически универсальных в Природе и соотносящихся с Сульфуром и Меркурием, известными алхимикам, которые полагали Соль третьим принципом и считали эту триаду основой своего таинства. Соль рассматривается в трактате Вогана «Euphrates».

двинуться дальше. Они не могут познать сути [substantially] вещей, а способны лишь описывать их внешние воздействия и движения, доступные и очевидные обычному глазу. Пусть же они узнают, что в Природе существует некий дух, который, соединяясь с материей, приводит её в движение в каждом творении. Что существует также пассивный, внутренний принцип, где он [дух] пребывает более явно, чем в остальном, и посредством которого он сообщается с более грубыми, материальными частями. Ибо в природе есть некая цепь, или иерархическое сходство качеств видимого и невидимого, и благодаря этому высшие, духовные сущности нисходят и общаются с материей здесь, внизу. Но будьте осторожны и не поймите меня превратно. Я говорю сейчас не о Божьем Духе, но о некоем Искусстве, посредством которого отдельный дух может быть соединён с мировым [духом], вследствие чего Природа непостижимым образом может быть возвышена и приумножена. Итак, вы, имеющие очи в сердце, а не сердце в очах, прислушайтесь к тому, что говорится, чтобы я сумел открыть вам магию, [заключённую] в словах волшебника: «Внимайте разумом сердца».

Для любого, кого Природа наделила разумом и подходящими органами, чтобы являть его, очевидно, что каждое тело в мире подчинено определённому типу движения. Животные обладают поступательным (наружным) и жизненным (внутренним) движением. Небеса движимы тем типом, который перипатетики именуют *деланием* [lacion]²² — кстати, должно вам сказать, что здесь оно проистекает из внутреннего

²² В классической латыни *latio* означает «делать» или «давать»; ср. Цицерон: *legum latio* — «устанавливать законы». В поздней латыни это слово означало «ношение», корень являлся причастием прошедшего времени от *fero* — «я несу». Как можно видеть, Воган объясняет слово через смысл, вкладывавшийся Аристотелем: как принцип движения в соответствии с законом Космоса.

принципа, ибо разумность — вымысел. Воздух движется различно, море имеет прилив и отлив. Растениям присущи рост и увеличение, что неизбежно влечёт конкоксию²³; и, наконец, земля с её минералами и всеми другими богатствами подвержена изменению, т.е. рождению и умиранию. Итак, поскольку сама материя лишь пассивна и не обладает никакой способностью к движению, мы с неизбежностью приходим к выводу, что существует некий внутренний принцип, который управляет ею и упорядочивает в каждом отдельном типе движения. Но, воистину, недостаточно называть сей принцип формой, скрывая сокровища Природы в этой узкой и нелепейшей условности. Скорее, нам надлежит воздерживаться от бумагомарательства и производить изыскания ради того, чтобы издать что-нибудь к чести автора, но гораздо больше — к пользе читателя. Итак, попросту, сей принцип есть Душа мира, или универсальный Дух Природы. Душа эта удерживается в материи некими соразмерными началами и, не находя выхода, организует массу [*organizare molem*]. Что было сил, тщится она обрести свою прежнюю свободу, устраивает для себя обиталище здесь, в середине, приводит свою темницу в определённый порядок и пускает ростки в некоторых членах, чтобы получить бóльший простор для действия и приложения своих способностей. Но, как вы увидите, в каждой форме есть три ведущих принципа. Первый — это Душа, о коей уже немного рассказано. Второй — то, что мы называем Духом Мира, и дух сей есть «средство, благодаря которому Душа проникает в своё тело и движет им». Третий — некая маслянистая, эфирная вода. Это — раствор [*menstruum*] и матрица мира, ибо в ней оформляются и сохраняются все вещи. Душа

²³ [Алхим.: варка или нагревание (смеси) субстанций при умеренно высокой температуре в течение длительного времени.]

есть соединение «тончайшего эфира и простейшего света». Потому-то тот восхитительный поэт-платоник и сказал про неё: «Огонь, эфирным дыханьем зажжённый»²⁴.

Также не следует вам удивляться, что я именую её соединением [compound], ибо не существует какой-либо совершенной природы, которая была бы простой, а не сочеталась с чем-либо, — за исключением Всемогущего Господа²⁵. Посему не доверяйте Аристотелю, который внушает вам, будто элементы суть простые тела, ибо абсолютный, неопровержимый опыт доказывает обратное. Пассивный дух есть тонкая, воздушная субстанция, единственное одеяние, окутывающее Душу, когда она спускается и прилагает себя к творению. Радикальный жизненный раствор есть чистая небесная природа, пропорцией и характером соответствующая вышним, межзвёздным водам. Когда пассивный дух притягивает Душу, — что случается, когда приходит в движение первое звено цепи (мы поговорим об этом в надлежащем месте), — то эфирная вода тотчас притягивает пассивный дух, ибо он первый видимый сосуд, в котором сгущаются высшие начала. Теперь, когда душа заточена и заперта посредством дозволенной магии в этом жидком кристалле, находящийся в ней свет исходит через воду, становясь «светом, открыто явленным глазу», и в этом состоянии он впервые становится подвластен мастеру.

²⁴ [Вергилий. Энеида. Кн. VI. Стих 747/Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида// Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

²⁵ Такое представление противоречит доктрине о человеческой душе в христианской теологии, согласно которой душа есть дух и потому односоставна и неделима. Оно также противоречит мистицизму, где союз с Богом понимается как завершение существования души, а никакой союз невозможен между сущностями, которые фундаментально различаются. Наконец, это противоречит самому Вогану, согласно которому дух человека есть Дух Божий. Справедливости ради добавим, что в схоластической теологии есть свои трудности: так, в ней постулируется определённый дуализм всех сотворённых духов, трактуемый как сочетание действительности и потенциальности.

Итак, в этом заключается тайна магического *денария*, его святейшая и таинственнейшая пирамида²⁶, изначальное единство, или вершина, которая всегда пребывает «в горизонте вечности», тогда как её основание, или квадрат, здесь, внизу, пребывает «в горизонте времени». Душа состоит из трёх долей света и одной — материи; пассивный дух имеет две доли материи и две — света, потому он именуется «срединой природой» и «сферой равновесия». Небесная вода имеет только одну долю света и три — материи. Итак, цепь нисхождения, с которой связаны духовные части, основана на подобию, или символе начал [natures], согласно тому принципу Останеса: «Природа очарована природой»²⁷. Так как в душе — три доли света, а в пассивном духе — две, то низшее притягивает высшее. Далее, поскольку в небесной природе всего одна доля, а в срединном духе — две, это одиночное сияющее единство привлекает другой *двоичный* [принцип], чтобы усилить и увеличить себя, как свет соединяется со светом или пламя с пламенем, чтобы остаться затем в жизненной, магнетической связи [series]. Опять же, цепь восхождения, относящаяся к материи, образуется так. Небесная природа отличается от эфирного духа не субстанцией, а лишь степенью и видом; так же и эфирный дух отличается от *ауры*, или материальной части души, только строением, а не природой; так что сии три, будучи едины по своей субстанции, могут вступить в совершенный, ипостасный союз, [чтобы быть] вознесёнными

²⁶ Вершина (1) + основание (1) + углы основания (4) + грани пирамиды (4) = 10.

²⁷ В антологии византийских алхимиков есть фрагмент из адресованного Петасию «Священного и Божественного искусства» Останеса. В нём нет приведённого Воганом афоризма. Однако его можно найти в письме псевдо-Синезия Диоскору по поводу книги Демокрита. Подобные выражения регулярно встречаются в греческих текстах по алхимии.

ми неким мысленным светом к «горизонту сверхнебесного мира» и так приобщиться к бессмертию.

Но, мне кажется, Природа будет недовольна таким бесчестьем: ведь я умаляю её величие, почти сломав печать её [тайны] и выставив её обнажённой перед миром. Должен признать, что зашёл очень далеко и теперь должен одёрнуть себя; ибо, если некоторые вещи должны быть обнародованы, то другие — сокрыты. Тем не менее расскажу о более высоких материях. Душа, хотя и активна в некотором смысле, не является таковой в силу своей сущности [essentially], она лишь орудие, поскольку направляется в своих действиях духовным, метафизическим зерном, семенем или сиянием света, простым и без примеси, происходящим от изначального Отца Света. И хотя вся его любовь озаряет одного лишь человека, однако всё в мире в какой-то мере управляется ради своего сохранения касанием Первичного Разума. Это отчасти подтверждается обителью и местопребыванием Господа, ибо Он восседает над всеми Своими созданиями, чтобы согреть и лелеять их живыми, вечными эманациями, которые Он ежедневно и ежечасно источает. Потому каббалисты именуют его *Кетер*²⁸, что соответствует у Парменида огненному венцу, который он помещает над всеми видимыми сферами. Сие истечение бестелесных сил сам Христос — в ком пребывала полнота Божественности — подтвердил и признал во плоти, ибо, когда хвóрая коснулась Его одеяния, Он спросил, кто коснулся Его, и объяснил: «Я чувствовал силу, исшедшую из Меня»²⁹.

Но отложив в сторону такие доказательства, хотя Писание изобилует ими, рассмотрим приложение и упражнение

²⁸ *Кетер*, или корона, есть первая и наивысшая сфера, или нумерология, Древа жизни в Каббале.

²⁹ Лк 8:46.

Природы здесь, внизу, и мы обнаружим, что её игра такова, что она не может предаваться ей без сего наставника. Прежде всего я хотел бы узнать, кто обучил паука его математике? Как может он сидеть в середине своей паутины, готовый в любой миг прыгнуть к тому или другому краю? Как ему удаётся задумать и предусмотреть подобное? Ведь если бы с самого начала он не знал и не представлял, что есть мухи, которыми он может кормиться, то не следил бы за ними и не плёл бы своих столь необыкновенных сетей. Воистину, нам придётся признать, что Тот, Кто уготовил мух для его пропитания, дал ему и некий проблеск света, чтобы знать и выполнять Его предписания. Скажите мне, если можете, кто научил зайца возвращаться по своему следу, запутывая его, чтобы смешать запахи и сбить с толку преследователей? Кто советует ему отпрыгивать от двойного следа, чтобы его отпечатки были на большем расстоянии и, следовательно, их было бы труднее отыскать? Разумеется, это — продуманная система, убедительно доказывающая, что Бог не оставляет Свои создания, но мудрость «...быстро простирается от одного конца до другого...»³⁰, и «Нетленный Твой дух пребывает во всём»³¹.

Но поговорим о том, что имеет непосредственное отношение к нашей цели: рассмотрим несколько явлений, пребывающих в Природе с их восхитительными чертами и симметрией. Как нам прекрасно известно, есть только одна Материя, из которой создается такое множество различных форм и строений. Итак, если бы действующая сила, определяющая и формирующая Материю, не была бы прозорливым духом, ей не под силу было бы произвести хоть что-нибудь. Позволь-

³⁰ Прем 8:1.

³¹ Там же. 12:1.

те мне предположить, что если бы Хиллиард³² с карандашом и мольбертом вознамерился запечатлеть розу, то без внутреннего постижения самой формы и пропорций того, что он намеревается написать, ему можно было обойтись без глаз, а также без каких-либо мыслительных способностей. Теперь давайте применим это к Духу, творящему в Природе. Он движется в центре всего, имеет перед собой Материю, подобно тому, как горшечник имеет перед собой глину или живописец — краски. И прежде всего он являет свою химию в нескольких трансмутациях, создавая жилы, вены, кровь, плоть и кости, этот труд включает также Его арифметику, ибо Он производит сочленения и все составные части, более того — как говорит Христос — даже волосы у нас на голове в некоем предрешённом порядке, из чего можно сделать вывод о красоте и движении внешней формы. Опять же, во внешних очертаниях или симметрии соединения [compound] Он оказывается самым сведущим математиком, соизмеряя часть с частью, и все эти действия не могут проистекать ни из чего иного, кроме Божественного, Мыслящего [Intellectual] Духа. Ибо, если бы у Него не было идей или представлений, соответствующих нескольким Его намерениям, он не мог бы отличить одно от другого. А если бы Он не был разумен, если бы Он не провидел труд, который задумал, то его завершение не было бы побудительной причиной, как хотели бы того перипатетики.

Рассмотрение задач, которые сей Дух решает при творении, даже Аристотеля вынудило признать, что в семенах всех тварей есть «силы, словно обладающие хитроумием». Потому нам надлежит исследовать, кто сплетает цветы растений, кто раскрашивает их без кисти, кто подымает их ветви вверх

³² Николас Хиллиард (1547–1619) — миниатюрист и ювелир, был знаменит в царствование королевы Елизаветы, являлся гравёром её второй большой печати.

и переплетает корни внизу. Ибо все перечисленные действия содержат некую искусность, которую невозможно явить без рассуждения и благоразумия. Итак, наш Спаситель говорит нам: «Отец Мой доныне делает»³³, а в другом месте говорит, что Господь одевает полевые лилии³⁴, и затем: «...ни одна из них [птиц] не упадет на землю без воли Отца вашего»³⁵. Воистину, это — истина и свидетельство истины, вопреки Аристотелю и его «Проблемам». Также не следует вам думать, будто Божий Дух умаляется присутствием в каждом роде из-за того, что некоторые творения кажутся жалкими и презренными. Истинно, покуда они приводят к мысли о славе их Творца, они достаточно благородны; и, если вы поразмыслите о Египте, то увидите, что нижайшие из Его творений исторгли апостольское признание у волхвов: «...это перст Божий»³⁶.

Но вернёмся к нашему предмету: эти невидимые, срединные мастера суть огни, посеянные Изначальным Светом при той первичной эманации «Да будет Свет» [Sit Lux], что было ошибочно переведено «Да будет создан Свет» [Fiat Lux]³⁷. Ибо Природа есть Глас Божий, не простой звук или приказ, но сущностное, действенное дыхание, исходящее от Творца и проникающее во всё сущее. Сам Бог — это «семенная форма», и только в таком смысле форма может быть определена как «внешнее выражение внутренней сущности». Мне известно, что это покажется грубым некоторым мужам, чьё невежественное рвение сделало их противниками Бога, ведь они лишают Его принадлежащей Ему славы, приписывая её

³³ Ин 5:17.

³⁴ Мф 6:28–29.

³⁵ Мф 10:29.

³⁶ Исх 8:19: *Digitus Dei est hic*. Воган цитирует Вульгату.

³⁷ См. предыдущее сочинение, «*Anthroposophia theomagica*» (цитата Георгия Венетия). В Вульгате — *Fiat Lux*.

Его творению, хуже того — собственным измышлениям и выдумкам. Я желаю таким философам поразмыслить [над тем], была ли вначале какая-то жизнь или мудрость помимо Творца, а если да, то пусть скажут, где. Ручаюсь, что, — используя их собственный термин, — они нигде не отыщут это самое *ibi* [с лат.: где], ибо Господь по Своей доброй воле предоставил нам щедрые послабления и таланты; но если он заберёт их, мы тотчас возвратимся к своему первородному ничтожеству. Потому пусть поберегутся, разделяя творение по качествам, иначе истинный Создатель сего отяготит их обвинением, как некогда отяготил ассирийцев: «Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила гордится ли пред тем, кто двигает её? Как будто жезл восстает против того, кто поднимает его; как будто палка поднимается на того, кто не дерево!»³⁸ Да отвергнут они своего Аристотеля и заблуждения, коими он свёл с ума столько поколений. Да приблизятся с упованием к Всемогущему Господу, создавшему мир, ибо никто не в силах лучше отчитаться в работе, чем сам Зодчий. Пусть не отчаиваются достичь Его близости, ибо Он — Господь, желающий, чтоб Его знали, и [Он] откроет Себя, как ради явления Своей славы, так и во благо Своих созданий. Потому нет причины, по которой мы могли бы отказать этому великому и славному Наставнику, одно приглашение Коего значит больше, чем обычное одобрение. «Так говорит Господь, Святой Израиля и Создатель его: вы спрашиваете Меня о будущем сыновей Моих и хотите Мне указывать в деле рук Моих? Я создал землю и сотворил на ней человека; Я — Мои руки распростёрли небеса, и всему воинству их дал закон Я»³⁹. Но могут спросить: как приблизиться нам к Господу,

³⁸ Ис 10:15.

³⁹ Ис 45:11–12.

и какими средствами мы можем отыскать Его? Истинно, не словами, но делами, и не изучая невежественных языческих авторов, но путём тщательного изучения и испытания Его творений. Ибо в них сокрыт Его тайный путь: хоть он и запечатан терниями и шипами с [признаками] наружной, мирской порчи, но, если возьмём на себя труд убрать это препятствие, мы сумеем вступить в земной рай, тот Запертый Сад Соломона, куда Господь спускается ради прогулки и глотка из Запечатанного источника⁴⁰. Но, воистину, столь велико всеобщее предубеждение и таково неприятие любых принципов, которые расходятся с Аристотелем, что едва Истина выступит вперёд, как какой-нибудь софист или ему подобный швырнёт грязь в её лик.

Удивительно, почему ни один из этих схоластов не вспомнит, как несколько признаков и категорий, переведённых из логики в богословие, устроили пожар во всём христианстве, как они нарушили мир многих процветающих королевств и породили в религии больше сект, чем в философии — мнений. Итак, весьма уместно и согласно с [духом] христианства моление св. Августина: «Освободи нас от логики, Господи»⁴¹. И здесь я очень хочу, чтобы читатель не понял меня превратно. Я осуждаю не применение разума, а злоупотребление им, его многочисленные уловки и хитрости, которые человек использовал с таким успехом, что истина и заблуждение стали одинаково сомнительными. Я стою за подлинное природное знание, укоренённое — как и сама Природа — в Иисусе Христе, который есть истинная основа всего зримого и незримого. Посему в этом трактате затрону истины, которые немногие [знающие] передали потомству в терминах

⁴⁰ Песн 4:12.

⁴¹ Можно не сомневаться, что схоласты при этих словах корчили недовольные мины.

сложных и малопонятных, дабы — если сие возможно — величие истины и преимущества, которые он получит от неё, поновому направило бы человека и отвратило от тщетных, пустых вымыслов к истинному, разумному пользованию Природой.

Быть может, вы помните, что в своём прошлом трактате⁴² о природе человека я упомянул некую простоту элементов, соответствующую нескольким их видам в различных частях мира. Теперь поведу речь о другой триаде — гораздо более тёмной и таинственной, — без которой вам никогда не удастся достичь первой, ибо сии три принципа — ключ всей магии, без совершенного знания коих вам никогда не понять мельчайшие формы [idioms] в Природе. Первый принцип — один в одном и один из одного⁴³. Это — чистая, белая дева, приближайшая к наичистейшему и простейшему. Это — первое сотворённое Единство. Им было сотворено всё сущее — не в действительности, но опосредованно, — а без него ничто не может быть сделано ни путём искусства, ни путём природы. Это — «Невеста Господа и звёзд». Посредством него происходит нисхождение от одного к четырём и восхождение от четырёх к невидимой, сверхприродной монаде. Не ведающий этого никогда не достигнет [царственного] Искусства, ибо не будет знать, что искать.

Второй принцип отличается от первого не субстанцией или достоинством, а видом и чином [order]. Этот второй [принцип] был первым и таковым остаётся по своей сущности; но, сцепившись с материей, он вобрал в себя скверну

⁴² [«Anthroposophia theomagica».]

⁴³ В теософии «Зохара» аналогом является *Шекина*, о чём свидетельствует наименование *Uxor vel Sponsa* [с лат.: невеста или жена]. Аналог в алхимии — Соль.

[impurity] и тем самым отпал от первоначального единства, почему маги и именуют его *двоичным*⁴⁴. Потому отдели периферию от центра диаметральной линией⁴⁵, и тогда тебе будет явлен философский *троичный*, т.е. третий принцип. Этот троичный [принцип] не является собственно принципом, но результатом [царственного] Искусства. Он имеет изменчивую природу, составную в одном смысле и простую — в другом, включающую низшие и высшие силы. Это — магический огонь, Меркурий Философов, тот знаменитейший микрокосм и Адам⁴⁶. Это — лабиринт и дебри магии, где затерялся мир неопитов [students], — явление, о котором знавшие его изъяснялись столь путано и темно, что едва ли возможно отыскать его [описание] в их записях. Ни один позднейший писатель не понимал всей широты и универсальности этого принципа, а также его подлинного метафизического смысла. Здесь, внизу, он движется в тенях и за покровом, наверху — в белых эфирных одеяниях; нет ничего в Природе, что было бы более выставлено на всеобщую потребу, ибо он проходит через все руки, и нет ни единого существа, которое бы его не использовало.

Сей *троичный* [принцип], преобразованный [reduced] *четвертичным* [принципом], восходит к магической декаде, которая является «единственной монадой», способной в этом состоянии выполнить всё, что захочет, ибо затем, лице-зрея Изначальное, Непреходящее, Духовное Единство, она сое-

⁴⁴ Это Философский Сульфур.

⁴⁵ Эта символика сбивает меня с толку. Линия, проведённая через центр окружности, в известной мне геометрии не отделяет периферию от центра.

⁴⁶ Имя Адам в алхимии иногда означает Сульфур, иногда — Меркурий, а иногда — магистерий [Великое делание, процесс создания философского камня] в его совершенном, красном состоянии. Микрокосм — общий термин, используемый для определения магистерия на любом этапе. Едва ли он означал Философский Меркурий.

диняется с ним. Послушаем же об этих трёх [принципах] оракула магии, великого и священного Агриппу. «Итак, здесь — как мы описали — четыре элемента, без совершенного знания коих невозможно что-то свершить в магии. Но каждый из них троичен, и так, число четыре даёт двенадцать, и когда число семь будет переведено в число десять, может начаться движение к Высшему Единству, откуда проистекают все способности и от которого зависит всё чудесное действие [operation]. В первом чине — чистые элементы, без сочетаний или изменений, не терпящие примесей и не подвластные порче. Способности всех природных тварей активизируются через них, но не ими. Никто не в силах рассказать об их свойствах, ибо во всех тварях они могут сделать всё. Тот, кто не сведущ в них, никогда не сможет совершить действие, обладающее чудесной силой. Ко второму чину принадлежат элементы, которые являются составными, многообразными, изменчивыми и, таким образом, — нечистыми, хотя [алхимическое] искусство позволяет свести их к чистой простоте, и способность коих, — когда они были сведены подобным образом, — лучше всего прочего совершенствует все оккультные и иные действия Природы. Они образуют основу всей природной магии. Что касается элементов третьего чина, то в исходном виде и сами по себе они не являются настоящими элементами, поскольку дважды вступали в соединение и взаимозаменяемы. Они представляют собой надёжного посредника, отчего и зовутся срединной природой, или душой срединной природы. Очень немногие постигли её глубокие тайны. Посредством некоторых чисел, степеней и порядков в ней заключено исполнение любого действия во всех явлениях — природных, небесных и сверхнебесных. Она полна чудес и тайн, которые могут быть явлены схожим образом в природной и божественной магии. Отсюда происходят сочетания, распад и трансмутации всех

элементов, знание и предсказание грядущего, вкупе с изгнанием злых духов и умилоствлением добрых. Без этих трёх типов элементов и знания их пусть никто не мнит себя [достаточно] сведущим, чтобы работать в тайных науках магии и Природы. Но тот, кто будет знать, как перевести [элементы] одного типа в другой [тип], нечистые в чистые, сложные в простые, и отчётливо поймёт их природу, способность и силу относительно числа, степени и чина, — без разделения субстанции, — тот с лёгкостью достигнет знания и совершенного исполнения всего земного и [раскрытия] всех небесных тайн».

Это тот [человек] с чёрным спаниелем, или, вернее, тот, «кто с самого раннего возраста неизменно представлял как глубокий и отважный исследователь бесчисленных проявлений вещей таинственных и удивительным действием обладающих». Теперь, в качестве дальнейшего наставления, послушайте также тёмного последователя ещё более тёмного Либания Галла⁴⁷. «Первый принцип заключается в единстве, и вся сила природных чудес проявляется скорее через него, чем [происходит] от него. Мы сказали «через него», поскольку чистое бытие [ens], происходящее из единства, не является составным или переменчивым. Кроме того, из триады или тетрады осуществляется продвижение [progression] к монаде для завершения [магического] денария, поскольку при этом происходит возвращение [regression] числа к единству, а также нисхождение к тетраде и восхождение к монаде. Только так возможно завершение диады. Радуюсь и ликуя,

⁴⁷ Тритемий — весьма заметная фигура в истории оккультных наук. Здесь будет достаточно сказать, что он родился в 1462-м, а умер в 1516-м. Агриппа и Парацельс испытали на себе его влияние, по меньшей мере, в молодости. Что касается Либания Галла, то он — «тёмная звезда» во всех отношениях. Мне неизвестны подробности его жизни. Существовал Георгий Либанус (1490—1550), издатель греческих текстов и поборник изучения греческого языка.

монада превращается в триаду. Те же, кто не знают об этом принципе, следующем за Принципом монады, не способны ни достичь триады, ни приблизиться к священной тетраде. [Даже] если бы они овладели всеми книгами мудрости, проникли в пути звёзд, поняли их способности, силы, действия и свойства, [равно как] их типы, круги, символы и всевозможнейшие тайны, то [и тогда] не удалось бы им творить чудеса без знания сего Принципа, возникающего из принципа и в принцип возвращающегося. Потому-то все из известных мне [людей], — все без исключения, — проводившие опыты в природной магии, или ничего не достигли, или отчаялись после долгих и бесплодных попыток, превратившихся в пустое, обыденное и суеверное занятие. Итак, второй принцип, отделённый от первого чином, но не достоинством, который сам по себе производит триаду, это тот, что творит чудеса посредством диады. Ибо в одном сокрыт один и ни одного; [сам по себе] он простой, но в тетраде — составной и, очищаясь огнём, выделяет чистую воду, а сведённый к своему беспримесному состоянию, являет исполняющему таинственную мистерию свершение его трудов. В нём находится средоточие всей природной магии, периферия которой, будучи соединённой, являет круг, обширный порядок в бесконечности. Его способности очищены превыше всего и проще, чем что-либо иное, являясь составными на уровне тетрады. Но пифагорейская тетрада, поддерживаемая триадой, чистая и очищенная в одном, при соблюдении чина и степени, способна производить чудесные и непостижимые действия Природы в пределах диады в триаде. Именно в пределах тетрады триада, соединённая с диадой, чудесным образом делает все вещи едиными. Триада, сведённая к единству, содержит в себе все вещи друг напротив друга, и она делает то, что пожелает. Третий принцип сам по себе не является принципом,

но между ним и диадой — завершение всех наук и мистического Искусства, а также абсолютное средоточие срединного принципа. Столь же легко ошибиться в одном, как и в другом, ибо мало кто на земле понимает его глубины. Он [третий принцип] изменчивой природы, а через восьмикратное умножение восходит через семёрку к триаде, а затем остаётся недвижимым. В нём — осуществление степеней [scales] и чин числа. Посредством него любой философ и истинный исследователь природных тайн добивались замечательных результатов; посредством этого [принципа], сведённого в триаде к простому элементу, они мгновенно производили чудесное излечение болезней и разнообразнейших недугов естественным путём; и достижения в природной и сверхприродной магии являлись следствием делания в направлении, [указанном] тетрадой. Посредством неё подтверждались предсказания грядущих событий, и никаким иным способом невозможно выучиться у Природы проникновению в сокрытые явления. Только этим средством алхимики раскрывают тайну Природы, и без него невозможно достичь понимания [царственного] Искусства или открыть условия опыта. Поверьте мне: заблуждается любой, кто, лишённый этих трёх принципов, полагает возможным добиться чего-либо в таинственных науках Природы».

Таковы слова Тритемия, причём — для лучшего усвоения — я должен сообщить тебе, что *двоичный* [принцип] двояк — одно от света, другое — от заблуждения⁴⁸. Но изучи внимательно книгу Агриппы «De Scalis Numerorum» [раздел «Оккультной философии»], и сумешь найти всё [это], ибо наш

⁴⁸ Два — число раздора и в то же время милосердия, развода и бракосочетания, добра и зла, а в особенности — материи. См.: Агриппа. Об оккультной философии. Кн. III. Гл. 5.

аббат [Тритемий] заимствовал сии слова у него, чью книгу он глубоко изучил, прежде чем самому издать нечто подобное⁴⁹. Итак, ради [углубления] своих познаний следуй за мной, но не в Афины или в Стагир, а к тому секретарю или писцу Всемогущего Господа, стоявшему в расщелине скалы, когда Он показал ему всю Свою славу⁵⁰. Я уверен, что миряне удивятся, что я использую Писание ради того, чтобы утвердить физиологию; но я хотел бы сказать таким, что все тайны — физические и духовные, все тесные узы и то таинственное лобызание Господа и Природы — раскрываются в нём [в Писании] ясно и однозначно. Вспомни о той тайне Инкарнации, исполненной милости, в коей была воплощена полнота Божественности, и Божественный Свет соединился с материей в гораздо большей мере, чем при изначальном творении. Вспомни сие — говорю я — и ты увидишь, что ни одна философия не соединила Бога с его творением так совершенно, как христианство, которое, таким образом, есть единственная истинная философия и единственная истинная религия; ибо без этого союза невозможна ни природная, преходящая, ни духовная — вечная — жизнь. И Моисей говорит нам, что вначале Бог сотворил небо и землю, то есть Девственный Меркурий и Девственный Сульфур. Позволь же мне посоветовать не тревожиться об этом Меркурии, если только у тебя нет истинного друга, способного просветить, или непосредственного откровения от его первичного Творца, ибо он представляет собой то, что достигается «чудесным искусством». Внемли же тому, что я поведаю тебе далее.

⁴⁹ Более вероятно, что Тритемий черпал из того же источника, что и Агриппа. Можно добавить, что первый был оригинальным мыслителем, тогда как последний в своей «Оккультной философии» предстаёт в основном компилятором.

⁵⁰ Исх 33:19–23. [Речь идёт о Моисее.]

В каждой звезде и в этом элементном мире существует некий принцип, который есть «Невеста Солнца». Эти два [т.е. Невеста и Солнце] при соитии исторгают семя, которое попадает в лоно Природы. Но исторжение его происходит незримо и в священном безмолвии, ибо оно есть брачная тайна неба и земли, их акт творения, то, что совершается втайне меж определёнными женщиной и мужчиной; но — как вы полагаете — насколько [оно] велико меж двумя универсальными началами? Знайте же, что невозможно экстрагировать или получить какое бы то ни было семя из солнца без этого женского принципа, являющегося Женой Солнца. Итак, мои маленькие искатели Камня, вы, расточающие своё время и силы на то, чтобы получить воду и масло из грязной *caput mortuum*⁵¹; вы, что занялись золотом и ртутью в опьянении, вызванном рассказами прошлых и современных шарлатанов: подумайте о конце их. Добились ли они таким путём хоть чего-нибудь, кроме немощи и бедности? И не опустили ли они — «седобородые недоброго времени» — на старости лет до обрезки и подделки монет? И, находясь в здравой памяти, разве не умерли они в отчаянии, которое есть дитя невежества? Знайте же наверняка, что магические солнце и луна суть два универсальных пэра, мужчина и женщина, царствующие король и королева, вечно юные и никогда не стареющие. Вдвоём они отвечают целому миру и вместе простираются через вселенную. Нет одного без другого, ибо Бог в своём труде созидания соединил их в величественном, священном союзе. Нелёгкой задачей будет украсть жену у её мужа, разлучив тех, кого свёл сам Господь, ибо они спят в одной постели,

⁵¹ *Caput mortuum* [с лат.: мёртвая голова] — технический термин в алхимии, используемый для осадка, оставшегося в перегонном кубе или реторте после дистилляции или сублимации. См.: Пернети. Мифогерметический словарь.

и тот, кто обнаружит одного, неизбежно увидит и другого. Любовь между этими двумя столь крепка, что, если проявить обходительность с девой, она призовет назад своего Купидона [даже] после того, как он улетел от неё на огненных крыльях.

Также учтите, что материальные принципы могут быть приумножены только материально, т.е. сложением частей, как можно увидеть на примере роста тел, который происходит в силу постоянного усвоения пищи желудком. Но не тело преобразует пищу в плоть и кровь, а тот дух, который есть жизнь и свет тела. Материальные принципы пассивны и не способны ни менять, ни очищать, но сами могут быть изменены или очищены. Также не способны они сообщаться с другой субстанцией за пределами их собственной протяжённости, конечной и определённой. Не верьте рассказам об Окрашенном [Tingeing] Сульфуре⁵² и прочим басням мошенников, приклеивающих новомодное и узкое именование «химия» к древней и бесконечной науке. Только свет может быть действительно приумножен, ибо он восходит и нисходит из первозданного источника приумножения и сотворения. Этот свет, воздействуя на любые тела, возвышает, совершенствует и облагораживает согласно их природе — будь то животные, растения или минералы⁵³. Отмечу, что каждое тело содержит в себе пассивные принципы, на которые этот свет воздействует, и потому [оно] не нуждается в заимствовании света у золота или серебра. Итак, подумайте, что вы ищете — вы,

⁵² Этот параграф очень важен для духовных аналогий, которые Воган, по его утверждению, сокрыл в своих космогонических фантазиях. К сожалению, и в своей жизни, и в позднейших сочинениях он часто забывал, что «наука, одновременно древняя и бесконечная», экскурс в которую он здесь делает, не может быть физикой.

⁵³ Смысл в том, что существует внутренняя, сущностная истина, обозначенная здесь светом, которая преобразует все тела соответствующим образом, переводя из худшего состояния в более совершенное.

охотники за Камнем Философов: ведь «трансмутрует тот, кто создаёт». Вы ищете высшее, но устремляете взор на низшее. Есть две вещи, которые может и должен искать каждый добрый христианин — истина и необходимость. Истина — это тайна, мистерия и сущность всех вещей; ибо любая тайна есть истина, и любая сущностная истина есть тайна. Я говорю сейчас не о внешних, исторически достоверных истинах, — они лишь родственны деяниям, — но о внутренней, сущностной истине, которая есть свет: ведь свет есть истина, и он обнаруживает заблуждение, которое есть тьма. Без этой истины не может быть реализовано всё то, что необходимо...

Мудрый царь изрёк: «Я предпочёл её [мудрость] скипетрам и престолом и богатство почитал за ничто в сравнении с нею; драгоценного камня я не сравнил с нею, потому что перед нею всё золото — ничтожный песок, а серебро — грязь в сравнении с нею. Я полюбил её более здоровья и красоты и предпочёл свету, ибо свет её неугасим. А вместе с нею пришли ко мне все блага и несметное богатство через руки её; я радовался всему, потому что премудрость руководствовала ими, но я не знал, что она — виновница их⁵⁴. Если богатство есть вожделенное приобретение в жизни, то что богаче премудрости, которая всё делает?⁵⁵ Только дал бы мне Бог говорить по разумению и достойно мыслить о дарованном, ибо Он есть руководитель к мудрости и исправитель мудрых⁵⁶. Ибо в руке Его и мы, и слова наши, и всякое разумение и искусство делания. Сам Он даровал мне неложное познание существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и средину времён, смены поворотов

⁵⁴ Прем 7:8–12.

⁵⁵ Там же. 8:5.

⁵⁶ Там же. 7:15, и далее до 30.

и перемены времён, круги годов и положение звёзд, природу животных и свойства зверей, стремления ветров и мысли людей, различия растений и силы корней. Познал я всё, и сокровенное, и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она есть дух разумный, святой, однородный⁵⁷, многочастный, тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, невреждительный, благолюбивый, скорый, неудержимый, благодетельный, человеколюбивый, твёрдый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи. Ибо премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь всё проходит и проникает. Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя: посему ничто осквернённое не войдёт в неё. Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его. Она — одна, но может всё, и, пребывая в самой себе, всё обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков; ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью. Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звёзд; в сравнении со светом она выше; ибо свет сменяется ночью, а злоба не преодолевает премудрость».

Таковы слова Соломона; а вот [слова] того, кто более велик, чем Соломон: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам»⁵⁸. Воистину, действительно так: преходящие блага суть лишь привратники духовных

⁵⁷ В Вульгате: *Artifex docuit me sapientia* [Творец научил меня премудрости]. «Однородный» или «unicus» в Вульгате буквально — «единственный рождённый». «Artifex» [в русском переводе — художница, эпитет премудрости] в Зохаре именуется *Шекиной*, которая едина с Богом в *Кетере*, но переходит в *Бину*, или понимание. Но из-за взаимовлияния в Каббале трёх божественных ипостасей [т.е. верхних сфирот: *Кетер*, *Бина*, *Хохма*] она часто отождествляется с *Хохмой*, или Мудростью.

⁵⁸ Мф 6:33.

ред нами, хотя мы не видим её, и громогласно взывает: «Я — путь истины; постарайтесь встать на него, ибо нет иного пути в жизнь», но мы не внемлем ей. Она источает сладостный аромат, но мы не ощущаем его. День за днём на своих пиршествах она щедро предлагает нам испробовать её сладость, но мы не вкушаем и не видим. Мягко влечёт нас она к спасению, но мы отвергаем её иго. Ибо уподобились мы камням, имеющим глаза и не зрящим, [имеющим] уши и не слышащим, [имеющим] ноздри, отказывающиеся обонять, язык, который не произносит, рот, который не чувствует, ноги, отказывающиеся ходить, и руки, ни над чем не трудящиеся. О жалкое племя человечье, ты не лучше камня, более того: [ты] тем ниже, что тебе, а не другому [т.е. камню], дано понимать свои дела. «Преобразитесь же, взывает она, преобразитесь из мёртвого камня в живой, философский камень. Я — истинный Бальзам [Medicine], исправляющий и преобразующий то, чем оно уже не является, в то, чем оно было до порчи, и [превращающий] его в нечто гораздо лучшее, а также [преобразующий] то, чем оно уже не является, в то, чем оно должно быть. Взгляните: я у двери вашего сознания, стучу в неё день и ночь, но вы не отпираете мне. И я скромно ожидаю, а не ухожу в досаде; терпеливо сношу ваши обиды, надеясь таким образом привести вас туда, куда стремлюсь. Возвращайтесь, и возвращайтесь чаще, вы, ищущие мудрости: покупайте без денег и без цены, не золотом или серебром, и даже не своими трудами то, что предлагается бесплатно. О звучный голос, сладкий и благостный для слуха святых! О источник неиссякаемых богатств для тех, кто жаждет истины и справедливости! О утешение для тех, кто скорбит! Чего же вы ещё ищете, вы, беспокойные смертные? Зачем мучить свой ум бесчисленными тревогами, вы, презренные? Подумайте, какое безумие ослепляет вас, если внутри, а не снаружи пребывает всё, что

вы ищете вовне, вместо того, чтобы [искать] внутри?» Таков типичный изъян обыкновенных [людей]: презирая собственное, они вечно желают чужого, — хотя это совершенно неразумно, ибо в нас самих нет ничего благого, а если чем и обладаем, то оно получено от Того, Кто единственно является вечно благим. Напротив, наше непослушание поселило в нас скверну [вобрав её] из внешнего принципа скверны, и, кроме этой скверны, коей он обладает внутри [себя], у человека нет ничего своего; ибо то, что в его природе благо, принадлежит Владыке благодати. В то же время считается его собственным то, что он получает от Благого принципа. Хоть и тускло, но та Жизнь, которая является светом человека, сияет во тьме внутри нас, Жизнь, которая происходит не от нас, но от Того, Кто получил её от вечности. Он укоренил её в нас, дабы могли мы узреть Свет в Его Свете, который пребывает в Свете недостижимом. В этом мы превосходим остальные Его творения; так как мы созданы по подобию Того, Кто дал нам луч Своего, присущего Ему света. Потому следует искать истину не в нашем естественном эго, но в подобии Бога внутри нас.

Именно его братья Розы и Креста наградили эпитетом «мудрый», и из его сочинений они почерпнули бóльшую часть наставлений для некоего немецкого кандидата [на поступление в орден]. Но чтобы лучше понять, как достичь этого Камня, послушайте, что он говорит в другом месте:

«Истинное знание начинается тогда, когда после сравнения нетленного с тленным, жизни и смерти душа, поддавшись возвышенному притяжению того, что вечно, решает стать единой с высшей душой. Из этого знания появляется ум, вначале избирающий добровольное отделение от тела и созерцающий вместе с душой нечистоту и испорченность тела, с одной стороны, и непреходящую славу и счастье высшей души — с другой. Влекомый в том направлении Боже-

материальных явлений материальными же средствами. Посему научитесь познавать Небо путём неба, а не земли, а силы материальных явлений различайте при помощи того, что является небесным. Никто не сможет подняться к тому Небу, к которому вы рвётесь, если Тот, Кто снизошёл с Неба, которого вы не ищете, не просветит его. Вы ищете вечное Снадобье, способное не только перевести тело из несовершенного состояния в совершенное, но и постоянно сохранять таковое; но, кроме Неба, вам нигде его не найти. Небесная благодать, незримыми эманациями переносимая до центра земли, пронизывает все элементы, создавая и поддерживая всё элементное. Никто не может быть рождён здесь, кроме как в сходстве с тем, что также происходит отсюда. Общий плод обоих родителей сохраняется в Природе так, что оба родителя могут быть узнаны в нём, — и в потенциальности, и в действительности. Что же будет ближе для философского творения [generation], нежели Камень? Учитесь внутри себя, дабы познать всё, что ни есть на Небе и на земле, и стать мудрым во всём. Вам неведомо, что Небеса и элементы некогда были одной субстанцией, но были разделены Божьим промыслом ради создания вас и всего сущего. Если бы вы знали это, то и остальное не ускользнуло бы от вас, конечно, если вы хоть на что-то способны. Опять же вам — как я упомянул — неизбежно надлежит произвести такое разделение в каждой твари, прежде чем подвизаться в истинной философии. Вам никогда не узнать от других то единственное, что вам потребуется, если вначале вы не отыщете в себе то, о чём услышали. Ибо такова воля Господня, что благочестивый должен вершить благочестивый труд, который ему по душе, а совершенный исполнять другой, к которому он склонен. Люди дурной воли не пожнут иного урожая, кроме того, что сами посеяли; кроме того, из-за их скверны доброе семя зачастую превращается

в плевел. Исполняйте же труд, к которому вы стремитесь, таким образом, чтобы в меру своих сил избежать подобной неудачи».

Итак, это — истинная тайна возрождения, или духовной смерти⁶⁰. Это есть и всегда было единственной сферой и целью магии. Но — ради своего наставления — поразмыслите над следующей его таинственной речью:

«Итак, моя душа и тело: поднимитесь и следуйте своей высшей душе. Взойдём на ту высокую гору перед нами, с вершины которой я покажу вам место, где встречаются два пути, о которых среди туч и сумрака говорил Пифагор. Открыты очи наши; вот блесит Солнце Святости и Справедливости, под водительством которого мы не сможем свернуть с пути истины. Пусть же глаза твои вначале обратятся к правильному пути, в противном случае они узрят тщеславие раньше, чем будет постигнута мудрость. Разве не видишь ты ту сияющую, неприступную башню? В ней — философская любовь, источник, из которого истекает живая вода, и отпивший из него больше не алчет тщеславия. Из того наиприятнейшего, усладительнейшего места ведёт тропинка к другому, ещё более восхитительному, где правит Мудрость. Из её источника бьют воды, ещё более благодатные, чем из первого, ибо, если наши враги отведают из него, с ними должно установить мир. Большая часть тех, кто добирается сюда, направляются дальше, но не все достигают своей цели. Это — место, которое смертные едва ли способны достичь, если Божья Воля не вознесёт их в состояние бессмертия; и тогда — или, вернее, как только они войдут, — им нужно будет отринуть мир,

⁶⁰ Ни в физическом, ни в духовном смысле рождение и смерть не являются взаимозаменяемыми терминами. Возрождение — это то, что происходит в начале мистической жизни, а смерть, называемая мистической или духовной, — другое, и этот опыт приходит гораздо позже.

сие неуклюжее одеяние прежней жизни. Достигшие этого не испытывают более страха смерти; наоборот, они приветствуют её каждодневно всё с большей охотой, считая, что то, что приятно в природном устройстве, достойно их одобрения. Тот, кто выходит за границы этих трёх сфер, исчезает из поля зрения людей. Если нам даровано узреть вторую и третью [сферы], то попытаемся проникнуть дальше. Взгляни, за первым, кристалльным, сводом — второй свод, из серебра, за которым [расположен] третий, алмазный. Но четвёртый не может быть увиден нами, пока третий не останется позади. Это — золотое царство непреходящего счастья, свободное от забот, наполненное нескончаемой радостью».

В этом месте, если человек его достиг, он вступает в огненную колесницу и покидает землю, душу и тело⁶¹. Так было с Енохом, так было с Илиёй, так было с Ездрой, которому сие снадобье было доставлено ангелом Уриилом⁶². Так было с апостолом Павлом, взятым до третьего неба; так было с Зороастром, который был преображён; и так было с неким неизвестным, упомянутым Агриппой. «Подобным же образом, — говорит он, — мудрец свидетельствовал, что языки пламени вырывались со всех сторон его тела, даже сопутствуемые шумом»⁶³. Это, я полагаю, был Р.С. [вероятно, имеется в виду легендарный Христиан Розенкрейцер], основатель христианнейшего и известнейшего Общества, чьё тело — благодаря тому Снадобью, которое он принял, — сохраняется

⁶¹ Невзирая на стиль изложения и аллюзии на Еноха и Илию, Воган вряд ли ожидал, что его воспримут буквально. Иначе он едва ли стал бы ссылаться на опыт св. Павла. Вероятно, он имеет в виду психическое тело, служащее одеянием развоплощённым душам. Если же нет, то его перечисление сбивает с толку. См. далее его ссылку на природное тело в архиприродном состоянии.

⁶² [О беседах Ездры с Уриилом говорится только в 3 книге Ездры; чашу, открывающую разум, ему подносит сам Бог. См.: 3 Езд 14:39.]

⁶³ Агриппа. Об оккультной философии. Кн. III. Гл. 43.

нетленным по сей день, неся на себе знаки двух миров. Такими Илиями также являются члены сего Братства, и они, — как утверждается в их собственных сочинениях, — окружены сверхприродным светом. «Чтобы примкнуть к нашему собранию», по их словам, «тебе надобно узреть сей свет, ибо без него невозможно увидеть нас, если только мы сами того не пожелаем». Я знаю, что едва какие-нибудь неграмотные богословы-схоласты прочтут сие, как воскликнут вслед за фарисеями: «Стереть с лица земли этого молодца!» Воистину, они — [те] люди, «которым я также посоветую не читать наших трудов и не пытаться понять или запомнить их, ибо для них они вредоносны и подобны отраве, и в этой книге для них распахнутся врата адовы. Камни она изрекает вместо слов — пусть же они поберегутся, чтобы не задело голову»⁶⁴. Пусть не мыслят о ней, не приобретают её и не прикасаются к ней. Прочь, прочь, профаны!

Так продолжайте же и упорствуйте в своих порочных измышлениях, «дабы не упустить возможность [явить] справедливость». Преклоняйтесь и дальше перед своими жалкими элементами, рудиментами этого мира, — который до сих пор обходился без Духа Милости, заставляя печалиться тот Святой и Любящий Дух Господень, — вы же обречены вплоть до Судного дня. Но учтите, пока вы ещё во плоти, пока вы ещё видите свет дня, что тех самых людей, которых вы поносите, Господь использует для [провозглашения] Своей истины и как свидетелей против вас в день, когда вам нечего будет сказать в оправдание своего неведения, — разве что сослаться на своё упрямство. Действительно, Сам Господь открыл это первому человеку, чтобы подтвердить его упования на те три

⁶⁴ Агриппа. Об оккультной философии.

сверхприродные тайны — Воплощение, Возрождение и Воскрешение. Ибо Ямвлих, цитируя египетские источники с [замечанием, что они] «представляются верными на основании тайных учений», говорит следующее: «Некая материя была вручена Богами во время священных празднеств и потому была известна тем, кто передавал её [далее]». А наш — цитированный прежде — христианский автор в одном месте высказался так: «Нет сомнения, что Господь через Свой Святой Дух открыл патриархам некое снадобье, посредством которого они избавились от порчи тела, [открыв его] также тому, кто был превыше всех, с коим он беседовал и заключил соглашение». Позвольте сказать вам, что продолжительность [period] и совершенство магии ни в коем случае не физического характера, ибо это Искусство

К трону Юпитера то уже близко, до неба доходит⁶⁵.

Словом, через свет Природы оно восходит к свету Милости, и высочайшее его завершение истинно библейское. Вспомни, что Илия милотью своей рассёк воды Иордана и прошёл через них, прежде чем явилась колесница Израиля⁶⁶. Но, по словам Агриппы, «хранилище истины закрыто». Писание темно и загадочно, даже в исторических частях. Кто поверил бы, что в истории об Агари и Саре сокрыта тайна обоих Заветов, если бы сам апостол Павел не сообщил нам об этом? Вот его слова: «Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рождён по плоти; а который от свободной, тот по обето-

⁶⁵ [Перевод цитирован по изданию: Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. Epistulae I. 17.]

⁶⁶ [4 Цар 2:8, 11.]

ванию. В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающей в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам»⁶⁷.

Если бы я привёл другие подобные фрагменты, например, о Царственном пророке, я мог бы показать, что роса Ермона происходит с горы Сион, что, разумеется, невозможно в буквальном смысле, ибо любому географу известно, что их разделяет обширное пространство⁶⁸. Но, возвращаясь к моим прерванным рассуждениям: некоторые философы, особой милостью Господа постигшие Троичный [принцип], тем не менее так и не получили совершенного Снадобья и не постигли его⁶⁹. Из всех книг, прочитанных мною, я встретил только шесть, авторы которых полностью проникли в сию тайну. Первый был арабом, писателем весьма проницательным, но слишком тёмным, и у него, мне представляется, Артефий⁷⁰ заимствовал все свои познания; вторым был древнейший христианский аноним, величайший практик из всех, когда-либо

⁶⁷ Гал 6:22–26.

⁶⁸ Воган буквально следует Вульгате: *Sicut ros Hermon, qui descendit in montem Sion*. [Синодальный перевод: «Как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские». — Пс 132:3.] В Библии короля Якова добавлен сравнительный оборот: «Как роса Ермонская, и как роса, сходящая на горы Сионские». Вопрос не стоит обсуждения.

⁶⁹ Достижение, о коем идёт речь, может быть интеллектуального порядка, в отличие от активной реализации во всём человеке.

⁷⁰ По этому описанию араба идентифицировать сложно, и такое утаивание недостойно автора, заявляющего о праве учить других. Вряд ли Воган намекает на подлинных арабских алхимиков, которые не могли быть ему известны, т.к. не переводились и не издавались. Также можно не брать в расчёт Гебера и Авиценну; возможно, имеется в виду Мориен, родившийся в Риме, но в юности отправившийся в Александрию. Ему приписываются три трактата на арабском языке. По меньшей мере два из них могли быть известны Вогану в латинском переводе.

существовавших, ибо он вознёсся к той славной метафизической вершине, где Архетип осеняет сферы разума⁷¹. А четверо других прекрасно известны всему христианскому [миру]. Итак, к твоему сведению: сия мистерия совершается, когда свет, внезапно вспыхнув, проносится от центра к периферии, а Божий Дух настолько поглощает тело, что оно становится «прославленным телом, великолепием, подобным солнцу и луне». В этом движении — и не раньше — оно переходит из естественного в сверхприродное состояние, ибо теперь оно питаемо не видимым, а незримым, и взгляд Создателя постоянно пребывает на нём. Засим материальные части навсегда теряют свою зримость, «и это та безупречная и знаменитая невидимость магов». Воистину, этим путём шли пророки и апостолы: это — истинная, первозданная Божественность, а не крикливая мудрость богословов. Мне известно, что за это мир будет готов изгнать меня с глаз долой, прозвав мальчишкой, ибо года мои молоды и невелики. Мне недостаёт двух их опор — мнимой нынешней святости и той пышной бороды, которая отличает доктора. Но, читатель, позволь мне посоветовать тебе: если благодаря тому, что здесь написано, ты обретёшь некоторую осведомлённость в этом вопросе, — что я считаю недостижимым без Божьей помощи, — не бросаться вперёд очертя голову, ибо Агриппа предостерегает: «Кто приблизится, не очистившись, тот навлечёт на себя кару и будет пожран злым духом»⁷². В источниках по магии можно найти памятную историю об одном еврее, по чьему-то наущению похитившем некие духовные святыни и за это перенесённом в пустыню, где его и удерживают в назидание другим.

⁷¹ Список анонимных трудов по алхимии, не считая рукописей, занимает в библиографии Лангле дю Френуа почти двенадцать страниц.

⁷² Агриппа. Об оккультной философии. Кн. III. Гл. 6.

Я дам тебе лучший совет из всех возможных, принадлежащий поэту:

Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом⁷³.

Тебе надлежит подготовиться, дабы прийти в созвучие с Тем, Кого ты желаешь принять, во всех отношениях. Три в тебе получают, и три же — сообразно тому — дают⁷⁴. Подготовь крышу для Господа твоего, насколько ты в силах, а где сил не хватит, Он поможет. И, наведя таким образом порядок в своём доме, не полагай, что Гость твой явится незванным. Тебе придётся докучать ему смиренными просьбами,

Постоянно стучась в Его дверь,
Пятная слезами Его светлый чертог,
Не уставая вздыхать: беспрестанно лей слёзы —
И придёт Он.

Вот так надлежит тебе войти; и, если ты этому воспоследуешь, то ощутишь внезапное просветление, «и войдут в тебя огонь со светом, ветер с огнём, сила с ветром, знание с силой, а со знанием — целостность невозмутимого ума». Такова цепь, отличающая мага. Агриппа сказал: «Исследовать будущее и настоящее, или иное сокрытое, а также то, предвидение чего ниспосылается человеку Божьим промыслом, равно как истинное значение всего, а также вершить труды,

⁷³ Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano. [Перевод цитирован по изданию: Ювенал. Сатиры. Сатира X/Римская сатира. Пер. Ф. Петровского. М.: 1989.]

⁷⁴ 1 Ин 5:7–8. [Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном.] Ср. Агриппа. Об оккультной философии. Кн. III. Гл. 36.

превышающие обычное течение сил Природы, невозможно без глубокой и совершенной доктрины, безупречной жизни и веры, и [потому] не может быть выполнено легкомысленными или невежественными». И далее: «Никто не может дать того, чего сам не имеет. Но ни один человек, — за исключением тех, кто отменил действие элементарных сил, возобладал над Природой, миновал небеса и достиг ангелов, — не поднимется до самого Архетипа, в качестве помощника которого он способен вершить всё». Это — место, где, если ты туда однажды взошёл, а затем спустился,

И часто затем поднимаешься в мир архетипов,
И часто туда возвращаешься, чтоб, с глазу на глаз,
Милостью Отца любоваться свободно,

в тебе появляется тот дух, «который, без оскорбления Господа, вдали от какого бы то ни было преступления и без ущерба для религии, может различать и совершать то, что дерзают сулить напыщенные астрологи, ужасные маги, недостойные мучители Природы от алхимии и омерзительные некроманты, что хуже демонов».

Таково могущество, которое обретёт тот, кто от шумной сумятицы этого мира поднимется к Сверхприродному Тихому голосу; от этой низменной земли и грязи, коим родственно его тело, — к духовным, невидимым элементам его души⁷⁵.

⁷⁵ Ср.: «Поэтому, отставив все затруднения, разделения и рассуждения, поднявшись к жизни разума и простому видению, взглянем на умопостигаемую сущность с индивидуальными и непосредственными предназначениями, тем самым достигнув той высочайшей природы души, в которой мы едины.., даже того изначального единства, в котором мы также делаемся одним». — Агриппа. Об оккультной философии. Кн. III. Гл. 55. Воган переосмысливает Агриппу, а немецкие оккультные философы черпали из платонизма.

«Он обретёт жизнь богов; он будет созерцать героев в собрании богов, и сам будет созерцаем ими». Таков, читатель, христианский Камень Философов — Камень, о котором столь часто говорит Писание. Он — камень в пустыне⁷⁶; в пустыне, потому что немногочисленны и едва ли известны те, кто знает верный путь к нему. Он — огнистый камень Иезекииля⁷⁷, он — камень с семью очами в Захарии⁷⁸, и он же в Откровении — белый камень и на камне написанное новое имя⁷⁹. Но в Евангелии, где говорит сам Христос — рождённый, чтобы раскрыть тайны и соединить Небо и землю, — сие описано более ясно. Он — слово ваше, приправленное солью⁸⁰; он — вода и Дух, от которых вам надлежит родиться ещё раз⁸¹; и он — пшеничное зерно, которое, пав в землю, приносит стократ⁸². Но, читатель, не обманывайся во мне. Я — не муж, обладающий одной из подобных способностей, и в сей жизни не чаю [достичь] такого блага в подобной мере. Бог — не должник мой. Я не могу сказать о себе больше того, что мой наставник сказал ранее: «Прошу тебя, считай меня дорожным столбом, который, неизменно указывая вперёд, направляет путников»⁸³. Буду откровенен с тобой: покажи мне хотя бы одного доброго христианина, способного и готового воспринять сию тайну, и я укажу ему правильный, безошибочный путь к ней. Но должен предостеречь: тайна сия тебя сразит, поскольку

⁷⁶ [Пс 77:15.]

⁷⁷ [Иез 28:14–16.]

⁷⁸ [Зах 3:9.]

⁷⁹ [Откр 2:17.]

⁸⁰ [Кол 4:6.]

⁸¹ [Ин 3:4–6.]

⁸² [Ин 12:24.]

⁸³ Смысл заключается в том, что тот, кто точно знает и глазами разума наблюдает Преображение, происходящее на горе Фавор, сам ещё не преобразился.

сердце природного человека не может вместить [понимание], насколько близок к нему Господь и как его отыскать.

Но довольно об этом. Теперь я обращаюсь к природному, небесному снадобью, кое распространено среди некоторых мудрых людей; но мало тех, кто добрался до него. Обычный химик работает с обычным огнём, без какой-либо среды, причём он не созидает ничего, ибо работает не как Господь — ради сохранения, — а ради разрушения. Потому-то всё всегда завершается пеплом. Используй его [огонь] *cum phlegmate medii* [с лат.: с инертной средой]⁸⁴: так твои материалы останутся в третьем элементе, куда не доходит ярость этого деспота — только его душа [anima]. Есть и лучший способ: если ты сумеешь усмирить его Небесным духом, то превратишь разрушающий пламень в созидающий. Сублимируй огонь срединной природы треугольником и кругом, пока не осуществишь разрыв низших и высших [элементов]. Наконец, отдели от магической составной земли тот принцип, который именуется срединной землёй в силу того, что он расположен прямо посередине между Единичным и Двоичным [принципами]; ибо, как не достигает он простоты первого, так же свободен он от нечистоты второго. Это — истинный кристальный камень — светлая девственная земля, лишённая пятен или черноты. Это — «магическая земля в светящемся эфире», ибо в своём чреве она носит огонь и ветер. Получив эти основы малого нового мира, соедини небо в тройной пропорции с землёй, затем приложи к обоим созидательный жар, и они притянут с высот звёздный огонь Природы. «Так обретёшь ты славу всего мира, и вся тьма покинет тебя»⁸⁵.

⁸⁴ Ср. Срединную природу, или так называемую вязкую влагу, из которой, согласно Вогану, был сотворён человек, и посредством которой он может быть омоложен.

⁸⁵ [Гермес Трисмегист. Изумрудная скрижаль.]

Но, хотя закон природы непогрешим и утверждён для всех тварей царственным соизволением Господа, не думай, что он непреложен для Господа: то, что Он установил как общее, Он может отменить в любой частности. Вспомни, кто напитал росой только шерсть, не тронув землю, и напитал землю, не тронув шерсть⁸⁶. Господь не раздаёт свои благословения там, где они могут обратиться в проклятия. Некогда он проклял землю из-за Адама: берегись же, чтобы он не проклял её ещё раз из-за твоих потуг ради собственной выгоды. Втуне искать благословения Природы без [обращения к] Господу природы; ибо, как сказано в Писании, нет сомнения, что малое благословляется великим⁸⁷. Добрым управителем надлежит быть тому, кому предстоит следить за сокровищами Господа. Потому имей душу милосердную и ангельскую: милосердную дома, не пагубную для себя самого, как это обычно для большинства людей; и милосердную вне дома, не скупящуюся на благодать для обделённых, что необычно для многих. В каждом истинном христианине есть частичка веры, не скажу — зерно, иначе мы могли бы творить чудеса. Но знай же, что, так же как Господь есть отец, милосердие есть кормилица веры. Ибо из деяний милосердия рождается упование на Небеса, и кто же не будет счастлив верить в то, что он уповает воспринять? И наоборот, деяния тьмы не приносят никакой надежды и, следовательно, никакой веры, кроме веры [faith] демонов — верить [believe] и дрожать. Потому не ищи себе пристанища в укромных местечках и лужицах мира; обрати своё сердце к небу, а руки — к земле. Поднимайся в благочестии и опускайся в милосердии, ибо такова природа света и путь его детей. Прежде

⁸⁶ Суд 6:37—38.

⁸⁷ Вероятно, это аллюзия на Послание к Евреям апостола Павла 6:16: «Люди клянутся высшим».

всего избегай пролития невинной крови — это совершенно отлучает от Господа в сей жизни и требует своевременного и глубокого раскаяния в следующей.

Теперь о занятиях: в зимнее время твоя комната — лучшее местопребывание. В ней ты можешь использовать курения и ароматические лампы — не из суеверия, но потому, что они освежают животную душу и мозг. Летом же отправляйся на поля, где всё зелено дыханием Бога и свежо благодаря силам небес. Научись соотносить всё физическое с духовным элементом посредством таинственной аналогии: таким путём шли все маги, открывая чудеса. Немало тех, кто не обращает мыслей к Господу, пока не потерпит неудачу в миру. Таким гостям Он может сказать: «Когда нет никого, чтобы взвалить [бремя], его приносят мне». Подумай вначале о Нём, и Он, в конце концов, заговорит с твоими мыслями. Иногда ты можешь гулять в лесах, кои, полные величия, немало возвысят душу; иногда — вдоль чистых, быстрых рек, ибо вблизи таких, как утверждают поэты-мистики, предавался созерцанию Аполлон.

Всё, что говорил в задумчивости Феб⁸⁸,
Благословенный Еврот⁸⁹ слышал.

Так провёл я на берегах Аска⁹⁰ немало плодотворных часов.

Вот день настал, кристальный Аск: унылая ночь,
Словно заместитель, уступает место свету.

⁸⁸ [Феб (с греч.: блистающий) — второе имя бога Аполлона.]

⁸⁹ [Еврот (Эврот) — река в Лаконии (Греция).]

⁹⁰ [Река в Уэльсе (Великобритания).]

Взгляни, рассеялся смутившийся туман,
А солнце побеждает, захватывая небо.
Как мне вознаградить твои потоки, поддерживающие
Бодрость в моей душе, когда другие спят?
Я наблюдаю свои звёзды, я движусь вместе с небесами
И утомляю все планеты своим взглядом.
Искать ли мне твои забытые истоки, чтобы увидеть,
Как дни прошли с поры, когда на свет ты появился?
Сравнишься ли с Киссоном⁹¹ древним? Насчитываешь ли
Столько лет, сколько святой Хиддекель⁹²?
С тобой не расплатился я ещё: сберу я больше
Бескорыстных взносов из кладезей твоих,
Тобою душу облачив, ведь ты текуч,
Как тело бы одел своим стеклом.
Я вижу здесь прозрачный, переливчатый кристалл:
Воистину, пытаться буду сделать ум таким же,
И чтоб мой дух, освободившись от той сажи,
светоносным стал,
И никакая лужа его полёт не затрудняла.
Твоими берегами ровными я восхищаюсь: здесь
Одно и то ж простое облачение круглый год.
Я научусь и простоте, чтобы, по улице идя,
к прохожим не бросаться,
Будто бы сейчас я закричу:
Взгляните на меня и на мои одежды: из золота они.
Ты можешь жизнь мою забрать, но я узнать хотел бы,
Как чист ты в благочестии?

⁹¹ [Киссон (Кишон) — река в Израиле.]

⁹² [Река Тигр («Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки... Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассирию»). — Быт 2:10–14.]

Зачем оплодотворяют твои волны берега, что нарушают
Предназначенье, удерживая тебя в своих пределах?
Питаема твоим потоком та грубая земля, что поработает
И пленяет твою свободную, широкую волну.
Наставники благие, у которых научусь
Своею милостию одарять врагов,
В стремленьи принести добро несчастным,
Как твой поток, питающий бесплодные брeга.
Всё это — от тебя, мой Аск? Да, и даже больше:
Добром немалым я тебе обязан.
Доверь ещё мне свои воды: почему бы нет?
Позволь испить ещё раз, и я уйду.
Смотрю, твоё течение упреждает мою просьбу:
Так поспешу я к Богу, как к морю ты спешишь;
Когда ж мои глаза свои лучи опустят в воду,
В смиренном подражаньи твоему потоку,
Пусть каждая святая, счастливая, сердечная слеза
Поддержит бег мой к Небесам, подобный твоему.

Вот какими я желал бы видеть твои прогулки, если действительно вознамерился стать глубоким христианским философом. По словам Агриппы, следует «жить Богом и ангелами», отвергнув всё, что «противно Небесам», в ином случае не достиг общения с высшими. Наконец, «будь уединённым, но не одиноким». Избегай множеств — страстей или людей. Теперь — [совет] авторам: я хотел бы, чтобы вы доверяли не современным [сочинителям], но Сендивогию⁹³ и автору «*Physica Restituta*»⁹⁴,

⁹³ [Михаил Сендивогий (Михаэл Сенджимир) (1566–1646) — польский алхимик.]

⁹⁴ Имеется в виду труд Жана д'Эспанье: «*Enchyridion Physicae Restitutae*» («*Arcano Philosophiae Hermeticae*» [Тайны герметической философии]).

особенно тому, что сказано в её первой, афористической части. Остальные, известные мне, преподносят собственные измышления, которые не ценнее фантазий Декарта или Бовеля с его математическими розами⁹⁵. В завершение я хотел бы сказать, что каждый день — это сжатый год, а каждый год — это растянутый день. Чувствуй год в каждом дне и не теряй ни дня в году. Применяй неопределённые средства [agents], пока не отыщешь определённое. Желать блага могут многие, но любит только один. Периферия расширяется, но центр сжимается: так высшие растворяются, а низшие — коагулируют. Не оставайся подолгу ни на солнце, ни в тени. Там, где встречаются крайности, ищи разнообразия качеств. На своих ошибках учись непогрешимости, на неудачах — постоянству. Нет ничего сильнее неуклонности, ибо она ведёт к [истинным] чудесам. Я мог бы поведать больше, но это значило бы ввергнуть тебя в смятение. Выучи прежде это, и, в конце концов, сумеешь учить меня.

Итак, читатель, я доверил бумаге то знание, которое Господь даровал мне «ради плода чистого сознания». Я не продавал по крупице свой свет и не зарыл свой талант в землю. Теперь я отступлю и дам место следующему актёру, — возможно, какому-нибудь перипатетику, чьё *sic probo* [с лат: так доказано] вызовет мой смех. Я видел, как над сварливыми потешаются, но никогда ими не восхищались: ведь тот, кто умножает диспуты, превращает серьёзное дело в смешное. Единственное спасение от крикунов — это молчание; а лучший способ убедить глупцов — пренебрегать ими.

⁹⁵ [Шарль де Бовель (Charles de Bouvelles) (около 1475 — около 1567) — французский философ-гуманист, богослов, историк, математик.]

Счастливы души людей, познавших это впервые
И пожелавших проникнуть в дома высших существ.
Верю я в то, что они, чужды суеты и пороков,
Над человечеством всем подняли голову ввысь⁹⁶.

Если Ты, Господь мой Иегова, пожелаешь просветить
меня, то тьма моя обратится в свет.

⁹⁶ [Овидий. Фасты. Перевод цитирован по изданию: Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы/Перевод с лат. Ф.А. Петровского. М.: Художественная литература, 1973.]

Magia adamica,
или
Древность магии

Достигшему совершенства,
моему лучшему другу
г-ну Томасу Хеншоу¹.

Господин, вот так звучал Соломонов вопрос, свидетельствующий о величии его мудрости: «Что для человека было бы лучшим делать все дни тщеты своей под солнцем?»². Если я и желаю себе такой мудрости, чтобы познать сию великую цель жизни, то потому лишь, что вы способны постичь её. Я не буду советовать вам предаваться наслаждениям, строить дома и разбивать виноградники, расширять ваши частные владения или накапливать золото и серебро³. Это — давние заблуждения, подобно купоросу для Камня⁴: столько ложных путей показал нам Соломон, «...и вот, всё — суета и томление духа»⁵:

¹ Томас Хеншоу (1618–1700) в 1634 году был зачислен в Университетский колледж Оксфорда. С началом гражданской войны примкнул к королю Карлу I в Йорке, попал в плен, но получил разрешение уехать за границу. Впоследствии стал личным советником Карла II и одним из первых членов Королевского общества в 1663 году. Перевёл с итальянского опубликованную в 1655 году «Историю великой и славной монархии Китая» Альваро Семедо. [Семедо (1585–1658) — португальский священник-иезуит, католический миссионер в Китае.]

² Еккл 2:3. В Библии короля Якова: «Что хорошо для сынов человеческих, что должны они делать под небом все дни жизни своей?» В Вульгате — очень близко к Библии короля Якова. [Синодальный перевод: «...что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей».]

³ [«Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники... собрал себе серебра и золота...» (Еккл 2:4, 8.)]

⁴ Согласно Пернети [Антуан-Жозеф Пернети (1716–1796) — французский монах, алхимик], алхимическая символика, связанная с купоросом, понималась буквально, что стало причиной множества недоразумений. На языке символов Зелёный Купорос называется Материей Камня в грубом состоянии; Белый Купорос — это Магистерий в белом состоянии; а Красный Купорос — совершенный Философский Сульфур, пребывающий в красном состоянии.

⁵ Еккл 2:11.

Мне приходилось наблюдать деяния, столь же необычные, сколь и великие, а моя немилосердная судьба вынуждала меня следовать различными жизненными путями; но до сих пор я не нашёл ни одного, который не приводил бы к избытку и пресыщению. Вообразим человека, настолько счастливо-го, насколько может сделать его мир: что остаётся ему, кроме как переходить от ложа к столу и заботиться о том, что с ними связано? Сегодня он ест и пьёт, затем спит, и то же самое ждёт его и завтра. Велико счастье — жить бесконечным повторением, притом таким, которое происходит больше от необходимости, нежели от свободного желания. Это — *idem per idem* [с лат.: определение через определяемое], а то, что здравый смысл считает несуразным, не может быть истинным совершенством жизни. Я не отрицаю, что преходящие блага способствуют земной жизни, а потому приятны для тела; но если принять в расчёт душу, она [объемлет] всё это, пока находится в полёте, подобно голубю, выпущенному из ковчега и ищущему место для отдохновения. Она поглощена неустанным исследованием, и хотя её мысли — ввиду недостатка истинного знания — неотличимы от её желаний, однако убедительно доказывают, что она не обрела удовлетворения⁶. Покажите же мне хоть один путь, на котором душа моя успокоится, прекратив дальнейшие поиски, ибо Соломон именует их «томлением духа», и покажите мне, «что для человека было бы лучшим делать под солнцем». Разумеется, господин, это не Камень Философов, да я и не собираюсь разъяснять его [состав]; но дозвожь мне говорить языком Зороастра: «Ищи поток души». Я слишком уверен в твоём мнении обо мне, чтобы признаться, что люблю тебя; за мою

⁶ Поскольку душа — «таинственный обитатель вечного царства».

нынешнюю дерзость должен благодарить себя самого: ведь это ты научил меня обращению без церемоний. Осмелюсь отвлечь тебя сим кратким трактатом — сущей безделицей, бледным подобием моих прежних, более полных изысканий. Это — не тщательно обработанное сочинение и, по правде говоря, неподобающий дар; но я прошу одобрения, словно приговора, дабы ты увидел, сколь бесполезные привязанности ты приобрёл. Я не подношу его с целью дать наставление. Природа уже впустила тебя в свою школу, и я хотел бы, чтоб ты был моим судьёй, а не учеником. Поэтому, если посреди своего глубокого, драгоценнейшего уединения сможешь уделить этой безделице всего несколько минут и не сочтёшь их потерянными, укрепишь моё честолюбие. Ты поставишь меня в полный рост, господин, и, даже если я окажусь рядом со Стацием⁷, — среди Богов и звёзд — я быстро вернусь на землю, чтобы при малейшей возможности изъявить тебе почтение, господин,

Твой смиреннейший слуга
Евгений Филалет.

Читателю

Да здравствует додекаэдр⁸: я проверил гороскоп сей книги, бросив кости, соединившиеся в созвездие, и выпавшая

⁷ [Очевидно, имеется в виду римский поэт Публий Папиний Стаций (около 45 — около 96). Данте Алигьери, ставивший его как поэта сразу вслед за Вергилием, сделал Стация важным персонажем «Божественной комедии»: дух Стация появляется в пятом круге чистилища и сопровождает рассказчика до земного рая.]

⁸ Согласно Агриппе, число двенадцать является божественным, им измеряются небесные явления (Агриппа. Об оккультной философии. Кн 2. Гл 14). Термин используется также в искусстве прорицания.

неудачная комбинация поведала мне следующую притчу. Истина, по словам остроумного немца [Ale-man], была приговорена к изгнанию, а её престол перешёл к госпоже Лжи. В исполнение этого приговора Истина покинула общество людей и удалилась — одинокая, нищая и нагая. Она ещё не успела уйти далеко, когда, поднявшись на высокий холм, заметила обширную процессию. В середине ехала колесница, окружённая царями, принцами и правителями, а в ней — величественная госпожа, которая — словно некая царственная особа — повелевала всеми остальными. Несчастливая Истина стояла недвижно, пока пышная процессия двигалась мимо; и когда колесница оказалась рядом, госпожа Ложь, восседавшая в ней, заметила Истину и, приказав своим спутникам остановиться, велела ей приблизиться и надменно спросила: откуда она идёт, куда направляется и с какой целью? Та отвечала — как это в обычае Истины — весьма просто и без околичностей; после чего госпожа Ложь приказала ей присоединиться к кортежу, а именно — встать в самом хвосте, ибо там, как известно, и есть место Истины.

Спасибо же им — не звёздам, а комбинации костей, — они предсказали мою участь и известность, которую, вероятно, обретёт моя книга. Я, со своей стороны, удовлетворён, хотя рассмотрение этого мерзкого хвоста [процессии] весьма противно и способно вывернуть и более крепкий желудок, чем мой. [Ведь] было сказано в старину: «Истина — это растение, не произрастающее здесь, внизу»; и разве могу я надеяться, что те немногие семена, которые я разбросал посреди бури и грозы, полностью вызреют и принесут урожай? Но, читатель, пусть тебя не тревожит, что Истина оказалась в хвосте; возможно, она скорее преследует, нежели сопровождает, и её состояние не столь презренно, сколь её место. Если ты — один из тех, кто теснится вокруг колесницы, задержись

ненадолго в хвосте и, прежде чем обратиться к Аристотелю и его госпоже Лжи, не утрашишь лишиться их общества, облобызав уста несчастной Истины. У меня нет намерения насмехаться над тобой в своём сочинении, поэтому прочти с доброй верой то, что я поведаю с доброй совестью.

Господь, создав человека, вложил в него дух способности к познанию всего, добавив истовую жажду познания, без коей эта способность была бы бесполезной. Сия истина очевидна в потомстве человека: маленькие дети, ещё не умеющие говорить, внимательно разглядывают незнакомый им предмет. Они будут кричать и не успокоятся, пока не возьмут его в руки, чтобы потрогать и осмотреть, т.е., чтобы в некоторой степени и в меру своих способностей узнать, что это такое. Какая-нибудь невежественная нянька решит, что они делают это из желания поиграть с тем, что видят, но дети-то доказывают нам противоположное: когда они выходят из младенческого возраста и начинают пользоваться речью, то при появлении нового предмета они не играют им, а спрашивают — что это? Ибо они стремятся знать, как ясно из их действий: ведь если дать им в руки какую-нибудь погремушку, то они какое-то время поизучают её и, когда не смогут узнать ничего более, станут с ней играть. Хорошо известно, что, если держать рядом с младенцем [горящую] свечу, то он — если ему не воспрепятствовать — непременно сунет пальцы в пламя, поскольку захочет узнать, что это так ярко светит. Но есть и нечто большее, чем всё это: даже малые дети желают улучшать свои познания. Так, если они смотрят на что-то, но зрение не сообщает им достаточно сведений, они, если могут, схватят этот предмет, чтобы потрогать. Но если и касание их не удовлетворит, они положат это в рот, чтобы попробовать на вкус, — словно для того, чтобы испытать предмет несколькими чувствами, а не одним. Итак, сие желание

познания является врождённым, представляя собой лучшую и сокровеннейшую часть их природы.

Следует заметить, что достигший зрелости человек с серьёзным характером испытывает стыд, допуская ошибку, ибо свойство его природы — познание. Так, мы видим, что философ, застигнутый на ошибке в рассуждениях, покраснеет, будто совершил что-то недостойное себя; воистину, само ощущение этого бесчестья так действует на некоторых, что они готовы скорее упорствовать в своём заблуждении и оспаривать истину, чем признать собственные несовершенства; в этом отношении я достаточно осведомлён, но многие перипатетики совершенно невежественны. Возможно, они и не услышат, о чём я говорю, а если и услышат, то не поймут. Однако же я посоветую им не противоречить и не препятствовать своевольно той славной цели и совершенству, ради которой сам Творец, Отец Природы, создал их. Это ужасно — предпочесть Аристотеля Элохиму и осудить истину Господа ради того, чтобы оправдывать людские мнения. Что ж, я, со своей стороны, не осмеливаюсь быть столь неверующим, чтобы полагать, будто Господь настолько тщеславен и недалёковиден в своих трудах, что мог вложить в человека желание познания и в то же время отказать ему в знаниях. Попросту говоря, это подобно тому, как дать мне глаза, а затем запереть в темноте, чтобы я не мог видеть ими.

Сие ревностное стремление и неустанные искания, посредством которых человек тщится постичь истину, заставили некоего знатока произнести следующие слова: «Таким образом, очевидно, что в мировом строении, созерцаемом нами, есть некая истина, которая правит и столь часто поднимается, смущает наш разум и помогает ему, столь часто утешает его, когда он смятён и когда он встревожен, достигая сего необычными средствами — не бездумными или

случайными, но подлинными побуждениями и желаниями Природы, — и все эти движения, будучи не бесцельными, в конце концов приводят к тому, что в один прекрасный день мы обретаем истинное знание сущего»⁹. Но поскольку я не хочу, чтобы философия зиждилась на кораллах и дудках, служащих игрушками для детей, — о них мы недавно вели речь, — я поведаю кое-что о тех элементах, в созерцании коих человек должен упражняться, и сии рассуждения могут послужить предисловием ко всей нашей философии. Согласно Трисмегисту, человеку подвластны всего два элемента, а именно земля и вода¹⁰; к этому положению я прибавлю кое-что, узнанное от более великого, чем Гермес: Бог сделал человека абсолютным властелином Первоматерии, а из неё и её распределения происходят все людские удачи и неудачи. Сообразно преобладанию и мере сей субстанции, мир разделяется на богатых и бедных, и тот, кто доподлинно знает её и применяет надлежащим способом, может сделать свою удачу постоянной; не знающий же о ней — пусть даже достоинство его будет велико — стоит на непрочном основании. Посмотри же вокруг и оцени, сколько неисчерпаемых сокровищ и чудес тебя окружают; но ты столь слеп, что не замечаешь их. Более того, ты настолько безумен, что полагаешь, будто от них нет никакого прока, ибо считаешь, что знание — все-

⁹ [Цитата из Рейхлина «De verbo mirifico» — «О Божественном слове». На русский язык не переведено. Иоганн Рейхлин (1455–1522) — немецкий гуманист, филолог и писатель, христианский габраист и каббалист.]

¹⁰ Я не нашёл этого утверждения ни в «Божественном Поймандре», ни во фрагментах, приводимых Стобеем. [Иоанн Стобей (начало V века н. э.) — составитель антологии «выдержек, изречений и наставлений» в четырёх книгах, первоначально предназначенной для обучения его сына Септимия. Труды многих древних авторов (более 500), добросовестно цитируемые в ней, ни в каком ином виде до наших времён не дошли.]

го лишь болтовня перипатетиков, а плоды его — не деяния, а слова. Если бы это было так, я бы никогда не посоветовал тебе потратить хотя бы минуту на учение. Скорее, я стал бы одним из тех, кто [готов] уничтожить все библиотеки и университеты в мире, — Господь да сохранит добрых христиан от такого желания.

Взгляни же на небо и, узрев небесные огни, вступи в прекрасные и быстрые круги, в которые они слагаются; помни также, что здесь, внизу, есть холодные элементы, которые они обозревают и над которыми они беспрестанно движутся, чтобы согреть и подвергать их конкокции. Учти также, что срединный дух — я разумею воздух — помещён в качестве охладителя, дабы умерять и ослаблять тот жар, который в противном случае будет слишком сильным. Если ты спустишься ниже и сосредоточишь мысли на уровне своих стоп, чтобы твои крылья — словно у Меркурия — оказались на пятках, то обнаружишь, что земля окружена водой, и эта вода, разогреваемая и движимая солнцем и его звёздами, извлекает из земли чистые, тонкие, солёные элементы, посредством которых вода загустевает и коагулирует — словно с сычужиной. Из этих двух [элементов] Природа создает всё. Золото и серебро, жемчуга и алмазы — всего лишь вода и соль земли, подвергнутые конкокции¹¹.

Взгляни же, в немногих словах я раскрыл тебе всю систему Природы и её царственный путь творения. Теперь твой долг — совершенствовать истину, и в моей книге ты, если мудр, сумеешь открыть блага для себя. Четыре элемента — это объекты и, неявно, субъекты человека; земля же невидима.

¹¹ Такова физическая концепция Вогана, основанная на алхимии. Насколько известно, он и впоследствии не изменил своих воззрений.

Мне известно, что обычный человек удивится и сочтёт меня не совсем здравомыслящим, когда я заявлю, что земля — наиболее грубая и осязаемая из всех субстанций — невидима. Но, клянусь душой, это так, и — что более весомо — глаз человеческий никогда не видел землю, и она не может быть увидена без [алхимического] Искусства. Сделать сей элемент видимым — величайшая тайна Магии, ибо он обладает чудесной природой и особо священным, согласно тому перечислению у Трисмегиста: «небо, эфир, воздух и пресвятая земля»¹². Что же касается той плодоносящей, грубой материи, по которой мы ходим, то это — удобрение [compost], а не земля; однако он содержит в себе землю, но даже та земля — не наша, магическая, земля. Словом, видимы все элементы, кроме одного, и, когда ты достигнешь такого совершенства, чтобы узнать, почему Господь поместил землю *in abscondito* [с лат.: в укрытие], у тебя будет превосходное основание, чтобы познать самого Господа, а равно и то, как Он [бывает] видимым и как — невидимым. Гермес сообщает, что изначально земля была топью или колыхавшейся зыбью, будучи лишь водой, сгустившейся благодаря нагреву и жару Божьего Духа. «Земля, ещё содрогаясь, затвердела под Светом Солнца»¹³. Тот же автор описывает, как Бог обращается к земле и наполняет её всеми видами семян, в следующих словах: «Когда Его [Бога] руки были наполнены всем, что существует в природе, Он сказал: «Возьми, о святая Земля, возьми, достопочтенная, которая должна

¹² Вероятно, относится к элементам, которые были созданы в начале всего волей Бога, согласно «Поймандру». [В тексте цитировано по изданию: Герметические фрагменты. Из книги «Дева, или Зеница мира»/Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. М.: Алетея, 1998.] В [герметическом] тексте, как и у Вогана, сказано, что обычная земля низка и грязна. — Там же. Гл. 9.

¹³ [Там же.]

в адрес Филалета, я счёл, что их автор¹⁶ серьёзен, а намерение его было не оскорбить меня, а просветить. Это заблуждение быстро рассеялось, ибо при ближайшем рассмотрении обнаружили торчащие уши, выдающие совершенного осла. Его замечания — сплошной ослиный рёв, а подобная философия — обычное чтиво потаскух. Это — нелепая, бессмысленная писанина, коей, по его же справедливому замечанию, присуща определённая тупость. Его качества, воистину, необыкновенны в чужих землях, но заурядны на родине. Его злонаравие не уступит его же невежеству. Я со смехом наблюдал недуг глупца — поток желчи, который заставил замолчать его зев, в то время как другой [подручный] приготовил для него пресс, словно чашу Порфирия для источника Аристотеля. Есть в нём нечто чудовищное. Его испражнения пошли по неверному пути, ибо полились у него изо рта, и он [оказался] настолько далёк от человека, что стал даже хуже животного. Такова его доля, и я препоручаю его тем, в обязанности коих входит хлестать собак: пусть его как следует отстегают, чтобы список его ошибок [видный] спереди, был запечатлён и сзади. Пока я не придумал более подходящего наказания: ведь, если голова его не способна усвоить ничего, кроме чепухи, и то частями, то [хотя бы] зад нужно научить уму-разуму.

Но довольно об этом; что же касается моего настоящего трактата, то желаю ему обычной участи истины и прямодушия — заслуживая одобрения, выслушивать поношения. Что касается рукоплесканий, то я не закидываю в воздух сеть, пытаюсь поймать их. Этот вид популярности мне претит, ибо я гнуша-

¹⁶ Имеется в виду Генри Мор [Henry More (1614–1687) — английский философ, поэт, богослов], который под псевдонимом Алозономастикс Филалет написал «Замечания» — «Observations» по поводу «Теомагической антропософии» и «Сокровенной магической души».

юсь гвалта толпы — ведь внимание её устремлено не к истине, а лишь к её успеху. Потому передаю сей труд миру без какой-либо иной защиты, кроме его собственной ценности и признания души, которая поймёт его. Что до остальных, то, будучи не в силах принудить, не стану выпрашивать их одобрения. Я не буду велик от подношений и не разбогатею от папских посланий. Пусть они останутся тем, чем являются, а я — тем, что я есть.

Евгений Филалет.

Автор — читателю

Да удастся мне в этом трактате возвестить магию и оправдать её приверженцев: хоть многие нечестивы, но я верен религии. Быть совестливым — вот чему научился у авторов, более великих, чем я, и у писаний, более великих, чем оба упомянутых¹⁷. Магия есть не что иное, как мудрость Создателя, явленная и вложенная в [Его] творения. Этим понятием, по словам Агриппы, «не гнушается само Евангелие». Маги стали первыми последователями, встреченными в этом мире нашим Спасителем, и единственными философами, признавшими его во плоти, прежде чем Он Сам открыл это. Для меня ясно, что Бог общался с ними, как прежде Он общался с патриархами. Он направлял их в странствиях путеводной звездой, как направлял израильтян огненным столпом. Он предостерёг их о грядущих невзгодах во сне: увидев вначале Его Сына, они затем узрят и Его спасение. Это внушает мне мысль, что они были «сынами пророков», как

¹⁷ [Две предыдущие работы Вогана: «Anthroposophia theomagica» и «Anima magica abscondita».]

и «сынами Искусства» — людьми, сведущими в тех тайнах, посредством которых до них творили чудеса пророки. Примирить эту науку и её знатоков с миром — попытка скорее вероятная, нежели возможная, поскольку предубеждение столь велико, что ни разуму, ни власти не дано смягчить его. Если бы мне следовало убедить иудея в своих принципах, мне хватило бы слов: «Хахамим, или так сказали Мудрые Мужи». Достаточно сослаться на его предков, и он непременно согласится. Воистину, наши древние галилеяне — я говорю про тех христиан, чьи лампы горели близ крестов и могил, — были более краткими в своих посвящениях. Прозелит в те времена утверждался простым «Веруй» — и не более. Однако это краткое посвящение было столь внушительным, что [император] Юлиан сослался на него при своём отступничестве. «У вас, — заявил он, — нет ничего для утверждения вашей религии, кроме этого «Веруй». Такова была простота тех изначальных времён, «когда ещё текла кровь Христова», когда раны Его ещё были перед глазами, а Его кровь сохраняла тепло в людских сердцах. Но, увы, эти священные капли застыли; наше спасение перекечало от креста к дыбе и, лишившись членов, — в аристотелевское логово инквизиции. Не серчай, о перипатетик, но как иначе мне величать твою школу, в которой несколько сект и групп предали Писание столь жестокой смерти через эти *pro et con* [с лат.: за и против]? Вначале родилось недовольство, затем оно было укреплено диспутами, во время коих мерзостные признаки и категории расщепили единую истину на тысячу еретических измышлений. Но разрыв не принят во внимание; божество ещё — лишь пустяк, если его не просеять или оно не проявит себя в детском конекчалке. Так усердие, отравленное логикой, выдыхает миазмы споров, а истина, отказавшись от крыльев и перспективы, опирается на тростинку силлогизма. Разумеется, я пока

не в силах понять, как разум может судить о принципах, «достоверность коих всецело зависит от Господа» и, следовательно, недоказуема без Божьего Духа. Но если я и допущу то, что буду всегда отрицать, [то вот моё суждение]: воистину, подлинная вера заключается не в разуме, а в любви, ибо я получаю свои принципы — и верю, что получаю их — лишь благодаря своей любви к Тому, кто открывает их.

Итак, наш Спаситель желал, чтобы иудеи поверили Ему, прежде всего ради Него Самого; а когда этого не произошло, то ради Его деяний. Но некоторые богословы верят только ради Аристотеля. Если логика обосновывает возможный догмат, то это — вера; если же нет, то это — Коран. Тем не менее сам Аристотель, — ставший первым торговцем этим товаром, а в отношении софистики достойный занять место Игнатия¹⁸ в его собственном конклаве, — оставил такое признание: «Разум подвержен ошибкам так же, как и мнение». Филопон¹⁹, разъясняя такие его слова: «Мы утверждаем, что не только наука, но и принцип науки есть то, посредством чего мы постигаем пределы», сделал такое превосходное, [истинно] христианское наблюдение: «Примем же, что ум, который есть принцип и первопричина знания, — не наш, но ум Бога, что выше нас; и примем, что пределы суть интеллектуальные и Божественные формы». Итак, согласно Аристотелю, — если верить комментатору, — Божий ум есть первопричина

¹⁸ [Вероятно, имеется в виду Игнатий Антиохийский (Игнатий Богоносец) (около 35–108) — церковный деятель, епископ Антиохии, один из так называемых «апостольских отцов» — христианских писателей и богословов следующего после апостолов поколения. Считается, что он первый стал использовать философию в качестве служанки богословия.]

¹⁹ [Иоанн Филопон (Иоанн Грамматик) (около 490–570) — греческий философ, совмещавший учёность александрийской школы неоплатонизма с принципами христианского мировоззрения.]

знания. Ибо, если сей Ум однажды раскроется и прольёт на нас свой свет, мы постигнем интеллектуальные формы или типы всего, что внутри Него. Эти формы он весьма удачно именует «пределы», поскольку они завершают, или кладут конец всему, ибо через них существо определяется и обретает свою индивидуальность, или, по Скоту, получает свою «этовость» [*haecceitie*], благодаря которой оно [именно] это, а не другое. Итак, нам следует заняться этим проявлением, а именно — расширением или раскрытием Божественного разума, а не силлогизмом, который, надо думать, передвигается на четвереньках. Если когда-нибудь мы будем допущены к этой общине Света, мы, вместе с апостолом, сумеем объяснить причину своей веры, но никогда без него [проявления]. Теперь вам надлежит понять, что Бог не раскроется, «покуда не раскроется небо человека». «Сбросьте завесу с лица своего», и вы проститесь со слепотой. Бог — это не Бог вдали, но Бог вблизи. «Се, стою у двери и стучу»²⁰. Откройтесь же, ибо сказано: «Если кто... отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним»²¹. Это — внутренний, мистический, а не внешний, обыденный, ужин; это — духовное крещение огнём, а не водной стихией.

Правду сказать, я весьма утешаюсь, вспоминая о двух обстоятельствах: во-первых, о том, что дала магия первым провозвестникам христианства, знание и благочестие коих привело их с Востока в Иерусалим; во-вторых, о том, что это Искусство должно страдать так же, как и религия, и по той же причине. Главные основания нынешних раздоров и разногласий в Церкви заключаются в обрядах и используемых в них символах. Ибо, бесспорно, апостолы ввели в употребление

²⁰ Откр 3:20.

²¹ Там же.

и оставили некие элементы или символы наподобие воды, масла, соли и света, посредством коих они представили нам некие великие и глубокие тайны. Но наши реформаторы, считая это суеверием, избавились от всего перечисленного. В действительности это было ошибкой: поскольку, если даже тень св. Петра исцеляла, то разве тени Христа не сотворят много больше? С другой стороны, паписты, не понимая значения этих предметов, приписали им некую внутреннюю святость, тем самым впав в крайне опасное идолопоклонничество. Не буду упоминать многое из того, что выдумали они сами, — например, образа, святые агнцы и реликвии, — ибо эти мёртвые кости были добавлены ими к изначальному, прекрасному телу Христову. Приведу сравнение: маги также ввели некоторые символы в качестве ключа к своему Искусству, и эти последние были идентичны с первыми [т.е. христианскими], а именно — водой, маслом, солью и светом, посредством которых они безмолвно передали нам три своих принципа и свет Природы, что наполняет и оживляет всё. Обычный человек, прочтя их книги, но не [проникнув] в смысл, возьмёт свечи, обычную воду, масло и соль и примется освящать и заклинать их, чтобы сотворить свою отвратительную, дьявольскую магию.

Среди магов действует правило: «Ни одно слово в магии не будет действенным, если прежде его не оживит Слово Божье». Потому-то в их книгах частенько упоминается «слово» [*verbum*] и «беседа» [*sermo*], так что обыкновенный человек, истолковав это по своему произволу, придумал свои чары и заговоры [*vocabula*], посредством которых и пообещал творить чудеса. В своих сочинениях маги уделяли много внимания треугольникам и кругам, намекая нам на свою таинственную триаду — с оборотом Природы от начала её недели до её Шабата. Посредством этого круга, или оборота, они указывали,

что дух может быть связан, в том смысле, что душа может быть объединена с телом. Обыкновенный человек тут же измыслил свои треугольники и символы, с множеством невразумительных паутинок или фигур, а также круг для заклятий; но, не ведая, какой дух связывали маги, он тщетно учится покорять дьявола²². Итак, если ты захочешь спросить меня, кем были эти маги²³, я отвечу, что они были царями, священниками, пророками — людьми, знакомыми с сущностными, духовными тайнами религии и сообщавшими или передававшими внешнюю, типическую её часть людям. Теперь можно понять, как магия вышла из употребления: ибо законники и обычные богословы, не сведущие в сих тайнах, начитавшись суеверного вздора про обряды, [придуманного] некоторыми писателями, претендующими на познания в магии, ополчились против самого искусства как нечестивого и антихристового, так что занятие им стало смертным грехом, влекущим за собой суровую кару. Тем временем немногие знатоки сей науки, получив первые предостережения, погрузились в глубокое молчание. Но Господь, допустив, что истина Его оказалась надолго затемнена, наконец, подвиг нескольких решительных и деятельных духов, которые, взяв перо и бумагу, разогнали эти тучи и, в какой-то мере, явили свет. Во главе этих отважных стояли Корнелий

²² Это очень интересные утверждения, и есть основания полагать, что за формулами и действиями обрядовой магии сокрыта экспериментальная наука совершенно иного толка. Но исследовать этот вопрос весьма сложно ввиду отсутствия критической традиции.

²³ Воган грезит о Персии и Дальнем Востоке, но практическая магия, с которой он был знаком, берёт начало в иудейской традиции. Однако традиционная теософия Израиля занималась не символизмом треугольников и кругов, а скрытым смыслом Святого Слова. С другой стороны, Каббала, оторвавшаяся от своих основ, стала прародительницей Альмадели [ответвления средневековой магической традиции] и гримуаров [книг, описывающих магические процедуры и заклинания для вызова духов.]

Агриппа, Либаний Галл, философ Иоганн Тритемий, Георгий Венетий, Иоганн Рейхлин, прозываемый по-гречески Капнион, и некоторые другие, каждый в своё время²⁴. А за ними, в качестве сопровождающего процессию, Евгений Филалет.

Коль скоро я открыто принял область, которой мог бы управлять в частном порядке с неизмеримо б'ольшим удовольствием и выгодой, полагаю недостаточным рассказать об обидах и злключениях, выпавших на долю этой науки, если одновременно не попытаюсь показать её древность. Несомненно, с искусствами дело обстоит так же, как и с людьми: их возраст и преемственность — хорошие доводы в пользу их силы и истинности. Потому весьма уместным был упрёк египтянина Солону: «Вы, эллины, вечно остаётесь детьми, и нет среди эллинов старца! ...И никакого учения, поседевшего от времени»²⁵. Но поскольку я не антиквар и признаю это, то хотел бы, чтобы какой-нибудь Селден²⁶ оказался вблизи этой брешы и заделал её черепками, которые почти превратились в пыль, так что время может поместить их в свои [песочные] часы. Я осознаю, что не в силах исполнить сие начинание надлежащим образом; но если рука моя уже опустилась в сумку, я достану те немногие камешки, которые у меня есть, и метну их в цель.

Это искусство — или, скорее, эту тайну — следует рассматривать несколькими способами в силу того, что оно имеет несколько предметов. Изначальное, первичное его существование — в самом Господе, ибо оно есть не что иное, как проявление или

²⁴ Эти авторы уже упоминались в тексте или примечаниях, за исключением Рейхлина, автора трактата «Об искусстве Каббалы».

²⁵ [Цит. по: Тимей. Платон. Собр. сочинений в трёх томах. Т. 3/Перевод С.С. Аверинцева. М.: Мысль, 1994.]

²⁶ [Джон Селден (1584–1654) — английский юрист, историк и антиквар.]

действие Божьего Духа, трудящегося в материи, соединяющего принципы в сочетания и разлагающего эти сочетания на составные принципы. В этом смысле мы не ищем его древнего состояния, ибо оно вечно, будучи идеей Божественной Мудрости и существуя прежде любого времени или его сотворения. Во-вторых, его следует рассматривать как производное, поскольку оно было передано и сообщено человеку: собственно, это было не рождением или началом, а находкой или открытием искусства. С момента его открытия и надлежит нам измерять его древность, причём задачей нашей будет показать, что [именно] побудило Господа открыть её, а также кому и когда.

Глаз не видит дальше привычных ему пределов, но ухо воспринимает звук в значительном отдалении. Дать опытное свидетельство явлений, более древних, чем мы сами, для нас невозможно, если только не заглянуть в зеркало, где видимы все события — прошлые, настоящие и будущие²⁷. Посему мне надлежит строить свои рассуждения на традициях тех, кому было доверено Слово — как писаное, так и сокровенное: таковыми были иудеи в общем, и последователи Каббалы, в частности. В намерения мои не входит принять сих раввинов в качестве основы, но я подтверждаю их суждения обращением к Писанию и займу своего читателя доказательствами как Божественными, так и человеческими. Наконец, я проследую из Иудеи в Египет и Грецию, где вновь обнаружу эти тайны и покажу, что сия наука — как и Источник соли (по утверждению алхимиков) — берёт начало в иудаизме и орошает всю Землю.

²⁷ Я удивлён, что эта фраза никогда не цитировалась как свидетельство раннего провозглашения в Англии ныне известной гипотезы о так называемом астральном свете, или универсальном зеркале событий и явлений. Эта гипотеза не в моей сфере компетенции, поскольку как мистика мне известно, что путь реальности лежит вне сферы образов; но гипотеза эта важна как свидетельство для последователей оккультных школ.

Согласно утвердившемуся у иудеев мнению, до падения Адама между небом и землёй, Господом и элементами существовал более обширный и полный союз, нежели в наши дни²⁸. Но после прегрешения первого человека *Малкут*²⁹, по словам последователей Каббалы, был отрезан от *Илан*³⁰, так что между двумя мирами возникла трещина, а канал их [взаимо] влияния был прерван. Ныне *Малкут* — это незримая, Архетипическая Луна³¹, которой управляется и напитывается наша видимая, небесная Луна. Действительно, быть может, когда Божественный Свет покинул низшие части, на теле этой планеты³² появились те пятна и потемнения, которые мы ныне наблюдаем, и не только на ней, но и на Солнце, как это было открыто с помощью телескопа. Таким образом, Бог — по их словам, — дабы покарать Адама за грех, отделился от Своих творений, и они более не насыщались [Его] эманациями в той же мере, что и прежде. Ибо Архетипическая Луна, расположенная в *Хашамаим*³³, чтобы воспринимать и передавать ниже эманации шести высших, невидимых планет³⁴, — по утверждению иудеев — или была разлучена с *Илан*, или груди её были запечатаны так, что она не могла насыщать низших своим молоком в том счастливом, изначальном

²⁸ В силу того, что Адаму в его изначальном состоянии было ведомо Божье великолепие.

²⁹ Т.е. мир действия.

³⁰ В значении «дерево». Согласно Кнорру фон Розенроту, в дополнениях к «Зохару» *Бина*, или Высшее Понимание, именуется корнем Древа, т.е. корнем прямого света, тогда как *Малкут* является корнем света отражённого. Суть, таким образом, в том, что *Малкут* был отрезан от *Бины*, а верхняя *Шекина* оказалась отделённой от нижней *Шекины*.

³¹ Такая атрибуция основана на каббалистическом труде «Гранатовый сад».

³² Согласно «Зохару», в своём совершенном состоянии Луна не прибывает и не убывает, а превосходным образом отражает солнце *Тифферет* в его целостности.

³³ Архетипическая Луна — это *Шекина*.

³⁴ В «Зохаре» нет ни слова о невидимых планетах.

изобилии. Но я не хочу задерживаться на этом предмете, а потому выслушаем самого каббалиста, разъяснившего сие словами ясными и уместными. «В начале сотворения мира Господь снизошёл и поселился вместе с тем, что пребывает здесь, внизу. И когда обитель Божья находилась здесь, внизу, небеса и земля были едины, а жизненные источники и потоки были в совершенном состоянии, и протекали из верхнего мира в нижний; Господь же наполнял все вещи, как вверху, так и внизу. [Но] явился Адам, первый человек, и согрешил, после чего нисхождение сверху прекратилось, и каналы его были нарушены; источники иссякли, а Божественное пребывание завершилось, и общество было разделено».

Таковы слова моего раввина. Теперь, коль скоро я обещал оправдать Каббалу Писанием, я передам [ведение] традиции Моисею, и, воистину, тот раввин разделяет моё мнение, ибо в Бытии написано следующее. «Адаму же сказал: за то, что ты... ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься»³⁵. Таково было проклятие, и Адам настолько проникся им, что поведал о нём потомкам. Ибо Ламех, пророчествуя о сыне своём Ное, произнёс такие слова: «Он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при возделывании земли, которую проклял Господь»³⁶. И это, действительно, в некотором смысле исполнилось после Потопа, как явствует из того же Писания. «И сказал Господь в сердце Своём: не буду больше проклинать

³⁵ Быт 3:17–19.

³⁶ Быт 5:29.

землю за человека»³⁷. Итак, следует памятовать о двух вещах: во-первых, о самом проклятии, во-вторых, о его сфере действия. Чтобы раскрыть природу проклятия и то, чем оно являлось, вам надобно знать, что Господь по сути своей есть свет, а зло есть тьма. Собственно, зло — это порча, которая появляется немедленно вслед за тем, как исчезает добро. Так, едва Господь отвёл от стихий свой канделябр со свечой, как материей завладели тьма и холод, а земля приблизилась к своей изначальной бесформенности и, следовательно, стала менее плодородна и жизненна. Небо и ад, т.е. свет и тьма, суть две крайности, венчающие добро и зло. Но существует несколько меньших благ, которые лишь следуют *in ordine* [с лат.: по порядку], и отдалены от неба, являющегося высочайшим совершенством: таковы были блага, кои Господь вернул после прегрешения первого человека. Опять же, есть некоторые виды зла, которые суть лишь ступени, ведущие к их последней крайности — преисподней; и таково было проклятие или зло, последовавшее за прегрешением. Итак, с такой идеей о благословенных и проклятых наш Спаситель обращается к обитателям света и тьмы: «приидите, благословенные...» и «идите от Меня, проклятые...»³⁸. Словом, проклятие было не чем иным, как вторичным актом, или ограничением тех благ, которыми Господь единственно по доброте своей наделил ранее Свои создания. Следовательно, я заключаю, что между Моисеем и последователями Каббалы — совершенное и полное единодушие³⁹.

³⁷ Быт 8:21.

³⁸ Мф 25:34, 41.

³⁹ В руках последователей «Зохара» и иных докторов, представляющих теософское течение в иудаизме, Пятикнижие подверглось переплавке, и результатом стало тайное учение Израиля. Надо сказать, что в этот расплав были добавлены самые разные источники. Замечание Вогана интересно тем, что демонстрирует диапазон его эрудиции.

Но если отставить их рассуждения, пусть даже великие и возвышенные, мы не найдём здесь свидетельства ангела. Ибо наставник Ездры, среди прочих тайных поучений, дал и такое: «Когда Адам нарушил Мои постановления, определено быть тому, что сделано. И сделались входы века сего тесными, болезненными, утомительными, также узкими, лукавыми, исполненными бедствий и требующими великого труда. А входы будущего века пространны, безопасны, и приносят плод бессмертия»⁴⁰.

Это — касаясь самого проклятия: теперь о сфере его действия. Действительно, оно предназначалось главным образом для человека, бывшего основной его причиной, но из-за него и ради него распространилось и на элементы. Ибо, если бы Господь изгнал его из Эдема, но сохранил бы землю в её изначальном великолепии, Он лишь переместил его из одного рая в другой; потому-то и приспособил темницу для узника и отправил испорченного человека в испорченный мир. Но, воистину, не один лишь человек или мир пострадали из-за этого проклятия, но и все прочие твари. Ибо молвил Господь змею: «Проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми»⁴¹, то есть скоты и звери также были прокляты в некоторой мере, но сей змей — больше всех них. С этим соглашается и апостол [Павел] в Послании к Римлянам, где сказано: «... потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего её, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих»⁴². Здесь под тварью он подразумевает не человека, но низшие виды, которых он отличает от детей Божьих,

⁴⁰ 3 Езд 7:11–13.

⁴¹ Быт 3:14.

⁴² Рим 8:20–21.

хотя и наделяет их той же свободой⁴³. Ещё более очевидно это из последующего, где он проводит чёткое различие между человеком и всеми прочими тварями. Вот его слова: «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего»⁴⁴. Как видим, здесь начатки духа отнесены к человеку; почему бы не отнести к творению в целом какие-нибудь вторичные, низшие плоды⁴⁵? Ибо так же, как были они прокляты при падении человека из-за него, так и при его искуплении [restitution] будут они благословлены благодаря нему. Но довольно об этом.

Давайте же подытожим и вспомним различные трудности, под властью коих оказался наш прародитель, поскольку они понадобятся нам далее. Прежде всего, он был изгнан с глаз Божьих и предоставлен коварству и искушениям дьявола. Он переменялся от доброго к дурному, от непорочного к порочному. Как сказано в Писании: «...в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь»⁴⁶. Он был выдворен из прекрасного Рая и заточён в презренном мире, чьи нездоровые, заражённые элементы, действуя сообща с его собственной природой, принялись ускорять и содействовать смерти, которая уже воцарилась в его природе. Небеса скорбели над ним, а земля и все создания — вместе с ним. Он взирал на себя

⁴³ Так Воган понимает слова Павла: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (Рим 8:19).

⁴⁴ Рим 8:22–23.

⁴⁵ Тем, кто полагает, будто Павел проводил различие между «начатками духа» [буквально: первичными плодами], понимаемыми как лучшие, и остальным миром как между «тварями» и «детьми Божиими», нужно перечесть 39 стих 8 главы того же послания: «ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией...». Слово «тварь» использовано в обобщённом смысле, и обещанное искупление — для всех.

⁴⁶ Быт 2:17.

как на изменника и убийцу, будучи повинен в том проклятии и порче, которые постигли мир вследствие его падения, как мы достаточно доказали на основе Моисеевой и каббалистической традиций. Невежественный, он не надеялся на жизнь вечную⁴⁷, а что касается новой, земной, жизни, то он был незнаком с её условиями. Элементы землепашества ещё не были известны; не было ни домов, ни плуга, ни тех ремёсел, что обеспечивают достаток в миру. Он был предоставлен ярости дождей и ветров, морозов и снегов, словом, лишён всех удобств — духовных и природных. Что мне ещё добавить? Он был чужим в этом мире, не способным отличить лекарство от яда, не имевшим навыка обычного приготовления еды и питья. Под рукой у него не было готовой пищи, кроме грубых, незрелых трав, так что ничего ему не оставалось, кроме как умирать с голоду или питаться, подобно Навуходоносору, с зверями полевыми⁴⁸. Конечно, он когда-то слышал о Дереве Жизни в Эдеме, но плоды этого мира, — как ему было известно, — могли происходить и с Деревьев смерти. Отсюда я заключаю, что у него был некий наставник, который посвящал его в пути жизни и направлял по узкой и извилистой тропе в той глуши. Без сомнения, его внешние невзгоды и внутреннее отчаяние подвигли Господа открыть ему некое искусство, посредством коего он мог облегчить свою нынешнюю нужду и возыметь твёрдую надежду на предстоящее и славное искупление. Ибо Господь, посвятив второго, вечного Адама, неким таинственным

⁴⁷ Согласно Рейхлину, с трудами которого Воган, очевидно, был знаком, Адам погиб духовно, отведав запретного плода, так что Божий приговор исполнился над ним немедленно. Он не просто стал подвластен разложению. *Morte moriebatur*, говорит Рейхлин, цитируя Каббалу, согласно которой праведные и в смерти называются живыми, тогда как порочные мертвы даже при жизни. — «*De Arte Cabalistica*» [«Об искусстве Каббалы»]. Кн. I.

⁴⁸ [Дан 4:22, 29.]

образом возвестил первому возможность Его прихода: будучи преисполнен отчаяния и раздавлен бременем собственного греха, тот был подходящим пациентом для столь Божественного и Милосердного лекаря. Но, опуская наши собственные соображения, которые мы могли бы привести по этому поводу, вернёмся к последователям Каббалы, которые, действительно, весьма сведущи в этом вопросе; вот что они сообщают.

Господь, по их словам, заперев врата Своего Рая и изгнав Адама, некогда драгоценнейшее из Его творений, несмотря на наложенную кару, сохранил к нему прежнюю любовь. Ибо о Господе говорят, что он любит Свои создания — не потому, что им присуще нечто прекрасное помимо их Творца, но поскольку Он желает их совершенства. То есть желание Его, чтоб они соответствовали Ему и были способны обрести Его образ и подобие, которые есть духовный слепок Его красоты. Восстановить это подобие в Адаме было невозможно, если бы Господь не возвратил себе то, что отпало от Него. Столь необыкновенную, почти невероятную милость сокрыл Господь в Своей тайной воле, решив воссоединить человеческую природу с собственной и тем вырвать его у смерти, вознеся в Божественность, которая есть истинный источник и средоточие жизни⁴⁹. Как говорят каббалисты, вначале сия воля была открыта ангелам Господом в таких словах: «...вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло...»⁵⁰. Эту речь они именуют «таинственнейшей беседой, которую Господь имел с благословенными ангелами во внутренних чертогах

⁴⁹ Следует указать, что в Каббале нет изложенной доктрины о поглощении Господом. В ней отсутствует идея о слиянии человека с Божественностью. Есть союз с Высшими [сущностями] через *Шекину* в Божественном понимании, но непроявленный Бог трансцендентен; и это — Бог не только непознанный, но и непознаваемый, как сказано в «Зохаре».

⁵⁰ Быт 3:22.

Неба». Что ж, меня ничуть не удивляет, что то же самое Писание может сообщать одно в букве и другое — в тайном предании, сколь непостижимым бы это ни казалось остальным. И правда, эти слова не могут относиться к первому Адаму, который, познав зло совершением его, не мог быть подобен Богу в отношении этого знания, сделавшего его греховным и вовсе не схожим с Богом. Ибо Господь, если так выразиться, знает зло лишь умозрительно⁵¹, поскольку ничто не может остаться вне его знания, и посему не виновен во зле: ибо — как справедливо заметил Тритемий — «дурно не знание зла, а его применение». Бесспорно, эта речь относилась ко Второму Адаму, Иисусу Христу, Который знал зло, но не совершил его, и потому был «как один из нас», т.е. один из Троицы, знающей добро и зло, но никоим образом не причастной ко злу. Когда сие изначальное, краткое благовестие было передано ангелам, они стали его провозвестниками, а Закон, по утверждению св. Павла, был преподан через них, покуда Христос не взял его⁵²; и их руководство человеком началось с этого прорицания.

Итак, каббалисты учат, что ангел Разиэль был вскоре послан, дабы передать эту весть Адаму и познакомить его с тайнами обоих миров — вечного и преходящего⁵³. Ибо, как

⁵¹ Если вспомнить «Сефер Йецира», возможно, наиболее древний, чистейший текст Каббалы, то десять сфирот, являющиеся мирами сущего, Господь таинственным образом источил как эманации, и они воплощают собой бездну зла, но также добра. Точно так же, по утверждению «Зохара», Господь создал человека из духа добра и духа зла. Добро, ставшее результатом зла, считается оправданием своего источника. Докторов Каббалы не волновала проблема этого источника, и они спокойно принимали последствия своей веры в Бога как в Творца всего.

⁵² Послание к Галатам апостола Павла 3:19, где сказано, что закон был «преподан через Ангелов, рукою посредника».

⁵³ Об этом говорится в «Зохаре», согласно которому ангелу Разиэлю было поручено утешить Адама таинственной книгой, в которой была изложена вся тайна мудрости.

не мог он достичь счастья вечного мира, подлинной верой не восприняв его Три Вечных Принципа, так не мог он и наслаждаться благами этого преходящего мира в полной мере, не постигнув глубоко три видимые субстанции, из которых он сложен. Ибо Три — сверху, и три — снизу, Три — как говорит св. Иоанн — на небесах, и три на земле. Низшие свидетельствуют о высших и являются единственными подходящими вместилищами для них. Они — характерные признаки и сотворённые книги, из которых можно узнать Тайны Сверхприродной Троицы⁵⁴. Но продолжим наши рассуждения: последователи Каббалы считают, что не только Адам, но и каждый из патриархов имел наставника, и наделяют их собственными руководителями и предстателями, помогающими и обучающими их на [путях] изнурительных мирских скитаний. Сия доктрина, на мой взгляд, не более религиозна, чем необходимо, сколь невероятной ни казалась бы она некоторым самодовольным, нудным теологам⁵⁵. Разумеется, нам самим невозможно открыть тайны о себе: для этого нужно или иметь Дух Божий, или указания Его провозвестников, будь то люди или ангелы. Таким образом, из традиций и доктрин иудеев мы видим, как их Каббала и наша магия впервые вошли в мир. Теперь я рассмотрю [Священное] Писание и испрошу у него совета и, — если я не заблуждаюсь, — отыщу там некоторые заключения, которые неизбежно зависят от этих принципов; вот так я исполню свою задачу.

⁵⁴ Три, которые свидетельствуют на земле, согласно Первому посланию Иоанна 5:8, суть «дух, вода и кровь», а то, в чём они согласуются, и составляет единство человеческой личности.

⁵⁵ Взято у Авраама бен Давид ха-Леви, умершего в 1126 году. Он приписывал ангелов-наставников как пророкам, так и патриархам: например, Моисею — Метатрона, великого Ангела Присутствия.

Первый урожай, о котором я узнал, принадлежал Каину, а первое стадо — Авелю. Пастушья жизнь в те ранние дни была несложной, будучи связана скорее с заботой, нежели с умением. Но как вспахивалась земля до того, как зазвучал молот Тувалкаина⁵⁶, — об этой сфере хозяйства нам ничего не известно. Однако же этот труд исполнялся, и не без награды. У Каина были его снопы, как у Авеля — овцы: оба они получают и оба признают выгоду. В них я обнаруживаю черты священства: оба склоняются перед алтарём; но если первая кровь была пролита в результате жертвоприношения, то вторая — в результате убийства.

Что ж, столь я скудоумен и столь мало смыслю в силлогизмах — этих удивительных насосах и водогонных средствах, которые отмывают истину *ex puteo* [с лат.: от грязи], подобно воде, — что весь мой разум не в силах сделать этих людей левитами без откровения [свыше]. Потому я хотел бы знать, как впервые они совершили жертвоприношение и кто наставил их? Если вы скажете — Адам, то вопрос будет лишь отложен, но не решён. Ведь затем я пожелаю узнать, в какой школе обучался Адам? То, что сам он никак не мог изобрести эти тени и таинства, я и попытаюсь показать с помощью непобедимого разума, возразить которому не осмелится ни один противник.

Нет сомнения, что упование и чаяние человека при жертвоприношении заключается в означаемом, а не в самом символе. Ибо объект веры — не материальная, подверженная искажению тень, а духовный, вечный архетип, отвечающий ей и придающий действенность мёртвому символу. Жертвоприношения Ветхого Завета и элементы [подношений] в Новом [Завете] не могут быть угодны Господу вне связи

⁵⁶ [Тувалкаин «был ковачом всех орудий из меди и железа» (Быт 4:22), т.е. основоположником кузнечного ремесла.]

с Иисусом Христом, Который есть великая, совершенная жертва, принесённая раз и навсегда. Очевидно, что первые жертвоприношения были учреждены на сверхприродных основах, поскольку в Природе невозможно найти [причину], почему Богу может быть угодна смерть Его созданий. Напротив, полная противоположность описана в Книге [Библии], ибо смерть — как естественная, так и насильственная — происходит не к удовольствию, а к печали Творца. Мне известно, что учёный аль-Кинди⁵⁷ основывает действенность жертвоприношений на взаимодействии частей с большим миром; ибо в каждом животном есть доля звёздного огня, и этот огонь после распада сочетаний воссоединяется с всеобщим огнём, от которого произошёл, и производит чувство или движение в лимбе, с которым он соединился. Действительно, это так; но сие движение не приносит радости, и, следовательно, никакого воздаяния за жертву; ибо в ином месте я покажу, что Астральная Мать скорбит, а не радуется смерти своих детей⁵⁸. Итак, если оглянуться на те две первые жертвы [принесённые Каином и Авелем], можно обнаружить что Авель и его приношение были приняты, что было бы невозможно, если бы он не совершил его как символ — или знак — своего Спасителя. Дабы окончательно разъяснить свой довод, скажу, что знание способа, как сделать угодными все приношения, было достигнуто не человеческим усердием, но одним лишь откровением. Ибо страсти Иисуса Христа были таинством, окружённым непостижимой волей Господней, и знающий это

⁵⁷ [Абу Юсуф Якуб ибн Исхак аль-Кинди (около 801 — около 870) — арабский учёный-энциклопедист. Автор более 250 трактатов по метафизике, логике, этике, математике, криптографии, астрологии, медицине, метеорологии, оптике, музыке.]

⁵⁸ В позднейших сочинениях Вогана об этом нет ни слова.

обязательно будет следовать Его соизволениям. Поэтому сие именуется в Писании Сокрытой Тайной, ибо истину и достоверность её не мог подтвердить никто, кроме Того, Кто имел волю и могущество, чтобы установить её. Но если вы, словно создатель *атрибутов* [т.е. Аристотель], скажете мне, будто человек совершил первое жертвоприношение по природному инстинкту — вне всякой связи с [упомянутым] способом, — я от души поблагодарю вас за своё веселье.

Таким образом, можно считать несомненно обоснованным, что вначале Адам получил наставления, касающиеся Страстей, а затем его научили жертвенному приношению крови животных как символу и предвестию крови Иисуса Христа, а алтари [Моисеева] Закона были лишь ступенями к кресту Евангелия. Далее: если мне возразят, что жертвы приносили различные народы, вовсе не знавшие Бога, тем паче Божьего Сына, являющегося архетипом и совершенством всех приношений, я отвечу, что обычай жертвоприношения дошёл до язычников через традицию от первого человека, научившего своих детей, которые, в свою очередь, передали его своему потомству, так что оболочка религии осталась, хотя суть и истинный смысл её были утрачены. Потому, как мне кажется, достаточно очевидно, что первый человек жертвовал не [инстинктом] Природы — как этого хотел бы Порфирий, враг нашей религии, — но одни [в силу] откровения, а иные — [в силу] обычая и традиции. Но, подумал я, у меня есть Писание для подтверждения этого изначального откровения, ибо Соломон, перечисляя те благодеяния, которыми Божья мудрость осыпала праотцев, помимо прочего, упоминает и её терпимость к Адаму⁵⁹: «Она сохраняла первозданного

⁵⁹ Прем 10:1. Книга цитируется как каноническая. Без сомнения, автор уважал этот источник.

отца мира, который сотворён был один, и спасала его от собственного его падения». Я вижу, что Адам был в некоторой мере возрождён, и разве было бы это возможным без явления ему Великого искупителя Иисуса Христа, Второго Адама, в Которого он поверил? Ведь его не удалось бы поднять после падения иначе как верой, а без Христа, явившегося и проповедовавшего ему, он не мог возыметь веру, ибо не знал, во что ему верить. Потому нет сомнения, что он слушал наставления, ибо, подобно тому, как в эти последние дни нас учат Господь-Сын и Его апостолы, так и в те, первоизданные, времена их учили Дух Господа и служащие Ему ангелы. Они были наставниками тех [первых людей], ибо от них [ангелов] услышали они Слово; и недаром говорят, что вера приходит, если услышать.

Что ж, я полагаю, достаточно [убедительно] доказано, что Адам получил свою метафизику свыше. Наша следующая задача и, видимо, довольно трудная — привести некоторые вероятные или даже наглядные доводы, что они [ангелы] сошли не с пустыми руками, но принесли средства исцеления. Мне известно, что священные книги не говорят на сей счёт ничего определённого, и посему [представители] религиозных течений не будут спешить с выражением своего одобрения. Истинно, со своей стороны желаю им не погибели, но терпения. Хотя и вопреки предписанию⁶⁰ я много лет прилежал их философии; и если они проведут несколько часов за моими рассуждениями о семени, то это может стоить им толики их справедливости, но не их благ⁶¹. Но чтобы перейти к нашему

⁶⁰ Аллюзия на Послание к Колоссянам апостола Павла 2:8: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлёк вас философией и пустым оболыщением, по преданию человеческого...».

⁶¹ В примечании к этому месту Воган ссылается на Деяния святых апостолов 17:18.

предмету, я считаю весьма насущным различать искусства, ибо до сих пор я не встречал ни одного автора, который бы полностью учитывал их различия. То Искусство, о коем я говорю, — истинно целительное по своему предмету, методу и действию. Что же касается искусств, проповедуемых во всеуслышание и дозволенных к ущербу для истины, то ни одно из них не является подходящим, ибо они — лишь ухищрения и игрушки для рук или мозга, и не имеют надёжных основ в Природе. Их, как мне представляется, Соломон разумел среди сует, говоря в одном месте: «...я нашёл, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы»⁶². Краткий перечень сих помыслов можно отыскать в книге Бытия, где Моисей отделил зерно от плевел, а труды Господа — от измышлений человеческих. Итак, мы читаем, что Иавал был отцом живущих в шатрах со стадами, брат его прозывался Иувал и был отцом всех играющих на гусях и свирели, а Тувалкаин — учителем всех ковачей орудий из меди и железа⁶³. Сколько бед принесли эти циклопические [орудия] из меди и железа, мне нет нужды говорить вам. Если вам неведомы пути прошлого, вы можете изучить настоящее; [ведь] живёте вы в век, который может наставить вас. Воистину, достойно нашего внимания, что эти науки и их орудия произошли не от потомства Сифа, от кого произошёл и Иисус Христос, ибо — как мы покажем далее — нет сомнения, что они были более сведущи; а произошли они от семени Каина, который по деяниям своим был убийцей, лишившим жизни своего брата.

⁶² Еккл 7:29.

⁶³ Быт 4:20—22.

Слова «всех ковачей» подразумевают создателей как мирного инвентаря, так и оружия, и один из поэтов Викторианской эпохи, Чарльз Маккей, приятным стилем повествует, как Тувалкаин «смастерил первый лемех».

Словом, нет тщеты, подобной тщете наук, — я понимаю те выдумки и их глашатаев, которые не создают ничего подлинного и естественного, но [приводят] к результатам или ложным, или порочным и насильственным в итоге. Но это — не безоговорочная победа: Корнелий Агриппа уже поверг этих *rodomontados* [бахвалов] в пыль и столь блестяще, что им так и не удалось вернуть свою репутацию⁶⁴. Назовите же мне Искусство, которое представляло бы собой полную, совершенную карту творения, ведущую напрямик к познанию истинного Господа, позволившее бы мне открыть те универсальные, невидимые сущности, подчинённые Ему; никак не подвластное злу Искусство, посредством коего я мог бы постичь все секреты и тайны Природы. Это — Искусство, заключавшее в себе врачевательные познания Адама и патриархов, и то, что это Искусство было открыто ему, я докажу на основе священных книг и практики его потомков.

Эта истина, я уверен, покажется трудной или даже невероятной большинству людей: ведь Божий промысл в этом отношении подвергнут сомнению, поскольку Ему не позволяют наставлять нас в вещах природных, а только в сверхприродных, касающихся наших душ и нашего спасения. Что же касается нашего тела, то [считается, что] Ему не следует заботиться о его нуждах, обучая нас истинному целительству и объясняя законы Его творения; ибо, хоть Он и создал Природу, однако не может наставлять в естественных науках. Ничего удивительного: [ведь] Аристотель и его силлогизм

⁶⁴ Книга Агриппы «О тщете и ненадёжности наук и искусств, а также о превосходстве слова Божия» подвергает нещадной критике все сферы, пути и методы познания. Эту критику можно сравнить с жалобой Роберта Фладда в его работе «*Tractatus apologeticus integritatem Societatis de Rosea Cruce defendens*» [«В защиту Общества розенкрейцеров»].

могут сделать это много лучше. Нет сомнения, что такое мнение ничем не лучше мнения эпикурейца, согласно которому «Бог прогуливается, уж не знаю, в каких уголках Своего неба, но не вспоминает о нас, смертных, кои находятся здесь, под Его ногами». Истинно, верх нечестивости — делать из Господа, как некогда выразился Тертуллиан, «праздное, бесполезное ничтожество этого мира, никак не связанное с нашими делами, ибо они — природные и человеческие»⁶⁵. Конечно, такие люди опасаются, что Его милость умалит Его величие: [потому-то] они позволяют Ему иметь дело только с нашей бессмертной сущностью, но не бранными телами, которые нуждаются в Его помощи больше всего. Эти последние — недостойный предмет, который Он препоручил Галену и аптекарям.

Нет, мой друг: Он сотворил лекарственные снадобья и извлекает их из земли; но последователям Галена они неизвестны. Наши немощи вызывают у Него сострадание; Он — добрый самаритянин, который не проходит мимо наших недугов, но омывает наши раны маслом и вином. Сие мне превосходно известно, что я и докажу на основе Его собственных речений. Не Он ли научил Ноя построить ковчег и просмолить его снаружи и изнутри, дабы спасти жизнь в то время, когда Он намеревался её уничтожить, и именно тогда, когда мир не знал никакой механики, кроме элементов сельского хозяйства и некоторых навыков Тувалкаина и его собратьев? Но даже те изобретения произошли из света, вложенного Им в человека⁶⁶, из сущности, не знающей покоя и жажду-

⁶⁵ [Септимий Флоренс Тертуллиан (155/165–220/240) — один из выдающихся раннехристианских писателей и теологов, автор 40 трактатов. Приведённый фрагмент взят из труда «В защиту христиан». Гл. 24.]

⁶⁶ Это сомнительный довод, так как непонятно, почему невозможны изобретения благодаря гению Галена.

щей творить чудеса. Однако сам он [человек] редко производит что-либо, что не было бы нелепым и безобразным. Разве не вложил Он Свой дух в Веселеила, сына Уриева, и в Аголиава, сына Алисамахова? Разве не научил Он их всяким искусствам, чтобы «...работать из золота, серебра и меди <...> резать камни для вставляния и резать дерево для всякого дела...»⁶⁷? Но чтобы приблизиться к нашей цели: не Он ли поведал Моисею о составе масла и ароматов? Не Он ли поведал ему о симптомах проказы и лечении её? Не Он ли предписал Езекии пласт смокв⁶⁸ и — используя ваше выражение — глазную мазь Товиту⁶⁹? Разве сам Иисус Христос, в дни Своего воплощения, не сотворил бóльшую часть чудес ради нашего тела, хотя главным для Него было исцеление наших душ? Разве ныне Он не тот же, что и вчера? Более того — разве не был Он таким с самого начала? Ужели Он озаботился о наших телах тогда и пренебрегает ими ныне? Или, восседая по правую руку от Величественного [Творца], Он стал менее добр, ибо стал более славен? Сохрани Господь: думать так было бы вершиной греха. Примем же Его как нашего представителя, ибо Он — по словам апостола Павла — не Тот, «Который не может сострадать нам в немощах наших»⁷⁰, но, воистину, Он взирает на наше нынешнее состояние, как и на грядущее, и столь же сведущ в наших немощах, сколь озабочен нашим бессмертием. Будучи на земле, брением этой земли Он заставил прозреть слепого⁷¹, и простую воду превратил в вино.

⁶⁷ [Бог одарил Веселеила талантом и поручил ему вместе с Аголиавом изготовить «...скинию собрания и ковчег откровения и крышку на него, и все принадлежности скинии...» (Исх 31:4–5; 31:7; 35:32–33).]

⁶⁸ [4 Цар 20:7.]

⁶⁹ [Аллюзия на второканоническую «Книгу Товита». Тов 6:9.]

⁷⁰ Евр 4:15.

⁷¹ Ин 9:6.

Таковы видимые элементы Его врачевания или, скорее, — если это понятие не заденет вас, — Его магии. Показать ли вам Его библиотеку, а в ней — Его тройной метод? Что ж, вначале выслушайте, а затем упрекайте. «Имейте в себе соль», и вновь: «Вы — соль земли», и в третий раз: «Соль — добрая вещь»⁷². Таково Его учение о минералах: хотите ли знать Его плод? Он — в двух малых книгах: горчичное зерно и лилия. Наконец, у Него есть Его животная магия, и, воистину, это — запечатанный свиток: я не знаю, кто откроет его⁷³. Он «...не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке, ибо Сам знал, что́ в человеке»⁷⁴.

«И что следует из этой ереси?» — спросит какой-нибудь желчный мыслитель. Что ж, я разъясню вам. Во-первых, имейте в себе соль, ибо она смягчит заражённую душу и сохранит мозг, разлагаемый грязью Аристотеля. Во-вторых, посредством правильного, основательного размышления познайте, что есть соль земли, с которой сравниваются ученики [Христа]⁷⁵. В-третьих, приступите к опытам, и путём физической, разумной практики узнайте, в каком смысле «соль — добрая вещь». В-четвёртых, испытайте лилии огнём и огненной водой, чтобы познать их чудесные, незримые сокровища и подтвердить те правдивые слова: «...и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них»⁷⁶. Если вы желаете попробовать более высокую магию, то можете [приступить], когда будете готовы; но в мои нынешние намерения не вхо-

⁷² Мк 9:50; Мф 5:13; Лк 14:34.

⁷³ Это не особенно трудно с учётом прошлых намёков на учение Христа, если его соотнести с минералами и плодами. Это следует понимать в духовном плане, относительно трёх царств.

⁷⁴ Ин 2:25.

⁷⁵ [Мф 5:13]

⁷⁶ Мф 6:28, 29; Лк 12:27.

длит подводить вас к ней. Вам никогда не достичь совершенного знания тайн животного и растительного [мира] без знания первого минерального секрета, а именно — соли земли, которая есть соль и не-соль, и без приготовления оной⁷⁷. Эти рассуждения, признаюсь, довольно далеки от моей первоначальной цели — [исследования] того, как Адаму были открыты философия и божественность; но некоторые умы подобны своего рода колодам и, как я говорил ранее, ни за что не поверят, будто Бог обходится безо всяких природных тайн. Это и заставило меня привести несколько примеров из Писания, чтобы подойти к самому утверждению и, если читатель сколько-нибудь любознателен, для его подготовки. Я не ожидаю его согласия с моими принципами; нет, я далёк от мысли, что он может лишить меня своей милости. Пусть же будет он столь суров, как того требует справедливость, ибо я не желаю победы ни в чём, кроме истины, и во имя истины я начинаю.

Как вы узнали ранее, Каин и Авель получили наставления о жертве от своего отца Адама; но, поскольку Каин умертвил своего брата Авеля, его священнические функции перешли к Сифу, и это подтвердилось теми талантами, которые получило его потомство: ибо Енох, Ламех и Ной были пророками. Быть может, вас беспокоило, что я приписал

⁷⁷ Как и другие — гипотетические — первичные принципы алхимии, Соль философов имеет много противоречивых названий: к примеру, Первоматерия, Камень философов, Слоистая земля. Её иногда путают с Сульфуром и Меркурием, словно эти три принципа одно и то же; согласно одной концепции, это так и есть. Гебер [Джабир ибн Хайян (около 721 — около 815) — знаменитый арабский алхимик, врач, фармацевт, математик и астроном] утверждает, что это вещество не выглядит как соль, пока над ним не произведены определённые действия. И наконец, оно не может быть получено ни из одной известной соли, но является источником всего.

ют собой замечательные свершения, вызванные необычными причинами.

Я всегда восхищался той дисциплиной Елиезера, раба Авраамова, который, молясь у колодезя в Месопотамии, заставил преклонить колена и своих верблюдов⁸¹. Мне не верится, что в этом был какой-то трюк или дух Бэнкса⁸² мог быть духом молитвы. Иаков заключил с Лаваном соглашение, что весь пятнистый и бурый скот в его [Лавана] стадах перейдёт ему в качестве платы. Как только сделка была заключена, он [Иаков] нашёл способ увеличить [поголовье] нужного окраса и чуть не разорил своего тестя. «И взял Иаков свежих прутьев тополевых, миндальных и яворовых, и вырезал на них белые полосы, сняв кору до белизны, которая на прутьях, и положил прутья с нарезкою перед скотом в водопойных корытах, куда скот приходил пить, и где, приходя пить, зачинал пред прутьями. И зачинал скот пред прутьями, и рождался скот пёстрый, и с крапинами, и с пятнами»⁸³. Что же до слов Писания в другом месте, где Иаков «взглянул и увидел во сне, и вот козлы, поднявшиеся на скот, пестрые с крапинами и пятнами»⁸⁴, то это никоим образом не вредит нашему утверждению и не доказывает, что это явление было чудесным или сверхприродным. Ибо ни один человек, я полагаю, не столь безумен, чтобы решить, будто те фигуры или

⁸¹ [Елиезер из Дамаска, живший в доме Авраама, должен был стать его наследником в случае, если бы брак Авраама оказался бездетным (Быт 15:2 и след.). Обычно полагают, что Елиезер был тем рабом, который сватал для Исаака жену из родственниц Авраама (Быт 24).]

⁸² Известен знаменитый артист под таким именем, но имеется в виду, скорее всего, какой-нибудь малоизвестный пророк, а во времена Вогана таковых было великое множество, как и астрологов.

⁸³ Быт 30:37–39.

⁸⁴ Быт 31:10.

козлы из сновидения поднялись и породили подлинных овец: [ведь] Господь использовал это видение лишь для того, чтобы указать на правильность способа, использованного Иаковом, и объявить ему, что его надежды исполнятся. Но я не буду настаивать на подробностях и перейду от этого сна к другому. Когда Иосиф, будучи семнадцати лет от роду — возрасте некоторой рассудительности, — поведал своему отцу о видении, то не бездумно и не без причины, как мы рассказываем друг другу о своих снах, но ожидая — как мне кажется — истолкования, поскольку знал, что его отец был искусен в разъяснении оных. Мудрый патриарх, будучи сведущ в тайнах двух светил, отнёс самцов к солнцу, а самок — к луне, после чего дал третье толкование [связанное с] малыми звёздами, и, наконец, ответил сыну вопросом: «...что это за сон, который ты видел? неужели я и твоя мать, и твои братья придём поклониться тебе до земли?»⁸⁵

Что ж, я полагаю, никто не станет отрицать, что толкование снов относится к магии и всегда было объектом интереса как частица тайного учения. Действительно, если толкователь получает своё знание непосредственно от Господа, подобно Даниилу, то оно не вмещается в пределы естественных наук; но я говорю о физическом объяснении, имевшем место, и [которое] зиждится на некоторых скрытых подоби-ях; ибо тот, кто знает о сходстве различных частей этого великого тела, которое мы именуем миром, может знать, что означает каждая часть, и, следовательно, оказаться хорошим толкователем снов. Что же до первого опыта Иакова, упомянутого нами, а именно, приумножении его пятнистых козлов, то его магический смысл столь скуден, что наши самые

⁸⁵ Быт 37:10.

отъявленные противники не решаются спросить о нём. Я мог бы привести ещё один отрывок, относящийся к этому патриарху и указующий на основы магии; но, сочетаясь с этими рассуждениями, он откроет слишком много⁸⁶. Потому я предоставляю сие исследованиям подлинных знатоков или даже мастеров [сего] искусства. Итог всего сказанного: сам человек не мог достичь истинного знания; только Господь в своей несравненной милости наставил его. Для подтверждения сего я посоветую читателю вспомнить собственный опыт. Ныне существует множество магических книг, где ясно и правдиво раскрывается Искусство. Неисчислимо количество людей, изучающих эти книги, но и после многолетних усилий даже один из десяти тысяч не понимает их. Что ж, если мы — со всеми перечисленными преимуществами — не способны обрести знание тайн Природы, то как можем мы думать, будто этого могли достичь наши предки, не имевшие ни одну из наших библиотек в качестве подспорья и ни одного учёного мужа, который научил бы их? Могли ли они без поддержки достичь того, чего мы не можем [достичь] с поддержкой, и притом весьма значительной? Возможно, перипатетики заявят мне, что их силлогизм — это двигатель, способный выполнить всё названное⁸⁷. Пусть же покажут они Первоматерию Философского камня *in barbaro* [с итал.: грубо] или *baroco* [с итал.: с изыском]. Но они заявят, что такого явления не существует. Слушайте же, я повторяю ещё раз и ручаюсь своим спасением, что существует; но, воистину, их логике никогда не открыть его.

⁸⁶ Очевидно, имеется в виду борьба Иакова с ангелом в Пенуэле; но далее в тексте говорится, что лестница Иакова является величайшей тайной Каббалы.

⁸⁷ Любой довод достаточно хорош, чтобы использовать его против силлогизма, но здесь можно возразить, что последователи Аристотеля не претендовали на раскрытие тайн Природы методом логики.

Итак, очевидно, что Господь вначале наставил Адама; от того получили знания его дети; а от них знание перешло патриархам, ибо каждый отец передавал сии тайны своему сыну как важнейшее, непреходящее наследство⁸⁸. Вот, я сопровождал Иакова, [наречённого] Богом Израилем⁸⁹, в его паломничестве и в Падан-Арам⁹⁰, и в подлинную [страну] его завета, в сердце земли Ханаан. Но два переезда не завершают странствий патриарха. Господь призвал его из обители отцов в темницу его потомства и отвёл ему место свободы в узилище. Мне должно последовать за ним, куда повела его судьба, — из Хеврона Исаака в Гесем фараона, затем обратно в пещеру и пыль Махпелы⁹¹. Что же до его сыновей и их каравана, сопровождавших его на пути туда, то я не нахожу отдельного упоминания о них, и лишь Моисей сообщает об общей кончине: «И умер Иосиф и все братья его и весь род их»⁹². Теперь, дабы доказать традицию и преемственность сего Искусства, я обращусь ко двору [фараона], где найду сына Левина [т.е. Моисея], недавно извлечённого из тростниковой корзинки. Но расскажу немного и про Иосифа, и это, воистину, докажет, что магия была распространена в те дни и свершения её были не в диковину для сыновей Иакова; ибо, положив свою чашу в мешок Вениамина — и тем удержав своих братьев — он [Иосиф] спросил их: «...что это вы сделали? Разве вы не знали, что такой человек, как я, конечно угадает?»⁹³.

⁸⁸ Здесь эта теория выражена довольно неуклюже: речь идёт о передаче тайной традиции Израиля.

⁸⁹ [Быт 32:28.]

⁹⁰ [Так в Торе часто именуется Междуречье.]

⁹¹ [Пещера в Хевроне, где Авраам похоронил Сару. — Быт 23.]

⁹² Исх 1:6.

⁹³ Быт 44:15.

Из этой речи явствует, что его братья не были невеждами в деяниях Искусства [магии], и он, скорее, использует их знакомство с Искусством как довод против них: «Разве вы не знали?» Последующие слова весьма значимы и открывают нам, сколь сведущими людьми были маги древности. Они действительно были, — как он сам говорит, — подобны Иосифу: царями и правителями народов, а не нищими бродягами и шарлатанами, подобно нынешним докторам. Честолобие великих мужей выражалось в те дни в следовании добру, а поскольку сии тайны происходили от Господа, то и охранялись они богами, — я имею в виду царей. Ведь говорится в Писании: «Я сказал: вы — боги»⁹⁴, — именованя этого они удостоились потому, что обладали способностью творить чудеса, ибо такой — магический — смысл вложил Господь в слова, обращённые к Моисею: «...смотри, Я поставил тебя Богом фараону, а Аарон, брат твой, будет твоим пророком»⁹⁵. И правда, сие истинное знание и сей титул, связанный с ним, позволили лживому змею посулить нашим прародителям: «...и вы будете, как боги, знающие добро и зло»⁹⁶. Но не этот изошрённый дракон, а тот благой распятый змей способен дать нам и те познания, и сей титул: ведь «Всё чрез Него на́чало быть, и без Него ничто не на́чало быть, что на́чало быть»⁹⁷. Если Он сотворил их, то Он может и научить нас, как Он сделал это.

Теперь мне следует обратиться к Моисею, который при первой встрече с Господом наблюдал множество превращений — одно с его собственной плотью, другое — с жезлом в его руке, а третье — с водой, обещанное и затем

⁹⁴ Пс 81:6.

⁹⁵ Исх 7:1.

⁹⁶ Быт 3:5.

⁹⁷ Ин 1:3.

выполненное. О нём сказано, что он был сведущ во всех познаниях египтян; мне же весьма интересно, какого рода познания это были; ибо Писание, [а именно] книги, принадлежащие перу Моисея, уверяет меня, что их [волхвов] чудеса были сотворены посредством волшебства⁹⁸. Не подлежит сомнению: их учение было древним, т.к. я обнаруживаю магов в Египте за четыреста тридцать и более лет до Ианния и Иамврия⁹⁹. Подтверждение этому и фараонов сон, который не могли истолковать его собственные волхвы и мудрецы, а сумел один лишь Иосиф¹⁰⁰. Воистину, невозможно отрицать, что некоторые разновидности сего искусства, хотя и весьма искажённые, были известны среди всех народов в силу традиции, [берущей начало от] первого человека, как явствует из целого ряда свидетельств. Ибо в земле Ханаанской, прежде чем Израиль завладел ею, Давир, — который был завоёван Гофониилом, сыном Кеназа, — был университетом [или], по меньшей мере, имел знаменитую библиотеку, почему евреи и называли его Кириаф-Сефер¹⁰¹. Я могу сказать здесь об универсальности религии, ибо никогда доселе не жил народ, не имевший хотя бы смутного представления о Божестве, пусть даже связанного с прискорбными обрядами и суевериями. Помимо того, религии всех народов неизменно притязали на сверхъестественное могущество, даже на [способность] творить чудеса и исцелять любые болезни некими таинственными путями, неизвестными обычному человеку. Действительно, если мы

⁹⁸ Исх 7:11, 12.

⁹⁹ [Имена волхвов, противившихся Моисею и Аарону (2 Тим 3:8)]

¹⁰⁰ Быт 41.

¹⁰¹ См. Нав 15:15–17 и ср. Суд 1:11–13. Что касается знаменитой библиотеки, то речь может идти о неизвестной мне талмудической традиции, или же это может быть только мнением самого Вогана, основанном на названии Кириаф-Сефер — «Город букв», или «Город книг».

изучим все религии, истинные или ложные, мы не найдём ни одной, которая не притязала бы на что-то тайное. Разумеется, если человек не воспротивится здравому смыслу, то ему придётся признать, что такие расхождения в вопросах веры вызваны искажением некоторых переданных принципов: так, мы можем видеть, что многочисленные еретики — всего лишь неправильные толкователи. Но в их заблуждениях остались некоторые следы первичной истины и подражание ей. Отсюда и происходит, что все стороны согласны в действии, но не в цели. Например, Израиль жертвовал, и язычник жертвовал, но первый — Богу, а второй — своему идолу. У них совпадали не только некоторые ритуалы и обряды богослужения: у язычников остались также отдельные намёки тайного учения и философии патриархов, как мы можем видеть в их ложной магии, которая заключается большей частью в астрологических наблюдениях, идолах, талисманах и символах.

Но я намерен придерживаться пути, а не следовать этим отклонениям и злоключениям Искусства, которое, невзирая ни на что, не испытывает недостатка в весомых доводах — ведь существование чего-либо одинаково хорошо доказывается как неудачей, так и успехом. Далее следует сказать, что в странствиях патриархов это знание традиционно передавалось от отца к сыну; действительно, иначе и быть не могло, ибо, чем был в те дни Израиль, как не замкнутой семьёй? Тем не менее, когда Господь назначил им земли и сей замкнутый род разросся в народ, эти тайны оставались у старейшин колен, как раньше — у отца семьи. Эти старейшины, без сомнения, и были Моисеевыми семьюдесятью, составлявшими *Санхедрим*¹⁰², а из оставшихся Бог выбрал нескольких в качестве

¹⁰² [Имеется в виду Великий Синедрион, включавший 71 человека.]

хранителей и распространителей Его тайн. Я полагаю, никто не станет оспаривать ту истину, что Моисей был сведущ во всех тайных действиях и принципах Природы. То, что Санхедрим воспринял наставления и знания вместе с ним, явствует из Писания, где мы читаем, что Господь «взял от духа», который был в Моисее, «и дал семидесяти мужам старейшинам»¹⁰³.

Но чтобы кто-нибудь не вздумал отрицать того, что мы принимаем как само собой разумеющееся, — философию Моисея, — путём рассуждений я покажу на примере его книг и его практики, что он был природным магом. Итак, прежде всего: весьма нелепо и потому невероятно, чтобы о творении писал тот, кто вовсе не сведущ в тайнах Бога и Природы, кои непременно должны быть известны, прежде чем мы возьмёмся писать о творении. Но Моисей писал о нём: *ergo* [с лат.: следовательно]. Далее, я желаю знать, что же он писал: истину или ложь. Если истину, то как вы осмеливаетесь отрицать его знание? Если же ложь — да не допустит этого Бог, — зачем вам ему верить? Быть может, вы ответите мне, что он выражался лишь общими словами; на что я могу сказать вам, что Аристотель поступал не иначе. Но неужели вы со всей серьёзностью полагаете, что он знал не более того, что написал? Здесь вам сказать будет нечего, мы же в силах оспорить это, ибо в Бытии он открыл множество подробностей и особенно тайн, тесно связанных с сим Искусством. К примеру, он открыл *minera* [с лат.: шахта, кладезь] человека, или ту субстанцию, из которой был создан человек и все иные твари¹⁰⁴. Это — Перво-

¹⁰³ Чис 11:25.

¹⁰⁴ Текст Бытия весьма искажается этим и последующими утверждениями. В Бытии говорится, что вода произвела пресмыкающихся и птиц; что земля произвела душу живую по роду её, но Бог создал человека по образу и подобию своему. Опять же, вопрос не стоит дискуссии, но следует отметить, что Воган не обладает достаточной компетенцией как толкователь Писания.

материя Философского камня. Моисей именует её то водой, то землёй, поскольку в одном месте я читаю: «И сказал Бог: да произведёт вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной»¹⁰⁵. Но в другом месте мы узнаём иное: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных»¹⁰⁶. Во втором отрывке сообщается, что Бог создал птиц небесных из земли, тогда как в первом сказано, что создал Он их из воды. Разумеется, Аристотель с его органом никогда не сумеет примирить эти два отрывка, но некоторая искусность в магии позволит им облобызаться и стать друзьями безо всяких приворотных зелий. Итак, эта субстанция — и вода, и земля, но ни одна из названных в полноте их качеств. Это — густая вода и тонкая земля. Попросту говоря, это — жирная, спермообразная, вязкая масса, насыщенная всеми силами — небесными и земными. Философы называют её водой и не-водой, землёй и не-землёй. Почему же Моисей не может выразиться так же, как они? Или — почему они не могут писать так же, как Моисей? Это — истинно дамаская земля¹⁰⁷, из которой Господь создал человека. Вы, кто желает стать химиками, не старайтесь казаться мудрее, чем Бог, но используйте в своём Искусстве то вещество, которое Сам Господь использует в Природе. Он — лучший мастеровой и знает, какая материя наиболее пригодна для Его труда. Пусть тот, кто решит подражать Его свершениям, вначале научится подражать Ему в веществе. Потому не рассуждайте о кремне и сурьме: они — пыль [на кончике] булавки и скорлупа. Ищите ту землю и ту воду.

¹⁰⁵ Быт 1:20.

¹⁰⁶ Быт 2:19.

¹⁰⁷ Я не припомню в алхимических текстах разновидности земли, которая носила бы такое название — в буквальном или переносном смысле.

Но вышесказанное далеко не всё, что Моисей написал об этом: я мог бы процитировать ещё немало мест с магическим и мистическим смыслом, но, поступив так, я открою слишком много, и посему воздержусь. Теперь я поведу речь о его практике, и, воистину, её не поколеблют ни различные признаки, ни иные логические софизмы. Ничто, кроме опыта, не сможет опровергнуть этот довод; итак, вот он. И Моисей «...взял тельца, которого они сделали, и сжёг его в огне, и стёр в прах, и рассыпал по воде, и дал её пить сынам Израилевым»¹⁰⁸. Воистину, странная это была приправа, и действие столь же странное, сколь и приправа. Телец тот был из чистого золота, ведь израильтяне пожертвовали на него свои украшения. Что ж, я очень хотел бы знать, каким образом столь плотное и тяжёлое вещество, как золото, могло быть преобразовано в столь лёгкий порошок, чтобы рассыпать его по воде и затем выпить. Я уверен, что речь идёт об *aurum potabile*¹⁰⁹, и Моисей никогда не сумел бы проделать всё это с тельцом, если бы не пахал на нашей телице. Но довольно об этом: если кто-то считает, будто он проделал это с помощью обыкновенного огня, пусть попробует сам и, когда закончит, пусть отправит свой порошок аптекарям.

Если бы я решил задержаться на Моисеевом обрядовом законе, с его различными тенями благ¹¹⁰ и значением оных, я мог бы затеряться в дебрях тайн — и Божественных, и природных. Ибо, истинно, вся та система — лишь один обшир-

¹⁰⁸ Исх 32:20.

¹⁰⁹ Питьевое золото алхимиков, о котором Руланд в 1612 году писал: «Тот, кто приготовит его в наше время, приблизит скорее гибель, чем спасение человека».

¹¹⁰ [Евр 10:1.]

ный покров, или некая мощная тень, простёршаяся над обоими мирами — видимым и невидимым. Но это — явления более высокого плана, выходящие за пределы, отведённые для наших нынешних рассуждений. Я лишь сообщу читателю, что у Закона есть оболочка и ядро: глаголет буква, но толкует дух. С этим согласен Григорий Назианзин, различающий двойственный закон: один — писанный, другой — духовный. В другом месте он упоминает сокрытую и открытую части Закона, причём открытая часть, по его словам, предназначена для многих людей, таких, чьи мысли пребывают здесь внизу, тогда как сокрытая часть — лишь для немногих, чей ум устремлён ввысь, к небесному¹¹¹. Итак, дабы Закон, который был дан, облагодетельствовал людей в обеих своих частях — писаной и духовной, Законодатель учредил *Санхедрим*, совет семидесяти старейшин, на который он излил свой дух, чтобы различали они, подобно Ездre, в глубине ночи¹¹², или, попросту, сокрытую часть его Закона. От этих старейшин, я полагаю, берёт начало Каббала, ибо они передали своё знание преемникам через устное слово, и потому наука и стала называться Каббалой, т.е. принятием¹¹³. Это продолжалось до тех пор, пока Израиль был единым; но, когда остов его начал распадаться и обветшание здания достигло крайности, Ездра, пророк, не имеющий равных, — невзирая на клеймо Апокрифа, — записал на дощечках из пальмы закон, который Сам Господь некогда записал на скрижалях из

¹¹¹ Григорий Назианзин [Григорий Богослов (около 300 — около 390)]. «О поставлении епископов». [В рус. переводе: «...и приемлет закон, — для народа закон написанный, а для тех, которые выше народа, закон духа». Григорий Богослов. Собрание творений: в 2 т. Т. 1/Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 361–370.]

¹¹² Возможно, ссылка на Третью книгу Ездры 13:1 и далее. [«И было после семи дней, я видел ночью сон...».]

¹¹³ Там же. 14:24.

камня¹¹⁴. Что же до сокровенной, тайной его части, то она тогда же была изложена в семидесяти тайных книгах, по числу старейшин, в сердцах коих она была сокрыта некоторое время¹¹⁵.

И тогда впервые дух сочетался с буквой; ибо сии святые никогда не доверялись подверженным порче томам, но [лишь] Вечным Скрижалям Души. Но, возможно, нынешнее слепое поколение не поверит ничему, кроме того, что видит перед собой, и потому будет отрицать, что Ездра написал подобные книги. Таким сычам — хоть и не считаю их равными — я приведу слова Пико¹¹⁶, который утверждает, что однажды ему попались тайные книги Ездры, и он приобрёл их за немалую цену¹¹⁷. Это ещё не всё: Евгений, епископ Римский, заказал их перевод; но, когда он скончался, переводчики забросили своё занятие¹¹⁸. Конечно, я признаю, что мне можно что-то возразить касаясь Каббалы — искусства, которое я ни-

¹¹⁴ По традиционной версии, внутренние тайны Закона были переданы Моисеем на горе Синай или близ неё тайному совету. В качестве свидетельства можно привести фрагмент из Исхода 18:25, 26, где говорится о назначении «начальников народа», которым, однако, надлежало судить только «малые дела». Тогда как о «важных делах» по-прежнему доносили Моисею, и только он был посредником Бога. Совет семидесяти старейшин был назначен по Божьему приказанию, и ему была обещана часть духа Моисеева (Чис 11:16). Очевидно, это был исполнительный орган, но никак не богословский и не толковательный.

¹¹⁵ Ездры указано объявить одни слова и сокрыть другие (3 Езд 14:6); записать нечто и тайно объявить мудрым (3 Езд 14:26); было записано 204 книги [так у А. Уэйта; в русском переводе Третьей книги Ездры — 94 книги (3 Езд 14:44)]; но из них семьдесят были предназначены только для мудрых (3 Езд 14:47), предположительно, для совета старейшин.

¹¹⁶ [Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) — итальянский философ и учёный, одна из самых ярких фигур своего времени. Его идеи оказали влияние на многих мыслителей, в частности, на Рейхлина.]

¹¹⁷ В действительности он купил рукописи «Сефер Ха-Зохар».

¹¹⁸ [Неясное место. Четыре Римских папы носили имя Евгений, но последний из них умер за 15 лет до рождения Пико. Уэйт в своём комментарии предполагает, что Пико заинтересовал необычными текстами Папу Юлия II, но тот вступил на престол через 9 лет после смерти Пико.]

коим образом не одобряю и не осуждаю, — как наши противники осуждают магию, — прежде чем пойму его. Ибо я провёл несколько лет в исследовании и изучении его. Почему же я подношу другим как истину то, что сам считаю заблуждением? На это я отвечу, что осуждаю не истинную Каббалу, а вымыслы некоторых бродячих раввинов, мозг которых более склонен к развлечениям, нежели их судьба. Как я понимаю, именно об этом — тринадцатом — колене и отзывался сатирик столь язвительно:

*Иудеи торгуют снами всякого рода*¹¹⁹.

Они-то, говорю я, и произвели некую новомодную, нечистокровную Каббалу, состоящую главным образом из некоторых махинаций с алфавитом и [изречения которой] всегда заканчиваются на ту же букву, с какой начинались; и разновидности её всё множатся¹²⁰. Что касается более древних и материальных традиций Каббалы, то я принимаю их благодаря многим священным истинам; но, право же, сии истины были неизвестны большинству виденных мной раввинов, в том числе самому Рамбаму — я имею в виду Равви Моисея Египетского, коего иудеи так прославили своей знаменитой гиперболой: «От Моисея до Моисея не было равного Моисею»¹²¹.

Но чтоб быть чистосердечным с моими читателями, скажу, что Каббала, которую я принимаю, состоит из двух

¹¹⁹ [Ювенал. Сатиры.]

¹²⁰ Читатель получит достаточное представление об этих разновидностях, просмотрев книгу «La science cabalistique» [с фр.: «Наука Каббалы»] Ленана, впервые изданную в Амьене в 1823 году и переизданную в Париже в 1909 году.

¹²¹ [Моисей Египетский (1138–1204) — выдающийся еврейский философ и богослов-талмудист, раввин, врач. Рамбам — на иврите акроним для Рабби Моше бен Маймон.]

частей — имени и содержания¹²². Первая часть чисто символическая по отношению ко второй, она лишь тень сути. Приведу вам несколько примеров. Писаная Каббала, являющаяся лишь покровом над тайнами физической [Каббалы], имеет Три Принципа, обычно именуемые Три Матери¹²³. В мужской ипостаси иудеи называют их *שמם* (*эмес*), в женской *משם* (*асам*), и они суть *א* (*алеф*), *מ* (*мем*) и *ש* (*шин*). Теперь я покажу вам, как физическая Каббала объясняет писаную. Великий Авраам¹²⁴ — или, как считают некоторые, раввин Акива, — говорит: «Три Матери, эмес, или алеф, мем и шин — воздух, вода, огонь: чистая вода», — заметьте, — «шипящий огонь, и воздух, срединный дух». И вновь он же: «Три Матери алеф, мем, шин в мире: воздух, вода, огонь; небо создано первое из огня, и земля создана из воды», — отметьте это, — «а воздух преклоняется между огнём и водою»¹²⁵. Когда каббалист говорит о творении Трёх Матерей, он привносит десять Тайных принципов, которые, на мой взгляд, со времен *Санхедрима* не поняли даже десяток человек: такую бессмыслицу нахожу я у большинства авторов, пытающихся рассуждать о них. Первый принцип — это дух, пребывающий в своём изначальном, невообразимом прибежище, словно вода в подземном русле, прежде чем она вырвется на поверхность. Второй принцип — это глас первого Духа. Он исходит словно родник, выте-

¹²² Под «именем», видимо, подразумевается внешняя форма или система, но величайший текст из этой традиции, «Зохар», к счастью, вообще не имеет никакой системы.

¹²³ Здесь и далее автор черпает из «Сефер Йецира», ранее приписываемой патриарху Аврааму, но теперь — раввину Акиве.

¹²⁴ В «Сефер Йецира» буквы еврейского алфавита подразделяются следующим образом: Три Матери, назначение которых показал Воган; семь двойных, соотносимых с семью планетами, и двенадцать простых, соответствующих знакам Зодиака. Но есть и другие, дополнительные, распределения.

¹²⁵ [Цитирован перевод А.А. Философова. Гл. 3, § 3.]

кающий из земли и открывающийся глазу. Его называют Духом от Духа. Третий принцип — это Дух, происходящий и от первого Духа, и от его гласа. Четвёртый принцип — некая Вода, происходящая от Третьего принципа, а из этой Воды образуются Воздух и Огонь. Но Боже сохрани, чтобы я выдал о них ещё хоть частицу: достаточно того, что мы знаем источник творения и Того, к кому его следует отнести.

Каббалист, желая поведать, что Господь сделал с Тремя Матерями, выразится так: «Так взвешивал и переменял Он их, алеф со всеми ими, и всех их с алефом»¹²⁶. Это вполне понятно, если вспомнить различные смешения элементов и их тайные пропорции. Но довольно о физической части Каббалы: теперь я покажу вам метафизическую. Удивительно наблюдать, какое единство духа и доктрины царит среди Сынов Мудрости. Это неопровержимо доказывает, что существует универсальный Наставник, пребывающий в любой плоти, Чьи принципы неизменно единообразны, а именно — Дух Божий. Каббалисты вместе с сообществом магов согласны, что в духовных мистериях человек — одновременно и деятель, и испытывающий воздействие¹²⁷. Это очевидно; ибо лестница Иакова — величайшая тайна Каббалы¹²⁸. Здесь мы обнаруживаем два полюса: первый — Иаков, стоящий у подножия лестницы, второй — Господь, возвышающийся над ней и изливающий некое — неведомое — духовное воздействие на Иакова, который представляет человека вообще. Ступени

¹²⁶ [Цитирован перевод А.А. Философова. Гл. 2, § 4.]

¹²⁷ Прежде всего в том смысле, что душа — как невеста — играет женскую роль по отношению к Христу-Духу, который является женихом. Но это христианизированная Каббала.

¹²⁸ Поскольку она означает единство: то, что сверху, подобно тому, что снизу, а то, что снизу, подобно тому, что сверху, что подтверждает и герметическая традиция.

лестницы символизируют срединные природы, через которые Иаков соединяется с Богом, причём низшие соединены с высшими. Что же до ангелов, о которых сказано, что они восходят и нисходят по лестнице, то такое их движение доказывает, что они не принадлежат к высшей иерархии, но являются какими-то иными таинственными сущностями, ибо они вначале взошли, а затем спустились; ведь если бы они находились вверху, то вначале бы спустились, что противоречит тексту¹²⁹. Здесь, читатель, я хотел бы, чтобы ты поучился. Вернёмся к Иакову: о нём написано, что он уснул, но это — мистические слова, ибо означают смерть: а именно, ту смерть, которую каббалисты именуют *Mors Osculi*, или смертью от поцелуя, о коем не вправе поведать даже слога¹³⁰. Скажу кратко: они согласны с нами по поводу богословской тайны, по которой ни одно слово в магии не произведёт своего действия, если прежде его не оживит слово Божье. Это явствует из их *Шемхамфораи*¹³¹, ибо они не считают имена ангелов действительными, пока к ним не присоединить одно из имён Бога, такое как Иах или Эл. Тогда — по их словам — силой этих имён и благодаря им они [имена ангелов] могут произвести своё действие. Пример тому мы находим во всех производных именах: Веху-Иах [Вехуиа], Элем-Иах [Елемия], Йели-Эл [Иелиил], Сита-Эл [Ситаил]. Сия практика в писанной части [Каббалы] представляет собой тонкое указание на соединение Сущностного слова или Духа с Водой. Постарайтесь понять меня верно, ибо я подразумеваю элементы; такова истина.

¹²⁹ Человеческие устремления восходят, а Божественное воздействие нисходит.

¹³⁰ Состояние мистической смерти и поцелуй *Шекины*.

¹³¹ [Шемхамфораи — древнееврейская фраза, означающая «семидесятидвукратное имя Бога».]

В завершение я хотел бы указать читателю на то, что ложная, грамматическая Каббала заключается единственно в переборе алфавита и перестановке букв в тексте, в результате чего сие Писание претерпело множество насилия и искажений. Что же до истинной Каббалы, то она использует букву только как приём, дабы затемнить и сокрыть свои физические тайны — как египтяне ранее использовали свои иероглифы. В этом смысле изначальные последователи сего искусства имели писаную Каббалу, как явствует из той чудесной и древнейшей надписи на скале в Хориве. Она содержит пророчество о Девственной Матери и Её Сыне Иисусе Христе, выбитую в иероглифах и обрамлённую сочетанием еврейских букв, но кем — одному Богу ведомо: возможно, Моисеем или Илиёй. Это действительно так: её можно видеть там и поныне, и о ней свидетельствуют Томас Обецин, высокоучёный францисканец, и Пьетро а Валле, джентльмен, который, как и первый, бывал в тех краях¹³².

Далее: то, что учение иудеев — я понимаю их Каббалу — было алхимическим и завершилось истинно физическими свершениями, ничем не может быть доказано так убедительно, как «Книгой иудея Авраама», где автор изложил тайны сего Искусства в сдержанных, простых словах и символах, совершив сие на благо своих несчастных соотечественников, когда гнев Божий рассеял их по всему свету¹³³. Книга эта была случайно обнаружена Николая Фламельем, французом, и с её

¹³² [Пьетро делла Валле (1586—1652) — итальянский путешественник по Азии времён эпохи Возрождения. Путешествовал по Святой Земле, Ближнему Востоку, Северной Америке и Индии.]

¹³³ [История упомянутой «Книги иудея Авраама» увлекательна и поучительна. Заинтересованного читателя отсылаем к превосходной вступительной статье Глеба Бутузова к выполненному им переводу со старофранцузского книги Н. Фламеля «Алхимия». СПб.: Азбука, 2010.]

помощью он, наконец, получил то чудодейственное снадобье, которое именуется Философским камнем. Но послушаем описание самого *монсьёра*:

«За сумму в два флорина в мои руки перешла позолоченная книга, весьма старинная и большая. Была она не из бумаги или пергамента, подобно прочим книгам, но — как мне показалось — выделана из тонкой коры нежных молодых деревьев. Переплёт её был из меди, хорошей работы, весь покрытый выгравированными буквами и странными символами; я, со своей стороны, полагаю, что это могли быть символы греческого или какого-то иного древнего языка. Я точно знаю, что не сумел бы прочесть их, и мне доподлинно известно, что это не были буквы латинские или галльские, поскольку их я немного понимаю. Что же до того, что внутри, то на листах из коры были выгравированы и с изумительным усердием начерчены острым железным пером ровные и изящные цветные латинские буквы. Книга содержала трижды по семь листов, ибо столько листов насчитывалось с самого первого, и каждый седьмой лист был без писем; вместо того на первом из семи была изображена Дева и змеи, заглатывающие её¹³⁴; на первом из следующих семи — крест с распятым на нём змеем; а последние семь открывались рисунком пустынь или пустошей, в середине их били прекрасные источники, из коих выползало множество змей, расплзающихся во все стороны. На первом листе большими заглавными золотыми буквами было написано: ИУДЕЙ АВРААМ, ПРИНЦ, СВЯЩЕННИК, ЛЕВИТ, АСТРОЛОГ И ФИЛОСОФ ШЛЁТ ПРИВЕТ НАРОДУ ИУДЕЙСКОМУ, ГНЕВОМ БОЖЬИМ РАССЕЯННОМУ СРЕДИ ГАЛЛОВ.

¹³⁴ [... a Virgin and serpents swallowing her up. В переводе Г. Бутузова, иначе: «... изображение жезла и двух переплетающихся змей» (Фламель Н. Алхимия/ Пер. Г.А. Бутузова. СПб.: Азбука, 2010).]

После этого шли ужасные ругательства и проклятия с часто повторяемым словом *маранафа*, адресованные всякому бросившему взгляд на книгу, если только он — не жрец и не переписчик. Тот, кто продал мне эту книгу, не ведал, чего она стоит, так же, как и я, когда покупал её. Я полагаю, что её украли или отняли силой у обездоленных евреев, или нашли в тайнике, в каком-нибудь месте, где они издавна обитали. На втором листе книги он утешает свой народ, советуя избегать порока и прежде всего — идолопоклонства, и ожидать в кротком терпении прихода Мессии, который победит все народы земли и будет вечно царствовать во славе со Своим народом. Без сомнения, это был муж мудрый и рассудительный. На третьем листе и во всех последующих письменах, дабы помочь своему порабощённому народу платить дань римским императорам и вершить иные дела, о коих я не буду распространяться, он в общих словах учит их трансмутации металлов. На полях он нарисовал сосуды и рассказал про их цвета, а также обо всём остальном, за исключением исходного материала, о котором не проронил ни слова, и только на четвёртом и пятом листах, по его словам, изобразил его с большой искусностью. Ибо, хотя изображён и зарисован он был хорошо и разборчиво, однако ни один человек никогда не сумел бы понять сие, не будучи умудрён в их Каббале, передающейся по традиции, и не изучив предварительно их книг. Четвёртый и пятый листы, соответственно, без письмен, но полны прекрасных, просветлённых фигур, ибо сей труд весьма необыкновенный. Во-первых, он изобразил юношу с крыльями на щиколотках и с кадуцеем в руке, обвитым двумя змеями, которым он касается шлема, покрывающего его голову. По моему скромному мнению, это Меркурий, языческий Бог. Напротив него изображён высокий старец, летящий с раскрытыми крыльями, на голове у которого располагаются песочные часы,

а в руках он, словно смерть, держит багор или косу, которой вознамерился отсечь Меркурию стопы ужасающим образом. На другой стороне четвёртого листа нарисован прекрасный цветок на вершине очень высокого холма, сильно раскачиваемый северным ветром. У него синий корень, белые и красные цветы, а листья сверкают, словно чистое золото. Вокруг него драконы и грифоны севера устроили свои гнёзда.

На пятом листе — изящный розовый куст, цветущий посреди приятного сада и обвившийся вокруг дуплистого дуба, у основания которого бьёт ключ с наичистой водой, сбегаящей в расселины. Однако вначале она протекает через руки бесчисленных людей, раскапывающих землю в поисках её; но, будучи слепы, они и не подозревают об этом, кроме немногих, почувствовавших вес. На второй стороне пятого листа был запечатлён царь с большим мечом, приказывающий нескольким воинам умертвить прямо перед ним множество маленьких детей, чьи матери проливали слёзы у ног безжалостных солдат. Кровь этих детей затем собирали другие воины и помещали в большой сосуд, к коему Солнце и Луна пришли для омовения.

...Итак, ты узнал, что находилось на первых пяти листах. Я не стану раскрывать тебе то, что было изложено на остальных листах, исписанных хорошей и вразумительной латынью, ибо Господь покарал бы меня: ведь я тем самым совершил бы большее злодеяние, чем тот, кто, как рассказывают, желал, чтобы все люди в мире имели только одну голову, дабы отсечь её одним ударом».

Таковы слова Николая Фламеля¹³⁵.

¹³⁵ В приведённом тексте изложено менее половины памятной записки: далее речь идёт о поисках и приключениях Фламеля в связи с попыткой понять эту книгу, его окончательном постижении величайшей тайны, последующей жизни и пожертвованиях, которые он сделал благодаря «проекции Красного камня».

Теперь я могу перейти от Моисея к Христу, от Ветхого Завета к Новому — не для того, чтобы толковать его, но спросить о смысле у просветлённых. Я хотел бы знать, что имеет в виду мой Спаситель под ключом разумения, который взяли законники, ибо таковы его слова¹³⁶. Бесспорно, это не может означать сам Закон, т.к. он не был изъят, если его читали в Синагоге каждую субботу. Но оставим это: я уверен — и могу доказать это для любого мига Его жизни, начиная с Его рождения и заканчивая Его страстями, — что учение Иисуса Христа не только соответствует законам Природы, но поверено и установлено ими. Говоря о законах Природы, я понимаю не её чрезмерные, необузданные влечения и склонности, коим она стала подвластна после своей порчи, ибо даже Галлен взирал на сии отклонения как на недуги и изучал саму Природу для излечения оных. Из опыта нам известно, что избыток чего-либо ослабляет и разрушает нашу природу; но если мы живём умеренно и в согласии с законом, мы чувствуем себя хорошо, поскольку ход нашей жизни согласен с Природой. Потому-то диета есть первое правило в искусстве врачевания, и гораздо более действенное, нежели фармакопоя, ибо те ужасные рецепты только угнетают желудок, не будучи пригодным топливом для огня небесного. Поверьте, те безудержные, животные влечения появились вследствие нашего падения, ибо Природа сама по себе — не расточительное, ненасытное излишество, но чудеснейшая, тонкая сущность. Это очевидно благодаря тем приступам и внезапным болям, которым она подвержена при чрезмерном обременении. Обычно предаётся излишествам тот, кто не испытал эту истину на практике. Воистину, при грехах духовных тело не испытывает

¹³⁶ Лк 11:52. [«Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали.»]

немедленных страданий, но совесть ужасается, и, конечно, тело не может чувствовать себя особенно хорошо, когда душа больна. Итак, мы видим, что порча и грех не слишком соответствуют нам, поскольку беспокоят нас, — действительно, каким образом наши враги могут быть нашими друзьями, или явления, разрушающие Природу, соответствовать ей? Как же тогда нам судить о Евангелии? Или мы станем утверждать, будто сохранение человека противно человеку, а учение жизни противоречит самой жизни? Боже упаси! Законы воскрешения зиждутся на законах творения, а законы восстановления — на законах созидания [generation]; ибо в каждом из них Господь трудится над одной и той же материей посредством одного и того же Духа¹³⁷. То, что это так, — имею в виду существование согласия между Природой и Евангелием, — я докажу при помощи китайского монумента, о котором поведал иудейский священник Ким Цим¹³⁸. В 1625 году от Рождества Христова в китайской деревне под названием Сансен был откопан прямоугольный камень, имевший почти десять ладоней в длину и пять в ширину¹³⁹. В верхней части этого камня изображён

¹³⁷ Проведённая здесь аналогия верна только в том случае, если восстановление — это действие, совершаемое над человеческим телом; но если Дух Господень воздействует на дух человека, то сравнение неверное; кроме того, субъект не является той водой, над которой носился Дух Божий при сотворении. Это один из тех случаев, когда упоминаемые Воганом «доказательства» в тексте Бытия говорят против него.

¹³⁸ Воган черпает сведения из источников, мне неизвестных.

¹³⁹ [Речь идёт о т. н. «Несторианской, или Чанъаньской, стеле». В 1625 году близ Чанъаня (ныне Сиань), была случайно обнаружена зарытая в землю каменная стела. Высеченный на ней текст на китайском и сирийском языках сообщал, что стела была установлена в 781 году в память о том, что в 636 году ко двору императора Тайцзуна прибыла миссия, возглавляемая сирийским монахом Олопенем. Тайцзун повелел перевести для императорской библиотеки тексты учения, получившего в китайском языке название «цзинцзя» («сияющая религия»). В настоящее время стела находится в музее «Лес стел», Сиань, провинция Шэньси, Китай.]

крест, а под ним — подпись китайскими символами, которая гласит: «Камень воздвигнут во славу и ради вечной памяти Закона Света и Истины, привезённого из Иудеи и возвещённого в Китае». Затем следует текст, повествующий, как Христово Евангелие было вывезено из Иудеи неким *Оло Пуэнем*, после чего с Божией помощью оно распространилось в Китае. Это произошло в год Господень 636-й. Ким Цим, автор сей истории, вначале таинственным стилем повествует о творении. Затем он упоминает триста шестьдесят пять видов сект, сменявших одна другую, причём каждая из них старалась заполнить как можно больше прозелитов. Он приводит некоторые из их расплывчатых положений, которые, воистину, хорошо согласуются с начатками и измышлениями языческих философов. Наконец, он описывает последователей христианства и выдающиеся качества их закона. «Непростая это задача, — замечает он, — найти подходящее именование для их Закона, наблюдая его способность просвещать и наполнять людей знанием. Посему назвали его *Ким ки ао* — Великий Закон Света». Вкратце, *Оло Пуэнь* был допущен ко двору китайского императора Тай Цум Вен Хуамти. Здесь его учение было тщательно исследовано, испытано и изучено самим императором, который, найдя его истинным и основательным, приказал возвестить его в своих землях. На чём зиждилось то учение, и каково было мнение императора о нём и его провозвестнике, нетрудно понять из слов, в каких его возглашали. Во-первых, упоминая *Оло Пуэня*, он называет его «мужем великой добродетели и силы». Видимо, тот не только глаголил и проповедовал, но, подобно апостолам, мог подтвердить своё учение и действиями. Во-вторых, при оглашении его учения говорилось: «Мы исследовали с самых основ смысл его учения и нашли его доктрину замечательной, лишённой мирской суеты и основанной, прежде всего, на сотворении мира». И далее: «Его

учение немногословно, без суеты и множества понятий, и он не возводит свою истину на поверхностном правдоподобии».

Итак, мы видим, что Вочеловечивание и Рождение Иисуса Христа, кои для обычного философа лишь выдумки и невозможность, но в книге Природы — простые и очевидные истины, были подтверждены и явлены первоначальными апостолами и учителями на основе Сотворения Мира. Но вместо таких учителей мы имеем ныне двух заразных гоблинов: схоласта и подлинного святого¹⁴⁰. Один раздувается от гордости за свои силлогизмы, другой носит широкий лик богооткровения. Первый не в силах объяснить мне, почему трава зелена, а второй при всей своей набожности не знает даже алфавита, но притязает на тот бесконечный дух, который ведаёт всё во всё. Но, сказать по правде, из этих двоих хуже последний. Нет сомнения, что дьявол потратил немало сил на то, чтобы потушить свечу [истинного знания]: ведь если бы все записанные истины ещё существовали, эта ложная учёность и лицемерие никогда не взяли бы верх. Ким Цим упоминает двадцать семь книг, которые Иисус Христос оставил на земле для распространения знания в мире. Вероятно, у нас нет ни одной из них, хотя книг Нового Завета ровно столько же, но, поскольку все они — или, по крайней мере, часть их — написаны много позже Христа, они не могут считаться теми Писаниями, которые сей автор приписывает нашему Спасителю, даже [если они созданы] во время Его Вознесения. Что мне сказать о том множестве книг, которые упоминаются в Ветхом Завете, но их нигде не найти, и если

¹⁴⁰ Было бы интересно знать, какого святого подразумевал наш автор, но в контексте нет ничего, что бы указывало или хотя бы позволяло то или иное предположение. Это — не Ангел схоластики [т.е. Фома Аквинский], ибо он являлся одновременно схоластом.

бы они существовали ныне, без сомнения, оказались бы почтенными, непобедимыми защитниками магии! Но чернила и бумага исчезнут, ибо руке человеческой не создать ничего вечного. Одна лишь истина не подвластна тлену, и там, где буква терпит поражение, она покидает тело и живёт в духе.

Итак, не без труда я проследил путь сей науки с падения человека вплоть до дня его искупления, [совершив] длинное и одинокое паломничество по пути, безлюдному из-за терний и сомнений древности, а в некоторых местах поросшему маком забвения. Не буду отрицать, что под тенью и плющом этой глуши прячутся птицы ночи: совы и летучие мыши, оперением отличающиеся от нашего феникса: я понимаю некоторых заклинателей, чьё тёмное, необоснованное пристрастие к имени магии подтолкнуло их к изобретению традиций, более невероятных, чем их практики. Таковых я намеренно избегал, чтоб они не привнесли горечи в мой родник, и я не довёл бы читателя по этим рощам и пустыням до вод Мерры¹⁴¹. Место, куда мне надлежит отправиться далее, — это то, откуда я вышел вместе с израильтянами, а именно Египет. Здесь, буде меня подведут книги, возопят даже камни. Магия так долго правила в этих краях, что, наверное, здесь же она будет и погребена. Сколько памятников она сокрыла в сей земле, которые извлекались с тех самых пор и ныне доказывают, что некогда она царила на поверхности. Итак, вначале я поведу речь о египетской теологии, чтоб вы увидели, как далеко они продвинулись, не имея иного руководителя, кроме Света Природы.

¹⁴¹ [Исх 15:23.] Аллюзия на позднейший — ложный — каббализм, приписывавший оккультную силу манипуляциям с именами Бога и породивший особую форму магии талисманов и обрядов, из которой произошли тысячи дурных и бессмысленных практик.

Трисмегист столь ортодоксально и ясно [высказывается] относительно Тайны Троицы, что не уступит даже Писанию¹⁴²; но поскольку он — особенный автор и, пожалуй, знал больше, чем его собратья, я пока отложу его свидетельства. Общим верованием, в котором все они сходились, было следующее. *Эмефт*¹⁴³, под коим они понимали своего Верховного Бога — в действительности подразумевая истинно Единого, — означает, собственно, Разум или Дух, превращающий всё в Себя и Себя во всё. Это — весьма разумная Божественность и философия, если понята правильно. Далее, они утверждают, что Эмефт родил яйцо изо рта, предание это Кирхер¹⁴⁴ объясняет неуклюже и весьма ошибочно¹⁴⁵. При рождении этого яйца было явлено другое Божество, которое они именуют *Пта*, а из других элементов и субстанций, заключенных в яйце, сей Пта создал всё. Но дабы наше изложение было более понятным, мы опишем вам их иероглифы, в которых они весьма изящно, но неясно открыли бóльшую часть своих

¹⁴² Подразумевается, что «Божественный Поймандр» и прочие сочинения, приписываемые Гермесу, представляют собой памятники Древнего Египта или, по меньшей мере, верно отражают древнюю египетскую теологию. Подобные взгляды были возможны в середине семнадцатого столетия.

¹⁴³ См. G. Faber. Pagan Idolatry [«Идолопоклонство язычников»]. Кн. VI. [Джордж Стэнли Фабер (1773–1854) — английский богослов.]

¹⁴⁴ [Афанасий Кирхер (1602–1680) — немецкий учёный, иезуит, занимавшийся физикой, естественными науками, лингвистикой, древностями, теологией, математикой. Научные сведения в его трудах переплетались с фантастическими интерпретациями.]

¹⁴⁵ Первый том «Эдипа Египетского» Кирхера вышел в 1652 году, хотя посвящение императору Фердинанду III датировано 1655 годом, а разрешение на печать в империи — 1629-м. Последний том датирован 1654 годом. Поскольку приведённые даты — лишь библиографические данные, нельзя решительно утверждать, что Воган не мог обращаться к данному труду в 1650 году. Я считаю, что он цитирует какой-то другой труд Кирхера, благо тот был автором плодовитым. Я не проверял их. Без сомнения, Воган прав в утверждении, что Кирхер ошибается, но он не может знать это наверняка. Если уж на то пошло, в то время все они ошибались в отношении Египта.

тайн. Итак, прежде всего они очерчивали круг, а в круге изображали змея, не свернувшегося, а вытянутого во всю длину. Его голова напоминает соколиную, хвост свёрнут в небольшой узел, а чуть ниже головы — раскрытые крылья. Центр круга образует Эмефт, или Бог-Отец, который бесконечен — без начала и без конца. Кроме того, он охватывает или включает в себя второе Божество — Пта, и яйцо или хаос, из которого было создано всё¹⁴⁶.

В египетской символике сокол означает свет и дух¹⁴⁷; его глава, соединённая здесь со змеем, представляет Пта, или Вторую ипостась, которая является Первичным Светом — как мы уже упоминали в «Антропософии». По легенде, Он сотворил всё из яйца, поскольку в Нём — словно в стекле — пребывают определённые типы или образы, т.е. отчётливые представления Божества-Отца, в соответствии с которыми при содействии Духа, а именно — Святого Духа и создаются твари. Низшая часть этой фигуры символизирует материю, или хаос, который они именуют яйцом Эмефта. Дабы вы узнали это получше, мы расскажем вам кое-что, не пользующееся широкой известностью. Тело змея подсказывает вам, что это — огненная субстанция, ибо он полон жара и огня, что и заставило египтян считать его божественным. Это проявляется в быстроте его передвижения без ног или оперения, [и оно] весьма схоже с пульсом, ибо его порывистый, горячий дух толкает змея вперёд, словно петарда. Есть и другое сходство, ибо змей восстанавливает свою молодость — столь силён

¹⁴⁶ У Кирхера о символике египетского яйца — обрывки, и большинство из них можно найти в третьем томе вышеназванного труда. Он весьма сведущ в так называемом яйце зороастризма, но довольно слаб — даже для своего времени — в том, что связано с его темой. Собственно, цитаты он заслуживает только как современник Вогана и человек, изложивший представления своего века.

¹⁴⁷ Жизнь и свет, согласно Кирхеру.

его природный жар, сбрасывая свою старую кожу. Истинно, Материя — это подлинный змей, поскольку она обновляет себя тысячью способов и никогда не становится постоянным обитателем одной и той же формы. Крылья указывают, что этот предмет или хаос обладает летучестью, а по внешним качествам он воздушный и водянистый. Но поведаю вам о самом сокровенном сходстве, [сокрытом] в этом иероглифе: хаос — это некая ползучая субстанция, поскольку передвигается, словно змей, *sine pedibus* [с лат.: без ног], и потому-то Моисей называет его не водой, но *serpitura aquae* — ползучей водой, или водой, которая ползает¹⁴⁸. Наконец, узел на хвосте указывает, что эта материя обладает весьма крепким составом, и элементы надёжно сплетены с нею — философам это известно из опыта.

Что касается родства низших [элементов] с высшими и их сокрытой, действенной любви, которая заключается в определённых сочетаниях небес с водой, то мнения таковы. По их [египтян] словам, солнце является властителем жизненного огня всего, что находится здесь, внизу, под солнцем. Луна — царица их тайных вод. Пять меньших планет управляют их чистым воздухом, а неподвижные звёзды — их фиксированной землёй, расположенной в центре¹⁴⁹. Ибо эти низшие — согласно той доктрине — суть сферы или престолы тех высших, где те правят и владевают. Попросту говоря, даже небо изначально было извлечено из низших, но не полностью, ибо некая часть небесных элементов осталась здесь,

¹⁴⁸ Понятия не имею, откуда Воган взял это указание: его в любом случае нет в еврейском тексте Бытия, а слова *serpitura aquae* отсутствуют и в Вульгате.

¹⁴⁹ Источник этих утверждений неизвестен; известно лишь, что, согласно прежней оккультной физике, темперамент луны — холодный и влажный, тогда как солнцу присущи жар и сухость.

внизу, но сущностью своей и субстанцией они не отличаются от отделённых звёзд и небес. Небо здесь, внизу, отличается от вышнего лишь пространностью, а небо вышнее разнится от нижнего только своей свободой¹⁵⁰. Первое заточено в материи, второе свободно от её грубости и скверны; но и то, и другое обладают единой природой, так что они легко соединяются; и потому высшее нисходит к низшему, дабы благословить и утешить его в сём нездоровом, болезнетворном обиталище. Я мог бы сказать много больше, но не имею времени; однако, даже если бы я имел досуг, наивно ожидать, что я расскажу вам всё. Потому я оставлю эти общие принципы, чтобы поведать вам нечто, подтверждающее практику египтян и доказывающее, что они — достойные философы. Первый памятник, который я процитирую с этой целью, [найден] Синезием, мужем весьма учёным и разумным. В храме Мемфиса он обнаружил *λετρωας βιβλους* — «каменные книги», а на их твёрдых листах — такие непростые наставления:

Одна природа наслаждается другой,
Одна природа превосходит другую,
Одна природа господствует над другой.

Эти поучения, краткие, но немаловажные, приписываются великому Останесу¹⁵¹. Второй памятник — замечательный, обладающий бóльшим значением для магии, упоминается

¹⁵⁰ Ср.: связанный и освобождённый Меркурий в алхимической символике с необычной духовной трактовкой в некоторых школах. Замечание Вогана также имеет мистический аспект, связанный со скованной и освобождённой душой.

¹⁵¹ [Останес — легендарный мудрец, живший примерно в 400 годах до н.э. Некоторые исследователи считают, что он был персом, последователем Зороастра. В арабской и сирийской алхимической литературе часто цитируется как авторитетный алхимик.]

у араба Барачии Абенеси¹⁵². Это также был камень, воздвигнутый близ Мемфиса, с глубокомысленной надписью на нём:

Небо вверху, небо внизу,
Звёзды вверху, звёзды внизу,
Всё, что вверху, то также внизу:
Постигни это — и будешь счастлив.

Ниже были начерчены несколько соответствующих иероглифов, и, в завершение, такая подпись с посвящением: «Исиас, архиерей, воздвиг сие во славу местных богов Египта».

Итак, хоть ранее я и отложил свидетельство Трисмегиста, я, словно итальянец, обнажу его оружие; но я не любитель схваток, а истина столь храбра, что не нуждается [даже] в пере. Вот слова Гермеса: «То, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает вверху; и то, что пребывает вверху, соответствует тому, что находится внизу»¹⁵³. Такова его тайна, и она велика. Благо, обретаемое при достижении сей цели, не меньше: «Так ты обретаешь славу всего мира». Этим словам вторит изречение Исиаса, и оба, словно Эвфорб и Пифагор, могут сойти за одного: «Небо вверху, небо внизу; звёзды вверху, звёзды внизу: то, что наверху, то также — внизу». А затем следует награда для мудрого: «Постигни это, и будешь счастлив». Итак, ты сделал себя счастливым.

Этого достаточно, чтобы доказать, что магия некогда процветала в Египте, и, без сомнения, они переняли истину о ней от евреев, живших среди них на протяжении четырёхсот трид-

¹⁵² Об авторе найти ничего не удалось. Сама надпись напоминает «Скрижали» Гермеса.

¹⁵³ [Цитировано по: Изумрудная скрижаль / Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. К.: Ирис; М.: Алетея, 1998.]

цати лет. Сие очевидно, ибо их собственное, исконное, знание являлось лишь колдовством и чародейством, как явствует из Завета Моисея, говорящего, что их маги творили свои чудеса чарами. И почему, спрошу я вас, такое свидетельство кажется невозможным? Ведь Иосиф был женат на Асенефе, дочери Потифера, жреца Илиопольского¹⁵⁴, и некоторые из египетских жрецов — вероятно, из числа его родичей — благодаря такой связи могли воспринять от него лучшее учение. Это далеко не всё, что я мог бы поведать о том народе и их тайном учении, если бы чувствовал призвание стать их Меркурием. Полагаю, среди тех, кто притязает на [знание] древности или философии, не найдётся человека, видевшего тот знаменитый памятник, подаренный Павлом III¹⁵⁵ его кардиналу Пьетро Бембо¹⁵⁶, который с тех пор именуется скрижалю Бембо. Нет сомнения, что иероглифы на нём, если их перевести в буквы, составили бы целый том, столь же объёмистый, сколь и загадочный¹⁵⁷. Но в намерения мои не входит толковать Мемфис: это означало бы сделать кирпич и отправиться за соломой¹⁵⁸, ибо в Египте не осталось полных таблиц, в отличие от мира, по которому рассеяны его памятники. Сия земля была словно кувшин для источника, ибо они [египтяне] восприняли свои тайны непосредственно от евреев; но их учение, подобно вышедшему из берегов Нилу, в конце концов, наводнило

¹⁵⁴ [Быт 41:45.]

¹⁵⁵ [Павел III, в миру Алессандро Фарнезе (1468–1549) — папа римский (1534–1549).]

¹⁵⁶ [Пьетро Бембо (1470–1547) — итальянский гуманист, кардинал, учёный.]

¹⁵⁷ До настоящего времени сохранился замечательный труд Лаврентия Пиньора «Mensa Isiaca» [с лат.: «Табличка Изиды»], вышедший в Амстердаме в 1670 году. Помимо описания, он содержит сфальцованные иллюстрации прекрасного качества, воспроизводящие всю таблицу.

¹⁵⁸ [Аллюзия на Исход 5.]

весь мир. Божественный Ямвлих в том великолепном трактате «О египетских мистериях» сообщает нам, что Пифагор и Платон получили своё знание из «древних стел Гермеса»¹⁵⁹. Но Орфей древности в своём стихе «De Verbo Sacro» [с лат.: «О священном слове»] говорит такие слова: «Никто никогда не видел Бога, кроме некоего мужа, происшедшего из племени халдеев». Что ж, именно о Моисее написано, что он беседовал с Богом лицом к лицу, как один человек с другим. После чего он кратко обрисовывает или описывает Божество, не отрывочно и не в общем, но в том, что касается возвращивания Природы Духом Его. Наконец, он знакомит нас с прообразом своего учения — из коего оно произошло — и, воистину, он черпает из того же источника. «Жрецы или пророки из числа праотцев научили нас всему тому, что Бог даровал им на двух скрижалях». Выразим же признательность Богу, вложившему столь ясные слова в язычника. Мне нет нужды объяснять вам, кому были дарованы эти скрижали. Автор послания мог бы сообщить вам. Я процитировал этот фрагмент, дабы показать, что, хотя греческая философия происходит, главным образом, из Египта, однако некоторые греки прошли обучение у иудеев, что доказано свидетельствами отнюдь не малозначительными.

Аристобул¹⁶⁰, живший в дни Маккавеев и сам бывший евреем, в письме Птолемею Филометору¹⁶¹, фараону египетскому, утверждал, что Моисеево Пятикнижие было переведено на греческий до эпохи Александра Великого, и Пифагор с Платоном держали его в руках. Действительно, пифа-

¹⁵⁹ [Перевод цитирован по изданию: Ямвлих. О египетских мистериях/Вступительная статья и перевод Л.Ю. Лукомского. М.: АО «Х.Г.С.», 1995.]

¹⁶⁰ [Аристобул Александрийский (середина II века до н. э.) — эллинский еврейский философ, сочетавший древнегреческую философию с еврейской Библией.]

¹⁶¹ [Птолемей VI Филометор — фараон Египта, правил в 181–145 годах до н. э.]

гореец Нумений¹⁶² называл Платона «Моисеем, говорящим по-гречески», подразумевая не сходство стиля, но сходство принципов. В трактате «De Somno» [с лат.: «О сне»] Клеарх Перипатетик¹⁶³ рассказывает некую историю; мне неизвестно, насколько она истинна, но суть её в следующем. Он сообщает, будто его учитель Аристотель рассказывал, что однажды он повстречал весьма почтенного и учёного еврея, с коим он немало беседовал о природном и Божественном; особенно же он [Аристотель] признался, что его мнение о Божественном значительно исправилось благодаря тому. Быть может, это так; но, без сомнения, сие произошло уже после того, как он написал «Органон»¹⁶⁴ и прочие свои убогие сочинения, способные передвигаться [лишь] при помощи логических костылей. Что ж, вы можете спросить меня: какой грек исповедовал когда-нибудь принципы магии? На это я отвечу, что, за вычетом Аристотеля и его пособников, рождённых из нечистот своего хозяина, — как муравьи рождаются *ex putredine* [с лат.: из навоза], — в Греции не было философа, который бы не был магом в некоторых отношениях. Если кто-то потребует убедительных доказательств, то обещаю ему предоставить их. Приведу вам несколько примеров: Гиппократ был алхимиком, и сие я мог бы доказать из его собственных слов, но не имею сейчас под рукой его трудов. Демокрит, живший в том же веке, написал свой труд *Φυσικα και μυστικα*, т.е. «Физика

¹⁶² [Нумений из Апамеи (II век н. э.) — греческий философ. Пытался открыть в философии Платона учение пифагорейцев и мудрость Востока, особенно иудейскую.]

¹⁶³ [Клеарх из Сол (середина IV — начало III века до н. э.) — греческий философ-перипатетик, ученик Аристотеля. Отрывок из упомянутого трактата — единственное, что сохранилось из его трудов; большая часть свидетельств о других его сочинениях известна из «Пирующих софистов» Афиняя.]

¹⁶⁴ [Традиционное название философских сочинений Аристотеля, посвящённых логике.]

и мистика», а проще — «Тайны природы». К сему мистическому сочинению Синезий прибавил свет своих комментариев и посвятил их Диоскору, жрецу Сераписа. Об этом Демокрите Сенека в своих «Письмах» говорит, что тому был известен тайный рецепт кокции камней, в результате чего они превращаются в изумруды¹⁶⁵. Теофраст¹⁶⁶, древнейший греческий автор, в своей книге «О камнях» упоминает о другом своём сочинении, где речь идёт про металлы¹⁶⁷. Бесспорно, этот его труд утрачен, однако сохранилось его мнение, согласно которому происхождение металлов восходит к воде. Это подтверждают его слова, которые я нахожу в труде Пико [делла Мирандола] «О золоте»: «Серебро и золото получают путём превращения воды». А то, что сей способ трансмутации был в ходу в его дни, а не является позднейшей выдумкой или шарлатанством, как думают некоторые, доказывают опыты и практика того века, явствующие из того же Теофраста. Ибо он упоминает некоего Каллиаса, афинянина, который, пытаясь создать золото, превратил свои материалы в киноварь.

Для меня было бы бесконечным занятием цитировать все сведения, которые Греция может предоставить в связи с моим нынешним намерением. Поэтому я завершу следующим кратким обзором. В Природе нет иной мудрости, кроме той, которая произошла от Бога, ибо Он сотворил Природу. Он первым нашёл и затем назначил пути и метод разрушения и созидания. Свою мудрость и знание Он передал в некоторой мере первому человеку. От того их восприняли его

¹⁶⁵ Там же говорится, что он мог сделать слоновую кость пластичной.

¹⁶⁶ [Теофраст (около 370 — около 288 до н. э.), древнегреческий философ и учёный, крупнейший представитель перипатетической школы. Друг, сотрудник и преемник Аристотеля.]

¹⁶⁷ Ему приписывают две сотни трактатов, из которых сохранились двадцать.

дети, научившие своё потомство; но поскольку евреи имели духовное первородство, сия тайна была их заветом, и они владели ею всецело, будучи избранным народом, на который Господь излил свой Дух. Египтяне получили знание от иудейской традиции; от египтян те тайны перешли к грекам, а у греков, как всем известно, римляне переняли знание и, помимо иных обычных наук, это магическое и таинственное Искусство. Сие подтверждается некоторыми истинными, подлинными эффектами и творениями, к примеру, тем гибким и ковким стеклом, созданным во времена Тиберия, и таинственной лампой Олибия¹⁶⁸. Но времена, в которых я ныне пребываю, и времена, чрез которые я прошёл, подобны ненастному дню: в них больше туч, чем света. Потому я вступлю в [эпоху] христианства, где найду младенчество Искусства. Воистину, колыбель его — в руках лишь немногих: мало кто знает, где [она], а многие полагают, что её и не существует. Схоласты славятся своей крикливостью, порицая всё, кроме возглашаемого ими. Это — *Альмудена* [с исп.: крепость] Аристотеля: они выставляют его заблуждения на продажу, и так продолжается уже долгое время. Но, как говорят испанцы, всё имеет своё *quando* [с исп.: когда]. Немало лет прошло, и посреди бумазеи Арнольда [из Виллановы]¹⁶⁹ и [Раймунда] Луллия¹⁷⁰ уже запицало и залепетало дитя. Мне нет нужды говорить вам, как выросло оно с тех пор. Взгляните только на его свиту; ибо кто в наши дни не притязает на [знание]

¹⁶⁸ [По легенде, лампа, изготовленная Максимом Олибием (Maximus Olibius), горела непрерывно, не требуя никаких внешних источников энергии.]

¹⁶⁹ [Арнольд из Виллановы (1235/1240–1311) — испанский врач и алхимик, автор «Салернского кодекса здоровья».]

¹⁷⁰ [Раймунд Луллий (около 1235–1315) — испанский теолог, философ, поэт, основоположник и классик каталанской литературы.]

магии, притом столь властно, словно ему принадлежат плоды Искусства? Я не знаю иных *refragrans* [с лат.: возражателей], кроме немногих тщедушных последователей Галена, чьи бледные, поношенные лица говорят скорее о болезни, нежели о материи. Они и вправду жалуются, что их жизнь слишком коротка, философия — слишком утомительна, и потому провозглашают: *Ars longa, vita brevis* [с лат.: искусство долговечно, жизнь коротка]. Это верно, — заметит испанский плут, — ведь они исцеляют слишком поздно или вообще никогда, что делает их искусство долговечным; но убивают они быстро, что делает жизнь краткой: вот это и есть разгадка.

Coelum terrae,

ИЛИ

Небесный

хаос магов

Итак, читатель, я исполнил своё обещание и, в соответствии со своим *posse* [с лат.: умением], доказал древность магии. Я не настолько безумен, чтобы ожидать всеобщего признания моих стараний. *Placet* [с лат.: одобрение] обычного человека не равнозначно моему; но — «жребий брошен»¹. Я сделал, сколько смог, и тот, кто захочет опровергнуть сие, пусть прежде всего знает, что его задача — сделать больше. Есть только одно условие, кое я вправе назначить своему противнику: пусть он не противопоставляет человека Богу, а языческие вымыслы — Божьим Писаниям. Тот, кто пожелает одолеть меня, должен пользоваться тем же оружием, что и я: ведь я не потчевал своих читателей соломой, и меня не уличить стерней. Далее, в намерения мои входит поведать нечто о самом Искусстве, для чего я прибегну к разумным выражениям, в отличие от древних; ибо не буду населять свой трактат львами и драконами, словно какую-то пустыню. Сей недостаток весьма характерен для заурядных философов, ведь недаром заметил Квинтилиан для некоторых ораторов: «Вершины их построений видны, но основания сокрыты». Вершины их Вавилонских башен касаются облаков, но основания отсутствуют. Воистину, они говорят о прекрасных вещах, но умалчивают о том, на чём основываются. Во избежание подобных полётов, я в своей *olla* [с исп.: мешанина] — ибо меня мало заботит, как её называть — буду придерживаться следующей композиции. Во-первых, буду вести речь лишь о том единственном, что является предметом сего Искусства и матерью всего. Во-вторых, расскажу о том чудеснейшем и более чем природном снадобье, что создаётся только из на-

¹ [По преданию, эту фразу произнёс Цезарь при переходе через Рубикон.]

званного. Наконец, — хоть и не совсем последовательно, — я открою средства, при помощи коих сие Искусство воздействует на предмет его; но поскольку это — ключи, ведущие напрямик в *strado* [с исп.: зала] Природы, где она восседает во всё своём величии, принимая философов, то я вынужден раскинуть их по различным частям сего трактата. Вот и всё; тебе нет нужды гадать, пространен я буду или краток, но лишь — насколько полно открою обещанное; и, воистину, изложение будет столь полным, что тебе в твоей скромности и не придётся ожидать большего.

Что ж, вы, желающие быть тем, чем были врачеватели древности, — «дарующими здоровье десницами Господа», а не знахарями и не гласом из горшка; вы, желающие свершить то, что во всеуслышание возглашаете, и сделать свои возвания правдивыми и вызывающими доверие: обратитесь же к истине без мрачности. Помните, что предрассудок — не религия, и, следовательно, не вознаграждается. Даже если бы это Искусство было достойным осуждения, вы могли бы безопасно изучать его, ибо имеете указание «всё испытывайте», но «хорошего держитесь»². Ваш долг — не лишать себя чего-либо; а мой — не осуждать никого; и с этим я начинаю.

Как сказал некий каббалист: «Святылище, что находится здесь, внизу, устроено подобно святилищу, что находится наверху». То есть мы имеем два мира — видимый и невидимый и две универсальные Природы — видимую и невидимую, из коих и произошли оба эти мира. Пассивная универсальная Природа была сотворена по образу активной универсальной, и соответствие обоих миров, или святилищ, заключается в изначальном соответствии их принципов. Есть

² 1 Фес 5:21.

немало платоников — и последнее столетие добавило к их числу несколько слепых подражателей, — весьма смело рассуждающих о подобии низших и высших; но если мы внимательно изучим их болтовню, то [обнаружим, что] она — множество мелких сговоров, а именно — гелиотропа и солнца, железа и магнетита, раны и оружия³. Чудесное развлечение — слушать их карканье, когда они усядутся на эти жалкие подробности, будто знают универсальный магнит, объединяющий это великое строение и сообщающий взаимное притяжение его членам. Это весьма напоминает чудачество Дон Кихота, знавшего Дульсинею, но никогда её не выдавшего. Потому те ученики, которые желают лучшего обучения, вначале должны познать, где находится Универсальный Деятель [Universal Agent], который, возжелав созидать, не имел других прообразов или образцов для создания и оформления Своих творений, кроме Себя Самого. Но храня в Себе бесчисленные внутренние идеи и представления, Он создавал так, как задумывал: то есть Он создавал внешнюю форму, отвечающую внутреннему представлению, или образу Его ума. Во-вторых, им должно знать, что существует универсальный объект воздействия, и сия пассивная Природа была сотворена Универсальным Деятелем. Этот объект есть непосредственное, всеобщее качество Самого Господа в Его единстве и троичности. Попросту говоря, это та субстанция, которую мы обычно

³ Весьма обоснованная критика несуразностей, вышедших из учения о соответствиях. Мне неизвестно, какой гелиотроп подразумевает автор, — цветок или камень. Надо сказать, что цветок гелиотроп не оправдывает своё название, т.к. не поворачивается вслед за солнцем. Что касается камня, то, согласно одному преданию, он приобретает цвет крови, оказавшись под солнечными лучами после того, как побывает в воде. Забавное поверье, связанное с выстрелом из ружья, было в ходу в Англии семнадцатого века. Родство между железом и магнетитом Руланд поясняет словами, что «жилы», имеющие одно, часто содержат и другое.

именуем Первоматерией. Но, воистину, бессмысленно познавать это представление, [или]⁴ Материю, если нам неизвестно то, к чему относится сие понятие. Нам нужно увидеть, рассмотреть и путём экспериментальной, наглядной демонстрации познать его сущностные, незримые признаки и качества⁵. Но об этом послушайте великолепного Капниона⁶, который сообщает своему Иудею и своему Эпикуру о двух всеобщих природах: материальной и духовной. «Одна природа, — говорит он, — такова, что может быть зрима глазами и осязаема руками, и она подвластна переменам почти в любой миг. Как говорил Апулей, вам придётсь извинить это необычное выражение, ибо темно само явление. Сия природа — хоть она не может оставаться одной и той же, — тем не менее более верно постигается умом как существующая, нежели несуществующая, а именно, как существующая в изменчивости. Другая природа, или принцип всех субстанций, — нетленная, неизменная, постоянная, одна и та же навеки, и существующая всегда».

Таковы его слова. Что ж, та изменчивая Природа, о коей он говорит, является первой, видимой, осязаемой субстанцией, сотворённой Господом: она белая с виду, и Парацельс объясняет, почему: «Все вещи, происшедшие от Бога, белы, но Он затем окрашивает их по своему усмотрению». Пример тому мы видим в той самой материи, которую философы иногда называют Красной Магнезией, а иногда — Белой, коим

⁴ Необходимая поправка, в противном случае получается бессмыслица.

⁵ Вкладываемый в это утверждение смысл иллюстрируется в другом месте, где Воган говорит, что сам видел Первоматерию. Его слова про «непосредственное, всеобщее качество самого Господа» не особенно ясны, но их смысл сводится к тому, что Первоматерия едина в своей сущности, но тройка в проявлении.

⁶ [Капнион — эллинизированное (согласно моде того времени) имя Иоганна Рейхлина.]

обозначением они многих сбили с толку⁷. Ибо при первичной обработке хаос имеет кроваво-красный цвет, поскольку Срединный Сульфур [Central Sulphur] взбалтывается и обнаруживается Философским Огнём. В один миг она становится чрезвычайно белой и прозрачной, словно небо. Воистину, она чем-то схожа с обычным живым серебром, но небесной, недостижимой яркости, т.к. на земле нет ничего сравнимого с ней. Эта тонкая субстанция есть дитя элементов, и она — чистейшая, непорочная дева, ибо до сих пор ничто не было сотворено из неё. Но если когда-либо она и породит, то благодаря огню Природы, ибо он — её муж. Она — не животное, не растение, не минерал и не извлекаема из животных, растений или минералов, но существует прежде них всех, ибо она — их мать. Но мне следует кое-что добавить: она недалеко от жизни, ибо является почти что животным. Её состав удивителен и отличается от любых иных соединений. Золото не столь плотное, однако ни один софист не сочтёт его простым [по составу]; но она столь едина, что никто не поверит, будто она может состоять из нескольких [элементов]. Она не уступает ничему, кроме любви, ибо её цель — творение, а оно никогда не совершалось путём насилия. Тот, кто знает, как побаловать её и поиграть с нею, получит все её сокровища. Во-первых, она изольёт из груди густую, плотную воду, но белую, как настоящий снег: философы именуют её Девственным Молоком⁸. Во-вторых, она отдаст ему кровь из самого сердца: она — быстрый, небесный огонь, который некоторые

⁷ См. «Testamentum magistri Raymundi Lullii» [с лат.: «Завещание магистра Раймунда Луллия»]. Ч. I. De Theorica. Гл. 30, где речь идёт о «могуществе нашей магнезии».

⁸ Lac Virginis, или Virginal Milk [Девственное Молоко], иногда — просто молоко, символизирует Меркуриальную Воду алхимиков. Согласно Денису Захарию, это Философский Меркурий, коагулированный неким твёрдым телом.

неверно называют Сульфуром. В-третьих, и в-последних, она одарит его таинственным кристаллом, более ценным и блестящим, чем белый долерит и все её сокровища [rosials]. Такова она, и таковы её милости: уловите же её, если вы в силах.

К сим качествам и открытиям, сделанным мной, я добавлю некоторые иные описания, ибо нахожу, что другие поклонники также живописали её. Немногие — но знавшие её очень хорошо — сообщали, что она не просто единая и троичная, но также четвертичная и пятеричная; и эта истина крайне важна. Различными титулами её награждали. Так, её именуют Всеобщей Магнезией⁹ и Спермой Мира, из коей сотворены все природные явления. Её рождение, как утверждают, не похоже ни на что и чудесно, а сочетание её качеств принадлежит небу и отлично от её родителей. Её тело, в определённом смысле, не подвержено порче, и обычные элементы не могут разрушить его; также не будет она смешиваться с ними своею сущностью. Внешней формой или очертаниями она схожа с камнем, но не является им, ибо её величают Белой Смолой¹⁰ и Морской Водой¹¹, Водой Жизни¹², Чистейшей и Препоблагой Водой¹³;

⁹ Термин «Магнезия» часто используется для обозначения Первоматерии Камня Философов; с другой стороны, это — та же субстанция в процессе путрефакции. Она также может представлять готовый Меркурий, который, в сущности, является тем же. Белая Магнезия — это Белый Философский Сульфур, или Золото, а Красная Магнезия — Красный Сульфур, или Золото, т.е. алхимическое Солнце.

¹⁰ Варианты в данном случае похожи на варианты с Магнезией. Меркурий в процессе путрефакции становится Смолой; Белая Смола — это Сульфур в белом состоянии; Красная Смола — это Философский Сульфур в красном состоянии.

¹¹ Также описываемой как Философский Меркурий, извлечённый из Красного Моря мудрых.

¹² Также именуемой Квинтэссенцией Философов.

¹³ Т.е. Меркуриальной Квинтэссенцией. *Aqua Benedicta* используется псевдо-Альбертом Великим. См. ниже о Вечной Воде.

при этом, однако, подразумевают не воду из облаков или дождевую, и не воду из источника или росу, а некую густую, вечную, солоноватую воду, которая суха и не увлажняет рук¹⁴, — вязкую, илистую воду, сотворённую из жира земли. Её также именуют двояким Меркурием и Азотом¹⁵, порождённым влияниями двух планет, небесной и земной. Ещё передают, будто природа её такова, что никакой огонь не в силах её уничтожить, и это описание наивернейшее, ибо она есть сам огонь, хранящий в себе частицу универсального огня Природы, и сокровенный Небесный Дух, оживляемый и движимый Самим Господом, по какой причине её и называют Преплагим Камнем. Наконец, её именуют срединной природой [middle nature] меж грубым и тонким, не совсем земной и не совсем огненной, но средней воздушной субстанцией, обнаружимой всюду и в любую пору года.

Этого достаточно. Но дабы прибавить что-нибудь от себя в простых словах, скажу, что она — очень солёна, но чрезвычайно мягка и довольно жидка и текуча, не так жестка и не так густа, как обычные — экстрагированные — соли, ибо не является ни одной из них и ни одной из солей, которые в силах произвести человек. Она — сперма, которую сама Природа извлекает из элементов без помощи искусства. Человек может найти её там, где Природа оставляет её: не в его власти создать сперму или экстрагировать её. Она уже создана

¹⁴ Другое именование — Философская Вода.

¹⁵ Я полагаю, Василий Валентин был первым, кто использовал это слово, составленное из первой и последней букв латинского, греческого и еврейского алфавитов [А, Альфа, Алеф и Зет, Омега, Тау]. Планискамп и Парацельс, в частности, обозначали им Универсальное лекарство, предположительно, в том состоянии, в каком его может принимать человек. [Василий Валентин — алхимик, автор трактатов, получивших широкую известность в XVII веке. Предположительно, жил в Эрфурте во второй половине XV века.]

и не нуждается ни в чём, кроме изложницы и жара, необходимого для творения. Теперь поразмыслите, где Природа оставляет семя; однако же, многие столь недалёки, что не знают, как исполнять труд, [даже] когда им говорят, что именно следует делать. В животных мы видим, что сперма не отделяется от обоих родителей, ибо остаётся у женской особи, где достигает совершенства. В большом [т.е. внешнем] мире все элементы участвуют в составе спермы, однако она не отделяется от всех элементов, но остаётся с землёй или с водой, хотя более непосредственно с одним, чем с другим. Пусть же ваши мысли не поедают вялую, непереваленную отрывку Аристотеля: взгляните на зелёные, юные, усыпанные цветами перси земли¹⁶. Помыслите, сколь обширным, универсальнымместилищем является сей элемент. Звёзды и планеты взирают на неё, и хотя и не спускаются сюда сами, но бросают свои золотые локоны, словно браслеты и прочие знаки любви. Солнце постоянно окружает её огнём, будто желая сублимировать что-то из её лона и похитить некий тайный, сокрытый самоцвет. Было ли что-нибудь утрачено со времён [её] творения? Желает ли знать её ложе и её подушку? Это — земля. Сколько городов, ты думаешь, погибло от меча? Сколько — от землетрясений? А сколько — от наводнений? Быть может, ты желаешь знать, где они ныне: поверь, у них общая усыпальница. То, что некогда было их матерью, стало теперь их гробницей. Всё возвращается туда, откуда произошло, и это место — земля. Если ты располагаешь досугом, то просмотри алфавит Природы; изучи в её книге каждую букву, — я понимаю каждое

¹⁶ Духовной аллегорией для Вогана могло служить Слово Божье, которое сравнивается с семенем (Лк 8:5, 11) и падает в почву человечества, т.е. в сердце. Что касается вечного творения, то это семя не создается и не экстрагируется, и нуждается только в матрице, которая находится внутри каждого из нас.

отдельное творение. Чем становятся её луга, её хлеба, её травы, её цветы? Воистину, и человек, и зверь пользуются ими, но лишь мимоходом, ибо они не обретут покой, пока не вернуться в землю. В этом элементе было их изначальное, и в нём же они обретут своё последнее пристанище. Если позволят суетные дела, подумай о всех поколениях, которые были до тебя, и почувствуй те, которые придут после. Где все красоты, что произвели ушедшие эпохи, и что станет с теми, которые появятся в будущие века? Все они вернуться в тот же прах; у всех у них общий дом, и нет рода столь многочисленного, сколь род могилы. Огляди каждодневные забавы Природы, её облака и туманы, великолепное зрелище воздуха. Даже эти переходящие явления происходят из таинственных покоев земли. Если солнце иссушает её, она может также быстро напиться; что поднимается в виде облаков, возвращается вниз в виде воды; земля поглощает всё, и словно тот философский змей, кусает свой собственный хвост¹⁷. Мудрые стихотворцы ведали это и на своём таинственном языке величали землю Сатурном, сообщая к тому же, что она поедает собственных детей. Воистину, в их изящных стихах больше правды, чем в нудной прозе Аристотеля, поскольку был он слепым зверем, и таким сделало его злонравие.

Но чтобы продолжить путь с вами, я хотел бы, чтобы вы усвоили то, что прочли, и задержались пока на земле, а не воспаряли ввысь, восхищаясь метеорами собственного ума. Как вам известно, земля в зимнюю пору скучна и мертва — презренная, холодная, неподвижная глыба. Но какие редкие жемчужины появляются в той навозной куче с приближе-

¹⁷ Этот символ часто встречается в алхимии. Змей, пожирающий свой хвост, символизирует Материю Камня, которая циркулирует в философском сосуде.

нием весны и солнечного тепла, какие великолепные цвета в ней возникают! Чистая, ровная зелень покрывает её, помимо других бесчисленных красот — красных и белых роз, золотых лилий, лазурных фиалок, кроваво-красных гиацинтов с их небесными ароматами и цветовыми оттенками. Если ты желаешь получать от меня наставления, то услышь, откуда на земле берутся эти невидимые сокровища, эта ежегодная растительность, не появляющаяся без приветствия солнца. Я буду изъясняться так просто, как смогу. В мире есть две крайности — материя и дух. Одна из них, уверяю тебя, является землёй. Воздействия духа оживляют и приводят в движение материю, и даже в самом её сердце можно найти семя духа. В срединных природах — таких, как огонь, воздух и вода, — это семя не остаётся, ибо они — всего лишь *dispensoros* [с лат.: раздатчики] или *media* [с лат.: среды], которые проводят его от одного полюса к другому, от духа к материи, т.е. к земле. Но подожди, друг мой; эти сведения несколько смутили тебя, и ты ринулся вперёд столь ретиво, словно решил разорить то хранилище. Позволь мне задержать тебя. Я не имею в виду ту обычную, плодоносящую, нечистую землю: она никак не относится к моей теме, кроме того что даёт пропитание. Земля, о коей я веду речь, есть тайна: это — *coelum terrae* [с лат.: небеса земли] и *terra coeli* [с лат.: небесная земля], не та грязь и прах, но сокровеннейшая, небесная, невидимая земля¹⁸.

Раймунд Луллий в своём «Компендиуме алхимии» именует принципы магического искусства «некими смутными духами, уплотнившимися в воздухе, имеющими вид

¹⁸ В других символах тело человека описывается как земной рай, причём добавляется, что его постигло проклятие из-за его хозяина.

различных чудовищ, зверей и человека, движущихся туда-сюда, подобно облакам». Что же до смысла, вкладываемого нашим испанцем, то я оставляю это на суд читателей: пусть они извлекут отсюда всё возможное.

Вот что верно: как воздух и все летучие субстанции в нём не знают покоя, так же обстоит дело и с Первоматерией. Человеческий глаз никогда не наблюдал её дважды в одном и том же обличье; но как облака, гонимые ветром, вынуждены принимать то одни, то другие очертания, — будучи, вероятно, не в силах сохранить некую определённую форму, — так же и её преследует огонь Природы. Ибо сии пламень и вода подобны двум влюблённым: стоит им повстречаться, как они начинают резвиться и играть, и эта игра закончится не ранее, чем родится ребёнок. Как часто я восхищался их неуловимым, постоянным движением, ибо в любой миг и в любом месте эти двое действуют, что и объясняет то знаменитое изречение Трисмегиста, а именно: действие есть жизнь Господа¹⁹. Но наиболее удачно и влиятельно суждение Марка Антонина²⁰, который в беседе с самим собой изрекает истины, достойные себя. «Природа целого, — говорит он, — ничего не любит так, как превращать сущее, производя молодое, подобное старому»²¹.

¹⁹ Вероятно, имеется в виду «Божественный Поймандр». XI, 17, где говорится: «...как человек не может существовать без жизни, так Бог не может существовать, не творя добро. Жизнь и движение Бога состоят в том, чтобы давать существам движение и жизнь». [Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / Сост., коммент., пер. К. Богуцкого. М.: Ирис; Алетейя, 1998. Часть XI «Ум к Гермесу».]

²⁰ [Марк Аврелий Антонин (121–180) — римский император из династии Антонинов. Философ, представитель позднего стоицизма. После смерти Марка Аврелия в его походном шатре были найдены философские записки «Размышления» («К самому себе»). Этот труд впервые издан в 12 книгах в 1558 году.]

²¹ [Цит. по: Марк Аврелий Антонин. Размышления/Пер. и примеч. А.К. Гаврилова. Серия «Литературные памятники»//Л.: Наука, 1985. Кн. IV, 36.]

Таков её непрерывный ход: она завершает одну игру, чтобы начать другую. Материя лежит перед ней, словно кусок воска, которому она придаёт разнообразнейшие формы и очертания. Вот она слепила пташку, вот зверя, вот цветок, затем лягушку, радуясь своим магическим свершениям, как человек радуется своим грёзам. Потому-то Орфей и называет её «матерью, что создаёт многое и назначает необычайные обличья и очертания». Но в отличие от некоторых недостойных родителей, кои, предаваясь удовольствиям, не заботятся о своих чадах, она любит их и после создания присматривает за всеми ними, не забывая даже воробышков. Удивительно сознавать, что она трудится как в одиночестве, так и на виду, и не только в садах, где женщины вдыхают её ароматы, но и в отдалённых пустынях и в глуши. Истина в том, что она стремится усладить не столько других, сколько себя самоё, по коей причине многие из её трудов — в том числе наилучших — никогда не будут явлены на свет Божий.

Мы видим, что маленькие дети, недавно вышедшие из-под её рук, барахтаются в грязи и воде, предаются и другим беспечным забавам, придуманным ими самими. Причина в том, что они ещё не попали в плен, и это толкает на поиски собственных удовольствий. Но когда они достигнут зрелости, любовь или выгода заставят их согласовывать свои поступки с желаниями других людей. Какой-нибудь лондонец зарабатывает свою награду борьбой, но его смелость останется втуне, если его возлюбленная не заметит её. Другой сражается, но его победа будет бесполезной, если о ней не будет напечатано — ведь мир должен узнать о его отваге. Тогда как Природа — вольный дух, она не стремится к одобрению, ни за кем не смотрит так, как за самой собой, и радуется собственной магии, как философы — своей тайной философией. Вот почему мы видим её деятельной, и не только в [цветочных]

горшках на балконе, но также в диких и гиблых местах, где никто не видит её, кроме звёзд и планет. Словом, где бы пламень Природы ни обнаружил Девственный Меркурий, там он находит и его любовь, и там же они приступают к хозяйствованию, и это удовольствие не приводит к излишествам, ибо дарит постоянное разнообразие.

О Марке Антонине, прославленном, но несчастливом римлянине, рассказывают, что он отправил посланца, велел запечатлеть все привлекательные лица в мире, чтобы из многих прекрасных черт избрать для себя самые приятные. Воистину, Природа действует схожим образом, ибо хранит в себе прекрасные прообразы без числа и желает видеть их вовне, чего не может совершить без Материи, ибо та — её колба. Это заставляет Природу творить постоянно, запечатлевая свои замыслы в Материи, сообщая ей жизнь и оформляя в соответствии со своими представлениями. Таким путём она помещает свой помысел или идею вовне, или, как говорят перипатетики, за пределы Божественного ума, а именно, в Материю. Но поскольку идеи бесчисленны и к тому же различны, радость деятеля питается их многообразием, или — выражаясь точнее — его собственной плодовитостью, поскольку среди всех красот, что дарит мир, нет даже двух, полностью тождественных.

Здесь можно много рассказывать о красоте: чем она является, откуда происходит и как может быть искажена — не только во внешней форме, но и во внутренней идее, — и навеки потеряна для обоих миров. Но я совершенно не знаком с этой прелестницей: у меня нет иной госпожи, кроме Природы, и посему я предоставлю сию изящную даму изящным же кавалерам и поведаю о своей бесхитростной

Эли Лели

Едва забрезжил день, когда одну
Увидел я Гианту и престол её.
Облачена в дамаст зелёный,
Покоилась она на шаре из сапфира.
Когда увидел я те сонные пределы,
Решил уж было, что тебя, Судьба, узрел.
Но заметив, что предстоит она
Перед величием боле вечным,
Я понял, что не избавлюсь от забот,
Коль прекращу свои исканья.

На первый взгляд она казалась томной²²,
Как будто не смыкала глаз всю ночь,
А под рукою простиралась
Опора белая для головы её.
И лишь второй, внимательный мой взгляд
Заметил, как безмолвная слеза
Украдкой по щеке её сползла, чтоб не омрачить
Тот лик, где царствовать должны одни улыбки.
Стекали слёзы, собирая торопливо
Ожерелье из жемчужин жидких.
Благая скорбь — дороже, чем веселье,
Которое лишь суета и блажь:
Твои же капли более ценны,
С её очами чем-то схожи.
Глупец безумный, почему слезами,

²² Ср. описание Талии далее в «Lumen de Lumine».

А не грехами был ты так смущён?
Ведь слёзы, что подобны светлым небесам, —
Прекрасные дары твоих очей;
Но странная им выпала судьба —
Как будто горестям твоим не быть конца.
Слеза рождает вздох, затем
Вздох вновь слезу родит.
Пока ручей звенящий ищет
Цветов, что прячутся в твоих ланитах,
Те белые и красные цветы Гианты,
Все слёзы в розовую воду обращают.

А видел ли ты пламень, что исходит
От благовония, когда колечки дыма сладкого
Его последний миг сопровождают,
И угасает, фимиамом став?
Так и Гианта. Молвила: «Взгляни,
Не оставляй фиал вдали.
В нём — моё сердце, хоть ныне он расплёскан
И в воду превращён.
Оно, как прежде, постоянно. Не верь улыбкам лживым:
Кто улыбается, не плачет, — тот обманут ею.
Но и не верь скупым слезам: те лживы;
Правдивы лишь те слёзы, что обильны.
Верь мне и сделай наилучший выбор:
Кто знает мои слёзы, имеет радости в избытке».

Мне известны несколько софистов из гептархии²³ —
я имею в виду тех, чья учёность проявляется лишь в крикли-

²³ Сатирическая аллюзия на семерых «готэмских умников», противопоставляемых семерым мастерам мудрости. [Готэм — название деревни, жители которой якобы прославились своей глупостью.]

вости, на этом основании даже сороки и попугаи могут быть причислены к философам, кои сочтут всё это приманкой и вымыслами, [утверждая] что мы не просвещаем, а лишь услаждаем, и даже обманываем доверие читателя. Чтобы воспрепятствовать подобной бессильной клевете и излить чуть больше нашего сокровенного света на благожелательного ученика, я представлю свидетельства некоторых серьёзных философов относительно самой Первоматерии, какой она является до каких-либо искусственных изменений. И здесь, воистину, читатель может найти самую суть. Сделать это совсем нетрудно: достаточно лишь окинуть взглядом полёты моего стиха или последовать за более тяжёлой поступью прозы. Первый, кого я процитирую, — Арнольд из Виллановы, совершеннейший мастер Искусства²⁴. Философский хаос он описывает такими ясными словами: «Это — камень и не-камень, дух, душа и тело, он растворится, если ты будешь его растворять; если ты решишь осадить его, он осядет; а если ты вздумаешь сообщить ему летучесть, он станет летучим: ибо он легко испаряемый, или летучий, и прозрачный, как слеза. Затем он становится лимонным, а после — солоноватым; но без прожилок или кристаллов, и никто не сумеет прикоснуться к нему языком. Что ж, я правдиво описал его тебе, но не назвал. Теперь я назову его; и скажу, что, ежели ты предположишь, что это вода, то не ошибёшься; ежели же ты заявишь, что это не вода, то солжёшь. Потому не обманывайся многообразными описаниями и проявлениями, ибо всё это в действительности одно, и ничто внешнее не может быть добавлено к нему».

²⁴ Заслуженная похвала, но наряду с Арнольдом необходимо упомянуть и Раймунда Луллия — оба были величайшими адептами своего времени. К мастерам XVII века можно отнести Сендивогия и Эйренея Филалета.

Таковы слова Арнольда, заимствованные им из трактата «Turba»²⁵. Теперь послушаем его ученика, Раймунда Луллия, который, повествуя весьма ревниво²⁶ и туманно о семи принципах металлов, описывает третий — включающий четыре из семи — в таких словах: «Третий принцип представляет собой чистую, составную воду, и по своим свойствам она соседствует с живым серебром [quicksilver]. Её находят бегущей и текущей по земле. Сие живое серебро образуется в каждом соединении из воздушной субстанции, и потому её влага чрезвычайно тяжела». Сюда я добавлю Альберта Великого²⁷, чьё мнение в этой области знания подобно пробоотборнику для золота; ибо он тщательно изучил её и прекрасно знает, какая её часть выдержит испытание. На безыскусном английском его слова можно передать так: «Меркурий мудрецов есть водянистый элемент, холодный и влажный. Это — их Вечная [Permanent] Вода, дух тела, маслянистый пар, благая вода, добродетельная вода, вода мудрецов, уксус философов, минеральная вода, роса небесной милости, девственное молоко, телесный Меркурий; и другими бесчисленными именами она величается в философских книгах, в действительности же они — хоть и разнообразные — всегда обозначают одно и то же, а именно — Меркурий мудрецов. Из этого Меркурия и только из него извлекается вся сила

²⁵ [«Turba Philosophorum» (буквально: «Собрание философов») — один из старейших европейских текстов по алхимии, созданный, предположительно, в X веке. Переведён на латынь с арабского.]

²⁶ Эпитета «ревнивый» достаивались те, кто слишком затемнял советы по алхимии. Термин часто используется в диалоге в «Turba Philosophorum», где собеседники не щадят друг друга. В каком смысле каждый из них может притязать на ясность — другой вопрос, но обвинение в ревности звучало, когда один адепт не мог понять другого.

²⁷ Следует упомянуть, что «Libellus de Alchimia» и подобные трактаты, приписываемые Альберту Великому, не принадлежат его перу, и также неверно, что он посвятил в эту традицию Фому Аквинского.

Искусства и — в зависимости от его природы — тинктура, как красная, так и белая». С этим согласен и перс Рачайдиби [Rachaidibi]²⁸. «Сперма, или Первоматерия камня, — говорит он, — хладна снаружи, но внутри — горяча и суха». Всё это подтверждает Родиан, как представляется, другой наставник Канида, царя Персидского²⁹. Вот его слова: «Сперма — белая и жидкая, затем красная. Сия сперма является Летучим Камнем, и она воздушна и легко испаряема, холодна и влажна, жарка и суха». Ему вторит сочинитель замечательного трактата, озаглавленного «Книга о трёх словах»: «Это — книга о трёх словах, означающих три принципа; книга о Ценнейшем Камне, который есть тело воздушное и летучее, холодное и влажное, водянистое и маслянистое [adustive]; и в нём — жар и сушь, прохлада и влага, одно качество внутри, другое — снаружи».

Философ Белус в том знаменитом и образцовом *собрании* Арислея³⁰ меняет порядок на обратный, чтобы сокрыть [истинную] практику; но если понять его правильно, то он говорит о том же. Итак: «Среди всех великих философов общепризнанно, что наш Камень — не-камень; но невеждам это кажется смешным и невероятным. Ибо кто поверит, что воду можно превратить в камень, а камень — в воду, когда ничто не различается так, как они? Но это действительно так. Ибо сия Вечная вода есть камень; однако, будучи водой, он не является камнем». Подобными же изречениями изобилует древний Гермес, который едва не открыл больше положенного:

²⁸ Рачайдиби. «De Materia Lapidis» [с лат.: «О материи камня»]. Том 1, трактат 19.

²⁹ Рачайдиби также был царским наставником. Более распространённая форма царского имени — Калид. Он сам стал адептом и написал «Книгу о трёх словах» (англ.), которую Воган и цитирует далее. Эти слова — воздух, вода и огонь, «в коих заключается целое искусство».

³⁰ Имеется в виду «Turba Philosophorum», открываемый приветствием Арислея всем, кто следует этим путём.

«Знайте же, сыны мудрых: древние философы подвергали разделению воду, кое разделение превращает её в четыре другие субстанции». Сохранился [труд] весьма учёного автора, писавшего об этом предмете и более открыто, чем тот, кого мы только что цитировали. Вот его слова: «Как мир был сотворён из той Воды, над которой носился Дух Божий, и всё сущее произошло оттуда, — небесное и земное, — так и сей хаос создан из некоей воды, не являющейся обыкновенной: не из росы или воздуха, сгустившегося в земных пещерах, или, искусственным образом, в сосуде; не из воды, взятой из моря, источников, прудов или рек; но из некоей изменённой воды, которая подверглась определённой переделке. Это очевидно всякому, но известно очень немногим. Сия вода имеет в себе всё, что потребно для совершенного делания, без каких бы то ни было внешних добавок». Я мог бы привести тысячу других авторов, но это было бы слишком нудным занятием. Потому завершу словами одного из братьев Розы [и Креста], чьё свидетельство не уступает наилучшим, но познания коего значительно глубже. Его рассуждения о Первоматерии весьма пространны, и я, дабы не быть многословным, откажусь от латыни и изложу тебе смысл на точном, ясном английском.

«Я — богиня, — говорит он от лица Природы, — славная красотой и происхождением, рождённая из нашего собственного моря, обнимающего всю землю и вечно беспокойного. Из груди своих я изливаю молоко и кровь — свари их, прежде чем они превратятся в серебро и золото. О величайшая сущность, из коей сотворено всё в этом мире, хотя, на первый взгляд, ты — яд, [однако] почтена именованьем Летящий Орёл³¹.

³¹ Летящий Орёл в лексиконе [алхимиков] обычно трактуется как Философский Меркурий, этим именем, в свою очередь, иногда называют Первоматерию, или — как мы видели — один из принципов, полученных из оной.

Ты — Первоматерия, семя Божьего Благословения, в твоём теле — жар и дождь, что сокрыто от недостойных твоим облачением и девственным покровом, простёртыми над целым миром. Твои родители — солнце и луна; в тебе — вода и вино, а также золото и серебро земли, которыми услаждаются смертные. Таким путём Бог ниспосылает нам Своё благо и мудрость с дождём и лучами солнца к вечной славе Его Имени. Но помысли, о человек, что дарует тебе Господь таким образом. Терзай Орла, пока он не испустит крик, а Лев не ослабеет и не истечёт кровью. Кровь сего Льва, смешанная со слезами Орла, есть сокровище земли. Хотя эти создания имеют обыкновение пожирать и умерщвлять друг друга³², их любовь взаимна, и они приобретают свойства и природу саламандры: она, оставаясь в огне без какого-либо вреда для себя, излечивает все недуги людей, зверей и металлов. Когда древние философы полностью постигли эту сущность, они принялись истово искать в сей тайне центр срединного древа Земного Рая, куда ведут пять врат спора. Первые врата — это знание Истинной Материи, и здесь происходит первое и весьма ожесточённое столкновение. Вторые — это способ, посредством коего надлежит подготовить сию Материю, чтобы получить пепел Орла и кровь Льва. У этих врат кипит самая жестокая битва, поскольку они производят воду и кровь, и духовное, сияющее тело. Третьи врата — это огонь, ведущий к созреванию Снадобья. Четвёртые врата суть врата приумножения и роста, где необходимо [знание] пропорций и веса. Пятые, и последние, врата суть мысленное представление. Но славен, богат и величествен тот, кто достиг четвёртых врат, ибо

³² В алхимии известны несколько львов, определяемых как зелёный, красный, летящий и так далее; общее именование иногда применяется к мужской субстанции, которая становится частью состава в процессе Магистерия.

он обрёл универсальное Снадобье от всех болезней. Это — тот великий символ Книги Природы, откуда возникает весь алфавит. Пятые врата предназначены только для металлов. Сия тайна, существующая с основания мира и сотворения Адама, есть наиболее древняя из всех, знание которой Всемогущий Господь вдохнул в Природу через Своё Слово; [это] чудодейственная сила, благодатный пламень жизни, прозрачный карбункул и красное золото мудрецов, а также Божье Благословение этой жизни. Но из-за людской злобности и порочности тайна сия доверена лишь немногим, хоть она живёт и движется каждый день на виду всего мира, как явствует из следующей аллегории.

Я — ядовитый дракон, пребывающий во всём и ничего не стоящий. Моя вода и мой огонь растворяются и соединяются. Из моего тела ты сумеешь извлечь Зелёного и Красного Льва; но без совершенного знания меня ты погубишь свои пять чувств моим пламенем. Из ноздрей моих сочится гибельный, мгновенный яд, убивший многих. Поэтому искусно отдели густое от жидкого, если только ты не находишь усладу в крайней бедности. Я наделю тебя способностями мужскими и женскими и силами небесными и земными. Таинства моего искусства следует исполнять великодушно и с большой отвагой, если ты хочешь, чтобы я преодолела неистовство огня, в попытке этой многие лишились как трудов своих, так и сущности. Я — яйцо Природы, известное только мудрецам, которые благочестивы и скромны, и творят из меня малый мир. Всемогущий Господь предназначил меня людям, но, хотя многие жаждут меня, получают лишь немногие, дабы принесли они облегчение бедным благодаря моим сокровищам, а не сосредоточивали свой ум на преходящем золоте. Меня называют Меркурием философов: мой муж — философское золо-

то³³. Я — древний дракон, который присутствует повсюду на лике земли. Я — отец и мать, молодая и старая, слабая и в то же время сильнейшая, жизнь и смерть, видимая и невидимая, твёрдая и мягкая, спускающаяся на землю и поднимающаяся к небесам, высочайшая и низжайшая, лёгкая и тяжёлая. Во мне зачастую меняется порядок Природы — цветом, числом, весом и мерой. Я храню в себе свет Природы; я темна и светла; я извергаюсь из земли и ниспадаю с небес; я хорошо известна и, в то же время, совершенное ничто; все цвета и все металлы освещаются во мне лучами солнца. Я — Карбункул Солнца³⁴, благородная, осветлённая земля, посредством коей ты можешь превратить медь, железо, олово и свинец в наичистейшее золото».

Итак, господа, вы можете видеть, в каком направлении движутся философы: они превозносят свою Тайную Воду, а я восхищаюсь слезами Гианты. В этой фантазии есть что-то помимо поэзии, ибо моя владычица имеет философский склад, и любовь её чисто платоническая. Но сейчас я вопрошаю себя: сколько соперников появится у меня после этого трактата? Каждый читатель решит попытаться счастья, и какая-нибудь безделица может разбить ей сердце. Эта любовь, воистину, была чистой удачей; но я смею доверять ей, и, чтобы кто-нибудь не принял её за одно из названных выше, я искренне признаюсь, что она есть. Она — не какая-либо

³³ В отличие от *aurum mortuum*, мёртвого золота торговли. К последнему относится, в частности, металл, подвергшийся переплавке; но следует понимать, что свойства металлов, добытых из земли, нельзя сравнивать со свойствами металлов в герметической философии. Философское золото, предположительно, являлось либо продуктом алхимического делания на ступени адепта, либо тем таинственным достижением, которое скрывал символизм духовной алхимии.

³⁴ Мне ни разу не встречалось это выражение, и я не могу идентифицировать автора приведённого отрывка.

известная вода, а сокровенная сперматическая влага, или, скорее, Венера, которая порождает сию влагу. Потому не воображай, будто она — некоторая грубая, инертная, жидкая вода, ибо она — жирная, густая, тяжёлая, вязкая влага. Но чтоб ты не подумал, будто я поддался ревности и не желаю открыть тебе мою повелительницу, пусть вместо меня возьмёт слово Арнольд из Виллановы, послушай же его: «Ещё я скажу тебе, что нам никогда не найти, — как не нашли прежние философы, — что-либо, способное сохраняться в огне, кроме маслянистой влаги. Влага воды, как известно, легко испаряется, и остаётся земля, а её части потому отделяются, что их состав неестествен. Но, если мы помыслим о жидкостях, кои с трудом отделяются от частей, естественных для них, то не найдём никаких иных, кроме жидкостей маслянистых и вязких».

Быть может, какие-нибудь доктора кремня и сурьмы, которые осуществляют своё философское покаяние³⁵ при помощи молотка, ожидают, что я прямо назову этот предмет, вместо того чтобы оскорблять их гордость, выдавая птичий помёт за перья. Таким я отвечу, что это — Серебряная Вода, которую некоторые называли Лунной Водой; но она [также] — Меркурий Солнца и отчасти Сатурна, ибо извлекается из этих трёх металлов и без них никогда не может быть получена³⁶. Итак, пусть они разгадают [эту загадку] и скажут мне, о чём идёт речь, ибо это и есть истина — если они сумеют понять это.

³⁵ [В герметизме — первый шаг к осознанию полноты своего бытия.]

³⁶ Очевидно, Воган насмехается над этими «докторами кремня и сурьмы», т.к. указывает, что основная материя может быть извлечена из металлов, что противоречит его же рассуждениям. Потому он присваивает неверные имена поэтического толка веществам, которые перед этим описывал фигурально, в привычных терминах алхимии.

Для чистосердечного и скромного читателя у меня есть другой ответ, и, надеюсь, он послужит мне достаточным извинением. Раймунд Луллий, муж, побывавший в средоточии Природы и, без сомнения, постигший немалую часть Божией Воли, оставил мне суровейшее предостережение не выставлять эти принципы на всеобщую потребу. Вот его слова: «Клянусь своей душой, что ты будешь проклят, если откроешь это. Ибо всё благое происходит от Бога и связано только с Ним. Потому ты должен хранить молчание и держать в тайне то, что один лишь Бог может раскрыть, и ты должен утверждать, что по праву не разглашаешь то, честь открытия чего принадлежит Ему. Ибо, если ты в немногих словах выдашь то, что Господь созидал в течение долгого времени, то в великий Судный день будешь осуждён как предавший Божье величие, и твоя измена никогда не получит прощения. Ибо раскрытие подобных тайн — дело Божово, а не человеческое». Так сказал мудрый Раймунд.

Что касается меня, то я всегда чтил магов, философия коих одновременно рациональна и величественна, будучи обращена не к понятиям, а к результатам, и тех [из них], кто возглашает мудрость и могущество Творца. [Даже] когда я просто блуждал по их книгам, не понимая их, я верил им. Время вознаградило мою веру и отплатило знанием за моё чистосердечие. В то время я вытерпел немало злостной клеветы некоторых завистников, не имевших ничего общего с учёными, кроме мантии и короткого язычка, способного облечь в слова их вздор. Но они были не в силах поколебать меня; со спартанской стойкостью я переварил те оскорбления и, наконец, постиг, что суть Природы — магическая, а не аристотелевская. А потому у меня нет оснований не доверять в явлениях духовных тем, кто оказался столь прямодушен и истинен даже в природных тайнах. Я верю

Раймунду³⁷, и, вместе с верой, обрету и спасение. Я не разглашу [тайн], чтобы не быть осуждённым. Но если это не удовлетворит тебя — кем бы ты ни был, — позволь мне шепнуть тебе на ушко словечко и после этого возвещай его [хоть] с крыши дома. Ведомо ли тебе, от кого и как произошла та сперма или семя, которую человек, ввиду отсутствия лучшего наименования, именует Первоматерией? Некий просветлённый — бывший в своё время членом одного общества, над которым любят насмеяться лицемерные глупцы, — написал: «Бог, в своей несравненной доброте и славе, из ничего создал нечто; но это нечто было сотворено единым, и в нём содержалось всё — существа как небесные, так и земные». Это первоначальное нечто было неким облаком или сумраком, сгустившимся в воду, и та вода и была тем единым, в коем содержалось всё. Но мой вопрос таков: чем являлось то ничто, из которого был сотворён изначальный сумрачный хаос, или нечто? Можешь ли ты ответить мне? Быть может, ты полагаешь, что это — чистое ничто. Действительно, это *nihil quo ad nos* — ничто из того, что нам доподлинно известно. Это — то ничто, о чём Дионисий говорил: «...Она [причина всего] не что-то из не-сущего и не что-то из сущего» — т.е. из того, чего не существует в твоём поверхностном, разрушительном смысле³⁸.

Но, если позволишь, Тот, о Ком мы не в силах утверждать ничего, — и есть Истинное. Это — та трансцендентная

³⁷ Такой способ выражения не помогает понять, к чему относится это доверие. Призывы Луллия не содержат никаких духовных тайн и никак на них не указывают, если только вечное наказание не является одной из них. С другой стороны, как мне кажется, Воган и не имеет в виду, будто трактаты Луллия содержат что-то большее, чем обычные тайны Природы; если же это не так, то он изъясняется слишком небрежно или высокопарно.

³⁸ «О мистическом богословии». Гл. 5. Но проведённая аналогия не позволяет идентифицировать *не-божественность* Дионисия с сотворением из ничего, описываемым у Бёме.

Сущность, теология коей основана на отрицании и была известна изначальной церкви, но оказалась утрачена в наши дни³⁹. Это — то самое «ничто» Корнелия Агриппы, и в этом «ничто» он, устав от всего мирского — я имею в виду человеческие науки, — в конце концов, обрёл покой. «Знать ничто — вот наисчастливейшая жизнь»⁴⁰. Воистину, так: ибо знать это «ничто» означает [иметь] жизнь вечную. Учись же и постигни тот магический постулат: «Зримое создано из незримого»: ведь всё зримое произошло от незримого Господа, поскольку Он — источник, в коем всё берёт своё начало, и творение было неким изумительным рождением или разрешением от бремени. Эта тонкая Девственная Вода, или хаос, была Второй Природой от Самого Бога и, иначе говоря, дитятей Благой Троицы⁴¹. Какому же доктору должны принадлежать руки, способные коснуться того предмета, который Сам Господь в своём творении наделяет Своим Духом? Ибо, воистину, мы читаем: «Дух Божий носился над водою»⁴². И стоит ли надеяться, что я позволю сей тайне пойти по рукам, что я разглашу её и буду зазывать, как зазывают на устриц? Правду сказать, эти сообщения, вкупе с некоторыми другими, которые я не доверю бумаге даже за целый мир, чуть не заставили меня отвернуться от ближайших друзей, коим, однако, я очень обязан.

³⁹ Воган здесь путает Первоматерию с Божественной бездной. Его ссылка относится к «Theologia negativa», т.е. трактату о мистическом богословии псевдо-Дионисия.

⁴⁰ Не исключено, что Агриппа подразумевал символизм Дионисия, т.к. был человеком эрудированным; но он не был мистиком, так что вопрос остаётся открытым. В целом такое мнение Вогана о его учителе оправданно.

⁴¹ Способ выражения автора вновь приводит в недоумение, что делает его богословие совершенно безнадёжным, на первый взгляд. Видимо, Воган не оспаривает факт творения *из ничего*, но выражение «Вторая Природа от Бога» явно подразумевает эманацию, что, однако, противоречит общему смыслу.

⁴² Быт 1:2.

Если бы судьба назначила мне просто знать об этой Материи, подобно большинству людей, я, пожалуй, менее заботился бы о ней; но я получил наставления относительно всех её тайных подробностей, кои постигли [лишь] немногие на земле. Я говорю это не с целью бахвальства: я говорю правду, превосходно известную моей совести. Потому позволь, о читатель, просить тебя о терпении, ибо я предоставлю раскрытие сего Господу, Который, — если будет на то Его благая воля, — может обратиться к тебе со словами: «Вот она, и вот как я создаю её».

Я не стал бы произносить всё это в свою защиту, если бы мне не пришлось претерпеть некоторые нападки в связи с этим предметом, и мне не сказали бы прямо, что я должен открыть всё, что знаю, ибо наш век жаждет грёз и разоблачений как свиты для его невидимой праведности. Я уделил немало времени сей Материи, и, даже если тебе не удастся найти её при помощи написанного мной, ты не будешь обманут моими словами, ибо я намеренно опустил все термины, которые могут внушить тебе, будто она — обычная соль, камень или минерал. Кроме того, я советую тебе остерегаться любых плодов и животных: избегай их и всякую их часть. Я упоминаю это потому, что некоторые невежественные, омерзительные шарлатаны считают, будто человеческая кровь и есть истинный предмет [рассмотренный нами]. Но, увы, разве человеческая кровь течёт в недрах земли, чтобы из неё могли быть созданы металлы? Или разве мир и всё, что в нём, сотворён из крови человека как изначальной материи? Конечно же, нет. Первоматерия существовала прежде человека и любых других тварей, ибо она — мать их всех. Они созданы из Первоматерии, а не Первоматерия — из них. Будь же осторожен: не позволяй никому обмануть тебя. Совершенно невозможно свести хоть какое-нибудь вещество к Первомате-

рии или к сперме без нашего Меркурия, а после такого низведения оно становится не универсальной спермой, а спермой определённого вида, и производит не любое действие, но то, что согласно с природой данного вида: ибо Господь запечатал её соответствующей идеей⁴³. Покинь тех, кто производит опыты с человеческой кровью в своих химических печах и атанорах, или, как выразился Сендивогий, *in fornaculis mirabilibus* [с лат.: в чудодейственных печурках]⁴⁴. В конце концов, они пожалеют о собственной ошибке, оставшись без рубища на пепелище своих составов.

Но довольно об этом. Теперь я расскажу кое-что о созидании и его путях, чтобы лучше объяснить действия философов над этой материей. Вам надобно знать, что Природа имеет две крайности, а меж ними — срединную субстанцию, которую в другом месте мы назвали срединной природой. Ясный пример мы имеем в сём творении.

Первой крайностью было то облако, или мрак, о котором говорилось выше. Некоторые именуют его отдалённой материей, или невидимым хаосом, но совершенно неверно, поскольку он не являлся невидимым. Внешне это — еврейский *аин соф*⁴⁵, и он тождествен орфической ночи:

О ночь, ты — чёрная кормилица звёзд золотых.

⁴³ Ср. с указаниями Вогана для «докторов кремня и сурьмы» выше. Этот фрагмент важен для понимания его общей теории.

⁴⁴ «Novum Lumen Chymicum» («Новый Свет Алхимии») и другие трактаты этого автора содержат много примеров заблуждений и глупостей неопытных алхимиков. См., в частности, сатирический диалог «Mercurii, Achemistae et Naturae».

⁴⁵ Сравнение того же плана, что прежнее сравнение не-божественности Дионисия и Первоматерии.

Из этой тьмы, как из своего источника или изложницы, произошло всё, что только есть в этом мире. Отсюда следует утверждение всех прославленных стихотворцев и философов — «Всё сущее произошло из ночи».

Срединная субстанция — это Вода, в которую сгустилась та ночь или тьма, а существа, сотворённые из воды, образовали первую крайность. Но маги, говоря строго, не признают её крайностью, поскольку Природа не останавливается в ней, а потому их философия такова. Человек, по их словам, в своём естественном состоянии представляет собой существо срединное, откуда ему предстоит отправиться к одной из двух крайностей — или к порче, что характерно для большинства людей, ибо они умирают и истлевают в могилах; или к духовному, величественному состоянию, подобно Еноху и Илии, кои были вознесены. И это, говорят они, есть настоящая крайность, ибо после неё нет изменения⁴⁶. Затем, маги, поразмыслив, почему срединное творение подвластно порче, заключили, что причина и происхождение сего недуга заключается в самом хаосе, ибо даже его постигла порча и проклятие вследствие падения человека. Но в дальнейших поисках они обнаружили, что Природа в своём творчестве нагревала [concocted] хаос при умеренном жаре. Она не разделяла [составные] части и очищала каждую из них ею же; но чистые и нечистые свойства спермы оставались объединёнными во всех её порождениях, и этот внутренний враг, в конце концов, одержал верх и вызвал смерть соединения. Отсюда они сделали мудрый вывод, что использовать плоды, животных или минералы для снадобий — чистое безумие, ибо даже

⁴⁶ Для истинных алхимиков, однако, архиприродное тело не тождественно земному телу, и даже на низших ступенях эликсир [бессмертия] не предназначался для того, чтобы сделать это тело бессмертным.

в них были собственные нечистоты и болезни, и требовалось некое лекарство, чтобы очистить их. После такого *advise* [с лат.: рассуждения] они — нет сомнений, что Бог направлял их, — решили проводить опыты с самим хаосом. Они раскрыли его, очистили, соединили с тем, что до этого отделили, и наполняли двойственным огнём — насыщенным и утончённым — до тех пор, пока не привели к бессмертной крайности, сделав из него духовное, небесное тело. Таково было их снадобье и такова была их магия. При исполнении этого они узрели лик, который Зороастр именует «присносущим ликом Триады»⁴⁷. Им была превосходно известна Вторая⁴⁸ [Божественная сущность], которая содержит в себе всё в природном состоянии, как Бог содержит в себе всё в состоянии духовном. Они понимали, что жизнь всех существ здесь, внизу, является густым огнём, или огнём заточённым и соединённым с некой негорючей, воздушной жидкостью. Они обнаружили также, что сия жидкость изначально происходила с неба, и именно в этом смысле небеса именуются в «Оракулах» «Огнём, произведённым от огня и пищи огня».

Словом, они увидели собственными очами, что Природа — мужчина и женщина, как выражаются каббалисты: некий огонь глубочайшего красного цвета, действующий на белоснежную, тяжёлую, чувственную воду, которая изнутри также представляет собой огонь, но снаружи весьма

⁴⁷ Я вольно перевёл фразу [из «Халдейских оракулов»]: «Triadis vultus ante essentiam existentem», весьма расплывчатую. Если здесь подразумевается состояние божественности, признаваемое *отрицательным богословием*, то оно не имеет формы или лика.

⁴⁸ У Тритемия упоминаются *вторичные*, или подчинённые, божества — великие планетарные ангелы, управляющие землёй и её царствами в течение последовательных эпох; но именование *Secundea*, или вторичная богиня, отнесённое ко второму принципу, явно изобретено Воганом.

холодна. Таким путём им было явлено, что Сам Бог есть огонь, согласно Эксимидию в «Turba»: «Началом всего является некая природа, вечная и бесконечная, лелеющая и согревающая всё сущее». Истина в том, что жизнь — которая есть не что иное, как свет — изначально произошла от Господа и была приложена к хаосу, изящно названный у Зороастра «источником источников и всеобщим источником, изложницей, содержащей в себе всё». По опыту мы знаем, что все существа живут не только собственным жаром, но сохраняются внешним, универсальным жаром, который есть жизнь большого мира. Более того, воистину, даже большой мир живёт не только тем жаром, заключённым Господом в его членах, но сохраняется источаемым, поступающим жаром Божества. Ибо над небом Господь явлен как беспредельный⁴⁹, пылающий мир света и огня, и Он наблюдает всё, что Он создал, и всё [это] строение окружено его жаром и светом, подобно тому, как здесь, на земле, человек окружён солнечным светом. Далее я скажу, что Бог природы постоянно производит конкокцию, и не только для создания, но и сохранения созданного; ибо Его дух и жар вызывают коагуляцию того, что тонко, утончение того, что слишком грубо, приводят в движение омертвелые части и питают хладные. Существует, воистину, одно действие жара, способ коего крайне важен и гораздо более таинствен, чем прочие: те, кто намерен использовать его, должны его изучить.

Что ж, я сказал всё, что намеревался сказать, и, хотя сочинение моё может оказаться бесполезным для многих ввиду непонимания, однако немногие, быть может, имеют дух,

⁴⁹ Этот парадокс не делает чести Вогану: ни небо, ни земля не могут быть описаны как находящиеся ниже того, что беспредельно.

необходимый для постижения его. «Обширный пламень обширного ума», как выразился древний халдеи. Но, поскольку я не хочу отпускать тебя без некоторого удовлетворения, вот мой совет тебе: достань Луну с небосвода, который является срединной природой, и расположи её так, чтобы каждая её часть находилась в двух элементах одновременно. Сии элементы, кроме того, должны равномерно присутствовать в теле, один не дальше и не ближе, чем другой. Соразмеряя эти два, следует соблюсти двойственную геометрию — природную и рукотворную. Но я не могу сказать больше.

Истинная печь — это простое и небольшое устройство; ты без труда сумеешь унести его в одной руке⁵⁰. Сосуд один, но некоторые философы использовали два, и ты волен поступить так же. Что касается самого делания, то оно вовсе не хлопотливо: любая женщина может следовать этой философии, не отвлекаясь от чтения «Аркадии»⁵¹ и не прерывая своих мечтаний. Я, со своей стороны, полагаю, что женщины более пригодны для этого, нежели мужчины, ибо в подобных вещах они аккуратнее и терпеливее, будучи привычны к малой химии коктейлей и всяческих мелких сладостей. Что касается эффектов этого лекарства, я пока не скажу ничего. Тот, кто пожелает знать их, пусть прочтёт «Откровения» Парацельса, трактат, не имеющий себе равных, и во всех

⁵⁰ Ср. рассуждения Руланда в статьях *Athanon, Fornax u Furnus*. Ср. также д'Эспанье: «*Enchiridion Physicae Restitutae*» [«Руководство по возрождённой физике»]. См. также сочинение «*De Fornacibus Construendis*» [«О конструкциях печей»], приписываемое Геберу. Всё это можно противопоставить свидетельству Эйренея Филалета в трактате «*Fons Chemicæ Philosophicæ*» [«Источник философии химии»], согласно ему существует только одна реторта, одна печь, один огонь, и всё это едино, составляя «нашу Воду». Подразумевают ли эти фигуры речи — и фигура речи Вогана — физическое действие?

⁵¹ [Пасторальный роман английского писателя Филиппа Сиднея (1554–1586).]

отношениях чудесный⁵². И здесь, без малейшей пристрастности, я дам свою оценку прямодушному Гогенгейму. В остальных его трудах, в особенности там, где он касается Камня, я обнаруживаю множество неверных методов; однако его учение о нём в целом весьма здоровое. Истина в том, что он не стыдился своей хандры и нередко отклонялся от цели, не заботясь, какие кости раскидывал перед схоластами, ибо был лоцманом Гуадалканала и время от времени плавал в своем *rio de la recriation* [с исп.: река отдохновения].

Но я чуть не забыл рассказать тебе о наиважнейшем, о самом трудном в целом искусстве, а именно — об огне. Это — плотный, воздушный, кругообразный, светлый огонь: философы величают его своим солнцем, и сосуд должен стоять под его сенью. Он не вызывает испарения Материи — даже не [приводит] к выделению влаги. Он лишь осуществляет нагревание посредством постоянного, проникающего жизненного жара. Он непрерывен, поэтому, в конце концов, изменяет хаос и нарушает его природу. Он весьма требователен к пропорции и режиму, но лучшее правило для его познания можно найти в «Turba»: «Да не улетит птица прежде птицелова». Пусть она сидит, пока вы не разожжёте огонь, и после этого — добыча ваша. В заключение скажу тебе, что философы именуют сей огонь своей баней, но в действительности это — баня Природы⁵³, а не рукотворная; ибо это — не один из видов воды, а некая тонкая, умеренная жидкость, обтекающая сосуд и питающая их солнце, или огонь. Словом, без этой бани

⁵² Мне неизвестно, какой текст Парацельса — или приписываемый ему — имеется в виду. Ничего похожего я не обнаружил в Женевских фолиантах, которые, как считается, содержат его подлинные сочинения. Не помогает и библиография Лангле дю Френуа. [Вероятно, Воган имеет в виду герметическую «Книгу откровений Гермеса, толкуемых Теофрастом Парацельсом».]

⁵³ Следует отметить, что оба Филалета говорят одно и то же.

не создаётся ничто в мире. Теперь, чтоб ты лучше понял, какая мера огня потребна для делания, помысли о сотворении человека или любой иной твари. Это — не кухонный огонь и не жар, что воздействует на сперму во чреве, но весьма темперированный, влажный, естественный жар, происходящий от самой жизни матери. Здесь он именно таков. Наша Материя — наитончайшая субстанция и нежнейшая, подобно животной сперме, ибо она — почти живое существо. Более того: воистину, в ней заключена небольшая частица жизни, ведь Природа производит из неё новых животных⁵⁴. По этой причине малейшее насилие разрушает её и предотвращает какое бы то ни было созидание; ибо, если она подвергается перегреву в течение лишь нескольких минут, то Белый и Красный Сульфурсы никогда не соединятся своими сущностями и не коагулируют. И наоборот, если она будет принимать холод в течение хотя бы получаса, — даже если делание хорошо начато, — результаты никогда не будут хорошими. Я говорю по собственному опыту, ибо я — по образному выражению — сам вылепил себе затрещину, притом дважды или трижды, поскольку проявил самонадеянную небрежность, ожидая того, что, — как было мне достоверно известно, — совершенно невозможно.

Природа подвижна не теориями, но практикой людей, и, конечно, остроумие и разум не сотворят чудес, если руки не исполняют их. Потому, прежде всего, не преминь познать сей огонь, и, разумеется, не преминь его использовать. Но ради твоей же безопасности я опишу его тебе ещё раз. Это — сухой, [и в то же время] парообразный и влажный огонь; он

⁵⁴ Словно она может произвести малышей; но как это утверждение о «небольшой частице жизни» сопоставимо с описанием из «Халдейских оракулов»: «изложница, содержащая в себе всё сущее», или с приведённым описанием Бёме: «В коей [заключены] все творения небесные и земные»?

распространяется по сосуду и равномерен и постоянен одновременно. Он не знает покоя, и некоторые называли его белым философским углём. Сам по себе он природный, но готовится искусственно. Он — жар мёртвых, почему некоторые именуют его неестественным, некромантским огнем. Он не является частью материи и не извлекается из неё; он — внешний пламень и служит единственно для того, чтобы всколыхнуть и усилить внутренний, угнетённый, огонь хаоса. Но послушаем же саму Природу, ибо вот что она сообщает в глубоком трактате де Мена⁵⁵: «После пугрефакции [расщепления] следует генерация, и это [происходит] благодаря внутреннему, неслгораемому Сульфуру, который нагревает или уплотняет хладные и грубые части Живого Серебра, которое при этом испытывает такие страдания, что, в конце концов, соединяется с Сульфуром и становится с ним единым телом. Всё это — а именно, огонь, воздух и вода — содержится в одном сосуде. Я беру их в земном сосуде, т.е. в их грубом теле или составе, после чего помещаю в перегонный куб, где нагреваю, растворяю и возгоняю их без помощи молота, щипцов или напильника; без угля, дыма, огня или бани, равно как без кубов софистов. Ибо у меня есть мой небесный огонь, возбуждающий или раздувающий огонь элементов, соразмерно тому, насколько материя желает приобрести приятную форму»⁵⁶.

⁵⁵ Жан де Мен [(около 1240/1250–1350) — французский поэт, сатирик, филолог] закончил «Роман о Розе», начатый Гильомом де Лоррисом. Вся поэма рассматривалась как алхимическая, и её смысл раскрывался именно в таком ключе; но части, несущие на себе печать герметизма, принадлежат более позднему поэту. Основное внимание привлекали т.н. «Ремонстрации», адресованные алхимику Природой и его «Ответ». Жану де Мену также приписывают трактат «Зеркало алхимии», впервые напечатанный в 1613 году.

⁵⁶ «Demonstratio Naturae» [Труд Жана де Мена в составе сборника герметических текстов «Musaeum Hermeticum»].

Что ж, Природа повсюду одна и та же, потому-то она и преподавала такой же урок Мадатанусу: он, надеявшийся в своём невежестве изготовить Камень без [этапа] разделения на составляющие, получил от неё такой выговор: «Ты думаешь, что будешь вкушать устриц, моллюсков и прочее? Разве не нужно их вначале открыть и приготовить при помощи древнейшего повара планет?»⁵⁷. С этим согласен великолепный Фламель, который говорит о солнечном и лунном Меркурии — и о пересадке одного в другой — в следующих словах: «Потому возьми их и подогревай над огнём в своём кубе. Но это не должен быть огонь от угля или любого дерева, а светлый, сияющий огонь, подобный самому Солнцу, чей жар никогда не должен быть чрезмерным, но всегда одной и той же силы». Этого и достаточно, и слишком много, поскольку тайна сама по себе незначительна, но значительны её следствия — что и заставило философов скрывать её. Таким образом, читатель, ты получил наиболее и наиболее полное описание внешнего деятеля. На самом деле эта тайна очень проста и даже забавна, если уж говорить откровенно. Тем не менее именно ею, а не без неё, маги открыли хаос; и, разумеется, ни для кого не секрет, что сокровищницу с золотом должен отпереть железный ключ.

В этом универсальном предмете они обнаружили природу всех отдельных, которая может быть описана таким изречением: «Пусть тот, кто не знаком с Протеем, обратится к Пану». Сей Пан — их хаос, или Меркурий, который истолковывает Протея, — а именно отдельные творения, обычно именуемые индивидами. Ибо Пан превращается в Протея,

⁵⁷ [Генрих Мадатанус (псевдоним графа Адриана Минзихта) — автор книги «Aureum Seculum Redivivum» (с лат.: «Возвращённый золотой век»)].

т.е. в любую разновидность [определённого] вида, в животных, растения и камни. Ведь всё это создано из Универсальной Природы, или Первоматерии, и Пан содержит в себе её особенности. Потому-то Меркурия и величают Толкователем или Разъяснителем низших и высших [созданий], под этим именем и взывает к нему Орфей: «Внемли мне, о Меркурий, посланец Юпитера и сын Майи, Толкователь всего». Что же касается рождения Меркурия и его места, я обнаруживаю, что лишь немногие философы упоминают о нём. Зороастр указывает на него, однако весьма туманно, говоря о своих *Iyunges*, или Идеях, так: «Их сонм восходит вверх, к сияющим мирам, где высятся три вершины, под коими лежит главный луг». Этот *pratum*, или луг Идей, — место, хорошо известное философам: так, Фламель называет его своим садом и горой семи металлов (см. его «Сумму»⁵⁸), где он описывает весьма учёно, ибо его наставлял некий Иудей, некую сокровенную, но универсальную сферу. Некоторые именуют её Сферой Света, но для каббалиста она — Ночь Тела⁵⁹, обозначение это чрезвычайно уместно и многозначительно. В двух словах, это — *свидание* всех духов, ибо в этом месте соединяются идеи, спускаясь из светлого мира в тёмный. Чтобы лучше понять это, тебе надобно знать, что духи, витая в небесах, — являя собой мир огненный, — не принимают ни малейшей скверны, согласно Стеллато⁶⁰: «Всё, что над луной, — вечно и благо,

⁵⁸ Т.е. «Философская сумма Николя Фламелья, именуемая также романом Фламелья» (фр.). Труд вышел в Париже в 1561 году.

⁵⁹ *Nox corporis*, упоминаемая в «*Conclusiones Kabalisticæ*» Пико делла Мирандолы.

⁶⁰ [Марчелло Палиндженио Стеллато — псевдоним итальянского врача, поэта и философа Пьера Анджело Мандзолли (около 1500–1543), автора философской поэмы «*Zodiacus Vitæ*» («Зодиак жизни») из 12 книг, опубликованных в 1543 году.]

и ничто небесное не подвержено порче»⁶¹. Напротив, когда духи спускаются в изложницу элементов и поселяются в её царстве, они заражаются изначальной проказой материи, ибо здесь царствует и неистовствует проклятие; но на небесах оно не господствует. В завершение послушаем [что говорит] на сей счёт замечательный Агриппа. С его уст нисходит истина, не знавшая другого оракула: «Небесные силы или духовные сущности, пребывая в себе, или прежде чем соединятся с Материей и изольются от Отца Света чрез святые идеи и небеса до луны, [источают] благое воздействие, как на первой ступени. Но, будучи воспринято испорченным предметом, воздействие также претерпевает порчу»⁶².

Таковы его слова. Далее: астрономы притязают на необычайную близость со звёздами; натурфилософы говорят о том же; и, воистину, невежда может подумать, что они побывали на небесах и, словно Лукианов Менипп⁶³, беседовали с самим Юпитером. Но, откровенно говоря, эти мужи — такие же орлы, как и Санчо; их фантазии подобны его полётам под одеялом и, во всяком случае, в них так же мало неба. Попробуй узнать у них, где можно воспринять сии воздействия и как; попроси их доказать посредством убедительного опыта, что те присутствуют в элементах, — и ты опроверг их. Если же ты хочешь верить в четыре угла фигуры или три ноги силлогизма, то можешь: это — всё их свидетельство. Итак, слава тем магам, чьё Искусство способно показать сие и вложить в наши руки эти самые воздействия. Пусть же твоим учением станет познание их Сферы Света и вход в её сокровищницу, ибо

⁶¹ «Zodiacus Vitae». Кн. IX.

⁶² Корнелий Агриппа. Об оккультной философии.

⁶³ Менипп — фиванский киник, автор не сохранившихся сатир весьма едкого характера. Выведен в диалогах Лукиана.

тогда ты сумеешь общаться с духами и понимать природу незримых вещей. Тогда тебе будет явлен универсальный предмет [магии] и две минеральные спермы — белая и жёлтая, о коих я непременно расскажу кое-что, прежде чем завершить.

В «Пифагорейском сборнике», включающем три цикла [scores] и десять философов, — каждый из которых был Мастером Искусства, — записано: «Густота или сперма огня попадает в воздух. Густота или сперматическая часть воздуха, и в ней — сперма огня, попадает в воду. Густота или сперматическая субстанция воды, а в ней — две спермы: огня и воздуха, попадают в землю, и там они покоятся, сочетаясь. Потому сама земля плотнее, нежели иные элементы, как видно всякому и явлено глазу»⁶⁴. Вспомни же, что я сказал тебе ранее о земле: она — всеобщий странноприимный дом, принимающий всё, и не только зверей и растения, но также гордых и прославленных людей. Когда смерть разрушает их [тела], грубые части остаются в нём, не зная другого дома. Эта земля в земле и есть учение магов. По их словам, металлы и всё иное можно свести к тому, из чего они созданы. Они изрекают саму истину: [ведь] это — закон Господа, который Он преподал Адаму: «Прах ты и в прах возвратишься»⁶⁵. Но чтоб никто не был нами обманут, я полагаю, будет верно предупредить тебя, что есть два [вида] низведения. Одно насильственное и разрушительное, и приводит тела к их крайностям; собственно, это — смерть, или кальцинация в обычной химии. Другое — жизненное и созидательное, превращающее тела в сперму, или срединную субстанцию, из коей создала их Природа;

⁶⁴ «Turba Philosophorum», Dictum Secundum. Этот текст также именуется «Третьим Пифагорейским сборником».

⁶⁵ Быт 3:19.

ибо Природа создаёт тела не из самих элементов, но из спермы, извлекаемой из элементов. Я объясню, что подразумеваю, при помощи следующего примера. Яйцо — это сперма, или срединная субстанция, из коей рождается цыплёнок, и влага яйца вязкая и жирная, вода и не-вода, ибо такой и должна быть сперма. Предположим, некий доктор Уголь — я понимаю какого-нибудь поджаривателя — задумает создать что-то из этого яйца: без сомнения, вначале он подвергнет его перегонке, притом на огне, способном поджарить курицу, которая его снесла. Затем он кальцинирует эту *caput mortuum* и, в конце концов, произведёт своё ничто⁶⁶.

Итак, вы можете видеть, что тела — не что иное, как коагулированная сперма, и тот, кто разрушает тело, следовательно, разрушает и сперму. Свести тела к элементам земли и воды — как мы показали на примере сего яйца — значит, свести их к крайностям за пределами их спермы, ибо элементы не являются спермой, но сперма есть состав из элементов, содержащий в себе всё, что потребно для каркаса тела. Потому основательно подготовься, прежде чем подвергать перегонке или разложению на составляющие любое отдельное тело, ибо, разделив его элементы, ты ничего не сумеешь создать, пока не извлечёшь из тех элементов сперму. Но человеку сие не под силу: это — во власти Бога и Природы. А потому ты, желающий прослыть мудрым, стремись найти наш Меркурий: так ты сумеешь свести всё к срединному сперматическому хаосу. Но избегай разрушительной поджарки. Такое руководство избавит тебя от напрасного труда перегонки, если ты будешь помнить

⁶⁶ Хотя, без сомнения, Воган даёт точное описание алхимического действия в рунках невежд, этот и следующий параграфы являются невольным комментарием его собственных физических познаний, о которых он так часто рассуждает.

ту истину, что сперма создаётся не разделением, но сочетанием элементов; а чтобы сделать из тела сперму, надобно не подвергать его перегонке, но превратить всё в одну густую воду, поддерживая все её части в первичном природном единстве.

Но вернёмся, наконец, к моей прежней цитате из «Сборника». Все те воздействия элементов, объединённых в одну массу, образуют нашу сперму или нашу землю, которая [одновременно] земля и не-земля. Возьми её, если знаешь, и раздели её сущности, не силой, но естественной путрефакцией, которая способна вызвать подлинный распад состава. Так ты получишь чудесную Белую Воду, воздействие луны, что есть мать нашего хаоса. Она правит в двух элементах — земле и воде. После чего появляется сперма или истечение солнца, её отца. Это — быстрый небесный огонь, заключённый в тонкой, маслянистой, воздушной жидкости. Она не горит, ибо есть сам огонь и питается огнём; и чем дольше она остаётся в огне, тем лучше становится. Это — две минеральные спермы: мужская и женская. Если ты поместишь обе на кристаллическую основу, то получишь летучего Огненного Дракона философов⁶⁷, который при виде солнца выдыхает такой яд, что ничто не может устоять перед ним. Я не знаю, что ещё сказать тебе: разве что, по примеру некоторых авторов, дать бесстрастное описание всего процесса, что я могу исполнить в двух словах. Он — не что иное, как постоянное нагревание с асцензией [восхождением] и десцензией [нисхождением] летучих субстанций, пока, наконец, они не придут в устойчивое состояние в соответствии с тем превосходным *олицетворением* Камня:

⁶⁷ Огонь алхимиков именуется примерно пятьюдесятью способами, и одно из именовании — искусственный огонь, но оно не соответствует термину *ругobolus* — фейерверк, т.к. означает скорее растворитель ртути.

Я не мёртв, хотя мой дух ушёл,
Он входит вновь, и то он есть, то нет его:
То жизнь во мне теплится, то нет её совсем.

Я больше претерпел, чем в силах человек;
Имел я три души в себе, и были все мои, но две
Прочь улетели, и третья готова уж меня покинуть⁶⁸.

«Что я написал, то написал»⁶⁹. А теперь мне надобно оглядеться. Нет ли какого-нибудь порошкового заговора⁷⁰ или [порошковой] практики? Что случилось с Аристотелем и Галеном? Где книжники и фарисеи, спорщики этого мира? Если они стерпят всё это и поверят, я решу, что произошёл всеобщий переворот, и возглашу:

Дева грядёт к нам опять, грядёт Сатурново царство⁷¹.

Но пусть грядёт что грядёт: я снова высказался в защиту истины и в заключение добавлю следующее. В другом месте я назвал сей предмет «небесным илом» и срединной природой. Философы именуют его почтенной природой; но среди всех говорунов я до сих пор не нашёл ни одного, который мог бы объяснить мне, почему. Потому послушай меня: когда бы ты ни попытался исполнить сей труд, тебе надлежит

⁶⁸ [Строки из Лактанция.]

⁶⁹ [Слова Понтия Пилата (Ин 19:22).]

⁷⁰ [Очевидно, аллюзия на т.н. «Пороховой заговор» английских католиков в 1605 году с целью убийства короля Якова I.]

⁷¹ [Вергилий. Буколики. Эклога IV/Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Серия «Библиотека античной литературы»//М.: Художественная литература, 1979.]

проявлять почтение — и не так, словно какой-нибудь заносчивый, невежественный доктор, но с меньшей самонадеянностью и большим вниманием. Сей хаос содержит четыре элемента⁷², которые сами по себе имеют противоречивые природы; но мудрость Господа расположила их так, что сам их порядок примиряет их. К примеру, воздух и земля — неприятели, ибо один — жаркий и влажный, другая — холодная и сухая. Дабы примирить их, Господь поместил меж ними воду, которая является срединным началом, ибо обладает качествами, средними меж обеими крайностями — она холодна и влажна. Будучи хладной, разделяет природу земли — холодную и сухую; а будучи влажной, разделяет природу воздуха — горячую и влажную. Потому-то воздух и земля, которые сами по себе — крайности, сочетаются и обнимают друг друга в воде, как в срединной природе, которая пропорциональна им и умеряет их крайности. Но, воистину, сие *salvo* [с лат.: спасительное средство] не устраняет всей трудности, ибо, хотя вода и примиряет два элемента, подобно дружелюбному третьему, однако сама она борется с четвёртым, а именно — с огнём. Ибо огонь горяч и сух, но вода холодна и влажна, и это — очевидные противоположности. Дабы воспрепятствовать раздорам этих двух, Господь поместил между ними воздух — субстанцию горячую и влажную; будучи горячим, он согласен с огнём, который горяч и сух; а будучи влажным, он согласен с водой, которая холодна и влажна; так что при посредничестве воздуха две другие крайности, а именно, огонь и вода, становятся друзьями и примиряются. Итак, вы видите — как я и указал вам вначале — что противоположные элементы объе-

⁷² Это — общий постулат: одна первозданная субстанция и четыре, произошедшие от неё; ищется же единство.

динены этим порядком и структурой, в коих Премудрый Господь расположил их.

Теперь позвольте сказать вам, что их согласие или дружба носят частичный характер — весьма слабая любовь, прохладная и своенравная. Ибо эти принципы, согласуясь в одном качестве, различаются в двух, как сами вы можете легко подсчитать. Потому они весьма нуждаются в более сильном и пригодном посреднике для упрочения и сохранения их слабого единства; ибо от него зависит сама долговечность и чистота творения. Сей благой цемент и бальзам есть Дух Живого Бога, который некоторые несведущие писаки назвали квинтэссенцией. Ибо сей Дух пребывает в хаосе, и, попросту, является огнём Его престола, ибо посреди огня восседает Он, как мы достаточно описали вам в другом месте⁷³. По этой причине маги и назвали Первоматерию своей Почтенной Природой и Благословенным Камнем. Признайтесь же, что вы думаете об этом? Разве это не так? Сей Благой Дух укрепляет и совершенствует то слабое влечение, кое элементы испытывают к единству и согласию — ведь Бог трудится вместе с Природой, а не против неё — и, наконец, возводит из оных то прекрасное, неповторимое строение.

Теперь вы можете спросить меня: где же находится в это время душа — или, как обзывают её схоласты, форма? Чем она занимается? На это я отвечаю, что она, как и положено всем орудиям, покорна и послушна воле Господа, ожидая совершенствования своего тела. Ибо Господь соединяет её с телом, а тело — с ней. Душа и тело — творения Бога, как одно, так и другое. Душа — не зодчий собственного обиталища, ибо тот, кто способен создать тело, способен также обновить его

⁷³ Примечание на полях отсылает к «Anthroposophia Theomagica».

и помешать смерти; но душа этого не может: это — во власти и мудрости Господа. Одним словом, заявлять, будто душа сформировала тело, поскольку она пребывает в теле, — то же, что заявлять, будто самоцвет создал ларец, поскольку он лежит в нём; или [утверждать], будто солнце создало мир, на том основании, что оно пребывает в мире и лелеет каждую его часть. Итак, научись различать меж действующими силами и их орудиями, ибо, приписав творению то, что принадлежит Создателю, подвергнешь себя опасности пламени адского. Ибо Бог ревнив и не отдаст Свою славу [никому] другому. А посему я советую моим докторам — и богословам, и медикам — не быть слишком поспешными в своих порицаниях и столь самоуверенными в своих трактатах, ибо я знавал некоторых профессоров медицины, любивших поправлять и отзываться с пренебрежением о своих собратях, тогда как сами они, воистину, были постыдно невежественны. Десять или двенадцать лет опыта с тинктурами и растворами не могут сделать человека сведущим в тайнах Божьего творения. «Возьмите то-то и создайте мир» и «Возьмите то-то и сделайте пилюлю или клистир» — различные рецепты⁷⁴. Потому нам следует вначале испросить совета у своего суждения, прежде чем довериться языку, и не нарушать молчания, если мы не уверены в своем понимании.

Я знавал одного джентльмена, который, повстречав адепта философии и удостоившись чести быть допущенным к беседе, примерно выслушал начальные наставления. Но когда сей маг покинул тропу, привычную для моего прия-

⁷⁴ Ср. «Recipe aliquid ignotum, quantum volueris» [«Возьми чего-то неизвестного в желаемом количестве»]. Такое наставление встречается в некоторых алхимических текстах; если это и не так, то многие инструкции подобны им.

подталкивает тебя к практике, хорошенько поразмысли наедине с собой, что ты за человек и что ты собираешься сделать: ведь это — вовсе не пустяк. Ты решился быть сотрудником Духа Живого Бога и содействовать Ему в труде созидания. А потому старайся не препятствовать Его труду; ибо, если твой жар превзойдёт естественную пропорцию, ты вызовешь ярость влажных природ, и они восстанут против огня в центре, а тот — против них; и в хаосе произойдёт ужасающий распад. А сладостный Дух Мира, подлинная, вечная квинтэссенция, покинет сии элементы, оставив их и тебя в смятении. Он также не станет прилагать себя к той Материи, пока она пребывает в твоих насильственных, разрушительных руках. А потому берегись, чтобы не стать пособником дьявола, ибо намерением его с самого начала мира было внести разлад в Природу, дабы совершенно извратить и разрушить её. Не способствуй же его замыслам. Я не сомневаюсь, что многие посмеются над этим; но, клянусь душой, я говорю лишь то, что познал путём весьма надёжного опыта, а потому верь мне. Я, со своей стороны, всегда желал сокрыть это в молчании или же спрятать в тени. А столь ясно и открыто говорил из-за привязанности, питаемой мной к некоторым [мужам], заслужившим от меня гораздо большего. Действительно, некогда я намеревался подарить миру бóльший труд, что и обещал в своей «Антропософии»; но с тех пор я познал этот самый мир и нашёл его низким и недостойным: а потому я сохраню своё первоначальное, счастливое уединение, ибо суета — ничто для меня. Я не ищу ничьих рукоплесканий. Если Господь соизволит призвать меня ради славы Его имени, то я вновь возьмусь за перо; ибо я не страшусь человеческого суждения. Пока же я завершаю.

КОНЕЦ

Эпилог

Итак, мой Труд, пусть твой полёт не остановит
Тот факт, что автор твой — не рыцарь и не лорд.
Себе нашел я место, и сумел
Являть один лишь лик и сердце лишь одно.
Уж девять лет великие узреть не в силах,
Чем они были; им неведомо, чем стали.
Так что с того, что слава не гремит моя повсюду,
Иль ты простую честность славой не считаешь?
Иль ты столь чужд столетию сему,
Что прегрешений от удачи не в силах отличить?
Ступай же, не страшась: учёными друзьями
Охотно станут тебе те, кого не знаю даже.
Гостеприимства не страшись; цена твоя мала
И их не разорит уплаченный акциз.
Ты невелик, и не отяготишь чрезмерно
Карманы их, тем паче — их учёность.
И ты — не галеон, как книги весом в пуд,
Что плавают по всем библиотекам.
Ты — тонок и изящен: статья может,
Что дамы тебя купят вместо нового романа.
О, как завидую тебе, когда, тебя раскрыв,
Направив светлый взор очей, читать начнут
Страницы, наполненные ароматом,
Не исчезающим вовек.
Когда их белы ручки тебя уронят,
За корсаж — что не могу назвать я
Неудачей — ты вниз скользнёшь, чтобы найти покой
В весьма отрадном месте, ещё счастливей став.

В шелку и мягких складках отдохнёшь,
Сокрытым, словно их любовь, иль тайны, что в тебе.
Не стоит горевать, что не изящен твой язык,
Я мог бы лучше написать, теперь же ты таков, как есть.
Я мог бы вывести тебя в таких одеждах,
Что и сама весна казалась бы дурнушкой:
В одеждах, чтобы сгладить жёсткий, грубый век
И каждую страницей дух чтеца пленять.
Но я использовал стиль грубый и привычный,
Что близок к истине — ведь ей простой быть должно.
Терпи, мой славный Труд, коль взглянут на тебя
Как на три солнца, иль какое чудо,
И будут клясться пылко: я, мол, насмехаюсь
Над всеми сектами, стремясь увековечить свою гордость.
Таким ответь, что лгут они, и, коль ты им не по нраву,
Пусть изучают любую выпенную ересь.
Не столь проста Природа, чтоб у людей
Глубокое почтение вызывать,
Не столь легко моё перо, чтоб я
Её величием услаждал своё тщеславье.
Лишь истина велит мне выступить, и, запечатлев
Сию её частицу, скрывать её не стану;
Своим дитятей назову, и лучше уж мне видеть,
Как её терзают, чем самому её убить.

Лишь Богу слава.

Аминь.

Lumen de Lumine,

ИЛИ

НОВЫЙ СВЕТ

МАГИИ

Посвящаю моей дорогой Матери —
прославленному университету Оксфорда

Я наблюдал, дражайшая Мать, у большинства твоих сынов сочетание славы и неблагодарности. Воистину, учёностью они обладают, но забывают грудь, что воспитала её. Твои добрые дела не достались ни одному самаритянину; но многих ты излечила от проказы неведения. Вот пятно, что портит наши совершенства: мы все испили из твоего источника, но не приносим воду для колодца. Я, со своей стороны, не могу предложить тебе ничего обширного; но вот горчичное зерно, кое может вырасти и превзойти иные травы. В этом наброске речь идёт лишь о той Природе, что сокрыта покровом. Я бы очень хотел, чтобы ты увидела её без подвенечной вуали; но её лик — подобно лику Аннунциаты¹ — ожидает кисти ангела. Не могу сказать, что сочинение это достойно твоего покровительства: но позволь мне использовать сию возможность, чтобы изъявить признательность за полученные блага. Я не предназначаю свою речь для берегов Айсиса² — ты не принадлежишь им, если только твои камни не потребуют моей надписи. Твоё разделённое тело я знал, и только его я помню. А потому прими сие, куда бы тебя не привели твои печальные странствия и посещения. Этот текст принадлежит не саддукею или фарисею, но израильянину и

Твоему законному сыну
Евгению Филалету.
1650

¹ [Эпитет Богоматери, связывающий её с Благовещением (от лат. «annuntiatio» — «возвещение»).]

² [Один из притоков Темзы, впадающий в неё близ Оксфорда.]

Обращение к читателю

Мне пришлось выдержать борьбу с самим собой, чтобы опубликовать это сочинение, предмет коего противен духу времени, — испорченному и гневливому одновременно. Моим желанием было оставить его за замком, но его связь с моими ранними трактатами понудила отдать его в печать. В нём собраны последние из моих мыслей, и, — хотя первый отблеск их ещё не виден, — я добавил сие ради совершенства их образа и симметрии. Должен признаться, что не имею на это иных оснований, кроме тех, которые дали мне мои недруги. Я буду возглашать истину потому, что они подавляют её. Воистину, жалкую награду я получил; но успех этого искусства возрастает при противодействии, и это, думается мне, заметили наши недавние клеветники, ибо они оставили науку, чтобы сокрушить последователей³.

Мало того, что наши сочинения хулят и истолковывают превратно: учёной клеветой они поносят нас, кого они никогда не видели и, быть может, никогда не увидят. Они понуждают нас к ожесточению, противоречащему нашему характеру, и толкают людей к греху, — словно преследуя те же цели, что и дьявол.

Что касается меня, то больше не буду рисковать своей душой, ведя столь грубые диспуты. Мне ведомо, что должен буду дать ответ за каждое праздное слово⁴. Сия мысль утихомирила мои страсти. Впредь я решил терпеть, ибо уверен: Господь никого не осудит за терпение.

³ Ещё одно обвинение в адрес Генри Мора, нападки которого, видимо, не давали покоя автору.

⁴ Мф 12:36.

Воистину, мир может счесть, что истина ниспровержена, ибо её окружает безмятежность; ведь, по суждению большинства людей, где нет шума — нет и победы. Я не считаю это недостатком. Оценка таких критиков лишь облегчит [чашу] весов⁵; и я осмелюсь предположить, что весьма слабые мозги у полагающих, будто истина опускается потому, что перевешивает их.

Что же до гневных криков, то при отсутствии причин они показывают, что дух лишён религиозности и имеет больше от бури, чем от Христа Иисуса. Господь не был в ветре, сокрушающем скалы, и не был в землетрясении и в огне на Хориве⁶. Он был в *aura tenui* — в веянии тихого ветра.

Мой совет: пусть никто не сожалеет о всеобщем недовольстве. Кто пишет истину о Боге, имеет того же охранителя, что сама истина; и когда мир предстанет пред последним судом, он найдёт своего защитника там, где остальные найдут своего Судию. Господь и Его слуги свидетельствуют друг о друге: если Креститель возвещал о Христе, то и Христос многое сделал для Крестителя. Он был светильник, горящий и светящий⁷.

Итак, читатель, я счёл уместным предупредить тебя: если в будущем появится какой-нибудь мой трактат — не ожидай моих оправданий. Я вверил свою тяжбу Богу Природы: ведь она связана с заботой о Его истине. И довольствуюсь миром и покоем чистой совести: ибо не написал ничего, что Господь не подтвердил бы в каждой подробности перед моими глазами, и что я не был бы способен обосновать перед всем миром. Я познал Его сокровенный свет: Его свеча — мой наставник, и свидетельствую то, что видел в Его лучах, в сияющем круге Его славы.

Господь свидетель — когда я впервые изложил свои мысли на бумаге, сделал это не ради личных целей. Меня побуждало

⁵ [Видимо, аллюзия на Страшный суд, где будут взвешиваться добрые и злые дела].

⁶ 3 Цар 19:11–12.

⁷ Ин 5:35.

и понуждало сильнейшее восхищение тайной и величием Природы. Намерением моим было восславить истину и, в какой-то мере, послужить веку — если бы он оказался способен [воспринять]. Но варварские оскорбления, которыми был осыпан, и совершенно незаслуженно, заставили мою благотворительность остаться дома. Правду сказать, если бы меня не лишили мира, я бы сообщил некоторые вещи, которые, уверен, ничьё перо не откроет сему поколению. Но в этом отношении времена не успевают за Провидением, ибо годы откровения еще не пришли. Сия истина — подобно голубю Ноя — должна парить среди ветров и бурь, обзрывать пену и волны, не находя местечка, куда поставить ногу. Но премудрый Господь не забывает о ней: среди тех волн и вод у неё есть малый чёлн, куда она может вернуться. Вот, чудится мне, я вижу её в окне, промокшую и утомлённую ненастьем.

И в завершение: сей трактат — мой последний, и единственный ключ к первому⁸. То, что я написал ранее, подобно арабскому *халикали*⁹. Это — *Domus Signata*, запертый дом: но здесь я дам вам ключ от замка. Если вы войдёте, замкните в своём сердце увиденное. Не доверяйте его своему языку, ибо он — открытый свиток. Итак, я отдаю свой светильник в ваши руки; но что вы мне вернёте, я не ведаю. Если вы за мир, то желаю вам мира; если за войну, то и её я вёл. Но пусть не хвалится подпоясывающийся, как распоясывающийся¹⁰. Поступайте хорошо и всего вам хорошего.

Евгений Филалет.

1651

⁸ Имеется в виду «Anthroposophia Theomagica». Воган продолжал писать, и, быть может, из-за этого заявления его следующее сочинение было подписано литерами S.N., а вместо указания автора имеем дружественные упоминания Евгения Филалета.

⁹ От *хали* — сумма и *калон* — благо.

¹⁰ 3 Цар 20:11.

Lumen de Lumine

I. Подземный мир

Вот ночь уж покидает свои мрачные пределы,
Её прекрасные огни, что так мерцали, потускнели.
Померк её пейзаж, что сложен из молчанья и теней,
День в розы облачает молодой Восток, где каждый луч,
Что падает на мрак, заставит ночь и солнце
Лобызаться средь сумрака и света.

Думаю, проще и приятнее для некоторых будет, если я стану изъясняться простым, обычным языком. На заре — или на рассвете — я, утомлённый тягостным одиночеством и печальными мыслями, что сопутствуют ему, после многих потерь и ещё больших трудов, внезапно заснул. И тут день, едва родившись, вновь потух. Я оказался посреди ночи, более тёмной, чем та, которую оставил позади. Моя фантазия перенесла меня в область неопишуемой тьмы, и — как мне подумалось — превосходящей естественную, но без каких-либо ужасов. Я пребывал в устойчивом, ровном расположении духа, и, — хотя никто меня не ободрял, — ощущал не только решимость, но и приятное довольство. Я бродил повсюду, пытаюсь найти что-нибудь, но по-прежнему был окружён тьмой и молчанием; и я решил, что перенесён в обитель одиночества. Впав оттого в пустое беспокойство и устав от долгих стараний, я решил отдохнуть, и, поскольку ничего не находил, стал ждать, чтобы что-нибудь нашло меня.

Я недолго пребывал в таком настроении, когда услышал шёпоты мягкого ветра, приближающегося ко мне; внезапно он донёсся из листвы, так что я заключил, что оказался в каком-

то лесу или делям. Это мягкое дуновение сопровождалось густым ароматом, очень похожим на сладкий шиповник, но не таким сильным и насыщенным. Когда сие благовоение прошло, послышалось приятное жужжание пчёл среди цветов; это несколько сбило меня с толку, поскольку я счёл, что это не соответствует характеру места, тёмного и схожего с полночью. Все эти неожиданные впечатления несколько смутили меня, но тут новое появление рассеяло мои тревоги. Неподалёку, по правую руку, я заметил слабый белый свет — не такой чёткий, как от свечи, а смутный и весьма схожий с газом. У середины он был пурпурного цвета, подобно елисейскому свету, но по краям молочным; а общим тоном он был схож с живописным Геспером¹¹, воплощением того великолепия, которое древние римляне величали *Sol Mortuorum* [с лат.: солнце мёртвых]¹². В то время как я был поглощён этим удивительным зрелищем, в срединном пурпуре возникло внезапное волнение, и из самого его центра огненным конусом вырос цветной луч. Он был очень ярк, искрился и мерцал, словно утренняя звезда. Лучи этой новой планеты — протягивающиеся в виде малых прядей и ручейков — выглядели словно нити серебра, которые, отражаясь от деревьев, давали удивительную зелёную тень; и тут я увидел, что нахожусь в лавровой роще. Плетение ветвей было столь ровным, а листва была столь густой и упорядоченной, что всё это казалось не деревьями, а зданием¹³.

¹¹ [Геспер — так древние греки называли «вечернюю звезду» — Венеру в период вечерней видимости.]

¹² В примечании на полях Воган указывает, что Боксгорн неверно интерпретирует это представление. В алхимической символике описана невообразимая для опыта область, где солнце светит в полночь. Это внутреннее царство известно мистикам, но достижение его требует очень длительного пути.

¹³ В этом описании, а также в дальнейшем рассказе Воган даёт почти полную свободу воображению, что делает необходимым различать аллегорию, сокрытую за его видениями, и поэтические образы, в которые они облекаются.

Я решил, что это Храм Природы, в котором она дополнила своё учение послушанием. Под этой сенью и завесой обитало множество соловьёв, коих я узнал по их белесым грудкам. Маленькие обитатели домиков из листьев — они радовались этому необыкновенному свету, и, распушившись, наполняли неподвижный воздух своим пением. Оно казалось мне прекрасным, ибо безмолвие ночи, вкупе с безлюдностью сего места, способствовало его очарованию. Земля, как вблизи, так и вдали, являла собой некий приятный, пёстрый ковёр, поскольку [свет] сей новой звезды, преломляясь в каплях росы, образовал множество ярких бликов, усеявших землю словно алмазы. Эти удивительные, многоцветные картины пленили мою душу, но тут, чтобы прервать ход моих мыслей, — словно было недозволительно изучать то, что находилось передо мной, — появилась новая, ещё более восхитительная фигура.

Между собой и светом я узрел прелестнейшую, божественную красавицу: роста она была ни большого, ни малого, обладала средним, умеренным сложением. На ней был тонкий, свободно ниспадающий шёлк, но такого зелёного цвета, подобного которому мне не доводилось видеть, ибо это был неземной цвет. Шёлк был украшен белыми и серебряными лентами, выглядевшими, словно лилии посреди луговой травы. Её головку покрывал тонкий, воздушный флёр, который она приподняла одной рукой, как бы выглядывая из-под него. Её восхитительные глаза были живыми и ясными, но, казалось, в них отражалось некое удивление, — будто её занимало какое-то неожиданное происшествие. Из-под её черной накидки выбилось несколько локонов, как солнечные лучи через туман. Они свободно ниспадали ей на грудь и вились золотыми колечками, обрамляя лицо. Сзади волосы были закручены в необычный пучок с коротким остриём, убранный цветами пурпурного и небесного цвета. Её кольца были чистыми,

цельными изумрудами, — она не признавала металл, а серьги — из пламенеющих карбункулов. Словом, от всего её облика — юного и цветущего — веяло ароматом Востока, щедро насыщенным арабскими оттенками. В таком и никаком ином виде она тогда предстала передо мной; но пока я восторгался её совершенствами и готовился заговорить, она опередила меня, приблизившись сама. Я ожидал от неё каких-нибудь фраз; но она, поглядев мне в лицо весьма серьёзно и молчаливо, взяла меня за руку и мягко прошептала, чтобы я следовал за ней. Признаюсь, это прозвучало загадочно; но я счёл, что надлежит повиноваться столь приятному приказанию: особенно такому, которое обещало очень много, но, по моему мнению, было способно исполнить больше.

Свет, которым я до этого восхищался, теперь оказался её сопровождающим, ибо двигался перед ней, наподобие шафера. Сия служба немало способствовала её блеску, и моей единственной заботой было наблюдать её: хоть она и не блуждала, но и не шла знакомым путём. Её тропа была зелена и опущена тонкой, невысокой травой, на ощупь схожей с плюшем благодаря своей мягкости, повсюду усеянной маргаритками и примулами. Когда мы вышли из нашего шатра, или беседки, обсаженной лаврами, я заметил странное посветление в воздухе, не похожее на день; но в то же время не мог сказать, что это была ночь. Звёзды висели над нами и сияли будто с вершин высоких холмов; ибо мы находились у самого их подножия, и земля оказалась над нами, так что я заключил, что мы находились близ центра. Мы не успели пройти особенно далеко, когда увидел какие-то плотные, белые облака, — как мне показалось, — наполнявшие всю ту часть долины, что лежала перед нами. В действительности я ошибался; но это продолжалось недолго, поскольку, подойдя ближе, понял, что передо мною — твёрдые, цельные скалы, блестящие

и искрившиеся наподобие алмазов. Это редкостное и приятное зрелище немало приободрило меня, и я возымел сильное желание, чтобы госпожа моя, — ибо таковой считал её теперь, — заговорила, дабы я, если возможно, получил какие-то объяснения. Но я не знал, как добиться этого, поскольку она казалась не расположенной к беседе. Однако, решившись потревожить её, я спросил, не почтит ли она меня, назвав своё имя. На это она отвечала очень по-дружески, словно давно знала меня.

«Евгений, — произнесла она, — у меня много имён, но лучшее и любимейшее — Талия, ибо я всегда зелена¹⁴ и никогда не завяну. Ты видишь здесь Горы Луны¹⁵, и я покажу тебе исток Нила¹⁶, ибо он выходит из этих невидимых скал. Посмотри вверх и запомни вершины этих соляных колонн и утёсов, ибо они — истинные, философские, лунные горы. Доводилось ли тебе когда-нибудь видеть что-то столь чудесное и невероятное?»

Эта речь заставила меня живо поднять взгляд на те сверкающие соляные башни, где я узрел впечатляющий ливень, или водопад. Сей поток был шире любой реки в половодье; но, невзирая на высоту и силу его падения, он стекал бесшумно. Воды разбивались о те соляные утёсы, и их течение нарушалось; но при всём том они нисходили в мёртвом молчании — подобно недвижному, мягкому воздуху. Я набрал немного этой жидкости, текущей рядом со мной, чтобы посмотреть, что же это за странная, напоминающая шерсть

¹⁴ Талия — одна из девяти муз. Её имя означает «носить цветы» или «быть в расцвете».

¹⁵ Этот образ принадлежит самому Вогану и символизирует что-то далёкое и, вообще, недоступное. Насколько я помню, у других алхимиков его нет.

¹⁶ Исток Нила во времена Вогана был неизвестен, так же как и Первоматерия, за исключением, быть может, адептов.

субстанция, сходявшая подобно снегу. Когда она очутилась у меня в руках, оказалось, что это не обычная вода, а некая разновидность масла водянистого характера — вязкая, жирная, минеральной природы, ясная, как жемчуг, и прозрачная, как кристалл. После тщательного осмотра и исследования она показалась мне сперматической: и правда, она была неприятной на вид, но ещё более — на ощупь. Тогда Талия поведала мне, что это — Первоматерия: истинно природная, настоящая сперма большого мира¹⁷. «Она невидима, и потому немногие находят её; но многие уверены, что её невозможно найти. Они убеждены, что мир — это мёртвая оболочка, подобно телу, некогда созданному и оформленному духом, пребывающим в нём, но сохраняющему ту форму и облик в течение некоторого — недолгого — времени после того, как дух его покинул. Пусть лучше помыслят, что любая оболочка, будучи оставлена духом, разлагается и не может долее сохранять свой прежний образ; ибо деятель, что удерживал и скреплял её части воедино, ушёл. А посему замечательна речь, некогда услышанная мной от одного из моих учеников. Вот его слова: «Мир этот не мог бы быть согласован в единое целое из столь различных и противоположных частей, если бы не существовало единого начала, которое соединяет столь различное и несогласное. Не возник бы определённый порядок природы, не были бы расположены в согласованном чередовании места, времена, причины, пространства, качества, если бы не было Единого, Который, Сам оставаясь неподвижным, содержит в себе все возможные перемены. То, благодаря Чему всё созданное существует и Чем приводится в движение, я нарекаю

¹⁷ Интересно сравнить это пространное описание Первоматерии, явленной якобы в видении, с прежними определениями, согласно которым эта субстанция — «неприятная на вид, но ещё более — на ощупь» есть «вторая Природа от Бога» и «Дитя Благой Троицы».

привычным для всех именем — Бог»¹⁸. «А потому, Евгений, — продолжила она, — тебе надобно понять, что все соединения созданы Действующей, Разумной Жизнью; ибо то, что было совершено при сложении большого мира в общем, совершается и при создании каждой твари и их спермы в отдельности. Я полагаю, тебе известно, что вода способна находиться только в некотором сосуде. Естественный сосуд, назначенный для неё Господом — земля. В земле вода может сгущаться и приобретать определённую форму; но сама по себе, и без земли, она обладает неопределённым течением и не связана ни с какой формой. Воздух также является текучей и неопределённой субстанцией, но его сосуд — вода; ибо, как вода обретает форму за счёт земли, так же и воздух уплотняется и оформляется в воде. Поднимемся выше: воздух коагулирует жидкий огонь, и входящий в его состав огонь привлекает и удерживает тонкий свет. Таковы средства, коими Господь объединяет и сочетает элементы в сперму, ибо земля меняет свойства воды и делает её вязкой и илистой. Такую воду должны искать¹⁹ те, кто желает совершать действия магические и сверхъестественные; ибо сия сперматическая вода коагулирует при малейшем жаре, так что Природа подвергает её конкокции и закаливает в металлы. Тебе известно, что белок яйца сгущается, едва ощутив огонь; ибо его влага умеряется чистой, тонкой землёй,

¹⁸ [Перевод цитирован по изданию: Утешение философией/Боэций. Утешение философией и другие трактаты. Сост. и отв. ред. Г.Г. Майоров//Серия «Памятники философской мысли». М.: Наука, 1990. Кн. III, 12.]

¹⁹ В замечательном трактате Алипили она именуется «сухая вода из философских облаков». Названий, как обычно, предостаточно, а подразумевается обычно Философский Меркурий как субстанция, наиболее «желаемая мудрецами». Фома Болонский сообщает, что все тварные создания появляются из этой воды и ею питаются. [Алипили приписывается авторство ряда алхимических и герметических текстов XVII столетия. Однако его историческое существование сомнительно.]

и эта тонкая, одушевленная земля есть та, что связывает его воду. А потому, мой Евгений, возьми с Гор Луны²⁰ воду, которая [одновременно] не-вода. Кипяти её на огне Природы²¹, пока она не станет двойкой землёй, белой и красной; затем напитай ту землю огненным воздухом и воздушным огнём, и вот у тебя два магических светила. Но раз ты долго был моим служителем и твоё терпение подтвердило истинность твоей любви, я отведу тебя в свою школу и там покажу тебе то, что мир никогда не покажет».

Произнеся это, она миновала утёсы из соли, подобные алмазам, и подвела меня к скале из адаманта, имевшей вид правильного, цельного куба. Он служил основанием огненной пирамиды [с гранями в виде] треугольника из чистого *пирона*, чей запертый пламень тянулся и стремился к небу. К наружной стороне этой скалы примыкал небольшой портал, и в нём висела табличка. На ней был изображен ёж, так свернувшийся и спрятавшийся за своим покровом, что его члены были едва различимы. Над ним стоял оскалившийся пёс, а рядом с ним такое предупреждение: «Осторожно, или он уколет».

Мы вошли внутрь, и, когда вступили в скалу, [оказалось, что] изнутри она имеет небесный, изумрудный цвет. Где-то она сияла, словно листья из чистого золота, а далее появлялся третий, неопиcуемый пурпурный оттенок. Мы прошли некоторое расстояние и достигли древнего, величественного алтаря. На жертвеннике²², или наверхии [алтаря], был изображён

²⁰ Я не припомню, чтобы в алхимической символике были Лунные горы. Собственно, горы представляют собой металлы.

²¹ Ср. у Гебера: «Сожги её в воде и омой в огне». [Гебер — Джабир ибн Хайян (около 721 — около 815), знаменитый арабский алхимик, врач, фармацевт, математик и астроном].

²² Жертвенник представлял собой место в верхней части алтаря, куда возлагали подношения.

ствол старого гнилого дерева, вырванного с корнями. Из него выползал змей белого и зелёного цветов, медленный, словно улитка, и очень слабый, ибо лишь недавно его пригрело светившее над ним солнце. У подножия, или основы, сего алтаря сделана надпись древними египетскими иероглифами, которую разъяснила Талия:

Благословенным богам
Подземного мира
N.L.
т.а.в.ф.

Отсюда мы пошли прямо, пока не добрались до пещеры, сумрачной и вдобавок сырой, издающей тяжёлый запах, схожий с могильным. Здесь мы оставались недолго: миновав сие кладбище, мы, наконец, дошли до Святилища, где Талия, повернувшись ко мне, произнесла краткую и последнюю речь:

«Евгений, это — место, которое многие желали увидеть, но так и не увидели. Они не были готовы быть допущенными сюда. Они любили не меня, но принадлежащее мне. Они алкали сокровищ Природы, но самой Природой пренебрегли и осквернили её. Они имели некоторые достоинства в нападении, но изучали только свои возможности. Я была открыта для них, но они не знали меня. В определённой мере я была подвластна их насилию, но Тот, кто сотворил меня, не позволил бы меня ограбить. Словом, неудача этих людей коренилась в их нраве. В своих обращениях ко мне они напоминали тех жалких людишек, коих некоторые именуют царедворцами. Они усвоили различные ужимки и позы, словно выросли среди обезьян. Как некто удачно выразился, они скребут математические пропорции, кривляются и гримасничают, и, по выражению того же поэта,

Рта форму изменяют, словно под действием заклинанья,
Творя овалы, треугольники, квадраты.

Так эти неразумные софисты набросились на меня со своим тщеславием. Заглянув в их сердца, я не нашла там места для себя. Преисполненные горделивых помыслов, они мечтали о некоем ритуальном счастье, которое должно было поддерживаться за мой счёт и [моими] сокровищами²³. Но они не учли, что я проста и бесхитростна, и питаю склонность не к шуму, а к сокровитому, приятному довольству. Евгений, я нашла, что ты весьма схож со мной нравом. И не только это: твоё ожидание было терпеливым. Ты способен поверить, когда у тебя есть причины для доверия. Тебе присуще всё это, ибо ты служил бескорыстно: настало время вознаградить тебя. Я добровольно отдаю тебе свою любовь, а вместе с ней сии дары — мой ключ и печать. Одно запирает, другое отпирает: используй же оба с осмотрительностью. Что же до тайн моей школы, ты можешь изучить их все; здесь нет ни одной, которую бы я не открыла тебе с радостью. Есть одно правило, на котором я настаиваю, и оно такое: ты должен хранить молчание. В своих сочинениях ты не должен преступать дозволенного мной. Помни, что я — твоя любовь, и тогда ты не сделаешь меня продажной девкой. Но поскольку я желаю, чтоб ты оказался полезен для людей такого же склада, я дам тебе эмблему моего Святилища²⁴, с полной привилегией на опубликование её. Вот и всё: я

²³ Ср. обращение Природы к «флегматичным любомудрам» в «*Demonstratio Naturae*» Жана де Мена, также «*Dialogue between Mercury, the Alchemist and Nature*» [с англ.: «Диалог меж Меркурием, алхимиком и природой»] Сендивогия и последующий диспут в трактате «О Сульфуре», приписываемом ему же.

²⁴ См. фронтиспис с надписью *Scholae Magicae Typus*.

отправляюсь в ту незримую сферу, где находится обитель бессмертных²⁵. Да не станет для тебя справедливой поговорка: «С глаз долой — из сердца вон». Помни же меня и будь счастлив».

Таковы были её наставления; произнеся их, она ввела меня в светлый, широкий [поток] света; и здесь я узрел то, чего не должен открывать. Показав, таким образом, все части великолепного лабиринта, она вновь вывела меня своим ключом из солнечных лучей, [т.е.] собственным светом, светившим перед нами. Минуя утёсы Нила, она показала мне тайную лестницу, по которой мы поднялись из глубокой, поросшей цветами долины к лику нашей общей земли. Здесь Талия остановилась, [совершая] немую церемонию, ибо меня надлежало оставить в полном одиночестве. Она посмотрела на меня с улыбкой, к которой примешивалась немалая печаль, поскольку мы не желали расставаться. Но час её ухода настал, и, простившись в последний раз, — как я думал, — она на моих глазах перешла в царство вечности, в эфир Природы.

Я был сильно взволнован и несколько растерян; но, овладев собой насколько возможно, приблизился к кустам мирта, присел на усыпанный цветами берег и принялся размышлять об увиденном. Это одиночество и меланхолические думы длились недолго, ибо были прерваны весьма приятным образом. На горизонте, вдалеке, снова я увидел Талию; через миг она была уже на берегу, и, усевшись рядом со мной, произнесла такую речь:

«Я не хочу, Евгений, чтобы ты оставался в неведении относительно единства и нераздельности наук²⁶. В прежние

²⁵ «Илиада». Книга VIII.

²⁶ Ср. мечту Раймунда Луллия об универсальной науке, приведшую к созданию трактата «Ars Magna Sciendi» [с лат. «Великое искусство знания»]; но едва ли это было чем-то бóльшим, чем утончённым диспутом.

времена, когда мир знал больше, а магия понималась лучше и шире, последователи сего искусства разделяли его на три части — элементарную, небесную и духовную. Элементарная часть содержала все тайны физики, небесная — тайны астрологии, а духовная — тайны божественные. Каждая из них сама по себе была лишь ответвлением, или членом, но, соединённые, они представляли собой всеобъемлющую науку. Что ж, в наши дни нет людей, которые могли бы показать тебе истинную физику или астрологию; собственно, у них и нет ничего, кроме языка и Божественности [взятой] из книг. Причина этого такова: с течением времени сии три науки, которые не способны творить чудеса без взаимного, сущностного союза, из-за неверного толкования были расчленены и разделены, так что каждая из них стала считаться отдельной областью. Итак, Господь соединил их в единственный, природный предмет²⁷, но человек разъединил их и поместил не в [какой-то] предмет, а в собственный мозг, где они остались в виде слов и фантазий, а не в виде реальных элементов и истины. В таком состоянии науки стали мертвы и недействительны; они не принесли ничего, кроме суеты, ибо были разделены, — как если бы ты разрубил человека и стал бы ожидать, что какая-то его часть совершит действия, которые совершало целое при жизни.

Благодаря природному опыту тебе известно, что из одного — определённого — корня вырастает несколько различных частей, таких как листья, цветы, плод и семя. Так же из одного универсального корня, а именно — хаоса — возникают все отдельные виды и их представители. Нет истинного знания

²⁷ Выражение любопытное, т.к. имеет отношение к последующему различению природного предмета и мозга человека. Возникает вопрос, не намекал ли Воган на простой [т.е. несоставной] разум, стоящий над логическим пониманием. Но затем он утверждает, что Первоматерия, или хаос, — средоточие всех наук.

или науки, кроме той, что основана на разумных [sensible], отдельных субстанциях, или на разумной, универсальной субстанции, из которой сотворены все отдельные. Что же до абстрактных универсалий, такого явления нет; это — пустая, умозрительная блажь, ибо абстракции суть не что иное, как различные фантастические предположения. Теперь помысли, Евгений, что любое существо, — даже сам человек, — не имеет в себе ничего материального, кроме того что получено им от материальной, универсальной Природы. Помысли, опять же, что те существа могут быть сведены к своей физической, универсальной Первоматерии, и, следовательно, сия универсальная материя содержит в себе секреты и тайны всех отдельных существ; ибо то, что включает в себя сам предмет, включает и знания об этом предмете. В Первоматерии Божественная мудрость сосредоточена в общем, хаотическом, центре²⁸, но в отдельных существах, созданных из Первоматерии, она рассеяна и как бы растеклась по периферии. Итак, получается, что хаос — центр всех наук²⁹, и к нему они могут и должны быть сведены, ибо он есть разумная, природная *Великая Тайна*, и после Бога — второй Храм Мудрости³⁰. Потому ищи и изучай части сего хаоса при помощи правил и указаний, полученных [тобой], когда мы были в царстве минералов. Не сосредоточивайся на одной лишь практике, ибо это — не способ её улучшения. Обязательно добавь рассудок к своему опыту и вместе с разумом применяй и руки. Стремись познать все причины

²⁸ Я полагаю, это можно считать намёком на имманентность Христа-Духа во вселенной с начала её проявления, как в изначальном хаосе, — согласно терминологии Вогана, — так и впоследствии, во всех чинах и порядках, существующих в космосе.

²⁹ В качестве гипотезы и не только: это возможно только в случае имманентности Бога.

³⁰ О первом Храме ничего не говорится: возможно, это тот самый дворец или святилище в центре, описанное как обитель Господа и существовавшее до эволюции любых существ — место и не-место, Святилище, которое является Им.

и их следствия: не изучай одни только рецепты, подобно той братии, что кипятит и жарит, именуя себя химиками, но во все не являются философами.

Это всё, что я считаю нужным добавить к моим прежним указаниям; но вернуться меня заставило другое, что — ты сейчас узнаешь. Я думаю, тебе приходилось слышать о берилловом разделе магии³¹: постарайся понять меня, и я покажу тебе его основание. Ты знаешь, наверное, что звёзды не могут запечатлеть новое воздействие в совершенных, законченных телах; они лишь высвобождают и в какой-то мере пробуждают то воздействие, которые было запечатлено ранее. Нет сомнений, Евгений, что астроболизм³² не происходит без предварительной порчи и изменений в самом человеке, ибо Природа действует только в освободившихся, влажных, разложившихся элементах. Это расстройство происходит не от звёзд, но от несогласия элементов между собой. Когда они разъединяются, вызывая собственный распад, вмешивается небесный огонь, чтобы примирить их, и создаёт некую новую форму, поскольку старая не способна более существовать. Заметь, что истинное время для запечатления — то, когда принципы имеют сперматический

³¹ Обри в своем труде «Miscellanies» описывает берилл как «разновидность кристалла с красноватым оттенком». Он использовался в искусстве прорицания, а ритуал заклинания духов входит в число низших ритуалов обрядовой магии. [Джон Обри (1626–1697) — английский антиквар, философ и писатель. Его труд о герметической философии «Miscellanies» увидел свет в 1696 году. Берилл — старинное название драгоценных камней, минералов подкласса кольцевых силикатов. Разновидности берилла имеют различные цвета: голубой (аквамарин), густо-зелёный (изумруд), золотисто-жёлтый (гелиодор), розовый (воробьевит), синий (максис)].

³² Слово *astrobolismus* в поздней латыни было эквивалентом классического *sideratio*, означавшего в первую очередь увядание или гибель деревьев вследствие ветра или засухи. Другим значением было «эпилептический припадок», который трактовался как состояние оцепенения, временный паралич, вызванный влиянием планет.

и влажный характер; но, когда тело коагулировано и становится совершенным, пора очищения миновала. Древние маги в своих книгах говорят о диковинных астрологических светильниках, образах, кольцах и пластинах, которые, будучи использованы в определённые часы, производили невероятные, необычайные воздействия³³. Обычный же астролог берёт камень или кусок металла, покрывает его забавными символами и затем подвергает воздействию планет, не в *алкемуси* [*alkemusi*]³⁴, но так, как он сам воображает, — сам не понимая, как. По завершении оказывается, что всё без толку; но, даже терпя неудачу в своей практике, они мнят, будто достаточно понимают магические книги. Итак, Евгений, дабы ты знал, что делать, я научу тебя таким примером. Возьми спелое зерно пшеницы, жёсткое и сухое; поставь его на солнце в стакане или любом другом сосуде, и оно останется сухим зерном. Но, если ты закопаешь его в землю, чтобы азотистая, солоноватая влага сего элемента растворила его, то солнце будет оказывать на него своё действие, и он пустит росток и вырастет в новое тело. То же самое с обычным астрологом: он предлагает планетам совершенное, уплотнённое тело, думая таким путём создать магическую *гамаею*³⁵

³³ Можно предположить, что кольца и образы были не кольцами и образами, как в алхимии вода — не-вода, камень — не-камень и т.д. Это вывод, однако, не следует из «Трёх книг об оккультной философии» Агриппы. Обрядовая магия очень древняя и всегда использовала определённые приспособления.

³⁴ Я не нашёл этого слова ни у арабских, ни у сирийских алхимиков: видимо, это какая-то искажённая форма.

³⁵ Гаффарель [(1601–1681) — французский учёный и астролог] много пишет об этом предмете в своём сочинении «Неслыханные диковины», английский перевод которого, выполненный Эдмундом Чилмедом, вышел в том же году, что и «Теомагическая антропософия». *Гамахес* [*gamahes*] или *шамайю* [*chamaieu*] изначально представляли собой природные агаты или другие минералы необычной формы, удивительные очертания которых, как считалось, обладают уникальными свойствами. Впоследствии слово стали применять также для подобных диковин в растительном и животном царствах.

и сочетаться с низшим и высшим мирами. Тело должно быть сведено к сперме, дабы небесная, женская влага, которая воспринимает и удерживает воздействие звёздного [astral] деятеля, была бы свободно и непосредственно предоставлена мужскому огню Природы. Такова основа берилла; но тебе надобно помнить, что ничто не может быть очищено без совместного магнетизма трёх небес. Чем они являются, я уже говорила тебе ранее, и не стану утомлять тебя повторениями».

Сказав так, она сняла с груди два удивительных медальона — не металлические, но такие, каких я никогда не видел и не мог представить, что в Природе существуют столь чистые и прекрасные субстанции. По моему мнению, это были два магических камня, но она назвала их сапфирами солнца и луны. Эти диковины она посоветовала мне использовать, извинившись, что чувствует сонливость: иначе она бы рассказала мне про них. Я долго и с восхищением рассматривал их. Их вид был столь небесным, а назначение столь таинственным, что я не очень хорошо понимал, что с ними делать. Я повернулся, чтобы посмотреть, спит ли она, но её уже не было, и это нимало меня не встревожило. Я ожидал, что она вернётся, прежде чем день померкнет, но она не появилась. Наконец, сосредоточив взгляд на месте её отдыха, я заметил несколько кусочков золота, оставленных ею, а рядом — листок, свёрнутый в виде письма. Я взял всё это; уже близилась ночь, и на западе зажглась вечерняя звезда, когда я, в последний раз оглядев её подголовник из цветов, отправился в путь, повторяя такие стихи:

Прощай, зелёный берег дивный, и пусть тебя
Свет Солнца, лилии и розы украшают круглый год.
Хоть на тебе она спала, ей не было нужды

Сыпать злато; ведь послужить ей ложем — честь.
Твои цветы — её любимцы: и в этот дивный день
Они соперниками стали, играя с нею.
Блаженство рая их здесь ждало, глаза её
Их услаждали образом небес, неведомым дотолле.
Их бледность сочеталась с сияньем глубочайшим,
И на щеках смешавшись, они одним букетом стали.
А нежность её кожи не унизила их гордость
И шёлковым покровом не разделила два цветка,
Вобрали твою жизнь они и сотворили душу
Из её тепла, чтоб завершённость обрести.
Счастливый подголовник, хоть и лежишь в пыли,
Почти что до небес ты вознесён был ею.
Её дыханье источало пряный аромат, а каждое колечко
Её кудрей янтарных становилось ожерелием твоей весны.
Земля та не бедна, и пусть она сокровище скрывает,
Но амброй, золотом и специями обогащена трёхкратно.

Вот та магическая эмблема, которую Талия вручила мне в невидимой Гвиане³⁶. Первая, и высшая, её часть представляет Горы Луны. Философы обычно называют их Горами Индии, на вершине коих произрастает таинственная и прославленная лунария³⁷. Эту траву легко найти, но люди сле-

³⁶ См. фронтиспис. Хоть видимая, хоть невидимая, Гвиана не имеет никакой славы или репутации в алхимии, и её упоминание можно объяснить только капризом автора.

³⁷ Лунария, или лунник, растение преимущественно используется в траволечении, но перешло в символику алхимии довольно рано, ещё в латинский период. В трактате, приписываемом Марии, предполагаемой сестре Моисея, сказано, что Философский Меркурий — это два белых растения, произрастающих между невысоких холмов и представляющих собой два вида лунарии. Кроме того, Луна — это название, данное Меркурию. Но некоторые алхимики именуют лунарией Сульфур Природы.

пы; ибо она открывается и светится после наступления ночи, подобно жемчужине. Земля этих Гор такая красная и мягкая, что и описать невозможно. Она полна кристаллических пород, которые философы именуют своим стеклом и камнем. Они утверждают, что птицы и рыбы приносят им их. Об этих Горах говорит араб Хали³⁸, автор превосходнейший и рассудительный: «Отправляйся, сын мой, в Горы Индии, в их карьеры и пещеры, и привези оттуда наши драгоценные камни, которые растворяются или растапливаются в воде, оказавшись в ней». Воистину, немало можно было бы рассказать об этих Горах, если бы было позволительно разглашать их тайны; но я не удержусь и скажу тебе следующее. Места те весьма опасны после наступления ночи, ибо там блуждают огни и [происходят] прочие странные явления, вызванные — по утверждению магов — некими духами, которые похотливо разбрызгивают сперму мира и оставляют в ней свои умственные образы, творя зачастую фантастические и чудовищные порождения. Доступ и паломничество в сие место, а также все сопутствующие трудности, правдиво и неопровержимо описаны братьями Розы и Креста. Их язык весьма прост, и у большинства людей, возможно, вызовет презрение. Но изысканная речь и не была частью их намерений; их учёность выражается не в стиле, но в смысле; и сие я предлагаю вниманию читателя.

³⁸ Хали единожды упоминается у Парацельса.

II. Письмо братьев Розы и Креста о Невидимой Магической Горе и заключённом в ней Сокровище³⁹

Каждый человек в силу своей природы желает превосходства, владеть сокровищами в виде золота и серебра и казаться великим в глазах мира. Воистину, Господь сотворил всё сущее ради пользы человека, дабы он правил этим и признавал во всём неповторимую доброту и всемогущество Господа, изъявлял Ему признательность за Его дары, почитал Его и возносил хвалу. Но никто не ищет всего этого иначе, как проводя свои дни в праздности. Все хотят наслаждаться этими [благами], не испытав труда и опасностей; и они не ищут там, где их сокрыл Господь, Который ожидает, что человек будет искать их в том самом месте, и отдаст их ищущему. Но ни один не старается найти их там, и потому те богатства не обнаруживаются. Ибо путь к сему месту — как и само место — был неведом долгое время и сокрыт от большей части мира. Однако, хотя найти тот путь и то место непросто и утомительно, не следует оставлять поиски. Но Господь не желает скрывать что-либо от

³⁹ Это послание интересно сравнить с письмом на латыни, опубликованном в «Summum Bonum», трактате Иоахима Фритца, дополняющем труд Фладда «Sophiae cum Moria Certamen» и, как считается, принадлежащем самому Фладду. Перевод письма приведён в моей книге «The Real History of the Rosicrucians» [«Реальная история розенкрейцеров»]. Оно сильно уступает приводимому документу, но оба представляют интерес, поскольку считаются официальными посланиями Братства. В Англии — и в общественных, и в частных библиотеках — слишком мало литературы о розенкрейцерах, так что я не могу сказать, черпал ли Воган из опубликованных сочинений.

Своих; и посему в сей последний век — и до Страшного суда — все эти сокровища будут явлены достойным. Ибо Сам Он, — хоть и туманно, чтобы не открыть недостойным, — сказал некогда: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано»⁴⁰. Поэтому мы, подвигнутые духом Господним, возглашаем волю Божию, и уже выполнили её и опубликовали на нескольких языках⁴¹. Но большинство людей очерняют наш Манифест или пренебрегают им, или же — отвергая Дух Божий — ждут от нас предложений касаясь его, надеясь, что мы немедленно научим их делать золото посредством Искусства, или осыпем их богатствами, чтобы они жили в пышности пред ликом мира, чванились и затевали войны, стали ростовщиками, чревоугодниками и пьяницами, предавались распутству и осквернили свою жизнь многими иными грехами, что противно благословенной воле Господа. Эти люди могли бы понять из [притчи о] десяти девах, — из коих пять неразумных попросили масла для светильников у пятерых мудрых, — что дело обстоит совсем по-другому. Каждому человеку надлежит стремиться к сим сокровищам с помощью Бога и собственных стараний и трудолюбия. Но порочные намерения тех молодцев мы прозреваем из их же сочинений благодаря несравненной милости и откровению Господа. Мы закрываем уши и словно окутываемся облаками, дабы избежать лая и воя тех [людишек], тщетно выпрашивающих золота. Вот почему они очерняют нас бесконечной клеветой и злословием, чем, однако, мы не огорчаемся; но Господь

⁴⁰ Мф 10:26.

⁴¹ Имеется в виду сочинение «Fama Fraternitatis R.C.» [«Слава Братства Розы и Креста»], вышедшее почти одновременно на немецком, голландском и латинском языках.

в пору Своего торжества осудит их за это. Однако после того как мы — хоть и неведомо для тебя — узнали и увидели из твоих сочинений, как истово ты изучаешь Священное Писание и ищешь подлинного познания Бога, многие из нас сочли тебя достойным какого-то ответа; и волей Господа и побуждением Святого Духа мы сообщим тебе следующее⁴².

Посреди земли, или центра мира, расположена Гора, одновременно низкая и высокая. Она мягка, но также тверда и камениста сверх всякой меры. Она — в отдалении и поблизости, но невидима в силу Божьего промысла⁴³. В ней сокрыты неисчислимы сокровища, которые мир не в силах оценить. Сия Гора завистью дьявола, извечно противящегося Господней славе и людскому счастью, была окружена дикими зверями и хищными птицами, что делает путь к ней трудным и опасным⁴⁴. И посему доныне, пока не настал час, путь к ней было невозможно ни искать, ни обрести. Но теперь, наконец, этот путь могут найти те, кто достойны, — но только собственными усилиями и стараниями.

К этой Горе вы отправитесь, когда настанет длиннейшая и темнейшая ночь, обязательно подготовив себя молитвой.

⁴² В другом сообщении сказано: «Мы причастны к Отцу и Иисусу; и мы пишем тебе, дабы ты возрадовался, ибо Господь есть свет и в Нём нет ни малейшей тьмы».

⁴³ Подобно тому, как псевдо-Дионисий полагает, что можно приблизиться к представлению о Божественной Природе скорее путём отрицания, чем утверждения, но в итоге заявляет, что Бог — ничто из сущего и ничто из не-сущего, так и алхимики использовали отрицательные выражения, чтобы описать свой — символический — Камень и прочие герметические тайны. Вышеприведённое описание эквивалентно заявлению, что гора — не-гора. В этом случае оно, видимо, означает какую-то тайну или духовное достижение. В некоторых тайных школах используется понятие горы инициации.

⁴⁴ Подобно тому, как святилище нашей внутренней природы окружено силами зла внутри нас, затрудняющими путь к нему.

Держитесь пути, ведущего к Горе, но ни у кого не спрашивайте, где он лежит. Следуйте только за своим Проводником, который сам подойдёт к вам, встретив на пути. Но вы не будете знать его. Этот Проводник приведёт вас к Горе в полночь, когда всё [погружено] во тьму и молчание. Вам следует вооружиться непреклонной, героической храбростью, дабы не испугаться того, что произойдёт, и не отступить. Вам не понадобится ни меч, ни любое иное физическое оружие: лишь взывайте к Богу искренне и сердечно. Когда вы откроете Гору, вам явится первое чудо: сильнейший, порывистый ветер, сотрясающий Гору и разбивающий скалы на куски. Ещё вам встретятся львы, драконы и прочие ужасные твари, но не пугайтесь никого. Будьте решительны и старайтесь не возвращаться, ибо ваш Проводник⁴⁵, приведший вас сюда, не допустит, чтобы с вами случилось какое-нибудь зло. Что до сокровища, то оно ещё не открыто, но очень близко. После этого ветра начнётся землетрясение, которое разрушит всё, что пощадил ветер, и сравняет всё с землей. Но будьте тверды и не отступайте. За землетрясением последует огонь, который уничтожит земной сор и откроет сокровище. Но пока вам его не увидеть. После всего этого, незадолго перед рассветом, наступит великое спокойствие; вы увидите восход Утренней Звезды, и появится заря, и тогда вы узрите великое сокровище. Наиглавнейшее и наисовершеннейшее в нём некая Тинктура, при помощи коей мир — если он служил Богу и достоин таких даров — может быть окрашен и превращён в наичистейшее золото.

⁴⁵ Ср. «The Book of Lambspring», содержащую фигуры и эмблемы, иллюстрирующие получение Философского Камня. Проводник ведёт символического Сына Короля к высочайшей горе, чтобы тот воспринял всю мудрость и узрел небесный престол. Проводник и Сын олицетворяют Дух и Душу. [Т.н. «Книга Ламбспринга» входит в сборник «Musaeum Hermeticum».]

Сия Тинктура, будучи использована согласно указаниям вашего Проводника, сделает вас молодым, если вы стары, и ни один член вашего тела не будет подвержен болезни. Посредством сей Тинктуры вы найдёте жемчуг такого качества, что и вообразить невозможно. Но не приписывайте себе ничего за счёт нынешней способности, а довольствуйтесь тем, что ваш Проводник сообщит вам. Восхваляйте Господа неустанно за Его дар, и особенно старайтесь не использовать его ради мирской гордыни⁴⁶. Используйте его правильно и наслаждайтесь им так, будто не имеете его. Ведите умеренную жизнь и остерегайтесь всякого греха: в противном случае ваш Проводник покинет вас, и вы лишитесь сего счастья. Ибо знайте такую истину: кто злоупотребляет сей Тинктурой и не ведёт перед людьми примерной, чистой и благочестивой жизни, тот лишится сего блага, и едва ли останется какая-то надежда удостоиться его впоследствии.

Так они описали нам Гору Бога — таинственный, философский Хорив, который есть не что иное, как наивысшая и наичистейшая часть земли⁴⁷. Ибо высшая, тайная часть сего элемента — это священная земля, а Аристотель говорит своим перипатетикам, что «место более возвышенное — также более божественное». Это — питомник Вечной Природы, непосредственное вместилище и восприемник небес, где укоренены

⁴⁶ Одно из самых частых искушений для тех, кто достиг определённых успехов на пути Духа.

⁴⁷ Из предшествующего очевидно, что земля — это не-земля. Она — «девственная земля философов», метафизическая основа тел, их ядро или центр, неразложимый принцип всех соединений. Существует также фигуральная земля, *рудник* [minera] той материи, из которой извлекается Философский Меркурий. Наконец, гипотетический нелетучий Меркурий иногда называется землёй. Что касается розенкрейцеровской Божьей Горы, то она является землёй в том смысле, что мистический Хорив — это земля грядущего мира и Страна Живых [т.е. оправданных на Страшном суде].

все минералы и растения и которым поддерживается царство животных. Сей философский чёрный Сатурн умерщвляет и коагулирует невидимый Меркурий звёзд; и — наоборот — Меркурий умерщвляет и растворяет Сатурн; а из останков обоих центральное и периферическое солнца создают новое тело. Потому-то философы, описывающие свой Камень, сообщают, что камень этот — чёрный, невзрачный и дурно пахнущий, но именуется источником мира, и появляется подобно тому, что прорастает. Что же до послания Братства, то я переложил его на английский ради удобства обычного читателя. Мне известно, что некоторые доктора сочтут его бесполезным, но тем самым они лишь сознаются в своем невежестве. Смею заверить их, что нигде сей предмет не раскрывается столь ясно; что же касается первого, замысловатого, приготовления, то ни один прочий автор не упоминал о нём, но здесь оно описано полностью и к тому же весьма верно. Признаюсь, что их указания сокрыты маской, но очень простой и полупрозрачной.

Так сообщают нам те славные и христианнейшие философы, мужи, кои, без сомнения, немало претерпели из-за своего благоразумного молчания и уединения. Каждый софист пренебрегает ими, поскольку они не показываются миру, и приходит к выводу, что такого Общества и не существует, раз он не является его членом. Едва ли найдётся столь прямодушный читатель, чтобы подумать, по каким причинам они скрываются и не выходят на сцену, когда все глупцы вопят: «Входи». [В действительности] о них не заботится ни один — только о мирских целях, и, если бы само Искусство не сулило золота, я уверен, что немного последователей бы у него осталось. Сколько в мире тех, кто изучает Природу, чтобы познать Господа? Нет сомнений, что остальные изучают рецепт для своего кошелька, а не для души, и ни в каком

положительном смысле — для тела. А посему пусть коснеют в своем невежестве, в качестве лечения. Быть может, их несбывшиеся надежды переменят их; но, покуда они упорствуют в таком своенравии, им не помогут ни Господь, ни добрые люди.

Нижняя часть сей эмблемы представляет собой тёмный круг⁴⁸, который заполняют множество невообразимых химер и аристотелевский *трагелаф* — метафизический зверь схоластов⁴⁹. Это обозначает различные умственные прихоти и эфирные, блуждающие порождения человека. Ибо, прежде чем достичь истины, мы подвержены тысячам измышлений, выдумок и мнений, в них мы ошибочно впадаем и не раз во всеуслышание объявляем их истиной. Сия сфера помыслов есть подлинный, первичный питомник всех сект и распрей меж ними. Отсюда произошли отчаявшиеся скептики, распутные эпикурейцы, лицемерные стойки и безбожные перипатетики; отсюда же — их бесчисленные прения относительно Природы: является ли Первоматерия огнём, воздухом, землёй или водой, или же поджаркой воображаемых атомов, каждое из этих предположений ложно и похоже на басню. Если мы окинем взглядом религию и все её разногласия — откуда произошли нынешние ереси и расколы, как не из ошибочных представлений людей? Неоспоримо, что, доколе мы следуем собственным измышлениям и опираемся на безосновательные, переменчивые образы ума, мы вынуждены блуждать в потёмках наощупь, подобно слепцам. И наоборот, если мы проложим дорогу к своим мыслям и поверим их опытом,

⁴⁸ Воган продолжает описательное толкование эмблемы *Scholae Magicae* [Магической Школы]. См. фронтиспис.

⁴⁹ Трагелаф Плиния, мифическое сочетание козы и оленя. Далее следует прекрасный рассказ об универсальной среде — или астральном свете — всех умственных образов.

то окажемся на пути к непогрешимости, ибо овладеем правилом, данным Господом ради нашего руководства. Напрасно Он создавал Природу, если мы цепляемся за собственные представления, вместо того чтобы прилагать Его принципы. Счастливой неизбежностью была бы для наших мыслей невозможность отклониться от её [Природы] путей. Но одно несомненно: полагать, будто мы можем открыть истину одним лишь созерцанием без опыта⁵⁰, так же безумно, как если бы некто, прикрыв глаза от солнца, решил, будто может пройти прямым путём от Лондона до Каира, представляя себе верный путь без помощи света. Действительно, никто не вступает в сию Магическую Школу, не проблуждав в этом царстве химер, ибо до достижения опытных истин наши изыскания большей частью ошибочны. Тем не менее нам следует быть столь рассудительными и терпеливыми в своих поисках, чтобы не навязывать их миру в повелительной манере, пока мы не будем способны поверить их.

Я всегда одобрял те верные и глубокомысленные слова Василия Валентина: «А потому учись, мой спорщик, и ищи своими глазами и даже своими руками то первичное основание, которое Природа скрывает внутри себя: только так ты сумеешь рассуждать здраво и строить на непоколебимой скале. Иначе ты останешься пустым и никчёмным выдумщиком, чьи доводы, ввиду отсутствия опыта, возведены на одном песке. С другой стороны, пусть тот, кто вздумает учить меня

⁵⁰ Это столь же верно для явлений духовного плана, как и для явлений внешних и физических. Поэтому общие советы о созерцании, а в особенности те современные «импортированные» практики, что стали так нам привычны, ведут в никуда. Вместе с тем существует созерцание св. Фомы Аквинского, которое, по его словам, есть любовь, то «непрерывное созерцание отсутствующей красоты», упоминаемое св. Мартином и продолжающееся до того дня, пока она не придёт, чтобы уже не покидать нас.

чему-то с помощью риторических фигур и [подобных] безделиц, знает, что я никоим образом не удовольствуюсь пустыми словами, ибо необходимо иметь доказательства, почерпнутые из опыта». И в другом месте: «Я ни во что не ставлю пусто-мелю, который рассуждает не из собственного опыта, ибо его слова столь же обоснованны, как суждение слепого о красках». Бесспорно, это — дыхание истинного философа: такого, который изучал не имена, а природу явлений. Я противопоставлю это схоластам, словно [пушечную] батарею: если им захочется блеснуть своими силлогизмами, я буду ждать, что они подтвердят свой гомон собственным опытом.

Внутри этого воображаемого круга стоит Светильник, символизирующий Свет Природы. Это — тайная свеча Бога, которую Он установил в элементах: она горит, но невидима, поскольку светит посреди тьмы. Любое природное тело представляет собой разновидность чёрного фонаря: оно содержит сию Свечу внутри, но свет не проходит, удерживаемый грубой материей. Действие сего Света очевидно во всём; но сам свет отрицается или же не достаивается внимания. В большом мире солнце дарит жизнь и служит [как бы] свечой; сообразно отсутствию или присутствию этого огня всё в мире расцветает или увядает. На примере нашего тела нам известно, что, покуда длится жизнь, происходит постоянное подогревание, некое кипение и бурление внутри нас. Вот почему мы потеем и лишаемся волос на порах и, если мы приложим руки к коже, то сможем ощутить собственное тепло, которое неизбежно исходит от заключённого внутри огня или света. Все растения разрастаются и увеличиваются, и приносят свои цветы и плоды, что было бы невозможно, если бы некий жар не волновал и не изменял материю. Мы видим, кроме того, что в растениях сей свет иногда становится видим для глаз, как это происходит с гнилыми деревьями, в которых после

наступления ночи начинает светиться звёздный огонь⁵¹. Что касается минералов, то их первоматерия коагулирована этим огненным духом и изменила одни свойства на другие, к чему можно добавить такую истину относительно [внешнего] проявления: если искусственным образом вызвать распад минеральных принципов, дабы их огонь и дух обрели свободу, то даже металлы можно сделать растениями. Этот огонь или свет нигде не отыскать в таком избытке и чистоте, как в том, что арабы именуют *халикали*, от *хали* (сумма) и *калон* (благо); но латинские авторы неверно пишут *сал алкали*. Сия субстанция есть всеобщее вместилище духов. Она благословлена и насыщена светом вышним, а потому именовалась магами «Запечатанным Домом, полным света и божественности»⁵².

Но продолжим изложение нашей эмблемы: неподалёку от нашего Светильника ты можешь заметить Ангела, или Духа места. В одной руке он держит меч, чтобы отгонять вздорных и недостойных; в другой — клубок путеводной нити, чтобы ввести смиренных и негневливых. Под алтарём лежит Зелёный Дракон, или Меркурий магов, свернувшийся вокруг сокровищ из золота и жемчуга. Это — не сон и не фантазия, а познанная, наглядная, практическая истина. Там находится сокровище, бесконечно ценное и подлинное.

⁵¹ Любопытная игра ума: описывать фосфоресцирующее свечение разлагающейся растительной материи как Тайную Свечу Бога и жаловаться, что её свет не удостоивается внимания. По моему мнению, Свет Природы в средней части эмблемы Магической Школы имеет другое, более возвышенное значение.

⁵² Очевидно, что это неверно для *сал алкали*, но не следует полагать, будто, используя это название, алхимики подразумевали то же, что и обычная химия, а не скрывали истинный предмет более полно, чем Воган или его источники под обозначением *халикали*. Словари герметизма дают следующие определения для *сал алкали*: 1. Магистерий Мудрых, понимаемый как основа всех тел; 2. Масло Философов; 3. Соль Мудрости. Пернети предостерегает читателей от изготовления обычной соды, а Василий Валентин — от изготовления растительной соды, которая является мёртвой солью.

Но признаемся, что оно заговорено, при́том искусством и магией самого Всемогу́щего. Его невозможно ни увидеть, ни ощутить, хотя его хранилище находится у нас под ногами каждый день. На сокровище этом сидит крошечное дитя, держащее такую надпись: «Кроме сих малых». Отсюда можно понять, какими свойствами должны обладать те, кто желает быть допущенным в сие место. Им надлежит быть невинными и весьма смиренными — а не дерзкими, горделивыми пустомелями или алчными, скупыми крохоборами. Им надлежит быть покладистыми, а не сварливыми; им надлежит любить истину и, — говоря по-простому, — произносить истину, подобно детям и блаженным. Словом, им надлежит быть «как дети»⁵³, по словам нашего Спасителя.

Это всё о магической эмблеме, которую Талия передала мне в том царстве минералов. Не в моей власти поведать о ней ещё что-то, ибо я не должен преступать дозволенного. Теперь я перейду к изложению некоторых иных тайн, узнанных мною от неё, таких, какие обычно остаются без внимания. Основа их всех — видимая, осязаемая квинтэссенция⁵⁴, или первое сотворённое единство, от коего произошли физические тетракты⁵⁵. Я расскажу о них, руководствуясь не какими-то принятыми, искусственными умозаключениями и методом, но их собственным, естественным и гармоничным порядком и, прежде всего, — о Первоматерии.

⁵³ [Мф 18:3.]

⁵⁴ Здесь Воган использует термин алхимиков, раскритикованный им ранее. Кроме того, его «первое сотворённое единство» не может являться квинтэссенцией, если понимать слова в прямом смысле. [Квинтэссенция (от лат. *quinta essentia* — пятая сущность) — в античной и средневековой алхимии — пятый элемент, пятая стихия, эфир, великая творческая сила, которой Бог наделил материальный мир. Странно, что Уэйт придаёт слову «пятая» смысл очерёдности.]

⁵⁵ Физический тетракт — четыре элемента, которые для Вогана и его предшественников означали совершенно разные вещи.

III. Первоматерия

Когда я всерьёз задумываюсь над системой или строем этого мира, я обнаруживаю, что он представляет собой некую последовательность, связь или цепь, протянувшуюся от не обусловленного к необусловленному [from unconditioned to unconditioned]⁵⁶, от того, что ниже всякого представления, к тому, что превосходит всякое представление. То, что ниже всякой меры восприятия, есть некая ужасная, невыразимая тьма. Маги называют её активной тьмою, а её эффект в Природе — холод и т.п. Ибо тьма является обликом холода, — [имея] свойства, содержимое и форму холода, — так же, как свет есть лик, принцип и источник тепла. Превыше всякого восприятия находится некий бесконечный, недостижимый огонь или свет. Дионисий называет его Божественным сумраком, поскольку он невидим и непостижим. Евреи величают его *Эйн* — но в соотносительном смысле или, по выражению схоластов, «относительно нас». Попросту говоря, это — разоблачённое Божество безо всяких одеяний. Срединная субстанция или цепь между этими двумя есть то, что мы обычно именуем Природой. Это — *лестница* великих халдеев, протянувшаяся от подприродного сумрака к сверхприродному огню. Эти срединные природы вышли из некой воды, которая была спермой или Первоматерией большого мира. А теперь приступим к её описанию: да поймет тот, кто способен понять.

Попросту говоря, это — «разжиженная и текущая вода», или, скорее, она несколько расплавлена, т.е. представляет собой

⁵⁶ *A non gradu ad non gradum*. Другого перевода предложить не могу. Его можно назвать алхимическим — перевод и не-перевод.

раствор земли, некую пластичную землю, чрезвычайно мягкую, влажную, растворимую, текучую землю, [словно] из воска, способную принимать любую форму и воздействие. Это — сын земли, смешанный с водой, или — говоря так, как требует природа вещей, — смешанная, сочетающаяся браком земля. Учёный алхимик определяет её как божественное и живое серебро, союз духа в материи. Это — божественная, оживлённая масса, свойствами схожая с серебром, союз мужского и женского начал, квинтэссенция четвёрки, триада двойки и тетракт единицы⁵⁷. Таковы её порождения, физические и метафизические. А она сама — это мир без формы, не сила как таковая и не безупречное действие, но слабая девственная субстанция, некая мягкая, плодородная Венера, сама любовь и само семя, смесь и влага небес и земли. Сия влага есть мать всего сущего в мире; а мужской, сульфурный пламень земли — отец. Евреи, без сомнения, были мудрейшим народом, — рассуждая о создании металлов, сообщают, что оно происходит следующим образом. По их словам, Меркурий, или минеральный раствор, холоден и пассивен, и находится в некоторых подземных полостях⁵⁸. Но когда Солнце восходит на востоке, его лучи и жар, касаясь этой полусферы, пробуждают и усиливают внутренний жар земли. Так, зимой мы наблюдаем, что внешний жар Солнца вызывает

⁵⁷ Ср. приложение к «Двенадцати ключам» Василия Валентина: «Камень составлен из единицы, двойки, тройки, четвёрки и пятёрки, являющихся: (5) квинтэссенцией его подлинной субстанции; (4) четырьмя элементами; (3) тремя принципами всего сущего; (2) двойной меркуриальной субстанцией и (1) тем первичным существованием, порождённым изначальным «Да будет!».

⁵⁸ Согласно *Эш Мецареф*, единственному чисто еврейскому каббалистическому трактату по алхимии, известному мне, Меркурий — основание всей природы и искусства металлов. Однако для делания необходим строго определённый Меркурий, называемый Источником Живой Воды. В сохранившихся фрагментах этого трактата нет ничего похожего на утверждения Вогана, и я не могу определить, откуда он почерпнул сказанное.

внутреннее, естественное тепло наших тел и питает кровь, когда она готова охладиться и застыть. Далее, центральный жар земли, пробуждённый и поддерживаемый периферийным жаром Солнца, воздействует на Меркурий и возгоняет его в виде тонкого пара к верхней части полости. Но к ночи, когда Солнце садится на западе, жар земли вследствие ухода сего великого светила слабеет, а холод начинает преобладать, так что пары Меркурия, сублимированные ранее, теперь конденсируются и стекают каплями на дно своей полости. Но когда ночь уходит, Солнце снова появляется на востоке и превращает влагу в пар, как и ранее. Такие сублимация и конденсация продолжают-ся до тех пор, пока Меркурий не примет тонкие, сульфурные частицы земли и не сочетается с ними, в результате чего Меркурий коагулируется Сульфуром и, наконец, сгущается так, что более не возгоняется, а лежит неподвижно тяжёлым комком и после нагревания становится совершенным металлом.

Обратите внимание, что наш Меркурий не может быть коагулирован без нашего Сульфура, ибо «Дракон не умирает без своего спутника». Вода вызывает распад и путрефакцию земли, а земля — уплотнение и путрефакцию воды. Потому вам надлежит взять два принципа, чтобы произвести третьего деятеля, в соответствии с тем малопонятным указанием араба Хали. «Возьми хорасанского [Corascene] кобеля и армянскую суку. Спарь их, и они принесут тебе щенка небесного света»⁵⁹. Этот щенок — тот царственный, восхитительный и прославленный Меркурий, который известен под именем Меркурия Философов. Я же советую тебе взять два живых Меркурия; поместить их в очищенный, минеральный Сатурн, омыть их и насытить водой с растительной солью; и ты узришь

⁵⁹ Армянская сука иногда символизирует Сульфур, или мужское семя Камня. — Пернети.

подтверждение тех слов адепта: «Мать породит цветок в бутоне, который она вскормит своей молочной грудью и, с помощью отца, сама, в конце концов, превратится в пищу для него». Но сей процесс или рецепт не являются частью моего замысла, и посему я вернусь к Первоматерии: что ж, скажу я, это вовсе не разновидность воды. Читатель, если желанием твоим будет обрести истину, то положишься на мои слова, ибо я говорю правду, и я — не лгун. Матерь, или Первоматерия металлов — некая водянистая субстанция, не совсем вода и не совсем земля, но третья, состоящее из обоих и не совпадающее по свойствам ни с одним из них. С этим соглашается учёный Валентин в своём удачном и верном описании сей спермы. Вот его слова: «Первоматерия есть водянистая субстанция, находимая сухой или такой, что не увлажняет рук, и не похожая ни на какую другую материю». Другой выдающийся и многоопытный философ определяет её следующим образом. «Это — землистая вода и водянистая земля, перемешанная с землёй в чреве земли; и к ним примешивается дух и воздействия неба». Нет нужды отрицать, что некоторые авторы наделяли сию субстанцию именами всех обыкновенных видов воды, но не с целью обмануть простодушных, а сокрыть её [состав] от шумливой, злонравной толпы. В то же время некоторые открыто и правдиво сообщали нам, что это — не обычная вода, и в особенности почтенная «Turba [Philosophorum]». «Невежды, — говорит Агадмон, — услышав слово «вода», думают, что речь идёт о воде из облаков; но, если бы они поняли наши книги, то знали бы, что речь идёт о вечной или сгущённой [fixed] воде, которая без своего спутника — с ним она была объединена — не может быть вечной». Благородный и сведущий Сендивогий сообщает нам то же самое: «Наша вода — небесная вода, не увлажняющая рук, не вода обычных людей, но почти дождевая». Потому необходимо учитывать различные сходства

и соответствия между явлениями, иначе нам никогда не понять философов.

То, что вода эта не увлажняет рук, — достаточное описание, чтобы мы убедились, что речь не может идти об обычной воде. Это — напоминающий металл, горький, солоноватый раствор, обладающий истинно минеральными свойствами. По словам Раймунда Луллия: «Она [вода] схожа с солнцем и луной, и в виде такой воды мы наблюдали её, но не в виде родниковой или дождевой воды». В другом месте он описывает её более полно. «Это — сухая вода, не вода облаков, или флегматическая вода, но холерическая, горячее, чем огонь». Помимо того, она зеленовата на вид, и Луллий утверждает то же самое: «Видом она схожа с зелёной ящерицей». Но основной её цвет — неопишуемая лазурь, подобная небесной тверди в ясный день. Воистину, она выглядит словно живот змеи, особенно близ шеи, который имел тёмно-синий оттенок; вот почему философы называли её своим змеем и своим драконом. Преобладающий элемент в ней — некая огненная, утончённая земля — именно он служил лучшим из философов для названия целого. Парацельс упоминает его прямо только однажды, именуя *viscum terrae*, т.е. илистая или вязкая часть земли. Раймунд Луллий описывает её сложение или строение так: «Субстанция нашего Камня жирная и вязкая, и насыщена огнём», в связи с чем он называет её в другом месте «не водой, но землёй». Вот его слова: «Возьми нашу землю, насыщенную или оплодотворённую солнцем; ибо это — наш почтенный Камень, который можно найти в опустевших домах, и в нём заключена великая тайна и зачатое сокровище». И снова, в другом месте, он указывает: «Сын мой, Первоматерия представляет собой тонкую, сульфурную землю, и сия благородная земля зовется меркуриальной субстанцией [subject]». Знайте же и не сомневайтесь, что сия вязкая, влажная сперма или земля должна быть

растворена в воде, и это — Вода Философов, а не какая-то обычная. Такова великая тайна Искусства, и Луллий открывает её с большой искренностью и великодушием. «Наш Меркурий — это не обычная ртуть. Наш Меркурий — это вода, которую не сыскать на земле, ибо она создана или явлена не обычным ходом Природы, но искусством и руками самого человека»⁶⁰. А потому не ищите в Природе того, что выходит за пределы её обычного порядка. Необходимо помочь ей, чтобы она превзошла свой обычный ход, иначе всё бессмысленно. Словом, вам нужно создать сию воду, прежде чем вы сумеете её обнаружить. А до тех пор пусть философы величают свой предмет или хаос водой, ибо для него нет подходящего именованья — если только не называть его спермой, являющейся водянистой субстанцией, но, разумеется, не водой. Удовольствуйтесь тем, что вы не обмануты, ибо вам говорят, чем она является, а чем — нет, и больше ничего нельзя сделать. Если я спрошу вас, как вы называете сперму цыплёнка, вы ответите мне, что это — белая часть яйца, и это верно как для скорлупы, так и для спермы, которая внутри него. Но если вы назовёте его землёй или водой, то будете и сами знать, что неверно ни то, ни другое; тем не менее вам не найти третьего именованья. Судите же так, как хотите, чтобы судили вас, ибо это — основной вопрос философов. Воистину, нужно быть очень неразумным, чтобы ожидать от людей речи, которой Господь их не наделил⁶¹.

⁶⁰ Весьма важное утверждение; но каким образом то, что не обнаружимо на земле и не создано Природой, может служить материалом для человека?

⁶¹ Этот довод вызывает недоумение. Воган не мог описать яйцо точно, поскольку не был знаком с его истинными компонентами. Эта неспособность объясняется недостатком знания, которое приобретается, а не невозможностью облечь предмет в слова. Так же и в метафизических предметах: ясный мыслитель никогда не теряет дара речи, в отличие от того, чьи мысли спутались. Невозможно передать только переживание опыта, если собеседник не имел похожего опыта.

Теперь, чтобы мы могли подтвердить нашу теорию и рассуждения касаясь спермы не только опытом, но и разумом, необходимо рассмотреть качества и темперамент спермы. Итак, она — илистая, скользкая, смешанная влага. Но если рассмотреть любую совершенную вещь, то она представляет собой твёрдое, плотное, оформленное тело; откуда следует, что она должна состоять из субстанции, которая не тверда, не плотна, и не оформлена, а мягка, подвижна и изменчива. Нет сомнения, что именно такой она и должна быть, в противном случае окажется, что сперма имеет те же свойства, что и само тело; и тогда с неизбежностью следует, что творение — не изменение. Опять же, всему миру очевидно, что ничто не пассивно так, как влага. Малейший жар превращает воду в пар, и малейший холод превращает тот пар в воду. Теперь поразмыслим, какая мера тепла действует во всех творениях, ибо, исходя из деятеля, можно заключить о природе объекта действия. Как известно, солнце столь отдалено от нас, что его жар — как подсказывает нам повседневный опыт — весьма слаб и едва ощутим. Итак, я хотел бы знать, какой иной предмет во всей Природе, кроме влаги, может быть изменён столь слабым жаром? Разумеется, ни один; ибо все твёрдые тела — такие, как соли, камни и металлы, — сохраняют и удерживают свои свойства в сильнейшем и яростном пламени. Как же можно ожидать, будто они изменятся из-за мягкого, почти неощутимого тепла? Очевидно, из пропорции и силы деятеля можно сделать безошибочное заключение, что объектом действия неизбежно является влага. Ибо та степень жара, которую Природа прилагает к своим творениям, столь несущественна и мала, что ею невозможно изменить что-либо, кроме того, что сыро и влажно. Сия истина проявляется в животном царстве, где, как нам достоверно известно, сперма влажна. Действительно, у растений семена сухие, но

Природа не создаст из них ничего, пока они не будут вымочены или увлажнены водой. И здесь, мой перипатетик, тебе нечего делать, а вместе с тобой — твоей чистой возможности, тому ревнивому хаосу Никомахова сына [т.е. Аристотеля].

Я же посоветую своим химикам отказаться от любой обычной влаги, ибо она никогда не превратится ни во что, кроме пара. Потому позаботься о том, чтобы твоя влага была как следует перемешана с землёй, иначе тебе будет нечего растворять и нечего коагулировать. Вспомни практику и магию Всемогущего Господа при Творении, открытую тебе Моисеем: «В начале сотворил Бог небо и землю», говорит он. Но в оригинале — если его перевести верно и разумно — сказано: «В начале Бог смешал или разбавил плотное тонким»⁶². Ибо небо и земля в сем тексте — как мы указывали в нашем сочинении «Anima Magica Abscondita» — означают Девственный Меркурий и Девственный Сульфур. Это я докажу из самого текста [Библии], а именно — на основе народного, общепринятого перевода, который звучит так: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»⁶³. В первой части сего отрывка Моисей упоминает два сотворённых принципа — несовершенный мир, как мы докажем далее, — и пользуется для этого двумя общими словами: «небо» и «земля». Во второй части он описывает каждый из этих принципов более точно, начиная с земли: «Земля же была безвидна и пуста». Отсюда я заключаю, что земля, о коей он говорит, была лишь начатком или

⁶² Такая поправка нелепа, даже если бы она была допустима, но она не допустима. Сами по себе слова «небо и земля» — *coelum et terra* — означают тонкость и плотность, так что нам ничего не даёт вариант «В начале Бог смешал тонкое с плотным».

⁶³ [Быт 1:1–2.]

принципом той земли, которую я ныне созерцаю; ибо сия, нынешняя, земля не является ни пустой, ни безвидной. Потому я прихожу к выводу, что Моисеева земля была Девственным Сульфуром, то есть земля без формы, ибо не имеет определённых очертаний. Это — мягкая, непостоянная, несоставная субстанция пористой, полой *структуры*, подобная губке или углю. Словом, я видел её, но описать её невозможно⁶⁴. После чего он [Моисей] приступает к описанию неба или второго принципа в таких выражениях: «...и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Здесь он именуется бездною и водой то, что прежде называл небом⁶⁵. На самом деле это была небесная влага или вода хаоса, из коей впоследствии было сотворено отдельное небо, или обитель звёзд. Это явствует из оригинала, ибо [на древнееврейском] Хамаим и Хашамаим содержат одно и то же слово — *Вода* и *Там вода* — означают одну и ту же субстанцию, а именно — воду. Итак, если перевести тот отрывок согласно изначальной, природной истине и его несомненному смыслу, получается: «В начале», или в соответствии с иерусалимским Таргумом, *в мудрости*, «сотворил Бог воду и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Как вы можете видеть, Господь сотворил два принципа: землю и воду, а из этих двух он образовал третий, а именно — сперму,

⁶⁴ Подчеркнём, что Воган, вероятно, в ходе одного из своих химических экспериментов, по собственному утверждению, видел то, что счёл Моисеевой землёй, или одним из трёх принципов. Тот факт, что он не мог описать его, свидетельствует, что он не знал его состава и потому не мог быть уверен в истинности своего утверждения. Я уверен в его абсолютной искренности, но он попросту ошибался, как и многие другие до него.

⁶⁵ Ничего подобного не следует из первых слов «Бытия», согласно которым изначальное творение состояло из: 1) неба; 2) земли; 3) воды. Отождествление неба и воды у Вогана возникает из-за того, что в первом предложении «Бытия» говорится о сотворении двух явлений, тогда как во втором предложении появляется третье.

или хаос⁶⁶. Над водой — или жидкой частью сей спермы — носился Дух Божий; и, как сказано в Писании, была «тьма над бездною». Это — величайшая из тайн, и её не дозволено разглашать открыто и сообразно с природой вещей; но её можно найти в магических трактатах, и я сам наблюдал её⁶⁷.

В завершение: помните, что наш предмет — не обычная вода, но густая, илистая, жирная земля. Сию землю необходимо растворить в воде, а ту воду вновь коагулировать и получить землю. Это совершается при помощи определённого природного деятеля, именуемого философами их Сокровенным Огнём. Ибо, если вы работаете с обыкновенным огнём, то он иссушит вашу сперму и превратит её в бесполезный красный пепел цвета дикого мака. Таким образом, их Огонь — Ключ к Искусству, ибо он — природный деятель, но не оказывает своего естественного действия без солнца. Признаюсь, это непростая тайна; но мы растолкуем её, если только вы не окажетесь слишком недалёкими и твердолобыми. Ибо для этого потребен ум ясный и быстрый, а потому, читатели, снимите нагар со свечи.

IV. Философский огонь

Огонь, невзирая на различия его [видов] в сей подлунной печи элементов, в действительности един и происходит от одного истока. Его воздействия различны в зависимости

⁶⁶ Это не следует из текста [Библии]. Хаос был изначальным состоянием земли, а не отдельно сотворённым явлением. В Библии сказано лишь, что «земля была безвидна и пуста».

⁶⁷ Итак, Воган видел и первозданную воду, и первозданную землю. К счастью, он не добавил, что видел и хаос как нечто отличное от этих двух. Что касается третьего принципа, который является тем, что фигурально именуется Солью, то он не претендует на подобную осведомлённость.

от расстояния и природы того, в чём он пребывает, ибо это делает его животворящим или разрушительным. Он спит в большинстве предметов — например, в камнях, где он безмолвен и невидим. Он — нечто *потаённое*, [ибо] таится поблизости, словно паук в своих тенетах, готовый наброситься на всё, что попадётся в его сети. Его никогда не увидеть без жертвы в лапах. Где он обнаруживает что-то горячее, там и открывает себя; но, если быть точным, [при этом] он не создаётся, а проявляется. Некоторые полагают, будто он ничего не порождает, но всё пожирает, и потому его именуют «огнём, как бы непорождающим»⁶⁸. Это — словоблудие, ибо ничто в мире не создается без огня. Сколь тонким философом был Аристотель, заявивший, будто сей деятель не порождает ничего, кроме мотылька, которого он обнаружил в своей свече, но не встречал нигде более. Воистину, слишком сильный жар сжигает и уничтожает; и, если мы обратимся к другим началам, то [увидим, что] избыток воды утопляет, а избыток земли хоронит и удушает семя, из-за чего оно не может прорасти. Разумеется, в таких условиях ничто в мире не может породить. Каким же простофилей был тот, кто со всей своей логикой не сумел отличить избыток от меры, разрушительную степень жара от жизнедающей, и заключил, будто огонь ничего не порождает, поскольку что-то уничтожает. Но пусть мул — ибо так назвал его Платон — идёт своей дорогой, мы же отправимся к нашему Сокровенному Огню. Сей Огонь находится у корня и вокруг корня — я имею в виду вокруг центра — всего сущего, как видимого, так и невидимого. Он — в воде, земле и воздухе; он — в минералах, травах и зверях; он — в людях, звёздах и ангелах. Но прежде всего он — в самом Господе, ибо Господь есть

⁶⁸ *Ignis quasi ingignens*. Слово *ingignens* употреблено как антоним к *gignens* — «порождающий».

источник жара и огня, и от Него огонь нисходит к остальным творениям в виде некоего потока или солнечного света. Что ж, маги дали нам всего два образа, через которые мы можем постичь их огонь. По их словам, он влажен и невидим. Потому они величали его «лошадиным брюхом» и «лошадиным навозом»⁶⁹ — влажным жаром, но не огнём, который видим. Давайте же сравним Вулкана с философской Вестой, чтобы увидеть, в чём их отличие. Прежде всего, философский Огонь влажен, и таков же огонь очага. Мы можем видеть, что языки пламени сжимаются и вытягиваются: они то короче, то длиннее, что невозможно без влаги, поддерживающей течение и непрерывность их частей. Мне известно, что Аристотель считал огонь просто сухим — возможно, потому, что таково его действие. Он совершенно не учёл того, что в любом характере, помимо преобладающих, существуют и другие качества. Можно не сомневаться, что это сухое вещество — тот самый элемент, в котором он и обнаружил своего мотылька. Но если бы наш природный огонь был только сух, его пламя не могло бы растекаться и распространяться так, как это имеет место; скорее, оно бы обратилось в пыль или пепел, подобно его топливу.

Но возвращаюсь к моим рассуждениям: я утверждаю, что обычный огонь чрезвычайно горяч, но в гораздо меньшей мере влажен и потому разрушителен, ибо отнимает влагу прочих вещей. Напротив, теплота и влажность магического деятеля равны; одно смягчает и другое насыщает. Это — влажный, тепловатый огонь, или, по привычному нам выражению, тёплый как кровь. Это — их первое и наибольшее различие

⁶⁹ «Venter equi» и «Fimus equinus» — известные символы умеренного жара, раскрывавшего потенции алхимических субстанций. Они означают течение жизни и её питание, в то время как огонь разрушающий приводит к смерти. Аналогиями в духовном мире служат пожирающие страсти, с одной стороны, и пламенное общение души с Богом — с другой.

относительно нужного нам действия; теперь рассмотрим второе. Огонь в печи — как известно всем нам — видим, но огонь философов невидим, и потому не является печным огнём. Альмадир⁷⁰ прямо говорит об этом в таких словах: «Наш труд невозможно исполнить ничем, кроме невидимых лучей нашего огня». И далее: «Наш огонь — разъедающий, и он производит облако вокруг стакана или сосуда, и в этом облаке сокрыты лучи нашего огня». Вкратце: философы называют сего деятеля своей баней, поскольку он влажен, как баня; но в действительности он — не разновидность бани: ни морской, ни из росы, а наитончайший и чисто природный огонь, но возбуждается он искусственно. Сие возбуждение, или приготовление, — как я указывал в своём труде «Coelum Terrae» — весьма обыденно, легко и забавно. Тем не менее в нём содержатся все тайны порчи и созидания. Наконец, я считаю нужным сообщить тебе, что многие авторы неверно описывали сей огонь и делали это намеренно, с целью прельстить читателей. Я же никогда не преувеличивал и не умалял. Здесь я изложил тайну в её полноте, с чем согласны все мудрецы Востока — Альфид, Альмадир, Белен, Гиберим, Хали, Сальманазар и Задич и три знаменитых иудея — Авраам, Артефий и Калид⁷¹. Если ты до

⁷⁰ Воган имел доступ к некоторым чрезвычайно редким текстам. Я ничего не могу сказать об этом Альмадире. Его нет в византийских, арабских или сирийских антологиях; он также не включён в число Мастеров Мудрости в «Turba...» и не упомянут в эпигонских сочинениях. И ни одного слова о нём — в библиографии дю Френуа.

⁷¹ Я не в состоянии идентифицировать Альфида или Белена (Belen), но последнего не следует путать с Альбертом Беленом (Belin), которому приписывается французский роман герметического содержания под названием «Avantures du philosophe inconnu» [«Приключения неизвестного философа»], опубликованный в 1646 году. Гиберим — это, разумеется, Гебер; Сальманазар (или Сальманар) — араб, написавший четыре трактата; Задич (или Задит) — автор труда «Aurelia Occulta». С остальными мы уже познакомились ранее.

сих пор не разгадал её, то мои старания пропали даром, ибо я больше ничего не могу добавить относительно неё: я могу лишь научить тебя, как её применять.

Возьми двух наших змеев⁷², которых можно найти повсюду на теле земли. Они должны быть мужского и женского пола. Свяжи их в форме банта и запри в арабской *караха*⁷³. Это — твоё первое задание, но следующее будет труднее. Тебе надлежит поднять против них огонь Природы, и непременно расположи свои линии вокруг них. Возьми их в кольцо и перекрой все пути, чтобы они не могли передохнуть. Терпеливо продолжай эту осаду, и они превратятся в безобразную, убогую, ядовитую жабу, которая станет ужасающим, прожорливым Драконом, ползающим и копошащимся без крыльев по дну своей пещеры. Не касайся его ни в коем случае, даже рукой, ибо на земле нет столь сильного, проникающего яда. Продолжай как начал, и сей Дракон превратится в Лебедя белее девственного снега, когда он ещё парит в воздухе и не осквернён землей. Теперь я позволю тебе усилить огонь, пока не появится Феникс. Это — птица насыщенного красного цвета, на вид огненная и сверкающая. Вскармливай сию птицу огнём её отца и эфиром её матери, ибо первое — мясо, а второе — питьё, и без второго ей не достичь своего настоящего великолепия. Постарайся понять сей секрет, ибо огонь насыщает недостаточно, если прежде не насытит его. Сам по себе он сухой и холерический, но соответствующее [количество] влаги смягчает его, наделяет небесными свойствами и приводит к желаемому возвышению. Потому корми свою птицу, как я описал тебе, и она зашевелится в своём гнезде и поднимется,

⁷² Ср. с двумя змеями на кадуцее.

⁷³ Я не нашёл этого слова ни в справочниках, ни у арабских алхимиков.

словно звезда небосвода. Прodelав это, ты поместишь Природу «в горизонт вечности». Ты исполнишь то указание каббалиста: «Соедини конец с началом, как пламя с углем; ибо Бог — абсолютно един, и Он не имеет второго». Посему помысли, что ты ищешь: ты ищешь нерасторжимогo, чудодейственного, преобразующего, объединяющего союза; но такая связь не может существовать без Первоначального Единства. Как сказано: «Создавать и трансмутировать сущность природным путём, или безо всякого насилия, — вот единственное настоящее назначение первичной Силы, первичной Мудрости и первичной Любви». Без этой любви элементы никогда не сочетаются браком; они никогда не соединятся внутренне или по сути, что есть венец и совершенство магии. А потому стремись понять это, и, когда ты исполнишь вышеописанное, я признаю твой успех в испытании *Меккубалим*⁷⁴: «Ты постиг мудрость, и ты был мудр в постижении; ты утвердил сей предмет на его чистых элементах, и ты возвёл Творца на Его престол».

В завершение сего раздела скажу, что в объекте воздействия невозможно созидать без жизненного, созидающего деятеля. Таким деятелем является Философский огонь, некий влажный, небесный, невидимый жар. Но послушаем, как описывает его Раймунд Луллий: «Когда мы говорим, что Камень создается огнём, то люди не видят и не верят, что существует какой-то иной огонь, а не обычный огонь, или какие-то иные Сульфур и Меркурий, а не обычные. Так они обманываются своим же мнением, но говорят, будто мы — причина их ошибки, поскольку заставили принять одно за другое. Но, с их позволения, это не так, что мы и докажем учением философов. Ибо мы именуем солнце огнём, а природный жар — его

⁷⁴ [Так называли получателей тайного каббалистического знания.]

заменой или заместителем. Ибо то, что солнечный жар совершает в земных недрах за тысячу лет, жар Природы производит над землёй за час. Но мы и многие другие философы назвали сей жар Порождением Солнца, ибо изначально он был создан естественным образом — воздействием Солнца без помощи нашего Искусства или знания». Так говорил Луллий: но я должен сказать тебе кое-что, читатель, и постарайся запомнить это. Сей природный жар необходимо прилагать в правильной мере и не слишком сильным: ибо даже солнце не созидает, а опаляет и иссушает там, где оно слишком жаркое. «Если ты применишь слишком сильный огонь, — говорит тот же Луллий, — то свойства духа, которые до сих пор были причастны и жизни, и смерти, отделятся от тела, и душа отправится в её собственную сферу». Потому не забывай такой краткий, но ценный совет названного автора: «Сын мой, пусть небесная сила, или деятель, будет в месте созидания или преобразования таким, чтобы изменить земной характер сперматической влаги на тончайшую, прозрачайшую форму или вид».

Узнай же о растворении вязкой, жирной земли [и её превращении] в прозрачный, прекрасный Меркурий. Сей Меркурий, господа, есть искомая нами вода, но вовсе не какая-то обыкновенная вода. Теперь нам осталось только то, что философы именуют Тайной Искусства, коя никогда не разглашалась и без неё вам никогда не удастся совершить [делание], даже если будете знать и Огонь, и Материю⁷⁵. Примером того является Фламель, достаточно знавший Материю и имевший и огонь, и печь, нарисованные для него иудеем Авраамом; тем не менее он блуждал три года, прежде чем узнал третью

⁷⁵ Утверждение подобного рода нередко встречается в алхимических сочинениях, хотя и не всегда в такой явной форме. В этом случае возникает вопрос о смысле трудов и Вогана, и других авторов.

тайну⁷⁶. Генри Мадатан, благороднейший философ, искал её опытным путём целых пять лет, но, не зная правильного метода, так ничего и не обнаружил. Наконец, по его собственным словам, «по прошествии шести лет тайным Откровением Всемогущего мне был доверен Ключ Силы». Сей Ключ Силы, или третью тайну, ни один философ никогда не доверял бумаге. Парацельс касался её, но столь туманно, что мог бы не говорить вообще ничего.

Что ж, я полагаю, что рассказал достаточно об открытии и свойствах Огня. Если вам покажется, что этого слишком мало, то всё же это много больше того, что выдал какой-либо иной автор. Ищите же его, ибо тот, кто откроет сей Огонь, обретёт истинный нрав; он станет благородным, достойным философом и, говоря языком нашего Испанца, «будет достоин занять место за столом двенадцати пэров».

V. Жемчужная река⁷⁷

Это — растворённая субстанция, чрезвычайно тяжёлая и влажная, но не увлажняющая рук. Она светится после наступления ночи, словно звезда, и способна осветить любое тёмное помещение. В ней множество крохотных глаз, сияющих подобно жемчугу или серьгам. Она — целостный Демогоргон, но оживлённый проявлением собственного, внутреннего,

⁷⁶ Согласно признанию самого Фламелья.

⁷⁷ Тракаты Петра Бонуса «Margarita Novella» [«Новая жемчужина»], «Margarita Pretiosa Novella» [«Новая бесценная жемчужина»] и «Introductio in artem divinam Alchimiae» [«Введение в божественное искусство алхимии»] относятся к герметической литературе, но жемчуг как алхимический символ встречается редко. Он связывался с весенней росой в отличие от осенней росы, эти разновидности считались соответственно женщиной и мужчиной.

света. Её отец — некая нерасторжимая масса, ибо части её соединены настолько крепко, что вы не сможете ни растолочь их в пыль, ни разделить яростью огня. Это — Камень Философов. Некто сказал: «Он окутан сумраком, облаками и тьмою. Он пребывает в глубочайших недрах земли. Но при рождении он окружён некой зелёной оболочкой и окроплён некоей жидкостью. Собственно, он не создан из какой-то природной вещи, но он — вечен, и приходится отцом всему существу». Такое описание весьма правдиво и истинно, но загадочно; как бы то ни было, не забудь о зелёной оболочке. Это — та самая субстанция, которую Джабир ибн Хайян, или Гебер, как его называют неучи, именует «Камнем, известным в высочайших обителях». Выражение весьма тонкое, но, если как следует над ним поразмыслить, то оно даёт ключ как ко всей этой книге, так и к сочинениям древних философов. Но вернёмся к нашей Жемчужной реке, и, — дабы углубить наши познания, — послушаем, как превосходнейший из адептов описывает её, само её течение, до наступления полнолуния. Здесь мы нарисовали всю философскую лабораторию, печь, огонь и материю с её таинственными ростками. Но поскольку соответствующие термины сложны и не могут быть поняты никем, кроме тех, кто видел сам предмет, я ради блага — не могу сказать удовлетворения — читателя переведу их на английский.

Итак: «Это — труд, который я некогда наблюдал с единственным и дражайшим другом, показавшим мне некие объёмистые печи с навершиями из стекла. Там было несколько сосудов, снабжённых, помимо треножников, ларями или ящиками, внутри коих находилась Священная жертва, или дар, посвящённый Троичному. Но к чему мне скрывать столь божественный предмет? Внутри этого сооружения находилось некое вещество, вращавшееся или понуждаемое двигаться по кругу, и представлявшее собой само воплощение большого

мира. Здесь виднелась земля, расположенная отдельно посреди остального; окружённая прозрачайшими водами, она переходила в холмы и крутые скалы и приносила разнообразнейшие плоды, — словно орошаемая ливнями из влажного воздуха. Она казалась также богатой вином, маслом и мёдом, и всеми видами самоцветов и металлов. Сами воды, подобные морю, были полны некоей прозрачной солью, принимавшей цвет белый и красный, а временами жёлтый и пурпурный, будто игравшей различными цветами и достигавшей поверхности вод. Всё это приводилось в движение или оживлялось собственным, внутренним огнём — незаметным и эфирным. Но одно обстоятельство, превыше прочих, вызвало моё непомерное восхищение, а именно: что столько всего различного и замечательного в своих подробностях происходило от одной-единственной вещи и с незначительной помощью, которая постепенно возрастала и усиливалась, — как правдиво подтвердил Мастер, — и всё это разнообразие в итоге сливалось воедино. Я заметил, что та расплавленная соль была ничем иным, как пемзой, а ртуть [quicksilver], которую древние авторы сего Искусства именовали Меркурием, тождественна *лунарии*⁷⁸ Луллия, влага которой восстаёт против огня Природы и светится ночью, но днём является липкой и вязкой».

Таковы слова нашего учёного *адента*, но из-за уподобления Философской Соли пемзе их невозможно понять без света опыта. Итак, это — пористая, губчатая, рыхлая соль, напоминающая пену. Консистенцией она близка к пемзе, не будучи

⁷⁸ Лунария (лунник) — растение, сок которого, как говорят, использовался для любовных зелий, но Succus Lunariae [сок лунарии] также название Философского Меркурия, как следует из вышеприведённого текста. Луна — ещё один аллегорический термин для той же субстанции, но Эйрелей Филалет называл её травой Сатурна.

ни твёрдой, ни мягкой. Это — жидкое, скользкое, маслянистое вещество, на вид схожее с костным клеем, но гораздо более прозрачное. Иногда оно принимает цвет крови и рубина. Временами оно голубовато-фиолетовое, временами белое, словно лилия, а затем — зеленее травы, но прозрачное, как изумруд; а иногда оно кажется полированным золотом и серебром. От него получила своё имя Жемчужная река, ибо оно выделяется, как лягушачье семя в обычной воде. Иногда оно приходит в движение и выплывает к поверхности своей купальни в виде тонких листьев, похожих на пластины, но с тысячью удивительных цветов. Что ж, этого достаточно и даже много, ибо не стоит мне распространяться о тайнах, которые столь далеки от исканий читателя, что, осмелюсь предположить, он и не чаял их узнать.

VI. Эфир, или Воздух Рая⁷⁹

До сих пор я рассказывал о Первоматерии и Огне Природы, названия эти общеизвестны, хотя мало кто понял означаемые ими явления. Теперь я перейду к более замысловатым, частным принципам, к явлениям столь тонким и сокровенным, что о них не часто думают, а ещё реже исследуют. Обычный химик мечтает о золоте и трансмутациях, о благородных и небесных эффектах, но средства, которыми он окружает их,

⁷⁹ Поэтический образ, придуманный Воганом. Когда воздух упоминается алхимиками в символическом смысле, он означает воду, коагулированную огнём. С другой стороны, алхимическая материя в процессе путрефакции, понимаемом как один из этапов делания, именуется Дыханием или Ветром, хотя последнее название Раймунд Луллий относит к Сульфуру, содержащемуся в Меркурии. Белый Ветер также именуется Меркурием, Красный Ветер — Красным Аурипигментом, а Восточным Ветром называется сам Камень.

суть не что иное, как изъеденные червями, пыльные, заплесневелые бумажки. Его изыскания, так же, как его голова, полны стародавних рецептов; он может поведать нам сотни историй о самородной сере и ртути, добавив множество чудесных легенд о мышьяке и сурьме, о *sal gemmae*, *sal prunae*, *sal petrae* и прочих удивительных щелочах, как он любит их называть⁸⁰. Такими странными представлениями и заклинаниями он приводит в изумление и лишает дара речи своих слушателей, подобно тому, как летучую мышь убивает звук грома. Что ж, если сей шум можно перенести, оставь его: ему не понадобится артиллерия. Но если ты заставишь его принять бой и вступить в спор, если ты потребуешь доказательств и отбросишь его рецепт, то он окажется беспомощен, словно рыба на берегу. Рациональный, методичный диспут повергнет его, ибо он не изучил всё тело философии. Свои рецепты он находит в старых коробках или ветхих книгах, будто познание Бога и Природы — дело случая, а не разума. Эта пустая болтовня пленяла не только обычных, невежественных крикунов, коим, надо признать, она в некоторой степени необходима, но даже великих докторов и медиков. Удалите нарыв их титулов, и невеликой окажется их учёность. Отсюда и происходит, что такое множество людей терпят неудачу на своём пути к Искусству. Они столь влюблены в старую писанину, что не подвергают её проверке своим разумом, а немедля устраиваются с ней у огня. Воистину, они верят в такие смехотворные небылицы, что даже несмышлёные скоты, — если б могли говорить, — и те упрекнули бы их. Иногда они принимают собственные экскременты за Материю, из коей были сотворены небеса и земля. И так они трудятся и надрываются в урине

⁸⁰ Согласно справочникам, *sal gemmae* — венгерская соль, также называемая *sal nominis*; *sal prunae* неизвестна; а *sal petrae* — это обычная селитра.

и подобной мерзости и грязи, которые и назвать стыдно. Но когда всё заканчивается ничем, а их сладкий крем подводит их, они оставляют свою грязь, но не своё заблуждение. Они мечтают о более податливом материале, воображая, наверное, будто Бог создал мир из яичной скорлупы или кремня. Правду сказать, такие мнения присущи не только простецам, но и всамделишным докторам и философам. Потому я намерен открыть некоторые преимущества сего Искусства и показать ученику, что то, что прекрасно, вовсе не трудно. Это, я полагаю, сумеет разрушить ту слепую, косную доверчивость, которая препятствует всем подлинным исканиям, и, может статься, подвигнет людей прилагать разум, который Господь даровал им для открытий. Я не стану задерживаться ни на одной подробности: я спешу покинуть сцену и вернуться к моему изначальному уединению. Мои рассуждения будут весьма краткими и несовершенными, подобно последним звукам эха. Я предлагаю их исключительно как намёк и рекомендацию для читателя: это — не полный свет, но отблеск, и читателю надлежит усилить его к собственному удовлетворению.

Теперь поговорим об эфире малого мира⁸¹, который сущностью и субстанцией тождествен внешнему эфиру большого мира. Дабы вы лучше поняли, что он собой представляет, мы подвергнем анализу понятие, прежде чем определить само явление. [Псевдо-] Аристотель в своём сочинении «О мире» производит сие слово от [выражения] «в вечном движении», поскольку небеса находятся в постоянном движении. Это — общая, ни с чем не сообразная выдумка, ибо и звёзды — так же, как и эфир, — непрерывно движутся. Море подвластно постоянным приливам и отливам, а кровь всех существ — без-

⁸¹ Очевидно, под этим понимается дух внутри человека.

остановочному, неустанному пульсу. Более древние философы — чьи труды сей супостат сжёг — образовывали это [слово] от *ardeo*, т.е. «я горю», и особенно Анаксагор, знавший небеса лучше Аристотеля, как явствует из его чудесного прорицания и его представления о том месте, согласно которому оно является его домом и он вернётся туда после смерти⁸². Бесспорно, эта — последняя — этимология ближе к природе явления, т.к. оно есть целительный, лелеющий дух; но по своим сущностным свойствам оно не горюче. Потому я одобряю последнюю этимологию не более, чем первую. Я склоняюсь к мысли, что [слово] «эфир» составлено из [греческих слов, означающих] «всегда» и «я нагреваюсь», т.е. сия субстанция называется эфиром ввиду её действия и назначения, как нечто, что постоянно нагревается. В предположении, что это верное толкование, посмотрим теперь, действительно ли оно соотносится с этим принципом более тесно и непосредственно, чем с любой иной природой. Эфир — влажная, тонкая, жидкая субстанция, находится превыше звёзд, на периферии Божественного Света⁸³. Он — истинный и прославленный эмпирей, воспринимающий источаемый Богом жар и передающий его видимым небесам и всем низшим тварям. Он — чистая сущность, не оскверняющая себя заразой материи, — и в этом смысле Пифагор именует его «свободным эфиром», ибо, говорит Рейхлин, «он свободен от оков материи, и, сохраняемый в своей свободе, он согреваем огнём Господа, и в неощутимом движении сам согревает все низшие природы». Словом, в силу своей чистоты

⁸² Интересная непоследовательность в рассуждении: как будто этимология слова может быть подтверждена мнением о местонахождении развоплощённых душ.

⁸³ Воган открыл этот раздел словами, что посвятит его глубоким явлениям, — очевидно, вопросу об идентичности эфира космоса и эфира микрокосма, — но совершенно позабыл об этом.

он располагается сразу после Божественного Огня, который иудеи именуют *Lumen Vestimenti*⁸⁴, т.е. Светом Облачения, и является наипервейшим восприемником воздействий и порождений сверхприродного мира, что вполне подтверждает нашу этимологию.

Изначально он был создан как отражение Первозданного Единства на небесный куб, ибо светлые эманации Бога истекали, словно ручей, в пассивный источник, и по аналогии с этим Самосец⁸⁵ величает его Источником вечной Природы. Вам надлежит понять, что эфир не един, но многообразен, причины чего мы приведем вам далее. Под этим я подразумеваю не разнообразие субстанций, а цепочку характерных свойств. Существуют другие влаги, и они также являются эфирными. Они же — женское начало в мужском Божественном огне, источники халдеев, называемые в «Оракулах» «вершинами источников», [т.е.] незримыми вышними родниками Природы. Из всех субстанций, доходящих до нас, эфир — первая, которая приносит нам вести о другом мире и сообщает, что мы обитаем в испорченном мире. Сендивогий называет его уриной Сатурна, и им он орошал свои лунные и солнечные растения. Как сказал тот иудей: «Из моего моря поднимаются облака, несущие благословенные воды, которые орошают землю и производят травы и цветы». Одним словом, та влага оживляется растительным, благим, Божественным огнём, и некто так описывал сию тайну: «Она сотворена из Природы, а также из Божественности: она истинно Божественная, поскольку, сочетаясь с Божественным, производит Божественные субстанции». В заключение: эфир можно найти в нижнем

⁸⁴ Согласно «Зохару», он также именуется Одеянием Славы, и *Нешама*, высшая душа, облачается в него в своём высочайшем состоянии.

⁸⁵ [Т.е. Пифагор, родом с острова Самос]

роднике или источнике, а именно, в той субстанции, которую арабы называют «цветком белой соли»⁸⁶. Он рождён из соли, ибо соль есть его корень, и, кроме того, его можно отыскать «в некоторых соляных местах». Лучше всего его раскроет следующее: философы называют его своим Минеральным Деревом, ибо он подобен растениям и имеет листья и плоды с момента появления на свет. Этого достаточно; теперь я перехожу к следующему принципу.

VII. Небесная Луна⁸⁷

Эта Луна — Луна копей, весьма необычная, поразительная субстанция. Она — не простая, а составная. Её компонентами являются эфир и тонкая белая земля, что делает её плотнее эфира. Она кажется очень белым маслом, но в действительности представляет собой некую растительную, сыпучую, гладкую и мягкую соль и т.п.

VIII. Звёздная Душа

Это — подлинная Звезда Солнца, Живое Духовное Солнце. Она состоит из эфира и кровяной, огненной, одухотворённой земли. Обладает клейкой консистенцией, но неистового,

⁸⁶ *Flos salis albi*. Руланд утверждает, что *Flos salis* — это греческое *Alasanthos*.

⁸⁷ В алхимической символике Луна является серебром, но, как мы видели, может означать и Философский Меркурий. Пернети даёт следующие толкования Герметической Луны: а) Меркуриальная Вода; б) то же вещество, соединённое с её Сульфуром и достигшее состояния белизны после прохождения черноты, или путрефакции. Небесная Луна Вогана, видимо, представляет его понимание Философского Меркурия.

горячего, раскалённого характера. По своей сути она представляет собой некую пурпурную, живую, божественную Соль и т.п.

IX. Престер Зороастра⁸⁸

Диковинно подумать, как земля, которая есть тело невообразимого веса и тяжести, может удерживаться в воздухе, — летучей, податливой субстанции, сквозь которую прокладывают себе путь и опускаются даже пена и перья. Я надеюсь, никто не безумен настолько, чтобы полагать, будто её расположили так посредством какой-то геометрической уловки, ибо это было бы искусственным способом, тогда как Божье творение жизненно и естественно. Разумеется, если не признавать одушевлённость мира, то неизбежно должно произойти падение сего предмета за счёт его собственной массы и тяжести. Мы видим, что наши собственные тела поддерживаются той сущностью, которая ими движет и их оживляет; но, когда эта сущность покидает их, они опускаются на землю, пока дух не вернётся в них при воскрешении. Отсюда я заключаю, что земля имеет в себе огненную душу, поддерживающую её, как дух поддерживает человека. С этим соглашается и Раймунд Луллий в семьдесят шестой главе своей «Теории». Вот его слова: «Вся земля полна разума и расположена к действию Природы, и этот разум движим Высшей Природой, так что низший

⁸⁸ Престер (греч.) — то, что горит и воспламеняется. Так именовалась ядовитая змея, укус которой вызывал жажду и лихорадку. Другое значение — огненный смерч [именно это оно и означает здесь] и огненный столб. В «Оракулах» говорится о бесформенном огне, об огненной бездне и её великолепии, о разумном огне, которому всё подчинено и от которого всё произошло.

разум подобен Высшему». Этот дух или разум есть Престер, понятие, использованное великолепным Зороастром и приведённое Юлианом Халдеем. Оно происходит от [греческого] «я горю», и означает молнию или некий огненный *смерч* или вихрь. Но в смысле, [вкладываемом] нашим халдеем, это — огненный дух жизни. Он есть воздействие Всемогущего Господа и происходит из Земли Живых⁸⁹, а именно от Второго Лица [т.е. Бога-Сына], которого каббалисты величают Сверхприродным Востоком. Ибо, как природный свет солнца вначале показывается нам на востоке, так и Сверхприродный Свет был вначале проявлен во Втором Лице, ибо Он есть *Principium Alterationis* [с лат.: принцип чередования]⁹⁰, Начало путей Господа, или Первое Проявление Света Его Отца в Сверхприродном творении. Из этой Земли Живых происходит вся жизнь, или весь дух, согласно мнению *Меккубалим*: «Каждая добрая душа — это новая душа, пришедшая с Востока», т.е. от *Хохмы*, или второй *сфиры*, которая есть Сын Божий.

Теперь, чтобы лучше понять это нисхождение души, нам следует обратиться к следующему мнению каббалистов, а именно: «Души, — говорят они, — нисходят от Третьего Света на четвёртый день, а оттуда — на пятый, покидая его и вступая в ночь плоти». Чтобы понять сей принцип, вам надобно знать, что есть три Верхних Света, или *сфирот*, который каббалист называет «единым престолом, на котором восседает Трижды Святый Господь Воинств». Сей Третий Свет, откуда нисходит душа, есть *Бина*, последняя из Трёх сфирот, и она означает

⁸⁹ В Каббале используется понятие «Земля Жизни», и ей является то *Бина*, то *Малкут*.

⁹⁰ Вероятно, имеется в виду *Хохма*, вторая *сфира*, которая иногда ошибочно связывается христианинскими каббалистами со Вторым Лицом Божественной Троицы. Сын Божий в Каббале соотносится со сфирой *Даат*.

Святого Духа⁹¹. Чтоб вы узнали, в каком смысле сие нисхождение происходит от Святого Духа, я несколько расширю своё изложение, ибо каббалисты говорят об этом весьма загадочно. По словам иудеев, «дыхание есть свойство Святого Духа». Мы читаем, что Бог вдунул в Адама дыхание жизни, и стал он душой живою⁹². Здесь следует понять, что Третье Лицо [т.е. Святой Дух] — последнее из Трёх не потому, что между ними есть какое-то неравенство, а из-за последовательности действия, ибо Оно прилагается уже к творению и потому совершает труд последним. А означает это вот что. Святой Дух не мог вдохнуть в Адама душу, если бы Он не взял её или не имел бы Сам. Истина в том, что Он взял её, а то, что Он забирает, Он вдыхает в Природу⁹³. Потому-то сей Святейший Дух именуется каббалистами «рекой, истекающей из Рая», ибо Его дыхание подобно струящемуся ручью. Его называют также Матерью сынов⁹⁴, поскольку в этом дыхании Он как бы разрождается душами, зачатыми мысленно во Втором Лице⁹⁵. А то, что Святой Дух получает всё от Второго Лица, подтверждает Сам Христос: «Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмёт и возвестит вам. Всё, что имеет Отец, есть Моё; потому Я сказал, что от Моего возьмёт

⁹¹ Бина — это место *Шекины* в сфере трансцендентного. См. в моей книге «Secret Doctrine in Israel» («Тайное учение в Израиле») о соотношении сфирот со Святым Духом согласно «Зохару».

⁹² Быт 2:7.

⁹³ Он принимает и отдаёт вечно и бесконечно в силу единственности Божьих ипостасей, согласно доктрине трансцендентной теологии.

⁹⁴ Мне неизвестно, откуда взят этот эпитет, могу лишь предположить, что из Каббалы, а относится он к *Шекине*.

⁹⁵ Ни в одной из теософских систем, на которые опирается Воган, нет такого иррационального смешения задач, связанных с половой символикой.

и возвестит вам»⁹⁶. Здесь мы ясно видим, что в действе Святой Троицы есть некий последовательный порядок или метод, ибо Христос говорит нам, что Он берёт от Отца Своего, а Святой Дух берёт от Него. Опять же, Слово Божье подтверждает, что всё сущее зачинается мысленно, или, — как мы обыкновенно выражаемся, — сотворено Вторым Лицом. Сказано в Писании: «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришёл к своим, и свои Его не приняли»⁹⁷. Этого достаточно для любящих истину; что же о словах каббалиста относительно четвёртого и пятого дней, то они не нужны для моего нынешнего замысла, и потому я оставляю их. Итак, очевидно, что Земля Живых, или Вечная Огненная Земля, даёт почки и побеги и имеет свои, огненные, духовные цветы, кои мы именуем душами, как сия природная земля имеет свои — природные — растения. В этом сокровенном смысле Престер и определяется в «Оракулах» как «цветок из тонкого огня».

Но чтобы, наконец, достичь нашей цели, я думаю, будет излишним снабдить вас следующим руководством. Вам известно, что ни один мастеровой не сумеет построить, если основанием его здания не будет земля, ибо без такого фундамента его кирпичи и раствор не будут держаться. А потому я задам вопрос: где же Он установил Свою материю и на что? Конечно же, он воздвиг и установил Природу на Своём собственном, сверхприродном, центре. Он в ней и посредством неё, и Своим Бессмертным духом Он поддерживает небеса и землю — как наше тело поддерживается духом⁹⁸. Это подкрепляется тем прорицанием апостола: «Сей [Сын] ... держа всё словом силы Своей»⁹⁹.

⁹⁶ Ин 16:13–15.

⁹⁷ Ин 1:10–11.

⁹⁸ Доктрина имманентности Бога изложена здесь одним предложением.

⁹⁹ [Евр 1:3].

Благодаря этой-то силе Его и величают справедливо «бесконечно могущественной, всемогущей, создающей могущество силой». Итак, я утверждаю, что Огонь и Дух суть столпы Природы, опоры, на которых покоится всё её строение и без коих оно не устоит и минуты. Сей Огонь, или Престер, есть Престол Сущностного [Quintessential] Света, откуда Он распространяется на все творения, как изливаются в большом мире наблюдаемые нами лучи Солнца. В этом распространении света заключается радость или отрада пассивного духа, а в сжатии — его грусть или печаль. В большом теле Природы мы видим, что в ненастную погоду, когда солнце сокрыто тучами, воздух тяжёл и уныл, а наш собственный дух — в силу таинственного сопереживания воздушному духу — также уныл. Наоборот, при ярком, сильном солнце воздух подвижен и тонок, а дух всех живых существ также обретает характер активный и утончённый. Потому очевидно, что наши радости и скорби происходят от расширения или сокращения нашего внутреннего, сущностного света. Это наблюдается у отчаявшихся влюблённых, подверженных неким сильным и необычным сердцебиениям, замираниям и учащениям пульса, что происходит от душевных опасений и страха перед возможной неудачей. Тем не менее он желает расширяться, как это очевидно из его пульса или приступов, в которых он разряжается; но его отчаяние вновь сдерживает его и приводит к внезапному отступлению или сжатию. Потому у нас случаются вздохи, кои вызваны внезапной остановкой духа: ведь когда он останавливается, останавливается и дыхание, а когда он высвобождается для внешнего движения, мы делаем два или три вдоха, пропущенных перед тем, за один длинный промежуток времени: это и называется вздохом. Сия страсть [т.е. любовь] доводила многих отважных мужей до весьма печальных крайностей. Она вызывается духом возлюбленной, ибо её дух

Мы познаем Сокрытый Разум и узрим тот Неописуемый Лик, который придаёт внешние очертания телу. Это и есть силлогизм, который нам должно искать, ибо тот, кто минует Аквастер¹⁰², вступает в огненный мир и видит то, что для обычного человека невидимо и невероятно. Он познает сокровенную любовь неба и земли и смысл того глубокого каббалистического изречения: «Нет и травинки здесь, внизу, которая не была бы звездой в небесах, наверху; и звезда касается её своим лучом и говорит ей: «расти». Он узнает, что огненный дух происходит от духовной, огненной земли и принимает от неё таинственное истечение, которым он питается, подобно тому, как травы питаются тем соком и раствором, который они извлекают своими корнями из этой — обыкновенной — земли.

Об этом и говорит нам наш Спаситель: «...не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»¹⁰³. Он не имел в виду чернила и бумагу, или мёртвую букву: сию тайну отчасти объяснил апостол Павел. Ибо сказал афинянам, что Господь сотворил людей для того, «дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли...»¹⁰⁴. Странное выражение, скажете вы: чтобы человек ощущал Бога и искал его собственными руками. Но апостол далее сообщил, где же найти Его. «Он и недалеко от каждого из нас, ибо мы Им живём и движемся и существуем...»¹⁰⁵. Чтобы лучше понять сие место, я хотел бы, чтоб вы прочли труд Парацельса «Философия к афинянам»: вскоре он появится и на англий-

¹⁰² [У Парацельса — одна из двух составляющих Первоматерии, влажный, пассивный принцип, отождествляемый с женским началом и Философской Солю. Второй составляющей является Илиастер, отождествляемый с мужским началом и Философским Сульфуром.]

¹⁰³ Мф 4:4.

¹⁰⁴ Деян 17:27.

¹⁰⁵ Деян 17:27-28.

ском¹⁰⁶. Опять же, вступивший в центр узнает, почему весь поток огня нисходит и спускается с небес вниз, что противно его природе. Также он узнает, почему тот огонь, обнаружив тело, вновь восходит к небесам и поднимается ввысь.

И в заключение: я утверждаю, что великая, высочайшая тайна магии — усилить Престер и расположить его во влажном, безмятежном эфире, который Господь сотворил с намерением смягчать огонь. Поскольку я хочу сообщить тебе, что сей дух [т.е. Престер] даже в самых умеренных телах может прийти в такое возмущение, что мгновенно разрушит тебя. Ты можешь представить себе это [сравнив его] с «тремучим золотом», как именуют его химики. Помести его, как Господь поместил звёзды, в сгущённый эфир его хаоса, ибо там он будет сиять, а не палить; и он будет животворящим и спокойным, а не буйным и холерическим. Сия тайна, признаюсь, превосходит обычный ход [делания], и я не смею поведать тебе больше. Пусть же она останется как светильник в тёмном месте; но как её открыть, поразмысли сам.

Х. Зелёная соль

Это — тинктура сапфировых копей¹⁰⁷ и, если определять её по существу, воздух нашего малого, незримого огненного мира. Она оказывает два благородных воздействия, [даруя] молодость и надежду. Где бы она ни появилась, она служит верным признаком жизни — как можно наблюдать весной, когда всё зеленеет. Вид её отраден и ободрителен превыше всякого

¹⁰⁶ Новый перевод был включён в моё издание «Герметические и алхимические сочинения Парацельса».

¹⁰⁷ Фигуральное выражение, видимо, изобретённое самим Воганом. Алхимический сапфир означает Меркуриальную Воду, к которой, как считалось, можно свести этот драгоценный камень.

представления. Она происходит из небесной земли, ибо сапфир оплодотворяет и вводит свои тинктуры в эфир, где они и пребывают, становясь видимыми для глаз. Сей сапфир и сам по себе равен целому составу, ибо он троичен, или содержит в себе три разные сущности. Я видел их всех — не в воздушных, умозрительных предположениях, но в действительности, собственными глазами. И здесь мы находим решение математической задачи [упоминаемой] Аполлодором, а именно, той, за которую Пифагор пожертвовал сто быков, когда обнаружил, «что гипотенуза прямоугольного треугольника эквивалентна [equivalent] сторонам, образующим прямой угол», и т.д.¹⁰⁸

XI. Диапазм, или Магическое благоволие

Оно состоит из сапфировой земли и эфира. Если его полностью возвысить, оно засияет, как утренняя звезда в первых лучах востока. Оно обладает чарующим, притягательным свойством, ибо, если выставить его на открытом воздухе, оно начнёт приманивать зверей и птиц.

XII. Возрождение, восхождение и восславление¹⁰⁹

Что ж, я уже достаточно и в полной мере раскрыл принципы нашего хаоса. Далее я покажу вам, как их прилагать.

¹⁰⁸ [Согласно свидетельству Аполлодора-исчислителя, именно Пифагору принадлежит авторство известной теоремы, которая искажённо приведена в тексте.]

¹⁰⁹ Этот раздел особенно труден. Видимо, речь идёт о физическом делании, зависящем от поддержания внешнего огня, но совершаемом без дальнейшего вмешательства делателя, так что — как предлагал Воган в другом месте — алхимику не обязательно пренебрегать своим занятием, читая знаменитую «Аркадию». В данном разделе речь также идёт о тайнах вечного спасения.

Вам надлежит объединить их в новую жизнь, и их возродит вода и Дух. Сии два находятся во всём сущем. Их поместил туда Сам Бог, согласно тем словам Трисмегиста: «И всё имеет в себе семя возрождения»¹¹⁰. Таким образом, действуйте терпеливо, но не собственноручно. Делание совершается невидимым мастером за счёт таинственной инкубации [incubation] Природы Божьим Духом. Вам нужно лишь следить, чтобы внешний жар не ослабевал, но о самом предмете вам нужно заботиться не более, чем мать заботится о ребёнке в своём чреве. Два первых принципа совершают всё; Дух использует воду для очищения и омовения его тела, и он, в конце концов, обретёт небесное, бессмертное сложение. Не думайте, будто это невозможно. Вспомните, что при воплощении Иисуса Христа *Четвёрка* [Quaternarius], — или четыре элемента, как называют их люди, — была объединена с *Триадой* [Ternarius] в Вечное Единство. Три и четыре дают семь; эта Семёрка есть истинный Саббат, Отдохновение Господа, в которое вступит творение. Это — лучшее и величайшее руководство, которое я в силах вам дать. Словом, само спасение есть не что иное, как трансмутация. Как изрёк апостол: «Говорю вам тайну: не все мы умрём, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе...»¹¹¹. Господь в Своей великой милости готовит нас к сему, чтобы из твёрдого, неподатливого кремня сего мира мы стали бы хризолитом и яшмой нового, непреходящего царства; дабы поднялись мы от нынешней угнетённой Церкви, попавшей в плен к своим детям, к свободному вышнему Иерусалиму, который есть мать нас всех.

¹¹⁰ [Цит. по: Священная речь Гермеса Триждывеличайшего/Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. М.: Алетейя, 1998.]

¹¹¹ 1 Кор 15:51–52.

ХІІІ. Нисхождение и метемпсихоз

Есть в мире злонамеренное племя бумагомарателей: они пишут лишь для того, чтобы создать видимость знания, а именно, удивляя своих читателей собственными причудами и вымыслами. Они обычно величают себя химиками и оскорбляют Великую Тайну Природы бессмысленным именованьем *Химический Камень*. Я не нахожу среди них ни одного, который не принял бы сие нисхождение за восхождение или ферментацию. Посему я считаю необходимым сообщить читателю, что существует два вида ферментации — духовная и телесная¹¹². Духовная ферментация совершается усилением тинктур, чего не достичь при помощи обыкновенного золота и серебра, ибо последние — не тинктуры, но грубые, сжатые тела. Золото и серебро философов — это душа и дух; они суть живые ферменты и принципы тел; тогда как два обычных металла — берёте вы их в грубой форме или после философского приготовления — совершенно неприменимы к нашей цели. Телесная ферментация есть то, что я по праву называю нисхождением, и далее мы поговорим о ней.

После приготовления Камня, или Магического Снадобья, оно представляет собой жидкую, огненную, духовную субстанцию, сияющую, как солнце. При таком его состоянии, если вы решите продолжать, вам едва ли удастся найти необходимое соотношение, поскольку Снадобье сие весьма насыщено и сильнодействующе. Потому философы брали одну

¹¹² Воган не обязательно подразумевает, что существует духовная алхимия, имеющая дело с внутренней природой человека, и физическая, или работа с добываемыми металлами. Камень получается в результате духовной ферментации.

часть своего Камня на десять частей чистого расплавленного золота¹¹³. Эта единственная, малая крупица превращала всё золото в порошок кровавого [цвета]; и, напротив, основная масса золота умеряла духовную силу использованного зерна. Сие нисхождение, или воплощение, некоторые мудрые авторы именовали телесной ферментацией; но философы использовали обычное золото не для изготовления своего Камня, вопреки словам некоторых писак. Они применяли его только с целью умерить активную силу Камня при его изготовлении, дабы легче определить потребное количество обыкновенного металла¹¹⁴. Таким путём они сводили своё Снадобье к пыли, и сия пыль есть Арабский Эликсир. Этот Эликсир философы могли носить с собой, но само Снадобье не таково, ибо оно представляет собой столь тонкий, влажный огонь, что ничто, кроме стекла, не удержит его. Теперь — об их метемпсихозе: он действительно вызвал много кривотолков касаясь души, но Пифагор относил сие понятие только к сокровенным магическим свершениям¹¹⁵. Оно означает их заключительную трансмутацию, которая совершается Эликсиром, или Смягчённым Снадобьем. Потому возьмите одну часть его, смешайте с живым серебром в соотношении один к тысяче, и всё это станет чистым золотом, которое выдержит царское испытание [test royal] без малейшей убыли.

Итак, читатель, я завершаю, и на прощание открою тебе благороднейшую, сокровенную, священную истину. При первом анализе сам хаос троичен; подобным же образом троичен и сапфир хаоса. Вот у тебя шесть частей, образующих

¹¹³ Предположительно, металлического золота, как следует из дальнейшего.

¹¹⁴ Смысл весьма прост, даже необычайно прост. Таким образом, само Снадобье не производилось из металлов, а прикладывалось к ним. Но надо помнить, что даже когда философские алхимики говорили без обиняков, они тем лучше затемняли свой совет.

¹¹⁵ В том смысле, что подразумевается не перевоплощение души.

пифагорейскую *Шестёрку*, или Число [Небесного] Жениха¹¹⁶. В этой *Шестёрке* единственным властителем является воздействие Метафизического Союза, образующего седьмое число *Саваофа*, в котором тело — Божьей помощью — в итоге найдёт отдохновение¹¹⁷. Опять же, каждая из этих шести частей двойка, и эти двойки объединяют в себе противоположности. Итак, здесь ты имеешь двенадцать — шесть против шести в непримиримом разделении и мирном союзе их. Эти двойки состоят из противоположных начал: одна часть добра, другая зла; одна испорчена, другая чиста; и, по выражению Зороастра, одна рациональна, другая иррациональна. Сии дурные, испорченные, иррациональные семена суть плевелы и следствия проклятия. Итак, читатель, я объяснил тебе великую, таинственную задачу каббалиста. Вот его слова: «В семи частях пребывают две триады, а посреди расположено единое. Двенадцать стоят в боевом порядке: три друга, три врага; три воина воскрешают, а трое убивают. А Господь, верный Царь, повелевает всем из Зала Своей святости. Один над тремя, и три над семью, и семь над двенадцатью, и все стоят в сомкнутом строю, один рядом с другим».

Это, и ничто иное, есть истина о той науке, которой я занимался так долго, с усидчивостью и искренними стараниями. Я принял твёрдое, непреклонное решение — не писать об этом ничего более; и если кто-то надсмеётся над тем, что написано, пусть его. Ему не под силу серьёзно ранить меня, а я уже удовлетворён: моя награда — свет, который не покинет меня. «Солнце не сможет забыть о своём спутнике». И завершу я гимном замечательного и прославленного Филокрифа.

¹¹⁶ Но число Небесного Жениха, т.е. Христа-Духа, — восемь.

¹¹⁷ Едва ли Воган говорит здесь о каком-либо ином физическом процессе или о каком-либо ином теле, кроме человеческого, физического или материального, на которое дух воздействует изнутри.

Одному Богу Хвала и Власть!
Аминь во славу Меркурия, той Воды,
Что бежит без ног
И производит действие металла,
Где бы её ни нашли.

Евгений Филалет. Афоризмы о магии

Это — Первая Истина, и она же — последняя

I

Прежде всего остального возникла Точка: она была ни атомистической, ни математической, а расплывчатой точкой. Явно проявилась Монада, но неявным был мириад. Был свет, и была тьма, начало и конец, всё и ничто, бытие и не-бытие.

II

Монада произвела Диаду самопроизвольным движением, и лики Второго Света проявились через Триаду.

III

Зародился простой, несотворённый огонь, и под водами принял обличье разнородного, сотворённого огня.

IV

Оглянувшись на предвечный источник и приняв его в качестве прообраза, [он] накладывает свою печать на низшую [часть] триады.

V

Единство сотворило одно, а Троица разделила на три.

Так возникает Тетрада, как цепь и связь приведения [к иному].

VI

Из того, что зримо, вначале появилась вода — женский аспект лелеющего огня и плодородная мать всего, что обрело форму.

VII

Она была полой изнутри, в одеянии из разнообразных покровов: в её чреве были свёрнутые небеса и зачатки звёзд.

VIII

Мастер, который разбивает, вырвался из чрева вод в обширные пределы; но когда появился плод, исчезла мать.

IX

Невзирая на это, мать произвела на свет блистательных сыновей, которые опустошили Землю Чай [Chai].

X

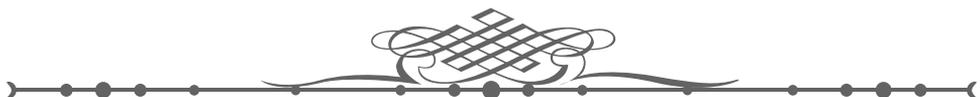
Они, в свою очередь, сотворили свою мать заново: её источник поёт в чудесном лесу.

XI

Таков Распорядитель мудрости: пусть станет служащим, кто сумеет.

XII

Он — Отец всего сотворённого, произошедший от сотворённого Сына: при распаде живого Сына Отец вновь появляется на свет. В этом — высочайшая тайна круга порождения: Сын Сына — Тот, Кто вначале был Отцом Сына.

Aula Lucis,
или
Обитель света

Моему лучшему и благороднейшему
другу Селевку Абантиаду

Чем являетесь Вы, мне нет нужды говорить Вам; чем являюсь я, Вам уже известно. Наше знакомство случилось в моём детстве, и теперь Вы можете видеть, что приобрели. Пользуюсь возможностью поделиться с Вами частью своих представлений, а именно теми, что получены путём размышлений, а не вследствие Вашего влияния. Я подношу эти плоды, дабы Вы увидели, что мой свет имеет и воду для отражения. Потому-то, когда направляюсь в сферу созидания, я не пройду то испытание Гераклита: «Сухой свет — душа мудрейшая и наилучшая». Мне нет надобности объяснять Вам это, ибо Вы находитесь в центре и видите это. Однако прошу извинить меня, если выдумкам предпочту понимание. Я никогда не мог любить бесплодное, ибо стерильность и любовь несовместимы. Дайте мне знание, обильное плодами, ибо теории без результатов — ничто, пытающееся выглядеть как нечто. Насколько это верно, Вы и сами можете сказать мне; и даже если я просто процитирую принадлежащее Вам, пусть это не заставит Вас недооценить сие [сочинение], которое, в некотором смысле, есть жертвоприношение; ибо людям нечего дать, кроме того, что они получили. Потому позвольте мне стать ныне Вашей каминой, источающей вложенный Вашими же руками аромат. Я не дерзну заявить, будто здесь — откровение, и не могу похвастаться вместе с известным Вам изумительным мастером, что провёл три года «в царстве света». Достаточно того, что у меня есть свет, как у царя Персии была его Невеста Солнца; правду сказать, считаю за счастье узреть обитель того светоча, который наши отцы считали блуждающим огнём, ищущим пристанища. Но я становлюсь нелеп: говорю так, словно желаю научить

Вас; и Вы, кажется мне, спросите: «Кто рассказывает это?». Это я, сэръ, рассказываю здесь Ганнибалу про тактику и учу его, как сокрушать скалы *виноградной лозой* [vinacre]. Я довольно скрупулёзен в этом, но свобода, которую Вы по-прежнему милостиво предоставляете мне, увлекла меня за мои пределы. Как Вам известно, подобное прегрешение вполне обычно для меня и некоторых молодых коллег, и потому не могу не вспомнить стих, где Вы некогда описали эту мою самоуверенность.

Был по преданью таким, амиклейцем смирённый
Поллуксом,
Киллар, также и те, что воспеты поэтами греков:
Марсовых пара коней и великого выезд Ахилла¹.

По моему мнению, сэръ, истину нельзя повторять с излишним рвением, так что я не согрешил здесь в отношении предмета, ибо опасность заключается лишь в Вас. Боюсь, что слишком самоуверен, и может показаться, будто недостаточно оказываю Вам почтения. Это действительно можно назвать грехом, но я столь далёк от него, что дивлюсь про себя, как додумался до такого. Простите же мне на сей раз мою дерзость и разрешите раскаяться в той шутке, которой, уверен, Вы найдёте место не среди моих ошибок, а среди примеров Вашей снисходительности.

Ваш смиренный слуга
S.N.²
Гелиополис, 1651

¹ [Цит. по: Вергилий. Георгики. Кн. III, стихи 89–91/Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

² [S.N. — последние буквы имени и фамилии автора (Thomas Vaughan). См. «Предисловие».]

Нынешнему читателю

Завистливые могут спросить: с какой целью я пустил по рукам эти листы и, в особенности, что это за лекарство такое в них завёрнуто — Камень Философов? Таким Соломон отвечал: «Время разбрасывать камни»³. И действительно, должен признаться, я выбрасываю сей Камень, поскольку неверно применял его. Приношу его для сооружения, которое отвергли строители всех времён. Но чтобы не показалось, будто действую *sine proposito* [с лат: бесцельно], должен сказать, что делаю это не ради нынешнего поколения, ибо оно столь же далеко от огня, сколь автор — от дыма. Поймите меня, если сможете, ибо сказал вам чистую правду. Я пишу книги, как древние римляне сажали деревья, — ради славы Господа и на благо потомков. Моё намерение — вверить своё доброе имя лучшему веку: мне не насладиться им ныне, ибо не знаю никого, от кого бы его получил. Вы видите, насколько честлюбивым стал; но, если сочтёте шутку неудачной, не говорите мне о том, иначе я посмеюсь над вами. Я гляжу на шаг дальше вашей жизни, и, если вы полагаете, будто могу скончаться раньше вас, то сообщу вам: это — способ вас превзойти.

Вкратце: если вы возьмётесь за сей трактат, то сделаете это без моего одобрения, ибо он не приспособлен для вашего пути. Вдобавок, сия книга заговорена белой магией: она — приключение для Рыцарей Солнца, и заблудшие нашего времени не сумеют завершить её⁴. Я говорю это всем донкихотам,

³ Еккл 3:5.

⁴ Сатирическая аллюзия на чрезвычайно длинный и многословный рыцарский роман под названием «Рыцарь солнца», одно из изданий которого содержит восемь увесистых томов. Вероятно, его тщетно пытались одолеть многие заблудившиеся в подобной литературе.

а также всем злонравным и необузданным. Есть среди них семейство ос — созданий, готовых жалить даже без причины. Они цепляются за свою логику, как за доказательство, но с ними приключается то же, что и с прославленным идальго: они принимают тазик за шлем. Что касается меня, то я — не реформатор и в силах стерпеть их мнение, лишь бы они не задевали моё. Написанное мной — не наставление для них; это — завет, сбережённый для потомства: быть может, век будущий, устав от тщеславия нынешнего, обратится к поискам истины и охотно ей последует. Итак, вы видите, каких читателей я предусмотрел для себя; но, если какая-нибудь нынешняя *мастика*⁵ прилипнет к этому сочинению, я не советую ей злословить, иначе я хорошенько поработаю хлыстом. Таков мой совет, и, если он будет неукоснительно соблюден, я, быть может, расскажу больше подобных тайн. Я могу встать тёмной ночью, словно [маяк] Фароса, и протянуть светоч, который Филалет⁶ прикрыл той ревнивой фразой раввинов: «Зачастую молчание — мудрость».

Aula Lucis

Я принял решение поведать о Свете⁷ и передать сии [сведения] в руки потомства, обычай этот, без сомнения, весьма древен и введён первыми мудрецами. В те времена он

⁵ Ещё одна колкость в адрес Генри Мора и его критики.

⁶ Аллюзия на самого Вогана под псевдонимом Евгений Филалет.

⁷ В алхимической символике слово *Lux* (свет) применялось для бросаемого в тигель порошка как света несовершенных металлов; для Философского Меркурия, когда тьма его нечистот была отделена от белизны его сущности; и для красного, Философского Сульфура, который ассоциируется с солнечной природой.

применялся для благодеяний, а не для бахвальства, а замыслы тех творцов не имели ничего общего со славой, — лишь с добрыми делами. Их намерением было не хвалиться увиденным, а вести тех, кто, в определённом смысле, слепы. Для достижения этого они действовали не так, как действуют некоторые невежды нашего времени — шумными, оскорбительными диспутами. [Нет], предлагалось спокойное наставление, но, отвергнутое однажды, оно никогда не произносилось вновь: столь отличным и далёким от школьного путём они шли. Надо сказать, им это прекрасно удавалось, ибо, если их принципы были отринуты, они не могли наложить большего наказания на своих противников, чем сокрыть их [принципы]. Если бы их доктрина была такой, какая ныне провозглашается в университетах, их молчание, воистину, было бы добродетелью; но их воззрения не были просто криками и отвлечённостью. Это были глубочайшие, полученные опытным путём тайны, бесконечно полезные и благодатные. Традиция, подобная им, достойна носить имя благородного Верулама⁸, и справедливо называется Передачей Светильника. Однако же, я замечаю, что, сообщая свои тайны, они — как и во всём остальном — подражали Природе, которая не изливает свой свет без теней. Они набросили покров на своё Искусство, не столько ради затемнения, сколько для украшения, однако, не могу скрывать, что некоторые из них скорее похоронили истину, чем нарядили её. Я же буду следовать средним путём, не слишком затемнённым и не слишком открытым, а та-

⁸ [Речь идёт о Фрэнсисе Бэконе (1561–1626), бароне Веруламском, английском государственном деятеле, эссеисте и философе. В сочинении «Новый Органон» он предложил исследовательский метод, согласно которому в основе научного познания должны лежать индукция и эксперимент. Ему принадлежит знаменитый афоризм «Знание — сила»].

ким, какой был бы полезен для потомков и добавил бы блеска самой науке.

Что ж, кем бы ты ни был, ты, кто в будущем бросит взгляд на сию книгу, — если ты испорчен обычной философией, не впадай немедленно в ярость и не хватайся за перо, чтобы опровергнуть написанное здесь. Быть может, ты и изучил свои три вопроса *pro forma* [с лат.: для формы] и с удовольствием ввязываешься в споры. Но подверг ли ты конкокции всё тело философии? Сделал ли ты Природу единственным занятием своей жизни? И достиг ли ты в итоге безошибочного опытного познания? Если ничто из этого не верно, то на каких основах ты строишь? Спор с мёртвыми — всего лишь кваканье, особенно же — спор с теми, кому при жизни не осмелились бы бросить вызов даже лучшие из тебе подобных. Но, как сказано: это преимущество рождает низость. Так, некоторые готовы оскорблять, потому что их противника уже нет, вопрошая меня и того дружелюбного стойка: «Слышишь ли ты это, Амфиарей, скрытый под землёю?»⁹.

Может статья, какой-нибудь из этих плевел прорастёт на земле, когда я окажусь под ней; я уже видел такой праздничный, презренный сброд. Я уготовил им приятную долю, а своей нынешней насмешкой предотвратил их будущую злость. Я хочу принести пользу лучшему, более серьёзному поколению, ищущему Природу в её простоте и следующему ей не только языком, но и руками. Если твой характер подобен такому, позволь мне посоветовать тебе не отчаиваться. Также я заявлю тебе, поклявшись в том душой, что плоды и сокровища сего Искусства столь многочисленны и велики, что

⁹ Амфиарей, сын Экла, был прорицателем, исчезнувшим в расщелине при землетрясении.

твоим прекраснейшим и высочайшим желаниям далеко до них. Прочти же с усердием то, что я напишу, а к усердию добавь терпение, а к терпению — надежду; ибо я не собираюсь рассказывать тебе небылицы или глупости.

Для тебя в искусство славное древних
Ныне вхожу, приоткрыть святые пытаюсь истоки¹⁰.

Здесь я поведаю тебе истину, древнюю, как основания мира; а теперь, чтобы моё вступление не превзошло размером сам трактат, который не должен быть длинен, покину преддверие, дабы ввести тебя внутрь; и здесь покажу тебе престол света и его кристальный чертог.

Свет изначально не имел иного рождения, кроме проявления, ибо был не сотворён, но открыт. Собственно, он — жизнь всего сущего, и действует в каждом отдельном создании; но его союз с Первоматерией был ознаменован общим соглашением ещё до сотворения отдельных созданий¹¹. Сама материя была пассивной, разреженной субстанцией, но способной удерживать свет, как дым удерживает пламя. После оплодотворения [impregnation] она сгустилась в кристальную жидкость, маслянистую и огненную, по своей природе — гермафродита, причём в двойном смысле, т.е. относительно двойного центра: небесного и земного. Из земного центра вышла земная Венера, огненная и мужеподобная, и земной

¹⁰ [Цит. по: Вергилий. Георгики. Кн. II, стихи 174—175/Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

¹¹ Смещение понятий несколько сбивает с толку, но вполне обычно при таком порядке рассуждений, как и при более высоком. Если следовать смыслу терминов, то открытие предполагает разумного субъекта, для которого оно делается, а такой субъект принадлежит миру отдельных существ.

Меркурий, водянистый и женоподобный; и они друг против друга. Из небесного центра произошли два живых лика [images] — белый и красный свет; белый свет избрал своей обителью воду, а красный — землю. Здесь вы можете увидеть некоторые безошибочные приметы, посредством которых сумеете отыскать путь к знанию Материи и к самому действию, когда познаете Материю. Ибо, имея истинную сперму и зная к тому же, как её приготовить, — что невозможно без нашего сокровенного огня, — вы узнаете, что, едва материя ощутит философский жар, как белый свет поднимется над водой и будет парить в своём прекрасном голубом одеянии, подобном небесам.

Но дабы поведать ещё что-то о самом хаосе, я должен сказать, что он — не дождевая вода и не роса, а утончённая минеральная жидкость, вода настолько тонкая и духовная, такой недостижимой, невероятной яркости, что во всей Природе не найдётся другого подобного раствора — только она сама. Попросту говоря, она — срединная субстанция Меркурия мудрых¹², вода, которую можно коагулировать и отвердить в камень и металл с помощью соответствующего жара. Потому-то философы и называли её своим Камнем, или, если я вправе открыть то, что дьявол из ревности не пожелал открыть Илларду¹³, скажу, что субстанцию именовали Камнем, чтобы никто не понимал, что под этим подразумевают. Ибо нет ничего в мире, что было бы дальше от свойств камня¹⁴, ведь это — вода, а не камень. Что это за вода, я уже описал

¹² Которая, согласно «Dictionnaire Mytho-Hermetique», проявляется в процессе пурификации [очищения].

¹³ [По преданию, некромант XIV века.]

¹⁴ Это кажется противоречащим предшествующему, что данная вода может быть отверждена в камень и металл.

вам, а для полноты сведений скажу больше: она — вода, созданная Природой, а не извлечённая человеческими руками. Точно так же она — не чистая вода, а спермообразный, вязкий состав из воды, земли, воздуха и огня. Все эти четыре природы соединяются в одну кристаллическую, осаждаемую массу, имеющую форму, или вид, воды; потому я и сказал вам, что это была вода, сотворённая Природой. Но, если вы спросите меня, как Природе можно приписать сотворение такой воды, я на примере покажу вам очевидность этого. Земля и вода — единственные материалы, с которыми работает Природа, ибо сии два, будучи пассивными, окружены активными, превосходящими их телами, а именно — воздухом, небом, солнцем и звёздами. Они расположены посреди самого огня, — во всяком случае, его воздействия и излучения, — так что земля подвергается постоянной сушке, а вода — постоянному нагреванию. Потому-то небо обычно подёрнуто облаками, что является следствием физической экстракции или сублимации воды, которую сама Природа перегоняет и изливает на землю. Эта вода, хотя и отличается по характеру от минеральной воды философов¹⁵, однако обладает многими особенностями, заслуживающими нашего внимания. Я не стану задерживаться ни на одной из оных: я просто приведу один или два примера, а затем вернусь к своему предмету. Итак, прежде всего вам надлежит принять во внимание, что Природа не совершает перегонку вне тела, как и химик, использующий для этого сосуд. Она вытягивает воду из земли и возвращает её в ту же землю; следовательно, она созидает круговым и разумным поглощением [воды]. Во-вторых, заметьте, она приготавливает свою влагу до того, как напитать ею тело, и [де-

¹⁵ См. сочинение Алипили «Centrum Concentratum Naturae» и фигуральное выражение «Сухая вода из философских облаков».

лает] это самыми изумительными способами. Её метод в этом отношении очевиден и открыт для всего мира, и, если бы не людская слепота, мне не пришлось бы говорить о нём. Свою воду, как мы видим, она разрезает и делает облаками, тем самым истончая и растягивая сие тело, так что все его члены должны выдержать пронизывающее, духовное очищение ветром и огнём. Ибо её ветер проходит через облака и очищает их; и, когда они очищены надлежащим образом, вступает Природа со своим огнём и осаждаёт их *in ente jure sapphirico* [с лат.: «по существующему сапфировому закону»]¹⁶.

Но это не всё. Есть и другие средства, которыми Природа пользуется над землёй ради своих плодов. Я бы охотно рассказал о её подземных приготовлениях, [совершаемых] ради минералов: но это непозволительно для меня, в отличие от поэта, сказавшего: «Дозвольте всё мне открыть, что во мгле глубоко под землёю таится»¹⁷. Тем не менее не премину сообщить немаловажную истину, кем бы ни был ты, изучающий сию трудную науку. Подготовка нашей животной и минеральной спермы — я говорю об истинном приготовлении — есть тайна, на которую Господь наложил Свою печать, и едва ли тебе удастся найти её в книгах, ибо она никогда не записывалась целиком. Лучший способ — рассмотреть ход Природы, ибо там её можно отыскать, но не без прилежных, глубоких и искренних размышлений. Если сия попытка окажется безуспешной, тебе надобно помолиться об этом, — не потому, что я считаю лёгким или обычным делом достигать откровений, ибо в Англии таковые неизвестны; но Господь

¹⁶ Так у Вогана. Мне неизвестны ни источник, ни значение этого выражения.

¹⁷ [Цит. по: Вергилий. Энеида. Кн. VI, стихи 655–656/Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

может открыть тебе это каким-нибудь обыкновенным, совершенно естественным путём. Словом, если тебе не удастся достичь её в этой жизни, будешь знать её в собственном теле, когда превзойдёшь знание об этом предмете¹⁸. Но не желая лишать тебя помощи, которую я вправе оказать, открою тебе, что наше приготовление есть очищение. Однако мы очищаем не обычными, смехотворными возгонками или ещё более нелепыми процеживаниями, а сокровенным, осязаемым, природным огнём; и тот, кто знает сам этот огонь и как смачивать им, знает и ключ нашего Искусства, даже наш сокрытый Сатурн, а также неопишную, инфернальную сточную яму Природы. Я мог бы поведать много больше об этом огне и его свойствах, ибо он есть одна из высочайших тайн творения, и, разумеется, предмет, о коем я мог бы говорить долго и загадочно, поскольку он связан с величайшими достижениями магии, будучи первым мужем Меркурия и почти что его матерью¹⁹. Поразмыслите же над сотворением нашего Меркурия и над тем, как он создаётся, ибо в этом — основа всех наших тайн. Очевидно, что внешне мы видим только то, что грубо, к примеру, землю, воду, металлы, камни и — среди высших творений — самого человека. Всё названное невзрачно и малопривлекательно снаружи, но изнутри полно тонкой, животворной, илистой влаги [limosity], насыщенной огнём; и Природа использует сие в творениях, почему мы и называем её спермой. К примеру, нам известно, что

¹⁸ Предположительно, в архиприродном теле, поскольку — гипотетически — эта жизнь сменится другой. Фрагмент неясен из-за сомнительного смысла последней фразы.

¹⁹ Насколько мне известно, такая досадная путаница в символике полов, пример которой мы уже имели, свойственна только Вогану. Другие алхимики не путают женщину и мужчину и не приписывают функции или именованя одного пола другому.

тело человека не является его спермой: сперма — это тонкий экстракт, извлечённый из его тела. Так же и в большом мире: тело, или строение, само по себе не является семенем. Оно — не земля, не воздух, не огонь и не вода; ибо эти четыре, если их сочетать, останутся четырьмя телами различной формы и строения. Тогда как семя, или Первоматерия, есть некоторая илистая влага, извлекаемая из этих четырёх, поскольку каждое из них отдаёт из самой своей сердцевины тонкую, илистую субстанцию; и из этих различных видов ила Природа создаёт сперму путём неизъяснимого союза и смешения. Сия смесь и сочетание илистых принципов и есть та масса, которую мы называем Первоматерией. Это — *руда* человека, из которой Господь сотворил его: Он сотворил его в двойном обличье в день, когда тот стал душой живою. Потому-то знаменитый мастер, говоря о сотворении Адама и имея в виду Первоматерию, открывает следующее: «Из ила элементов сотворил Господь Адама, а именно, из ила земли, воды, воздуха и огня; от Солнца Духа Святого дал Он ему жизнь, а от света — ясность и свет мира»²⁰. А потому будьте осторожны и не примите какое-либо определённое тело за сперму: остерегайтесь ртути, сурьмы и всех металлов; не берите также ни одно производное от металла. Берегитесь солей, купоросов и всех малых минералов. Остерегайтесь животных, растений и всех отдельных существ, или любого известного вида, занимающего место в каком-нибудь классе. Первоматерия — чудесная субстанция, одна из тех, которые являют собой противоположности без противоречия. Она очень слаба, но при том очень сильна; она чрезвычайно мягка, но вместе с тем нет ничего столь твёрдого; она — отдельная и всецелая [one and all],

²⁰ [Эта фраза есть также у Манже в «Bibliotheca Chemica Curiosa», но неизвестно, кого он цитирует.]

войти, кроме знающих ключ и умеющих его использовать. На дне этого колодезя растянулся древний Дракон, почти уснувший. Пробуди его, если сумеешь, и напои; ибо это вернёт ему молодость, и он будет вечно служить тебе²¹. Одним словом, отдели Орла от Зелёного Льва; затем подрежь ему крылья, и вот ты сотворил чудо²². Однако, возразишь ты, это пустые слова, и никому не ведомо, как их применить. Верно, но так их передали нам философы. Но буду с тобой откровенен: Орёл — это вода²³, притом легко испаряемая, которая взлетает к небесам, как орёл; но я говорю не о какой-либо известной воде. Зелёный Лев — это тело, или магическая земля, с помощью которой вам следует подрезать крылья орла, т.е. необходимо лишить его подвижности, чтобы он не мог больше летать²⁴. Под этим мы понимаем отпирание и запираание хаоса, что невозможно без нашего ключа — я разумею наш сокровенный огонь, в котором заключается вся тайна

²¹ Руланд сообщает, что Дракон этот пожирает Меркурия и погибает; затем Меркурий пьёт и оживает. — См. «Алхимический лексикон», рубрика draco. Но такое объяснение довольно проблематично, поскольку сам Дракон и есть Меркурий, не считая того, что он — Соль, Сульфур и «земля из тела Солнца».

²² Обычно Орёл означает летучее, а Лев — неподвижное состояние. Схватка между ними означает действие, в результате которого неподвижное становится летучим.

²³ Называемая иначе Меркурием, находящимся в состоянии сублимации или после совершения процесса.

²⁴ Зелёный Лев толкуется по-разному. См Й. Вейденфельд «De Secretis Adeptorum» [с лат.: «О секретах адептов»], где он — некая гармония между основными алхимическими процессами. Согласно этому автору Зелёный Лев имеет следующие значения: 1) материальное солнце; 2) философский Меркурий как субстанция, присущая любому виду и обнаружимая везде и во всём; 3) материя в процессе делания, доведённая до растворения; 4) та же материя, но в состоянии, именуемом Свинцом мудрых; 5) зловонный растворитель у Джорджа Риплея (Ripley), Гебера и Раймунда Луллия, также именуемый Кровью Зелёного Льва; 6) обычный купорос; 7) обычный Меркурий, сублимированный солью и купоросом, причём подразумевается, что это — не настоящая философская материя.

подготовки. Итак, наш огонь есть огонь природный: он насыщен паром, тонкий и пронизывающий; он — то, что действует во всём, если мы посмотрим на физическое усвоение; в мире нет ничего, что соответствует желудку и производит его действие, кроме этого огня. Он — субстанция, по своим свойствам солнечная и потому сульфурная. По словам философов, она готовится из древнего Дракона, и, говоря попросту, она есть испарение Меркурия — не исходного, но подвергнутого длительному нагреву. Сие испарение полностью разрушает первичную форму золота, производя вторую, более благородную. Под Меркурием я понимаю не ртуть [quicksilver], а философский Сатурн, пожирающий Луну и постоянно удерживающий её в своём чреве. Под золотом я подразумеваю наше спермообразное, зелёное золото, а не почитаемый слиток [металла], мёртвый и бесполезный. Разумеется, для изучающих сие благородное Искусство было бы благом, если бы они разобрались с некоторыми общими положениями, прежде чем приниматься за книги философов.

Например, пусть они примут к сведению несколько следующих истин, которые позволят им вывести множество правил, чтобы оценить и проверить тех авторов. Во-первых, Первоматерия Камня тождественна Первоматерии всех вещей; во-вторых, в эту Материю Природа уже заключила все сущностные принципы или составляющие Эликсира, и мы не можем притязать на добавление туда чего-то, кроме того, что перед тем извлекли оттуда: ибо Камень отвергает любые экстракты, кроме происходящих из его собственной, кристалльной, универсальной руды. В-третьих, и в-последних, у философов есть их особенные, тайные металлы, весьма отличающиеся от вульгарных металлов: ибо под Меркурием они подразумевают не ртуть, под Сатурном — не свинец, под Венерой и Марсом — не медь и железо, а под *Солнцем* или

говоря я, столь свободно и, воистину, столь откровенно обсуждал сей секрет, что, если бы не разбавлял изложение собственными вольностями, то просто выдал бы все тайны. То, о чём я говорю, очевидно любому сведущему мастеру, и потому-то большинство мастеров так почитали этого араба, что в своих трудах величали его не иначе как *Учитель Учителей*. Воистину, этому принцу, не знавшему Христа, мы обязаны бóльшим, чем многим известным христианам, ибо те не только скрывали истину, но и печатали разные небылицы и очевидные противоречия. Они старательно и умышленно вводили мир в заблуждение, нимало не беспокоясь о своей репутации или совести. Большой вопрос, кто был завистлив — дьявол в своем *Recipe*²⁶, данном нашему оксфордскому доктору, или Арнольд в своем *Accipe*²⁷ для короля Арагона. Мне хорошо известно, что предписывает тот господин из Виллановы, и ещё мне известно, что его наставления столь трудны, что граф Тревор²⁸, будучи адептом *suo modo* [с лат.: своего рода], был не в силах понять их. Ибо он написал отъявленной чепуху, стараясь опровергнуть тайны бóльшие, чем постигнутые им. Возможно, кому-то я покажусь слишком дерзким, порицая такого мастера, каким был Арнольд, но я не столь пуст, чтобы не иметь собственных доводов. Я обвиняю его не в нехватке знания, а в недостатке добросердечия, которым обычно небогаты даже обладатели Камня Философов. Я говорю это пото-

²⁶ В примечании на полях Воган указывает, что этот рецепт сохранился в архивах Бодлея.

²⁷ Имеется в виду наставление «Perfectum Magisterium et Gaudium Magistri Arnoldi de Villa Nova», или «Flos Florum», которое он будто бы передал знаменитому Королю Арагонскому. Описываемый в нём магистерий весьма долгов и труден.

²⁸ Т.е. Бернард Тревизан, автор сочинения «De Chimico Miraculo» [с лат.: «О чудесной химии»] и ряда других трактатов.

му, что мне жаль нынешних химиков, уводимых с пути, хотя Филалет смеётся в кулак и, словно молодой жеребёнок, брыкается от этого именованя.

Что касается меня, то я никому не советую братья за это Искусство без наставника²⁹, ибо, даже зная Материю, вы ещё далеки от Снадобья. Это — истина, в которой вы можете быть уверены, а если вы не доверяете моим словам, поверьте опыту Раймунда Луллия. Он знал Материю, ибо она была первым, чему научил его наставник. После этого он экспериментировал с ней, по его словам, многими и различными способами, но безуспешно. У него был ларец, но не было ключа. Наконец, он обнаружил, что, как и большинство докторов, стал самонадеянным шарлатаном, хвастуном и ничем более, как это явствует из следующей его исповеди: «Наставники в своей доброте уверяют нас, что Великое Делание заключается в растворении и затвердении, кои совершаются круговращением; но из-за невежества в этом предмете многие из тех, кто был разумен в ученичестве, обманулись в мастерстве. В избытке самоуверенности они возомнили себя знатоками формы и способа круговращения, и мы не будем скрывать, что и сами были в числе заплутавших. [Ибо] столь самонадеянно и опрометчиво мы решили, будто познали эту науку, хотя в действительности не могли ею овладеть, пока не постигли её дух через посредство Мастера Арнольда из Виллановы, передавшего его нам по великой своей милости».

Такова его речь; я же посоветую химику следить за своими губами, потому что его может подслушивать

²⁹ Обычная рекомендация алхимиков. Однако история долгой жизни Бернарда Тревизана является поучительным примером: он достиг своей цели лишь после того, как прекратил поиски учителей и прибегнул к изучению литературы и к размышлениям.

какой-нибудь невидимый господин. Я сам знавал некоторых мужей, видевших и совершавших то, что, согласно ныне известным законам творения, ни Господь, ни Природа совершить не в силах. Но если бы моему юному другу Евгению Филалету довелось услышать это, он рассмеялся бы без всякого стеснения. А потому следите за тем, что говорите, чтобы не стать посмешищем для мудрых, ибо они в чём-то подобны бессмертным:

Всемогущие Боги подняли все ...смех несказанный³⁰.

Немало мужей полагают, что получать наставления в этих тайнах — дело обычное, но они глубоко ошибаются. Наставником должен быть близкий, верный друг, друг многих лет, а не дней; не какой-нибудь льстец, поступки которого пронизаны лицемерием; не закоренелый обманщик, успокаивающий тебя приятными словами, но с сердцем (ах, если бы можно было заглянуть в него!), столь далёким от исполнения своих обещаний, что оно, подобно мухе в коробке, едва ли является частью его тела. В одном месте Раймунд Луллий поведал своему другу немного о практике. Но как же он суров *in scriptis* [с лат.: на письме]! Сей ученик — если понял его — должен был держать перед ним ответ за использование тайных знаний; и потому он [наставник] говорит ему прямо, что сделал это «только в виде займа, ожидая возврата в Судный день». Таким образом, не стоит питать надежду получить наставление благодаря знакомству; но даже знакомство с такими людьми — дело не простое. Известно, что человек должен заслужить обычное расположение, прежде чем его удостоить-

³⁰ Гомер. Одиссея. Пер. В.А. Жуковского. Песнь 8, 325—326.

ся; но в этом деле — которое даёт несравненно большие преимущества — всё оказывается по-другому. Мы ищем немедленных открытий; мы верим, что философы научат нас и изложат в доступных словах своё Искусство; но неизвестно, почему они должны оказать нам такую милость. Подобные безумные надежды столь же оправданны, как если бы я польстил некоему богачу и ожидал бы, что за мои слова он назначит меня своим наследником и оставит мне своё состояние. Это весьма нелепо, но вполне распространено; однако мне известен ещё один тип благожелателей, хотя и весьма жалких, ибо они тщатся выставить глупцами тех, кто, как им известно, мудрее их. Но здесь философы не нуждаются в предупреждениях: они способны играть различные роли, и замысливший обвести их вокруг пальца рискует потерпеть неудачу, ещё не приступив. Итак, нам остаётся приложить свои старания к их книгам, и здесь мы должны рассмотреть две универсальные природы: свет и материю.

Материя, как я намекал ранее, является обителью света. Здесь он пребывает и строит для себя самого, и говоря по правде, обустроивается на глазах у всего мира³¹. Когда он впервые вступает в материю, она представляет собой величественный, прозрачный чертог, кристальный замок, и он живёт в алмазах, словно близкий друг. Он волен выглядывать из окон, а его любовь вся у него на виду: я имею в виду ту жидкую Венеру, которая заманивает его внутрь; но так продолжается недолго³². Как и все любящие, он не знает покоя, жаждет более тесного союза, проникает и оказывается

³¹ Это напоминает мне строки: «Душа, что нам дана на срок земной, до своего на свете пробужденья живёт в обители иной». [У. Вордсворт. Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства. Пер. Г. Кружкова.]

³² «Тень тюрьмы сгущается с теченьем лет». [Там же].

в самом сердце предмета своей любви, так что его жар и активность всколыхивают её влажное естество, и в результате он попадает в совершенный плен. Ибо теперь над ним появляется земля³³, вырастающая из воды, и он оказывается заперти, в потёмках; и это — тайна присносущего Бога, которую он соблаговолил открыть некоторым из Своих служителей, хотя смертный никогда не был достоин её³⁴. Желал бы я, чтоб мне было позволено поведать об этом ради религии, но не подобает и небезопасно открывать всем подряд даже тайны религии. Эта прокажённая земля — ибо таковой она является, пока не будет очищена, — есть жаба, пожирающая орла, или дух, о чём часто упоминается в философских книгах. С этой землёй многие философы соотносили также свою тинктуру, которую мы обычно именуем тьмой. По правде говоря, они столь же справедливо могли отнести её к воде или к воздуху, ибо она возникает не в каком-то одном элементе, но или во всех четырёх, или в двух, это последнее [обстоятельство] и сбило их с толку. Далее: у воды вовсе нет черноты, лишь величественная, невыразимая прозрачность. Подобным же образом земля по своей природе есть прекрасное кристаллическое тело, светлое, как небо. Воздух превосходит оба [элемента] по своим качествам, ибо имеет в себе непостижимую, неопишемую белизну и прозрачность. Что до огня, то он сна-

³³ «Для Юноши лишь отблеск остается — / Как путеводный луч / Среди закатных туч, / Или как свет звезды со дна колодца; / Для взрослого уже погас и он — / И мир в потёмки будней погружён». У. Вордсворт. Отголоски бессмертия...]

³⁴ Она заключается не только в том, что «в корке хлеба» мы можем обнаружить материю и дух «всех звёзд и всех небес», но и в том, что в той материи и за тем духом возможно осознание той неизреченной тайны, которая есть Бог самого Бога, а то, что составляет великую тайну «корки», — с другой стороны и в более широком ракурсе, — является сокрытым сокровищем, бесценной жемчужиной, ожидающей, пока её откроет каждый. [«Корка хлеба» и «все звёзды и все небеса» — аллюзия на стихотворение английского поэта Р. Браунинга (1812–1889).]

ружи красный и сияющий, словно гранат, но внутри, в духе, — белый, как молоко.

Если мы сложим все эти субстанции, очистив их и придав им небесный [celified] характер, то, когда они пробудятся и приступят к созиданию, чернота покроеет их всех — чернота столь глубокая и ужасная, что никакая обычная тьма не сравнится с нею. Итак, я желаю знать, откуда возникает сей цвет, ибо происхождение любого другого цвета известно. Следует заметить, что при отделении элементов сия чернота проявляется не везде, а в том элементе, который подвергается огню; но это — лишь пока вы извлекаете огонь: ибо, когда он отделён, тело белеет. Очевидно таким образом, что тьма принадлежит огню, ибо, воистину, огонь — её жаровня; и это одна из величайших тайн, как в богословии, так и в философии³⁵. Но тот, кто желает правильно понять это, должен вначале постичь различие между огнём и светом.

Трисмегист в своём видении творения вначале узрел свет, мягкий и приятный, но не имеющий конца. Затем появилась тьма, жуткая и мрачная: она спускалась с лика света, будто облако, исходящее от солнца. Эта тьма, говорит он, сгустилась в нечто влажной природы, издающее скорбный и неописуемый рёв, будто испарения элементов, рассеиваемые грозой. После чего, по словам того великого философа, Святое Слово спустилось из света и покрыло воду, и из воды Он создал всё сущее. А потому, если ты желаешь познать всё, пусть твоим обучением будет поиск сей тайной воды, которая содержит в себе всё сущее. Это — физический, знаменитый пифагорейский куб, изумляющий все формы и пленяющий

³⁵ Поскольку «Божественная тьма стоит за всем проявленным Божественным светом». [Возможно, имеется в виду «Мистическое богословие» Ареопагита, где говорится о «пресущественном сиянии божественной тьмы». Гл. 1.]

их. Как сказал мой Капнион: «Если каким-либо образом форма, привнесённая в эту землю, остаётся в ней, если она входит в неё и устраивается в столь надёжном вместилище, покоясь в нём как на прочном основании, значит, она принимается не случайно и не безразлично, но постоянно и намеренно, становясь неотделимой и неотчуждаемой, как нечто, добавленное в землю, ставшее подвластным времени и пространству, и, если так выразиться, лишившееся своей свободы в оковах материи».

Последствия этого пленения, иногда прискорбные, и ступени, ведущие к нему, весьма точно описаны в «Оракулах». «Крутой спуск простирается под землёй, ведущий семью дорогами, [разбитыми на] отдельные переходы, под которыми расположен престол ужасающей необходимости».

Словом, всё в мире — как явления, так и вещественные творения — истекает из этого источника. Отсюда происходят наши удачи и неудачи, наши богатства и наша бедность, и это — в согласии с весами Высшего Деятеля, распределяющего свет и тьму. Мы усматриваем некий лик света во всём, что дорого или ценно для нас. Например, в красоте, золоте, серебре, жемчуге и во всём, что приятно или с чем связана мысль о счастье, — всем таким вещам, говорю я, присуща определённая тайна, глубинное очарование, и, пока оно не исчезнет, их обладателям также присуща ясность и возвышенность ума. Напротив, любой невзгоде сопутствует некая разъедающая, гнетущая печаль, ибо дух тоскует, будучи омрачён и покрыт тьмой. Нам достаточно хорошо известно, что бедность — всего лишь затмение, и, разумеется, любой недуг сопровождаем неким сумраком, или тем, что отвечает ему. В людях, очень несчастных, сия тьма образует отличительный признак, особенно на челе лежит характерная печать; но немногие могут читать в таких книгах. Вергилий — не только великий поэт,

но и великий философ — не был невежествен в этом: описывая Марцелла на Елисейских полях, он упоминает о его печальном лице как о причине его недолгой жизни:

Молвил на это Эней, увидев рядом с Марцеллом
Юношу дивной красоты в доспехах блестящих, который
Шёл с невесёлым лицом, глаза потупивши в землю:
«Кто, скажи мне, отец, там идёт
с прославленным мужем?
Сын ли его иль один из бессчётных потомков героя?
Спутников сколько вокруг! Каким он
исполнен величием!
Но осеняет чело ему ночь печальной тенью»³⁶.

Но подобные вещи не следует обсуждать во всеуслышание, и потому я обойду их стороной. Пусть тот, кто желает счастья, ищет света, ибо он — причина счастья, как переходящего, так и вечного. Его можно отыскать в обители света, и она недалеко, и найти её нетрудно, ибо свет входит в неё перед нами, сопровождая в своё жилище. Свет придает форму золоту и рубину, алмазу и серебру: он — мастер, создающий обличье всего. Владеющий им владеет монетным двором Природы и сокровищем неисчерпаемым. Он очастливлен благороднейшей субстанцией неба и земли, и, согласно «Turba», «заслуживает именованья благословенного, и вознесён над кругом мира». Воистину, не без причины, ибо сама Природа указывает и говорит нам, что наше счастье заключается в свете. Потому-то мы в силу своего естества любим свет

³⁶ В тексте приведён перевод Драйдена. [Русский перевод цитирован по: Вергилий. Энеида. Кн. VI, стихи 860—866 / Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

и радуемся ему как явлению приятному и благодетельному для нас. И наоборот, мы страшимся тьмы, и в ней нас охватывает некий ужас и боязливое ожидание возможного вреда. Таким образом, нам надлежит искать свет, но сам по себе он столь утончён и духовен, что мы не можем наложить на него руку и сделать своей собственностью. Мы не в силах ограничить его каким-то одним местом, чтобы он не появлялся и не исчезал вместе с солнцем. Мы не в силах запретить его в ларце, чтобы использовать по своей прихоти и наслаждаться чудесным сиянием посреди ночи. Нам надлежит искать обитель света — ту маслянистую, эфирную субстанцию, которая его содержит, ибо таким путём мы сумеем обозначить его пределы и заключить его. Мы будем способны сообщить и передать его любому телу, какому пожелаем, наделяя простейшие вещи прекраснейшим светом и обличьем, постоянным, как солнце. Это — та самая тайна, которую философы до сих пор передавали в выражениях весьма скудных и туманных; и, хотя я не приписываю себе большее знание, чем имели некоторые из них, однако уверенно утверждаю, что сия тайна никогда не открывалась миру в словах столь ясных и определённых, как эти. Не отрицаю, что сочинение сие кратко, и сфера магии никак не соразмерна столь немногим строкам.

Написать об этом в общих чертах и открыть три её раздела — элементарный, небесный и духовный — некогда намеревался тот, кто был способен к свершению³⁷. Но, в соответствии с участью, обычно ожидающей истину, он не только столкнулся с противодействием, но и был оскорблён грубым,

³⁷ Это означает, что Евгений Филалет, по свидетельству S.N., т.е. Вогана, был сочтён достойным изложить три основных раздела оккультной философии; следует помнить, что в «Anthroposophia Theomagica» он обещал написать «великий труд».

злокозненным невеждой³⁸. Я готов подумать, что тот господин собрался на Варфоломееву ярмарку³⁹ — такие небылицы я нахожу в его сочинении «Second Lash». Наставник посвящает его своему ученику, а тот слагает рифмы в честь своего наставника⁴⁰. Вот так объятие; никогда ещё мир не видел такой взаимности: без сомнения, Росинант и Серый могли бы поучиться у этих двоих⁴¹. Но остановимся на этом: предоставим подобные творения Кембриджу, откуда они и берут своё начало.

Коагуляция нашей воды и растворение нашей земли — два величайших и труднейших действия Искусства, ибо они представляют собой два противоположных ключа: вода отпирает, а земля запирает. Потому ни в коем случае не добавляйте в предмет ничего имеющего иную природу, ибо, будучи приготовлен, он является самодостаточным. Он сам сворачивается и сам растворяется, и проходит все цвета, и всё это благодаря внутреннему сульфору, или огню, коему не требуется ничего, кроме возбуждения, — или, попросту говоря, простого, естественного нагревания. Каждому известно, как кипятить воду на огне; но, если бы они также знали, как кипятить огонь на воде, их физические познания вышли бы за пределы кухни. Итак, исследуйте и не отчаивайтесь; но не исследуйте всякие диковинки. Природа следует путём простым и прямым; и я призываю Господа в свидетели, что пишу это

³⁸ Отсюда можно сделать вывод, что «Observations» Мора отбили у Евгения Филалета желание к созданию этого «великого труда».

³⁹ [Ежегодная ярмарка в Лондоне в день Св. Варфоломея, 24 августа.]

⁴⁰ Сочинение «Second Lash» [с англ.: «Второй бич»] Генри Мора посвящено его ученику Джону Финчу, оно дополнено несколькими стихами хвалебного толка, подписанными Иоанном Филомастиксом, которого Воган отождествляет здесь с Финчем.

⁴¹ [Росинант — конь Дон Кихота, Серый — осёл Санчо Пансы.]

не ради людской забавы, но то, что известно мне как несомненная истина.

Вот и всё, что я считаю возможным сообщить ныне; это исходит не от меня, но было указано свыше⁴². Жаждающие опытного познания могут воспользоваться этим [сочинением] как надёжным путеводителем; довольствующиеся же языком и не превращающие философию в практику не нуждаются в этих указаниях. Сгодятся и [книги типа] «Wits Commonwealth»⁴³ [с англ.: «Государство остроумия»] или «Book of Arothegm» [с англ.: «Книга апофегм»]. Мои предписания — не для всякого, а лишь для тех, кто ищет эти принципы; да позволят они мне наставлять их, пока они не станут совершенными мастерами Искусства. Я — из тех, кто даёт и берёт, делая это во избежание раздоров. Я могу позволить схоласту следовать его собственным мнениям, так что пусть он не препятствует мне следовать моему. Словом, я могу стерпеть человеческие ошибки и пожалеть о них. Я могу предложить истину; и даже если у неё не найдётся последователей, мне довольно того, что сделанное мной сделано хорошо.

Послесловие

Едва сей небольшой трактат был окончен, — хотя и во исполнение повеления, — как те же руководители отозвали своё разрешение; и теперь мне, несколько преображённому, придётся жить как дереву, что некоторые проделывали та-

⁴² Из послесловия явствует, что в итоге автор не получил разрешения на дальнейшее разглашение.

⁴³ [Опубликованная в 1597 году антология афоризмов, составленная Джоном Боденхэмом].

инственным образом⁴⁴. Но мудрым известно, что роци имеют своих дурдал⁴⁵, и я, помнится, читал об одной сущности, чей [возглас] *Hic fodias!* [с лат: «Что раскапываешь!»] заставил то создание уйти в тень. Попросту, я вынужден замолчать, и, даже будучи способен говорить, руководствуюсь на этот счёт законами, которые не вправе переступить. А потому я решил противопоставить свою нынешнюю свободу будущей необходимости и рассказать сейчас что-нибудь, чего мне никогда не произнести во всеуслышание в будущем. Ничто из написанного мной не будет иметь ни малейшего изъяна, если я раскрою вам одно обстоятельство, которое философы обычно оставляли без упоминания. Оно — то, что некоторые авторы именовали «Сосудом Природы и Зелёным Сосудом Сатурна», а Мириам⁴⁶ называет Сосудом Гермеса. Это — субстанция, подобная менструальной; и, если говорить доподлинную истину, она — изложница Природы, в которую вам следует поместить универсальную сперму, как только та появится вне своего тела. Жар сей изложницы сульфурный, и благодаря ему сперма коагулирует; но обычный огонь — пусть даже упорядоченный наилучшим способом — никогда этого не обеспечит; и, держа это в уме, старайтесь не впасть в ошибку. Эта изложница — жизнь спермы, ибо сохраняет и ускоряет её; тогда как вне изложницы та воспринимает холод и погибает, и после этого становится непригодной к созданию из неё чего-либо действительного. Словом, без сей изложницы вам никогда не коагулировать материю и не привести

⁴⁴ Привожу это выражение в точности как в оригинале: это не опечатка. Автор, должно быть, имел в виду, что будет жить как дух, запёртый в дереве.

⁴⁵ Дурдалы — нимфы деревьев у Парацельса. [Традиционное название — дрияды.]

⁴⁶ [Имеется в виду сестра Моисея, которую часто отождествляют с Марией-еврейкой.]

её к минеральным свойствам. И здесь вам также надлежит соблюдать определённую меру, без коей практика окажется безуспешной. Об этом природном сосуде Мириам говорит следующее: «Ключ Науки можно найти в любом теле, но из-за краткости жизни и длительности делания стоики умолчали об этой — единственной — вещи. Они рассказали про окрашивающие элементы и оставили указания на этот счёт, и философы продолжают учить всему этому, за исключением Сосуда Гермеса, ибо он — Божественной природы, и сокрыт от неверующих мудростью Господней; несведущие в этом не знают руководства истины из-за отсутствия сего Сосуда»⁴⁷.

Что касается меры и управления этой субстанцией, которую они [философы] традиционно именуют своим сосудом, а иногда — своим огнём, то в этом и заключается вся тайна. И, воистину, свершения её столь восхитительны, что почти невероятны. Знай я её с самого начала, не действовал бы так, как действовал; но каждое событие имеет свой срок, и так же было со мной. Одна эта субстанция — если оставить в стороне все прочие рассуждения — успешно убеждает меня, что изначально сие Искусство было открыто человеку [а не придумано им самим]. Ибо я уверен: сам человек никогда бы и не помыслил об этой субстанции, ибо она невидима. Она удалена от взора в силу некоего почтения; но если она случайно и окажется в поле зрения, то вновь исчезает естественным образом. Ибо она — загадка Природы, более того — то, что философы называют «первым совокуплением». Этого достаточно для мудрого мастера; во всяком случае, это всё, что я намерен предать огласке. Всего тебе хорошего, читатель.

⁴⁷ Мириам была сестрой Моисея, и древний трактат, традиционно приписываемый ей, имеет авторитет среди прочей алхимической литературы.

**Братство Розы
и Креста,
а также
краткое описание
их труда**

Читателю¹

По наблюдению толкователей снов, приснившееся далёкое путешествие, совершаемое в одиночестве, предвещает смерть. Это, кажется, знал и поэт, ибо, когда царица Карфагена умирала от любви, он приписал ей такое меланхолическое видение:

Брошена всеми, одна, брела по длинной дороге².

Что касается меня: хотел бы я быть столь мудрым, чтобы прорицать. Итак, я обещаю своему нынешнему труду не только жизнь, но и благосклонный приём; ибо в этой своей мечте — я знаю, что именно так вы её назовёте, — я путешествую не без спутников. Помимо меня несколько джентльменов любили сию *Fama*³ и не считали её умалением для себя. Но им было угодно, чтобы сие [произведение] увидело свет из моих рук; и это заставило их отложить их собственные экземпляры, которые иначе были бы напечатаны [под их именем]. Читатель, мне осталось сказать немного, разве что поведать тебе о своей справедливости, и ты увидишь, кому она причитается. Перевод «Fama» [на английский] выполнен неизвестной рукой, и я не буду задаваться вопросом о способно-

¹ В оригинале предполагается, что это обращение принадлежит издателю, но в действительности автором является Воган, и текст подписан инициалами псевдонима Е.Ф. (Евгений Филалет).

² [Вергилий. Энеида. Кн. IV, стих 467/ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида// Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература. 1979.]

³ [Имеется в виду первый манифест розенкрейцеров под названием «Fama Fraternalitatis Rosae Crucis», вышедший в 1614 году в Касселе на немецком языке.]

стях переводчика. Он спутал Дамкар с Дамаском⁴ в Аравии, и я не стал этого менять: ибо я не педант, чтобы править труд другого человека. Сей экземпляр был передан мне господином, более учёным, чем я, и мне следовало бы назвать его здесь, однако он не ожидает благодарностей ни от тебя, ни от меня. Что касается предисловия, то оно принадлежит мне, и я желаю тебе извлечь из него всю пользу, в чём, без сомнения, ты преуспеешь, если приблизишься к нему с ясным взглядом и очищенным духом. Помни, что предубеждения мешают твоему суждению, ибо, если затронута твоё чувство — хоть к *блуждающему огоньку*, — ты считаешь его проводником, поскольку ему следуешь. Не мнение делает вещи истинными или ложными: ведь люди [ранее] отрицали бóльшую часть мира, которую они ныне населяют; и Америка — как и Камень Философов — была некогда в разряде невозможного. Нет ничего более нелепого, чем разделять суждение большинства, ибо оно допустило множество грубых ошибок, опровергнутых временем и опытом. Воистину, наша косность и легковерие препятствуют любым открытиям, ибо вклад людей ограничивается презрением или — что ещё хуже — злобностью. Я познал всё это на себе и потому рассказываю тебе о том; но как ты это используешь, мне не известно. Не в моей власти сделать тебя тем, чем должен быть человек; это главным образом твоя задача, если ты знаешь свой долг по отношению к себе самому.

Поразмысли об этом, и всего тебе наилучшего,

Е. Ф.

⁴ В немецком оригинале «Fama Fraternitatis» сказано, что Христиан Розенкрейцер, направляясь в Иерусалим, посетил Дамаск, но вместо того, чтобы продолжить путь в Святой город, он отправился в таинственную страну, или город Дамкар, где его обучили таинственной мудрости. В английском переводе, предисловие к которому написал Воган, оба топонима переведены как Дамаск.

Братство Розы и Креста

Если бы целью моей жизни или познания было обеспечить себе ту шумиху, которую люди именуют славой, я не стал бы искать того, что способно привести к ней. [Нынешний] век даёт много преимуществ, и у меня, кажется, есть выбор различных оснований для моего строения. К тому же я вижу, что время и труд сделали некоторых мужами, какими они не были в начале своих приключений. Этот неожиданный рост может придать и моим несовершенствам смелость для нового начала; но, как не живу я обычными примерами, так же не питаю и обычных намерений. А потому стал на путь, отличный от пути мира, ибо, читатели, я хочу, чтоб вы знали: в то время, как вы решили набраться важности, я замыслил подвергнуть себя самоуничижению. [Итак] у меня появилось желание подтвердить существование той восхитительной химеры — Братства R.C. [Розы и Креста]⁵. Мне думается, вы уже приготовились сбежать украдкой, словно чума и Красный Крест⁶ нераздельны. Возьмите же с собой моё [пожелание] «Да смилостивится Господь», ибо мне жаль ваших слабых мозгов; а что касается вашего нынешнего состояния, то такое пожелание весьма уместно. Однако вместо того

⁵ Здесь уместно упомянуть, что о розенкрейцерах впервые услышали в Германии примерно в 1615 году; но хотя от их имени публиковались манифесты с далеко идущими обещаниями, с самого начала не было известно, что они из себя представляли и чем занимались, и существовали ли в действительности, а не только на бумаге. Начиная с 1616-го в защиту розенкрейцеров в Англии частенько выступал Роберт Фладд, но он писал на латыни, и потому в Англии к 1652 году об этом предмете знали в целом немного.

⁶ [Символ розенкрейцеров, перенятый ими у тамплиеров.]

некоторые из вас могут предложить мне поручиться о козлятах Феба или просмотреть библиотеку того рассудительного господина из Ла-Манчи: ведь, по вашему мнению, что те рыцари [из романов], что эти братья — незримы⁷. Это — суровая мера, но я не буду упорствовать в том, чтобы доказать вашу неправоту. Если среди живущих найдутся те, кто разделяет мою учёную веру, то я обращаюсь к ним; но здесь я проявлю скромность: я не стану звать их, покуда у них не появится досуг.

Размышляя о несправедливых упрёках и даже о презрении, коими на протяжении многих веков была отмечена магия, я, как мне кажется, не могу найти этому иного объяснения, кроме того, что её собственные последователи виновны в неверном построении, т.е. двойном затемнении — жизни и языка. Что до их приятного, или, вернее, совестливого уединения, благодаря коему они отделились от душ распущенных и грубых, то никто не может всерьёз осуждать их за то. Более того, это — оправдание, и оно, возможно, поможет опровергнуть те жалкие и завистливые сплетни, которыми время и люди несправедливо окружили их память. Ибо, рассуждая здраво, мы не можем быть уверены в преданиях и оценках миром тех людей, которые отошли от мира и вовсе не стремились к его делам или знакомству с ним. Бесспорно, что из-за такого-то отчуждения они и проиграли, ибо и жизнь их, и принципы были невыносимы для их врагов. Они жили в тени, в уединении и со спокойной совестью; тогда как враги

⁷ Большинство из тех, кто искал розенкрейцеров, не нашли их, хотя их повсюду призывали и ожидали в течение нескольких лет после опубликования их манифестов. За то, что они, как казалось, постоянно скрывались, им дали прозвище «невидимые». Разумеется, это было лишь удачным описанием и ни в коем случае не благоговейным эпитетом.

их действовали у всех на виду, на сцене мира, где поддерживали свою репутацию шумной клеветой против тех безвинных и безмятежных отшельников. Вторым препятствием для их славы была некоторая простота их стиля, подобная стилю Писания; тексты их обычно начинались, как у Соломона, с *mi filii* [с лат.: «Дети мои»]. Но всё погубила и сделала их презираемыми и даже — в какой-то мере — отверженными неверная передача понятий и *терминов* Искусства; ибо магия, приходящая, подобно Солнцу, с востока, принесла с собой восточные выражения, которые наши западные философы, не искушённые в арабском, халдейском и прочих языках, воспроизвели весьма неудачно и неверно; и, воистину, ныне ими злоупотребляют столь удивительным образом, что догадаться об их происхождении весьма непростая задача. Но это не всё: некоторые были столь своеобразны, что изобрели некие варварские словечки; и эти причудливые головоломки вкупе с повелительной манерой речи авторов тех сочинений, ибо они не соизволяли подкреплять свои мнения доводами, привели мир к заключению, что всё это — творение воображения. Воистину, их путь был весьма странен и отличен от пути Трисмегиста, в чьих подлинных трудах нет ни одного варварского слога, и ни одно утверждение не остаётся без веских и наглядных доводов. Конечно, Гермес в жизни был открытым и благородным, а в своём учении ясным и рациональным; вот почему его чтит не только его век, но и все последующие поколения. И напротив: если судить по результатам, преемниками в его школе стали угрюмые, ревнивые души, чьи туманные, невразумительные сочинения сделали их авторов презираемыми и подготовили почву для гвалта Аристотеля, который люди прозвали философией. Об этих поздних магах я могу сказать то, что Солин однажды сказал о тех вздорных наследниках Александра Великого: они родились, чтобы «со-

братъ жатву римской славы, но не унаследовать столь великое имя»⁸.

Также не подлежит сомнению, что некоторые уклончивые философы, ревниво укрывая истину, подчас способствовали лжи, ибо расчищали путь для усиления неприятеля, пока, наконец, сорняки не заполнили всё поле, а зерно истины не было брошено в огонь. И, воистину, ничего другого и не могло произойти, ибо, когда этим заслонили свет, тьма привлекла невежество из других земель. Вот тут и появился Аристотель со своей оравой, но триумфы той дерзкой школы основывались лишь на двух столпах: невежественности и зависти. И первая, и вторая происходят от злонамеренности некоторых знаменитых авторов, коим Господь даровал необычайные открытия. Решив обезопасить себя и Искусство, они сочли наилучшим затемнить прошлое, дабы недостойные никогда не сумели их понять. Нельзя отрицать, что сия таинственность и покров, окутавшие их письма, были вызваны как осторожностью, так и необходимостью⁹; но всё испортила неуёмность сих сочинителей, ибо они нарушили все границы — как в мере, так и в способе. Я мог бы множить примеры и доказательства такого рода, но считаю излишним останавливаться на том, что и без того признано повсеместно.

Скажу кратко: невразумительность и туманность их сочинений требовали толкований и ясности; но, поскольку

⁸ [Гай Юлий Солин — римский автор III века н.э., автор популярного в Средние века сочинения «Collectanea rerum memorabilium», т.е. «Собрание достойных упоминания вещей».]

⁹ Вероятно, Воган говорит об алхимических трактатах, авторы которых по каким-либо причинам были вынуждены прибегнуть к «тёмному» стилю. В этом отношении позиция соответствующей литературы весьма любопытна. Начиная с «Turba Philosophorum» не прекращались сетования на ревнивых [философов], затемнявших свои советы; постоянно декларировалось намерение говорить ясно, но в итоге появлялись всё новые шифры.

истолковать их могли немногие, мир в большинстве своём обратился к другой стороне, и схоласты победили — не весом, а числом. Учитывая это, нельзя не признать разумным и, без сомнения, своевременным, если бы Общество, сведущее в истине и знакомое с тайными принципами Природы, попыталось бы исправить мир¹⁰. Ибо до сих пор нас обманывали греческими баснями и мнимым знанием причин, но без желаемых следствий. Нам доподлинно известно, что, когда какая-нибудь ничтожная болезнь пересиливает нас, у схоластов не появляется и мысли, что хорошо было бы исцелить нас. Почему же мы должны поклоняться философии пустых слов, когда достаточно очевидно, что мы можем жить только делами? Устыдимся же и не будем более столь безрассудны, ибо провозглашать истиной то, что наш собственный каждодневный опыт изобличает как ложь, есть грубое невежество. Кто-то, однако, возразит, что древность этих перипатетиков требует некоторого почтения, и их надлежит вежливо выпроводить, а не вытолкать в шею. Мне же представляется, что это подобно тому, чтобы плясать перед Дагоном¹¹, как Давид — перед Ковчегом, и свидетельствовать лжи почтение, какое подобает одной лишь истине; и это — достаточный ответ.

Что же до Братства, историю и исповедь коего я вознамерился здесь опубликовать, то я, со своей стороны, не имею к нему никакого отношения, и не стремлюсь особенно свести с ним знакомство¹². Мне известно, что они — владыки ве-

¹⁰ Гипотетически, именно реформация мира провозглашалась целью в манифестах розенкрейцеров.

¹¹ [Национальное божество филистимлян].

¹² Несмотря на открытое отрицание своей причастности к розенкрейцерам, некоторые оккультные писатели, как правило, связанные с псевдо-розенкрейцеровскими обществами, причисляли Вогана к членам Братства, и даже приписывали ему сан императора. Эта басня так и передавалась из уст в уста.

ликих тайн, и так же мне известно, что Природа столь велика, что они в силах и получать, и давать. Я, однако, никогда не был столь страстным их почитателем, чтобы предпочесть их всему миру; ибо возможно и, пожалуй, верно, что отдельный человек может владеть тем, чего они не ведают. Вовсе не их титул и не вызванная им шумиха заставили меня изречь им хвалу. Признание, которое я им свидетельствую, вызвано, во-первых, их писаниями, из коих я заключаю, что они — истинные философы, и, следовательно, не химеры, как думают многие, а [живые] люди. Их принципы целиком соответствуют древней, изначальной мудрости: более того, они созвучны даже нашей религии и подтверждают каждое её положение¹³. Не спору, что многие из их предложений могут показаться необычными для заурядных умов; но те, кому известны привилегии и могущество Природы, немедленно согласятся с ними, ибо не испытывают недостатка в [присущем] им порядке и умеренности. Быть может, некоторые ожидают, что я расскажу толику о них самих и об их местообитании, но здесь моё поверхностное знакомство извинит меня; даже если бы я был немного знаком с ними, то, разумеется, применил бы свои знания с бóльшим благоразумием. Что же до их существования — если мне позволено говорить как схоластику — то есть весомая причина, почему нам следует поверить в него, и я не вижу, как можно его оспаривать, если только мы не решим, будто какие-то иные существа, а не люди исследуют Природу, а также пишут и публикуют книги. Воистину, свои познания они изначально приобрели не собственными силами, а получили их от арабов, среди коих эти знания

¹³ В сочинениях Вогана Роберт Фладд упомянут по имени лишь единожды, но между ними много общего, и я полагаю, что философ из Кента оказал немалое влияние на позднейшего теософа.

сохранялись подобно памятнику и наследию сынов Востока. Нельзя считать это совершенно невозможным, ибо восточные страны издревле славилась магическими и тайными обществами.

Теперь я хочу узнать, насколько вы готовы поверить мне в том же, учитывая, что я — христианин; при этом я не сомневаюсь, что вы поверите язычнику, ведь Аристотель им и был¹⁴. А посему внимайте наиболее подходящему язычнику — я разумею Филострата, ибо вот как он повествует о жизни Аполлония. Он [Филострат] излагает беседу своего тианца с царём Фраотом: среди прочих вопросов, заданных царю, Аполлоний поинтересовался, где тот выучился своей философии и греческому языку, ведь среди индусов, заявил грек, нет философов. На этот простодушный вопрос царь, улыбнувшись, ответил с заметной иронией: «Наши предки спрашивали всех, кто приплывал на судах, не разбойники ли они, ибо считали весь мир — кроме самих себя — приверженным этому пороку, и немало. А вы, по-моему, склонны спрашивать чужаков, не занимаются ли они философией»¹⁵. К этому он добавил весьма нелестное мнение о тех самых греках, которые считают философию, самое божественное из всех призваний, предметом заурядным и подходящим для любых способностей. «Это, по моему убеждению, есть разновидность разбоя, терпимая вами, и, если бы здесь её назвали философией, я счёл бы это святотатством»¹⁶. И царь продол-

¹⁴ Ещё один пример того, что автор был готов использовать любые аргументы против Аристотеля.

¹⁵ [Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985. Книга II. С. 44. В русском переводе первая фраза звучит так: «В старину люди спрашивали чужестранцев, не разбойники ли они, ибо слишком часто те промышляли этим грозным ремеслом».]

¹⁶ [Эта фраза отсутствует в русском переводе «Жизни Аполлония...» Филострата.]

жал наставлять своего ученика, ибо таковым и был Аполлоний, слыхом не слыхавший ни об одной из тайн Природы. «Мне известно также, что между философией и разбоем у вас разницы нет. В большинстве своём философы, словно воры, рядятся не по мерке, да ещё и чванятся, нацепив чужое тряпье. И роскошествуют они прямо-таки по-разбойничьи, зная, что пребывают в милости правосудия, потому-то они столь преданы чревоугодию, любострастию и щегольству. А причина тут, по моему разумению, в том, что у вас есть законы о смертной казни для фальшивомонетчиков и ещё о какой-то там казни за приписывание детей, но за подлог и порчу философии не карает никакой закон и никакая власть этому не препятствует»¹⁷.

Итак, нетрудно увидеть, каким почётом греческая софистика пользовалась среди индусов, как и та крикливая «свобода», которой они сбивали друг друга с толку, ибо одни были эпикурейцами, другие — циниками, третьи — стоиками, четвёртые — перипатетиками, а кое-кто — даже мнимыми платониками. Нет сомнения, что распри и перебранки тех школ в конце концов произвели на свет скептиков, которые, не обнаружив там ничего, кроме споров и ожесточения, выбрали новый путь, обеспечив себе мир своим невежеством. Итак, Фраот, вернув самонадеянному греку ту клевету об индусах, стал рассказывать ему о собственной Школе — я имею в виду брахманов — с её суровой и благотворной дисциплиной. И здесь не могу не отметить дерзость тианца, который, будучи чужестранцем в Индии, допустил совершенную нелепость, и, не побеседовав с местными жителями, заявил,

¹⁷ [Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985. Книга II. С. 44.]

что они не философы. Такие дурные манеры я — с некоторым основанием — объясняю обычным высокомерием его соотечественников, которые были так снисходительны к себе, что не видели различий меж греками и мудрецами. А на все прочие народы поставили клеймо варваров. Какое это поношение, мы быстро поймём, если склоним слух к речи царя; ибо вот как он поучал Аполлония:

«У нас, напротив, в любомудрие посвящены лишь немногие, а испытание им такое: юноша, достигший восемнадцати лет, <...> должен переправиться через Гифас к мужам, коих намерен посетить и ты, но прежде ему следует заявить принародно, что хочет он предаться любомудрию, дабы всякий желающий мог ему воспрепятствовать, ежели он уходит нечистым. Под чистотой я разумею прежде всего происхождение по отцу и матери, да не будет никто из них уличён в чём-либо постыдном, затем деда и бабуку, а также прадеда и прабабку¹⁸, дабы по нраву и качествам предков заключить о нраве потомка¹⁹. Если не обнаружится у предков никакого изъяна или позора, наступает пора проверить и испытать самого юношу: во-первых, довольно ли он внимателен, во-вторых, по природе ли скромный или только прикидывается скромным, затем — не склонен ли к пьянству или к обжорству, или к бахвальству, или к насмешливости, или к чванству, или к сквернословию, слушается ли отца и мать, учителей и воспитателей, а главное — не злоупотребляет ли своей милостью. <...> Мнение о юношах составляют на основании их наружности, ибо многое о нраве человека говорят его глаза, и многое можно понять и заметить по очертанию бровей

¹⁸ [Флавий Филострат. Жизнь Аполлония... Книга II. С. 44.]

¹⁹ [Эта часть фразы отсутствует в русском переводе Филострата.]

и щёк — вот так-то мудрые и учёные мужи наблюдают людские умы, словно отражения в зеркале»²⁰.

Разумеется, коль скоро у индусов философия в такой чести, необходимо, чтоб те, кто жаждет проникнуть в её тайны, искушались и испытывались всеми мыслимыми способами, ещё прежде чем быть допущенными [к обучению]. Таков был обычай брахманов — а также всех прочих магов в том, что касалось отбора и проверки их учеников.

Но всё это было внове для Аполлония, и поэтому он осведомился у Фраота, были ли упомянутые им мудрецы теми самыми, что некогда встретились с Александром Великим и рассуждали с ним о небесах, ибо, как кажется, были они астрологами. На это царь отвечал, что те торговцы планетами принадлежали к племени оксидраков, склонному к войне. «Они утверждают ещё, будто владеют мудростью, но в действительности ничего путного не знают, — добавил царь. И продолжал: — Подлинные мудрецы обитают между Гифасом и Гангом, а до этих краёв Александр не добрался — не из-за недостатка желания, а, как я полагаю, потому, что почтение к их тайнам не позволило ему идти дальше»²¹. К этому он добавил, что Александр знал, что реку Гифас можно перейти вброд, и мог с лёгкостью обложить город мудрецов. «Впрочем, он всё-таки не мог бы взять крепость, где обитают мудрецы, будь с ним хоть десять тысяч Ахиллов и тридцать тысяч Аянтов». Это он объяснил тем, что мудрецы не бьются с пришельцами, а спокойно сидят за стенами крепости и низвергают на врагов громы и молнии. Такой

²⁰ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 44—45. Следует понимать, что Воган просто пересказывает Филострата.]

²¹ [Там же. С. 46. У Филострата не так: «... не из боязни, а, как я полагаю, из-за неблагоприятных знамений».]

рассказ мог удивить Аполлония, не знавшего силы пороха, но в наше время нет ничего более обычного и правдоподобного.

Однако усовершенствования этого смертоносного изобретения не известны даже нынешним поколениям, ибо пирография Корнелия Агриппы и порошок брата [Роджера] Бэкона ни разу не использовались на поле брани. Послушаем теперь самого брата: повествуя о некоторых удивительных опытах, он, помимо прочего, поведал о некоем тайном составе. Если из него сделать пилюли или маленькие шарики и бросить их в воздух, то они произведут громы и молнии более сильные и ужасные, нежели природные. Вот его собственные слова: «Помимо и превыше тех, существуют и другие чудеса Природы, ибо в воздухе можно вызвать треск и грохот наподобие [тех, которые бывают при] молнии, но неизмеримо более устрашающие. Ибо [даже] небольшое количество приготовленного вещества — скажем, размером с палец — может произвести страшный грохот и яркую вспышку. Это достижимо несколькими способами, и любым из них можно уничтожить город или войско. Воистину, удивительно действие [этого состава], если знать его надлежащее применение, его компоненты и их пропорции».

Достаточно; пора вернуться к Аполлонию, ибо теперь он в качестве ученика спешит к реке Гифас, везя с собой рекомендательное письмо брахманам, в котором царь по его просьбе сообщает, что податель сего — достойный юноша²². И тут великие восточные мудрецы показали ему такие диковины, понять которые он был не в силах. Если верить Филострату, то вначале они показали ему колодец с водой лазурного или небесного цвета, этот цвет преобладал, но был более светлым и ярким [чем небо]. Когда солнце в полдень стояло

²² [Флавий Филострат. Указ. соч. В рекомендательном письме Фраота Аполлоний назван «мужем премудрым».]

над этой удивительной жидкостью, она притягивала к себе его лучи, или сияние, и опускалась, словно коагулируя вследствие жара, но при этом отражалась прекрасной радугой в глазах наблюдателя. Это — превосходное описание Меркурия Философов, но за ним скрыто ещё кое-что. По признанию Аполлония, впоследствии брахманы сообщили ему, что вода эта считается заповедной, а под ней или в ней лежит красная земля. Словом, ему объяснили, что никому не дозволено пробовать или пить ту жидкость и её не используют для обычных нужд. После того таинственного колодца он узрел огнедышащий кратер, и здесь я отказываюсь от комментариев. Затем его повели к двум трубам или сосудам: один сосуд дождя, а другой — сосуд ветров, именованные эти — глубокие и превосходные аллегии. Но для него эти диковины означали лишь зачатки магии. Перейдём же теперь к самому Снадобью и его чудодейственным свойствам.

Аполлоний говорит, что брахманы «умаслили головы золотистым снадобьем, которое так раскаляет тела индусов, что от них валит пар, и пот выступает на коже, словно в жарко натопленной бане»²³. Это убедительно доказывает, что они были философами. А теперь посмотрим, какое местообитание они избрали и сколь оно схоже с тем пристанищем или обителью Братства Розы и Креста, которое его члены называют *Обителью Святого Духа*²⁴. «Мудрецы, — сообщает Апол-

²³ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 58.]

²⁴ Обитель Святого Духа была местом собраний, в котором члены Братства Розы и Креста обязались встречаться раз в году или «написать письмо с указанием причины отсутствия». См. манифест «Fama Fraternalitatis». Неясно, было ли это в действительности то «пристойное и уютное жилище», которое Христиан Розенкрейц построил для себя после своих странствий и где он «размышлял о своём путешествии и своей философии». Предположительно, именно здесь находилась гробница Розенкрейца, если верить его истории.

лоний, — обитают на невысоком холме, и вершина его всегда окружена облаком, в котором и обитают индусы, — именно так и сказано, — по желанию становясь то видимыми, то невидимыми»²⁵. Тайна невидимости была неведома ни тому голландскому мужлану, ни его плагиатору, автору «The Manna»; но Братство Розы и Креста способно ориентироваться в этом молочном тумане. «Кто пожелает общаться с нами, должен видеть в этом свете, или вовек нас не узрит — если сами мы того не пожелаем».

Тианец сообщает и более: брахманы сами не ведали, была ли вокруг этого холма дорога или ворота, которые вели бы к ним, поскольку туман ничего не позволял увидеть. Не оставьте это без внимания, ибо то же пишут относительно обителища [Братства] Розы и Креста. «Днём я узрел олимпийские башни, сверкающие близ какой-то реки, и прославленный город, который мы освятили под именем Святого Духа. Я говорю о Геликоне — или двуглавом Парнасе, — где крылатый Пегас открыл источник живой воды, текущий и по сей день. В нём купается Диана, Венера состоит там горничной, а Сатурн — терпеливым слугой. Эти слова скажут много разумееющим, но несведущим — мало или ничего».

Чтобы несколько прояснить картину, послушаем обращённые к египтянам слова Аполлония, описывающего элизий брахманов: «Я видел индийских брахманов, обитающих на земле и на не-земле, без стен оборонённых и не владеющих ничем, кроме всего сущего»²⁶. Это достаточно ясно, и на

²⁵ [Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985. Книга II. С. 55. В русском переводе: «Холм, на коем обитают мудрецы, высотой примерно с афинский Акрополь ...путешественники видели облако вокруг холма, на котором обитают индусы».]

²⁶ [Там же. С. 56.]

той горе хотел бы жить и я, пусть даже единственно по причине, указанной тем софистом в его славословии вершинам: «Их первыми приветствует солнце и последними покидает. Кто не полюбит их и долгие дни, ими даруемые?»

Но об этих горах я более не пророню ни слова, иначе читатель будет настолько безрассуден, что заподозрит, будто я принадлежу к Братству. А посему я перейду к учению брахманов, но лишь настолько, насколько мне позволит их история. Итак, я нахожу Иарха²⁷ восседающим на престоле, вокруг него — остальные мудрецы, и Иарх, усадив Аполлония, приветствует его таким великодушным предложением: «Спрашивай о чём пожелаешь, ибо явился ты к мужам всеведущим»²⁸. Тианец мудро спросил: «Из каких принципов состоит космос?»²⁹ — На это брахманы отвечали: «Из стихий». — «Из четырёх?» — был следующий вопрос Аполлония. — «Не из четырёх, но из пяти», — ответил великий Иарх. Грек был озадачен: «Какая же пятая стихия, кроме воды, воздуха, земли и огня?» — Иарх: «Эфир, который следует считать первоначалом богов, ибо, подобно тому как все смертные твари поглощают воздух, так же бессмертные и божественные создания поглощают эфир»³⁰.

И здесь я не могу не отметить грубое невежество Аполлония, который, объявив себя пифагорейцем, никогда не слышал об эфире, этом знаменитом пифагорейском принципе. Но перейдём к другому его вопросу, который более всех

²⁷ Старейшина мудрецов

²⁸ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 58.]

²⁹ На самом деле вначале Аполлоний спросил, познали ли мудрецы самих себя, второй вопрос был о душе, а третий касался прошлых жизней и перевоплощения.

³⁰ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 66.]

других обнаруживает его слабость и малообразованность. Он просит Иарха поведать, какая же стихия была сотворена первой. На такую нелепость учёный брахман дал ответ, достойный его: «Все сразу», и пояснил: «Потому что живое не рождается частями»³¹. Это было здоровое и разумное положение, ибо вначале был создан хаос, а в нём — все стихии одновременно; ибо мир был проявлен и выведен из хаоса, словно цыплёнок из яйца³². На что Аполлоний спросил как истинный софист: «Стало быть, мне следует полагать космос живым?» — Иарх: «Да, если понимать это верно: ибо космос живородит всё»³³. — Тианец: «Следует ли приписывать космосу женскую природу или, напротив, мужскую?» — «Обе, ибо <...> он является в живорождении сразу отцом и матерью»³⁴.

Вот мы подошли к последнему, касающемуся философии, вопросу Аполлония, и мне жаль, что не хватило у него догадливости задать их больше, или задать лучшие — приходится принять, какие есть. Итак, он осведомился, что обширнее — земля или море? На это индус отвечал, что, если считать одно лишь Средиземное море или какое-нибудь ещё, то земля, без сомнений, будет обширнее. «Но ежели вообразить землю в сравнении со всей сущою влагой, — добавил он, — то меньше окажется земля, ибо и сама она покоится на море»³⁵. Воистину, весьма здравый ответ, сообразный и с Писанием, и с Природой; ибо сам Дух, оживляющий и поддерживающий космос, обитает в воде.

³¹ [Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985. Книга II. С. 67.]

³² Это комментарий Филалета.

³³ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 67.]

³⁴ [Там же.]

³⁵ [Там же. С. 68.]

Что ж, я полагаю, разумному читателю — а других у меня не будет — очевидно, что брахманы были не сказочной, рождённой суеверием кастой, а мужами суровой доктрины, чьи принципы отвечали неукоснительным законам Природы и не нарушали их. Я желал бы, чтоб Аполлоний был более подготовлен к общению с ними; но столь скудны его познания в философии, что он не знал, о чём их спросить, и всё великодушное, оказанное ему, не принесло плодов. Это очевидно любому, кто в некоторой степени сведущ в том, что касается заданных им вопросов, уже упомянутых нами. Но если взглянуть на остальные его вопросы, то большинство из них касается древних рассказней, которые он привёз с собой из Греции: и вот он начал трясти мошной. Первым оттуда появился мартихор³⁶, это чудище и Мандевиль³⁷ никак не мог повстречать; затем он спросил у Иарха о некоей золотой воде³⁸, и это, воистину, могло бы кое-что значить, но сам тут же сказал, что она струится из обычного родника; и поэтому Иарх отвечал, что никогда не слышал о *мартихоре*, и также неизвестен в Индии источник с золотой водой. Но это не всё. Замыкают череду непостижимых тварей пигмеи, шалашеноги и *голованы*, куда можно добавить и всех зверей из «Истории» Лукиана. Но — как обычно говорят — нет дыма без огня, и среди этих басен встречаются индийские аллегории; возможно, сами брахманы распространяли их, чтобы одновременно пояснить и затемнить своё знание.

³⁶ Мартихор упоминается Аристотелем в его «Истории животных».

³⁷ [Вымышленный автор книги «Приключения сэра Джона Мандевилья», написанной между 1357 и 1371 годами. Это повествование о фантастическом путешествии насыщено небылицами, в частности, описаниями самых невероятных существ.]

³⁸ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 71.]

Таких аллегорий всего две, и Иарх подробно разбирает их и торжественно признаёт.

«У нас нет причин не верить в это», — заявил он³⁹. Первая из этих двух тайн — пантарб, что Фичино ошибочно передал как пантаура, и о нём Аполлоний пожелал узнать истину, а именно — существует ли такой камень вообще и обладает ли он столь удивительным магнетизмом, что притягивает к себе прочие драгоценные камни. На этот вопрос брахман дал наглядный ответ, ибо имел при себе сей необычный камень и удостоил Аполлония лицезрения оного. Но для лучшего ознакомления послушаем, как описывает его сам Иарх, ибо он делает это столь обстоятельно, что даже заурядный ум в силах ему следовать: «Родятся они в подземных пещерах на глубине четырёх сажений, — поведал он, — и испускают столь сильный дух, что земля вздувается и покрывается многочисленными трещинами, едва затяжелеет таким плодом. И камень этот никому не дано отыскать, ибо он убегает, если только не привлечён заклинанием. И всё же мы то обрядами, то заговорами умеем удержать пантарб»⁴⁰.

Таковы слова Иарха, из которых можно заключить, что он свёл воедино первое и второе сотворение [generation] камня, ибо философы имеют обыкновение никогда не выражать свои тайны явно. Но он полностью и недвусмысленно описал второе рождение [камня], ибо, когда первичная земля философов увлажняется собственным молоком, она вздувается, насыщаясь частым впитыванием, пока не треснет и не сублимируется с [выделением] мягкого жара. А затем восходит

³⁹ [В русском переводе Филострата: «Зато рассказам о камне, притягивающем и удерживающем другие камни, верить стоит». Указ. соч. С. 71.]

⁴⁰ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 71.]

небесный Сульфур, освобождённый из своей оболочки; и за собой оставляет Двоичный [принцип] или шлаковую землю⁴¹, и более не является пленником тех отбросов. Первый небесный Сульфур обычно именуется звёздной скалой и жемчужной землёй, но Раймунд Луллий называет её землёй земли, и в одном месте описывает её так: «Это — та Тинктура, которая сбрасывает свою презренную землю и облачается в более благородный наряд». Но в другом месте, предписывая определённые предосторожности при влажном [rorid] делании, он недвусмысленно упоминает первый и второй Сульфур, причём последний обычно именуется «Сульфуром от Сульфура». По его словам, «под этим подразумевается земля, которая не отделяется от сосуда, или земля земли». Этого достаточно, чтобы доказать сродство пантарба и Камня Философов.

Вернёмся же к Иарху: он продолжает свои наставления, а Аполлоний внимает ему, но без толку. «Пантарб, — говорит брахман, — ночью являет день, будучи, подобно огню, багрян и лучист, а ежели днём взглянуть на него, то поражает он взор тысячами блистающих искр»⁴². Откуда происходит тот свет, брахману было превосходно известно. «Заключённый в нём свет есть дух сокровенной силы, ибо притягивает к себе всё, что поблизости». И поясняет тианцу: «Если рассыпать драгоценные камни в море или реке, и не по соседству, а далеко друг от друга, то сей магический камень, будучи опущен вслед за ними, вновь соединит их; ибо они все потянутся к пантарбу и сцепятся вокруг него, словно пчелиный рой».

⁴¹ Terra damnata [«Проклятая земля»]. Это — caput mortuum [«мёртвая голова»], см. «Anima Magica Abscondita», также именуется фекалиями, оставляемыми веществом после его очищения.

⁴² [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 71.]

Вот и всё, что он [Иарх] сказал ему; а в заключение показал свой пантарб. Попросту говоря, он показал Аполлонию Камень Философов и творимые им чудеса⁴³. Вторая тайна, о которую споткнулся Аполлоний — поскольку не ведал, что это за тайна, — была золото грифонов⁴⁴, и [существование] оной Иарх также подтвердил, но я остерегусь говорить о ней, ибо не нахожу это уместным.

Пора теперь расстаться с Аполлонием и его брахманами, что я и сделаю; но вначале отвечу на возражение, — хотя и жалкое, ибо невежество не гнушается никакими средствами. Быть может, кто-то решит, будто я был слишком дерзок с Аполлонием, коего многие мужи, в том числе те, которые полагают себя учёными, считают великим философом. На это я отвечу, что не спрашиваю об учёности кого бы то ни было: пусть мнят о себе что угодно, и пусть соответствуют своим представлениям, если им это под силу. Что же до Аполлония, то молва о его чудесах, — подобно чудесам [отца] Ксавье, — как представляется, застлала легковёрный слух некоторых [людей], и этот внезапный набат растревожит их; но если бы те почитатели внимательно изучили его жизнь, то не проявили бы такое слабоумие и не признали бы за ним разумный нрав. Действительно, Филострат приписывает ему многие удивительные

⁴³ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 71.] Пантарб здесь описан прежде всего как магнетический камень, но это свойство никогда не приписывалось камню алхимическому, хотя — согласно Сендивогию — Философский Меркурий и обладает силой притяжения, соответствующей солнечным и лунным лучам. Пантарб, как явствует из Аполлония, обладает также способностью к исчезновению, которая не характерна для Камня Философов. Собственно, Воган был обманут весьма поверхностным сходством. Нет нужды говорить, что ни Камень Философов, ни его свойства не упоминаются у Филострата.

⁴⁴ Т.е. грифов. Раньше считалось, что они выкапывают клювом некоторые камни, раскалывают их на части и извлекают золото, заключённое внутри. — [Там же. С. 71.]

тельные деяния: он-де воскрешал мёртвых, освободился из темницы и стряхнул свои цепи столь же богодухновенно, как и сам апостол Пётр⁴⁵; но этого мало: он-де, защищаясь перед Домицианом на глазах у всего сената, внезапно исчез и мгновенно перенёсся из Рима в Поццуоли⁴⁶. Спору нет, это великие деяния; но если вспомнить, в чём признавался сам Филострат, то мы быстро поймём, что имеем дело с обычными небылицами. Ибо в начале повествования, рассказывая читателям об этих выдумках, и от кого он их получил, он [Филострат] сообщает, что Дамид, спутник Аполлония, записал его жизнь и все её события⁴⁷, но сии заметки никогда не публиковались самим Дамидом, и только «кто-то» из родичей Дамида указал на них императрице Юлии. Тут же Филострат сообщает, что названная императрица повелела ему обработать те заметки. Таким образом, оказывается, что изначально они были записаны по-гречески, и Филострат — лишь переписчик⁴⁸, но не автор. В это мне трудно поверить, ибо Дамид был ассирийцем и, по собственному признанию, весьма невежественным и даже неграмотным; но, повстречавшись с Аполлонием и побеседовав с эллинами⁴⁹, сам сделался почти что эллином, хотя и не таким учёным, чтобы писать жития, и [тем паче] слогом, подобным слогу Филострата. Однако это не всё. Наш автор сообщает о некоем Мойрагене, написавшем о жизни Аполлония сочинение в четырёх книгах; однако тот сочинитель, по его утверждению, ничего не знал о чудесах, творимых тианцем.

⁴⁵ Ссылка на Деяния 12:7.

⁴⁶ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 187.]

⁴⁷ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 6, также С. 15.]

⁴⁸ В оригинале — «transcribler» [вместо «transcriber»], что может быть типографской ошибкой, хотя не исключено, что Воган использовал такое написание в качестве сатирического приёма.

⁴⁹ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 70.]

И что же следует из этого невежества? Что нам не следует верить Мойрагену⁵⁰. Почему же нет, спрошу я? Из-за того, что он, хоть и жил одновременно или почти одновременно с Аполлонием, слыхом не слыхивал те невероятные небылицы, которые Филострат впоследствии придумал⁵¹. Таким образом, нам следует верить самому Филострату, потому как он родственник Аполлония не по крови, а по духу. Воистину, он-то и измыслил все эти чудеса, ибо сам Аполлоний никогда их не совершал.

Что касается учёности сего тианца, — поскольку некоторым нравится считать его учёным [мужем], — то мне придётся признаться, что я не обнаруживаю оной. Философия, на которую он претендовал, была пифагорейской, ибо это он объявил царю Вавилона Вардану: «Для меня же вся мудрость — от Пифагора Самосского, ибо от него научился я почитать богов, <...> от него же научился я знанию о божествах видимых и невидимых, от него и мой дар беседовать с богами»⁵². Насколько верно всё сказанное, нетрудно понять, если взглянуть на его образование. Его наставником в пифагорейском учении был некий Евксен, известный глупец и человек малосведущий, как признается Филострат. «Он <...> устраивал свою жизнь на эпикурейский лад <...> а основы Пифагорова учения вызубрил так же, как птицы порой перенимают слова людей, приветственно выкликая «Здравствуй!» или «Зевс в помощь!», нимало не понимая произносимого»⁵³.

⁵⁰ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 6.]

⁵¹ Филострат упоминает, что ему попадались четыре книги некоего Мойрагена, но они «доверия не заслуживают», потому как автор слишком многого не знал об Аполлонии.

⁵² [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 23.]

⁵³ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 8.]

Что ж, какие наставления он мог получить от подобного человека, судить непредвзятому читателю. Мы же добавим вот что: если Аполлоний, находясь в Вавилоне, мог беседовать с богами, то чему он желал учиться у людей? Ведь, прибыв в Индию, он просит брахманов научить его искусству прорицания. Очевидно, будь он на короткой ноге с ангелами и духами, он не стал бы утруждать себя подобной просьбой. Всё это, воистину, промахи Филострата, умевшего лгать, но не способного запомнить [свои небылицы]. В другом месте он утверждает, будто Аполлоний понимал все людские наречия⁵⁴ и — что ещё более удивительно — даже людское молчание. Что и говорить, это немало, но вскоре после того он теряет сии высочайшие навыки: ведь повествуя о встрече его с Фраотом, тем мудрым восточным царём, автор упоминает о толмаче. Поскольку тианец, перед тем якобы понимавший все наречия, не сумел понять язык царя⁵⁵, и столь далёк он был от чтения его тайных мыслей, что не знал даже, на скольких наречиях тот способен их выразить. Ибо, когда царь с лёгкостью заговорил по-гречески, Аполлоний весьма удивился, каким образом тот овладел этим языком.

Далее: если кто-нибудь заявит, будто брахманы научили его своей мудрости, то вполне очевидно, что они этого не сделали⁵⁶. Даже Дамид об этом говорит: ведь Аполлоний, по его словам, не просил у брахманов ничего, кроме как научить его некоторым приёмам волхвования, посредством коих он сумел бы предсказывать будущее. Иарх же оборачивает беседу к пророчествам, ибо ничего не говорит о тех приёмах волхвования,

⁵⁴ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 15.]

⁵⁵ [Там же. С. 42.]

⁵⁶ Иарх обещает Аполлонию передать ему всё своё знание. — [Там же. С. 58, также с. 69.]

[знания] коих жаждет грек. По словам мудреца, всеблагодатен тот, кто способен получить из Божьей десницы знание грядущего и возвестить неведающим то, что ему уже ведомо⁵⁷. Что же до правил прорицания, то он не упоминает ни одного, поскольку для философа, подобного ему, это было бы весьма грубой ошибкой. Он ограничивается указанием, что прорицателю следует вести жизнь чистую и не оскверняться плотским. Не могу не упомянуть один момент. Иарх говорит Аполлонию, что из всех благ, кои несёт людям волхвование, величайшим является врачевание, или медицина⁵⁸. Но к этой небесной и благостной истине Аполлоний оказался невосприимчив, ибо был столь чужд тайнам Природы, что и не знал, о чём ему спрашивать. Что до меня, то если бы я считал его философом, то отнёс бы к стоикам, благо он весьма преуспел в нравственной дисциплине; но ничего более за ним признать не могу. Что до Филострата, то, если бы мы с ним не поквитались, я считал бы, что он нанёс нам тяжкое оскорбление: ибо, сочиняя свою историю, он не дал возможности следовать за ним. Я мог бы пожалеть о некоторых нелепостях, приписанных им Иарху, если бы принципы этого славного брахмана не опровергали их. Каковы они, я вам не открою⁵⁹, так как ограничен [размерами] вступления и не могу уделить сей теме места, коего она заслуживает.

И здесь какой-нибудь критик может утратить терпение и попросит меня развернуться, ибо я слишком отклонился от своего предмета — Общества Розы и Креста. И правда, моя

⁵⁷ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 69.]

⁵⁸ [Флавий Филострат. Указ. соч. С. 70.]

⁵⁹ Один из приёмов Вогана, когда речь заходит о вторичных разделах тайноведения. Тематика бесед между Иархом и Аполлонием изложена с достаточной полнотой, и мы можем оценить их и без отсылок к Филострату. На их основе Аполлоний написал четыре книги по астрологии и одну о жертвоприношении — во всяком случае, так утверждает Филострат.

услужливость брахманам превзошла меру, но не из-за своеволия. Я сделал это, чтобы показать сходство прежних и новых учителей; и это вовсе не отступление, а, скорее, пример. Поскольку, если есть свидетельство, что мудрецы существовали, то оно доказывает, что они могут существовать [и ныне], ибо никто не будет отрицать, что прецеденты исключают невозможность. А по-этому считаю достойным заметки, что даже волхвы, посетившие Самого Христа, явились с Востока. Но подобно тому, как никому не доказать, что они были брахманами, так же мы не докажем, что они ими не были. Если же кто-то будет упрямо утверждать обратное, то ему причитается моя благодарность, ибо тогда окажется, что Восток породил более одного магического братства. Но здесь мне нет нужды настаивать, благо учёные не будут отрицать, что мудрость и свет впервые были явлены в одном и том же месте, а именно на Востоке, где был взращён первый человек. И отсюда мир получал не только свои религии, но и философию, ибо обычай стал различать их. Из того же живого источника Востока черпали свои целительные воды и братья Розы и Креста; их основатель воспринял свои принципы в Дамкаре, в Аравии, что подробно изложено в *Fama* [Fraternitatis]. Итак, не впусую я провёл час в тех светлых краях и отдал долг благодарности тем изначальным благодетелям, потому что придерживаюсь принципа: «Тот, кто носит воду, должен чтить колодец».

Чтобы подойти, наконец, к моему предмету: признаюсь, что я не знаком с названным Братством лично, но их учению не чужд. И здесь, к удовлетворению читателей, я немного расскажу о нём: не для того чтобы открыть или подчеркнуть какую-либо подробность, ибо эту милость они не оказывают ни одному человеку, пока он — по их собственным словам — не съест с ними пуд соли. Они сообщают нам, что огонь и Дух Божий воздействовали на землю и воду, и из них Дух извлёк чистую, прозрачную субстанцию, которую именуют земным

небом. По их словам, Дух пребывал на этом небе, оставив на нём свой отпечаток. И из этого небесного, осветлённого экстракта, напитанного истечением и образом Духа, было создано то наиболее благороднейшее существо, которое мы именуем человеком. Эта первоматерия человека, по их описанию, была жидкой, прозрачной солью, разновидностью светлой земли, очищенной сверхприродным деятелем и умягчённой необычной, маслянистой влагой, осветлённой всеми тинктурами солнца и звёзд. Она была и остаётся породительницей всех существ; и сие Общество признаёт её самой основой и первыми воротами, ведущими ко всем их тайнам. Эта земля, или вода, — называйте её как угодно, ибо она есть и то, и другое, — естественным образом порождает их деятеля; но им не получить её без Искусства. Под их деятелем я подразумеваю огонь, именуемый обыкновенно Мужем Воды, Вулканом, Невидимым Солнцем, Сыном Солнца, Нижней Звездой, Сокрытым Кузнецом, Непреходящим и тысячью иных имён⁶⁰. Это, безо всяких метафор, «божественный огонь и питание всех», и, если говорить истину — пусть даже словами Аристотеля — он есть «наибожественнейший принцип, соответствующий звёздным стихиям». Это — тот огонь, который Зороастр именует «Огненной душой космоса и живым огнём». Попросту говоря, он — тинктура изложницы, огненная, лучезарная душа, призывающая другую душу, подобную себе; ибо этот огонь образует *душу* Меркурия, что почти утонул в холодной и флегматичной Лете.

И здесь, читатель, попытайся понять [мысль] философов: они сообщают, что Бог вначале сотворил хаос, а затем разделил его на три части. Из первой он сотворил мир ду-

⁶⁰ Символические наименования герметического огня не столь многочисленны, как Первоматерии: те занимают десять колонок в «Dictionnaire Mytho-Hermetique».

ховный, из второй — видимые небеса с их светилами, а третья, худшая, часть была предназначена для сего подлунного мира. Из этого грубого остатка Он извлёк неразложимую квинтэссенцию, или Первоматерию всех земных явлений, и из неё были созданы все четыре стихии — такова эта смелая арифметика. Теперь, читатель, если тебе ведома эта Материя, строй свои догадки: ведь ты, возможно, из тех, кто мнит себя кем-то [значительным]. Я же скажу, что эта теория принадлежит Раймунду Луллию, а если тебе это ни о чём не говорит, то я без обиняков могу сказать, сколь ты мудр. В мире столько же типов соли, сколько и видов [живых существ], и соли различаются так же, как и виды, т.е. своей сутью; ибо соль заключает в себе видовые формы. Знай, что нет другого истинного лекарства, кроме соли, так как она никогда не разлагается; более того, она препятствует разложению и тлену любой материи, а то, что препятствует порче, препятствует любой болезни. Всему миру известно также, что соль предотвращает разложение и растворение элементов, и не только в живых, но и мёртвых телах: если те посолить, то они сохраняются от порчи. Замечу ещё, что Вергилий для излечения Энея приводит его мать Венеру с панацеей, или Универсальным снадобьем:

Облаком тёмным лицо окутав, приносит Венера
Травку и тайно её погружает в блестящую чашу;
Влаге, налитой в неё, придав целебную силу⁶¹.

Этим понятием изрядно злоупотребляли некие алхимики — как они себя называли; но, по словам Сервия, это

⁶¹ [Вергилий. Энеида. Кн. XII. Стихи 416—418 /Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.] Трава, принесённая Венерой, была ясенцем.

именование превосходно придумано, и со ссылкой на Лукреция он указывает, что панацеей была соль. Воистину, если бы нам удалось разложить соль, мы бы открыли все тайны Природы, ибо она заключает в себе все тинктуры. Но разложить эту субстанцию — задача трудная, и тому, кто вознамерится её исполнить, придётся сделать больше, чем может сама смерть: ведь даже её власть не простирается столь далеко. Тем не менее нельзя отрицать, что некоторые мудрые мужи сумели разложить соль; но этот ключ они получили от Бога, и в нём великая тайна их Искусства. Но превыше всего восхищает меня в ней [соли] то, что, будучи уничтожена, она не умирает, а возрождается для лучшей жизни, — весьма необычная привилегия. И наоборот: если умирает животное, увядает трава, или какой-нибудь металл окисляется, а его части по-настоящему разделяются, нам никогда не восстановить их. Но если вам удастся соединить компоненты сего таинственного вещества, сего корня мира, после того как они были разделены, то они не успокоятся, а примутся менять свой вид и окрас — от зелёного к красному, от красного к чёрному, а от чёрного — к миллиону [прочих цветов]. И эти непостижимые превращения не закончатся, пока оно само не совершит своего восстановления и не доведёт себя до сверхприродной температуры. Соль, говорю я, есть истинный зародыш, семя не только этого мира, но и следующего; она — тайна, сотворённая Господом⁶².

⁶² Согласно Питеру Джону Фаберу [Peter John Fabre], Философская Соль является ключом Искусства и редко упоминается авторами древних алхимических трактатов из-за их стараний скрыть всё, что её касается. Она проявляет тайные свойства Сульфура и Меркурия, и без неё Великое Делание не удастся. Она содержит в себе солнце и луну, все звёзды и все небеса. Фабер также подчёркивает важность её растворения и разложения. См. Мангет: «*Bibliotheca Chemica Curiosa*» [«Достопримечательная химическая библиотека»]. Т I. С. 296, 297. Этот трактат, видимо, напечатан с рукописи и не озаглавлен.

Она — живая вода, в коей пребывает Божественный Огонь, и сей Огонь связывает с собой её компоненты, осаждаёт их и останавливает их истечение. А соль — это вода, которая не увлажняет рук. Сей Огонь — это жизнь, и потому препятствует смерти. Более того, он настолько действен, что небольшое количество соли предотвращает разложение везде, куда бы она ни попала. Но если кто-то глубоко познал силу сего Огня, пусть он мудро и основательно изгонит его. Пусть он разрушит его обиталище, и тогда увидит, какой путь сей творец изберёт, чтобы восстановить свой дом. Не думайте, будто я говорю об обыкновенных солях, хоть я и признаю, что они — отличные лекарства, если их правильно приготовить.

Выше я сказал, что есть несколько видов солей; и здесь тебе надобно поразмыслить, иначе твои труды закончатся жалобой, [подобной жалобе] [ал]химика у Сендивогия, который «оплакивал потерянный Камень и своё недомыслие, ибо он, видя, что эта субстанция имеет множество разновидностей, не спросил у Сатурна, что же это была за Соль».

Итак, я советую тебе рассмотреть несколько делений хаоса, кои я недавно упоминал, ссылаясь на Раймунда Луллия; поскольку Материя, описанная у него, не подвержена многим видоизменениям, твои ошибки не могут быть многочисленны. А теперь обратимся к сокровищам нашего соляного раствора и нашей жидкой соли. Ибо сказано: «Будем искать ту разновидность духа, или воды, которая, если так выразиться, более ощутима и гораздо более знакома нам; в истовом искании последуем путём воздушной природы, в тайнике которой сокрыты великие чудеса, а именно — ангелы всех чинов, архетипы [essential forms] низших явлений, изначальная [radical] влага всего сущего, пища плотного огня, изумительные провозвестники метеоров, ураганы четырёх сторон [света] и другие тайны без числа».

Теперь, наверное, ты перекрестишься, ибо возможно ли, воскликнешь ты, чтобы какая-либо материальная субстанция заключала тайны, подобные названному? Это, друг мой, не имеет значения. Не беспокойся об этом, так как твоя вера не прибавит ни толики, а твоё неверие не отнимет ни капли. Вот то единственное, что ты можешь сделать: постарайся не противоречить моей дерзости, поскольку, признаюсь тебе, мне неведомо то, что я мог бы назвать невозможным. Я уверен, что в Природе существуют силы всех типов и отвечающие любому желанию; и даже эти силы подвластны нам. Слушай же, я объясню тебе их сотворение и тайное нисхождение до самой земли. Несомненно, Господь творит идеями Своего разума, и эти идеи оставляют свой отпечаток на материи, углубляя его день за днём. Затем, *Душа мира* хранит в неподвижных звёздах свои индивидуальные формы или зачаточные образы, отвечающие идеям Божественного разума; и здесь она впервые воспринимает те духовные силы и воздействия, кои изначально происходят от Господа. Отсюда они передаются планетам, особенно Солнцу и Луне; два этих великих светила сообщают их воздуху, а из воздуха они спускаются во чрево — или изложницу — земли в виде плодоносных, одухотворённых ветров и вод. Итак, памятуя, что видимые небеса воспринимают свет духовного мира, а сия земля — свет видимых небес, почему же мы не найдём на земле то, что принимает этот свет и обнимает силы двух высших миров? Что ж, коли это необходимо найти, вряд ли кто-то станет отрицать, что силы ангельского и небесного миров весьма необычны, и сложно сказать, чего они не могут. Итак, этим предметом будет соль, о которой я рассказывал выше. Она — плоть универсального духа. Она — сперма природы, которую та приготавливает для своего собственного света — как мы бы приготавливали масло для лампы. Это необычная субстанция, но и весьма распростра-

нённая, и некоторые философы весьма удачно называют её «зелёной и удивительной солью». И здесь будет вполне уместно коснуться зелёной линии каббалистов⁶³, чью тайну не понимали должным образом даже некоторые из *Меккубалим*; но, без сомнения, нынешним раввинам она вообще неведома. Это — последняя *Мида*⁶⁴, или свойство *сфирот*, ибо она принимает и включает в себя все воздействия древа сфирот. Она охватывает небеса, а в них — землю, подобно зелёной радуге или обширной сфере зелени, и из этой сферы Божественные воздействия, подобно дождю через эфир, изливаются вниз, в тела неподвижных звёзд⁶⁵. Ибо, чем воздух является для земного шара, тем является эфир для звёздных тел, и в этом-то и заключается тайна *Меккубалим*, так как они указывают, что в двойственном воздухе есть двойственная Венера. Но довольно об этом.

Теперь я поговорю о тайне философов и благостной [сфере] зелени, которую можно увидеть и ощутить здесь, внизу. Это — Протей поэтов древности; ибо если дух сего зелёного золота освободится — что не получится, пока тело не будет сковано, — то он откроет все изливания [essences] космического центра.

Станет выскальзывать, вид принимая различных
животных,
Будет шипеть, как огонь, пронзительно и вырываться,
Станет щетинистым вдруг кабаном иль тигром свирепым,

⁶³ См. «Conclusiones Kabalisticæ» Пико делла Мирандолы: в седьмом заключении сказано, что небо — это та «зелёная линия, которая охватывает всё сущее».

⁶⁴ Добродетель и влияние.

⁶⁵ Это не истинный каббализм, под которым я понимаю традицию «Зохара», а, скорее, фантазии какого-нибудь еврея-раввина.

Львицею с жёлтым хребтом, чешуйчатый станет
драконом;
Всячески будет из пут уходить, в струе растворившись⁶⁶.

Но это поэзия. Теперь послушаем, как описывает то же действие превосходнейший — и вместе с тем суровый — наставник в философии. «Но после того как сей дух минует бранные пути, по которым развеян, он немедленно очистится от всей скверны и примет обличий без числа: тут [став] травой, там — камнем или необычным животным, иногда комом земли, жемчужиной, самоцветом или металлом; и, приятно светясь алым пламенем, он будет непрерывно менять неисчислимые цвета, будучи постоянным совершителем и творцом чудес, никогда не утомляясь этим занятием, но всегда оставаясь юным, [исполненным] сил и энергии».

Таковы его слова; теперь, читатель, я должен сказать тебе, что все эти чудеса происходят от некой земли, мягкой красной глины, коя сыщется повсюду. Быть может, тебя смутили эти обличья, упомянутые мною; но что ты возразишь Ямвлиху, который со всей серьёзностью утверждает, что эта земля привлекает ангелов, т.е. добрых духов? Ибо он это [действительно] утверждал. Но послушаем того учителя Абаммона, ибо вот что он пишет из Египта Порфирию. «Первейшее блистает даже для самого последнего, и нематериальное невещественно присутствует в материальном. Пусть не удивляется кто-то, если мы скажем, что даже какая-то материя является чистой и божественной. Ведь и она произошла от отца и демиурга всего и обладает своим совершенством, будучи

⁶⁶ [Вергилий. Георгики. Кн. IV. Стихи 406—410/ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида//Серия «Библиотека античной литературы». М.: Художественная литература, 1979.]

удобным вместилищем для богов. Вместе с тем ничто не отнимает у лучшего способности освещать стоящее ниже его, и тем самым ничто не отлучает материю от участия в лучшем, так что вся та материя, которая совершенна, чиста и имеет благой облик, не окажется неподходящей для того, чтобы служить вместилищем для богов. Ведь поскольку ничему на земле никак невозможно было бы оказаться беспричастным божественной общности, то и земля сама восприняла от последней некую божественную частицу, достаточную для того, чтобы дать место богам. Ведь в самом деле, следует досадовать не на всякую материю, но только на ту, которая чужда богам, родственную же им нужно выбирать... Ведь в противном случае для местностей на Земле или для живущих на ней людей не возникло бы причастности к восприятию лучших, если бы ей не предшествовало некое подобное первичное основание. Необходимо доверять неизреченным словам о том, что даже при посредстве блаженных зрелищ от богов передаётся некая материя. Конечно, она сама родственна тем, кто её дарует. Следовательно, разве принесение в жертву подобной материи не побуждает богов к появлению?»⁶⁷

Таковы слова Ямвлиха в том проникновенном трактате, где он разъясняет Порфирию египетские, халдейские и ассирийские мистерии. Мне ведомо, что философская земля не открывает формы, о которых я говорил, путём обыкновенных, обыденных процессов: и если кому-то они известны, то я не назову его философом по [одной лишь] этой причине. Есть несколько способов использовать сию тайну, одновременно первую и последнюю, и некоторые из них можно

⁶⁷ [Перевод цитирован по изданию: Ямвлих. О египетских мистериях/Вступительная статья и перевод Л.Ю. Лукомского. М.: АО «Х.Г.С.», 1995. Ч. 5, § 23.]

раскрыть, но другие нет. В завершение скажу, что эта просветлённая земля есть арена всех форм, ибо здесь они проявляются, словно образы в зеркале; и, когда время их проявления подойдёт к концу, они вернутся в тот центр, из которого некогда вышли. От неё произошли все растения, все минералы и все животные в мире — и даже сам человек, со всем его сомнением и независимостью [principlality]. Эта мягкая глина — мать их всех; и то, что божественный Вергилий сказал некогда об Италии, будет весьма уместно и для нашей величественной земли, [насыщенной] Сатурном.

Не у неё ли ручки серебра и залежи меди
В недрах, течёт не она ль изобильно золотом чистым?
Крепких она и мужей, сабинских потомков и марсов,
И лигурийцев, трудом закалённых, и с копьями вольсков
Родина, Дециев всех и Мариев, сильных Камиллов,
И Сципионов, столпов войны, и твоя, достославный
Цезарь, который теперь победительно в Азии дальней
Индов, робких на брань, от римских твердынь отвращает.
Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожаев,
Мать и мужей!

Итак, читатель, я попытался обосновать те непостижимые цели, о которых во всеуслышание заявило сие Общество. Я сделал это не в качестве одолжения ему, ибо я не сочинитель историй и не желаю близкого знакомства с оным. Не стану отрицать, что я одной веры с ними, и я предпослал такое предисловие, поскольку имел дерзость думать, что это касается меня в той же мере, что и их. Воистину, [к делу], где я обнаруживаю близкие моим убеждения, я проявляю интерес, и считаю своим долгом защитить того, кто эти убеждения разделяет. Теперь об основе, заложенной здесь: это Разновидность Воды, Влажный

ключ философов⁶⁸ и *безделушка* сего Общества. Не осмелюсь говорить об их метафизической тайне, но открою тебе, что она — не тайна Камня Философов⁶⁹ в том, что касается формы или материи; удовольствуйся этим. Мне известно, что некоторым душам упомянутые принципы столь противны, что мне впопору снова браться за перо, чтоб добиться прощения за то, что написал; но я полон решимости этого не делать. Если ты — недоброжелательный читатель и считаешь, что я превысил меру, поскольку это не согласуется с твоим собственным мнением, — то скажу тебе, что ты не ровня мне; ибо я познал некоторые науки, о которых ты и не слыхивал, равно как твои предки.

В заключение: я желал бы, чтоб каждый заглянул внутрь себя и разумно помыслил о тех творениях, которые явлены нашему взору. Мы видим, что человеку дана власть над тем, источник чего ему известен. Примеры и образцы [того] мы имеем в злаках и прочих растениях: поскольку их семена известны землепашцу, он может преумножить их и обеспечить себя, насколько считает нужным. Так же и с минералами: есть семя, из коего Природа создаёт их, — Первома-терия; и маги искали её с великим упорством, ибо рассудили, что подобно тому, как Природа через растительное семя преумножает растения, так и они через минеральное семя сумеют преумножить минералы. Найдя это семя, они начали проводить над ним различные опыты. Они закрывали его в сосудах, сохраняя в равномерном, умеренном тепле много месяцев кряду: но всё без толку. Тогда они придумали другой путь и стали закапывать его в землю, оставляя его там

⁶⁸ Выражение встречается в некоторых алхимических текстах.

⁶⁹ Манифесты розенкрейцеров намекали, что трансмутация металлов была одной из тайн общества, но наименее важной. В позднейших документах это действие приобретает всё более символический оттенок.

на длительный срок: но безуспешно. Наконец они решили — вне всякого сомнения, Господь направил их, — что Природа имеет отдельный сосуд для каждого семени, и все её сосуды суть лишь различные виды земли. Например, сосудом растительного семени служит обычная земля, поскольку Природа туда его сеет. Сосудом животной спермы служит плоть, а она — просто мягкая, одушевленная земля, что очевидно при распаде тела. Итак, они видели ясно, что оба сии сосуда не подходят для минеральной спермы. Они были слишком холодны для неё, а обычный огонь — слишком горяч; но [даже] будучи правильно соизмерен, он всё же не мог изменить сперму, ибо не обладал свойствами изложницы. Тогда они стали испытывать другие источники тепла. Они выставляли свою Материю на солнце, они закапывали её в навозные кучи и гряды с негашёной известью, они ставили свои сосуды под лучи луны, они придумывали новые бани, они использовали песок, пепел и железную стружку, они жгли масла и изобретали новые светильники: но всё это оказалось ошибочным и принесло лишь тревоги, не более. И все эти заблуждения можно встретить в их книгах: ибо, когда они нашли минеральный сосуд, и особенно вторую землю, куда они посеяли свои Меркурий и Сульфур, они так исказили [описание этой] земли, что узнать её приготовление от них почти невозможно.

Я считаю уместным указать на то, что трудности, которые придётся преодолеть великим и устремленным умам, могут быть более явными; и я, безусловно, полагаю, что основательно расчистил путь. Итак, читатель, я дал тебе свой лучший совет, и теперь тебе остаётся только побранить меня за то. Быть может, твой дух свободен [от предрассудков], но если такая широта не для тебя, то оставь свою жёлчь при себе, ибо я не хотел, чтоб ты расточал то, что можешь сохранить.

Одному Богу слава!

Краткое обращение к читателю

Это обращение, читатель, не зовёт тебя в моё обиталище, и я не хотел бы давать тебе подобных указаний, ибо натура моя скорее меланхолична, нежели общительна. Я лишь хочу сказать тебе, сколь я благожелателен: намеренно опустив некоторые необходимые сведения в своём трактате, я, по зрелом размышлении, решился нарушить своё молчание.

Повсюду царит грубое невежество, ибо философия имеет своих поверенных, но не в том смысле, какой необходим. Мне доводилось встречать эту породу, и чтоб они не ринулись и не пожалели потом, я счёл нелишним показать им пропасти. Второе философское делание обычно называют грубым деланием, однако оно — одна из величайших тонкостей Искусства. Корнелий Агриппа знал первое приготовление и открыл его в подробностях; но трудность второго чуть не превратила его во врага собственного ремесла⁷⁰. Под вторым деланием я разумею не коагуляцию, а растворение Философской Соли, и эту тайну Агриппа не знал как следует, что явствует из его практики в Малине, и Наталий не пожелал наставить его, несмотря на неотступные и настойчивые просьбы. Это и сделало его нужду столь тяжёлой, а кошель — столь лёгким, что он редко жил в благополучии. Но в этом он не одинок. Раймунд Луллий — лучший христианский мастер [алхимии] из всех когда-либо существовавших — не получил сию тайну от Арнольда [из Виллановы], поскольку в первых

⁷⁰ Мнение Агриппы об алхимиках и алхимии его эпохи можно найти в соответствующей главе книги «О тщете наук». Он отвергает хаос искусственных символов, но утверждает, что обрёл тайну Камня.

своих опытах следовал обычному трудоёмкому методу, который, в конечном счёте, малоэффективен⁷¹. Ему пришлось заниматься изнурительным, почти невообразимым трудом; и, если мы прибавим [обширность] задания к потребному для его исполнения времени, то увидим, что этого хватит, чтобы человек состарился. Нортон был столь удивительным невеждой в этом отношении, что если растворение и пургацию⁷² удавалось совершить за три года, то он считал это счастьем⁷³. Георг Риплей пытался найти новые способы путрефакции Красной Соли, которую он ревниво именуется своим золотом⁷⁴; его идея — подвергать эту соль попеременно [воздействию] холода и жара. Но в этом он уникален, и Фабер [оказался] столь мудр, что не пожелал понять его. И раз я упомянул Фабера, то должен сказать, что и самому Тувалкаину не хватало истинной субстанции: ибо процесс, описываемый им [Фабром], не имеет с Природой ничего общего. Вернёмся же к Раймунду Луллию, поскольку, будучи столь великим мастером, что выполнил растворение за девять дней, он эту тайну получил от самого Господа. Вот его исповедь: «Пытаясь извлечь тот благостный дух, который властвует над огнём, но сам не покорён, мы испытали нашими физическими чувствами и видели собственными глазами тот первичный мрак, ведомый немногим. Но знаний о его экстракции мы не могли до-

⁷¹ В действительности, алхимик по имени Раймунд Луллий присвоил чужое имя, поскольку едва ли можно предположить, что его носили два человека в разное время. Автор «Ars Magna», истинный Луллий, не был связан с алхимией. Герметический мастер появился позднее, и предстоит ещё большой труд по критическому разбору его сочинений, включая личные заметки.

⁷² Пургация — очищение вещества удалением грубой части.

⁷³ Томас Нортон написал на английском языке стихотворное произведение «Ordinal of Alchemy» [«Катехизис алхимии»], впервые опубликованное Элиасом Эшмоулом в сборнике «Theatrum Chemicum Britannicum».

⁷⁴ См. «Ripley Revived» [«Риплей возрождённый»] Эйрениа Филалета.

стичь ни путём наук, ни путём Искусства; и потому мы находили себя одуроченными неким шутовством, будучи неспособны понять тайну тем или иным путём, пока пророческий дух не снизошёл от Отца Света, словно не желавшего покидать своих [последователей] или предоставлять послушников самим себе. Сей дух во время сна вдохнул такую ясность в очи разума, что в своём чистейшем великодушии тот соизволил раскрыть секрет изнутри и снаружи безо всяких околичностей, укрепляя нас своей безграничной добротой и демонстрируя, что для исполнения труда нам следует подготовить тело посредством тайной, природной декокции⁷⁵, при этом процессе, целиком регрессивном, вся его природа, словно в мгновение ока, растворится в чистый мрак».

Вот это и есть узел, и кто же сумеет его распутать? «Ибо это никогда не доверялось бумаге, — говорит тот же Луллий и называет причину, — ведь одному Господу подобает раскрыть сие явление, и человек приуменьшает Божью славу, разглашая словом устным или письменным то, что причитается одному лишь Господу. А посему тебе не удастся этот процесс, пока ты не получишь духовного одобрения для [принятия] Божественной милости. Ибо тайну сию назначено раскрыть не человеку, но Благословенному Духу, который дышит, где соизволит».

Очевидно, основная трудность заключается не в коагуляции или выделении Философской Соли, а в её путрефакции, когда она выделена. Действительно, это превосходно согласуется с опытом философов, ибо один из тех требовательных наблюдателей указывает, что «тот, кто знает соль и её

⁷⁵ [Декокция — вываривание материи в сосуде без добавления других материалов.]

раствор, знает и сокрытую тайну древних философов». Увы, что же нам делать? Откуда придёт следующая подсказка? Боюсь, что для некоторых это стало печальным откровением. Обратиться ли нам к Луке Родагиру⁷⁶, или поискать какие-нибудь пыльные рукописи, способные нас научить? Что ж, читатель, ты видишь, сколь великодушен я стал; и теперь я мог бы открыть ещё кое-что, но пока этого достаточно. Истинно, я мог бы рассказать тебе о первой и второй сублимации, [а также] о двойном рождении — зримом и незримом, — без чего та материя не поддастся изменениям, требуемым для нашей цели. Я мог бы поведать тебе о Сульфуре простом и составном, о трёх [видах] *живого серебра* и о таком же количестве Солей; и всё это будет неслыханной новостью — как это принято говорить у книжников — даже для самых учёных в Англии. Но я завершил, и надеюсь, что сей трактат не разрушил ничьи [воздушные] замки; ибо, зачем им отчаиваться, если способствую их постройке? Я — искренний *Жертвователь*, и, если они что-то получили от меня, то пусть оно принесёт им много блага.

Единственное, чего я боюсь, что они ошибутся при чтении, и если бы мне предстояла длинная жизнь, — а я уверен, что не это уготовано мне судьбой, — то пожелал бы только, чтоб мои годы были бы столь же многочисленны, как и их ошибки. Я говорю так не из презрения, ибо никому не даю низких оценок. Но мой опыт в этой сфере знания, которая всегда была моим ремеслом, даёт мне смелость подозревать, что и другие могут иметь те же слабости, которые я увидел в себе. В завершение хотел бы сообщить читателю, что фило-

⁷⁶ Его перу принадлежат сочинения «Pisces Zodiaci, sive de Solutione Philosophica» [«Рыбы Зодиака, или О философском растворе»], 1566, и «Aenigma Versibus» [«Тайны стихов»], которые мне известны только из «Theatrum Chemicum». Vol. V.

софы, обнаружив, что сия жизнь подчинена необходимости, а необходимость не согласна с природой души, стали взирать на человека как на существо, изначально предназначенное для состояния лучше нынешнего, ибо последнее не соответствует его духу. Это представление заставило их искать основной принцип [ground] его сотворения, дабы, если возможно, достичь свободы и превзойти ограничения круга, таинственно именуемого Судьбой. Но что означает это в действительности, не знает и один из десяти тысяч, тем не менее все мы — философы.

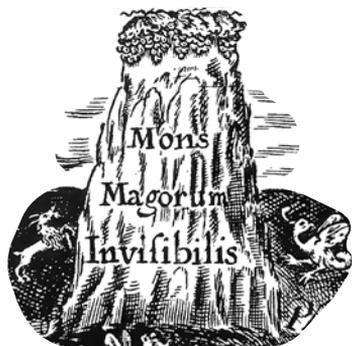
Вернёмся, однако, к моей цели: истинные философы, говорю я, обнаружили в любом составе два аспекта: периферийный и центральный. Периферийный был испорчен везде, а кое-где даже ядовит; центральный же — нет, ибо в центре всего сущего пребывает совершенное единство, чудесный, неразложимый союз огня и воды⁷⁷. Два этих аспекта у арабов именовались *проявленное* и *сокрытое*, и они противостоят друг другу, являясь противоположностями. В самом центре меж ними нет никакого разлада, ибо различие духов заключается не в их качествах, но в степенях сущности [essence] и [её] выхода за пределы [transcendancy]. Что до воды, то она родственна огню, ибо это — не обычная, а эфирная [вода]. В различных центрах тот огонь не одинаков, ибо в некоторых он — просто солнечный дух, который именовался Водой солнца, Небесной водой, Золотой водой, Серебряной водой. В других же дух более чем солнечный, будучи наднебесным [supercelestial] и метафизическим. Сей дух очищает самую расудочную душу и пробуждает её уснувший корень. И потому

⁷⁷ Как говорится, это верно для любого уровня, а над всем [возвышается] духовный порядок; при этом мы сделали поправку на истинный смысл символов огня и воды.

такой центр был назван Водой, окрашенной Огнём, Осветляющей водой, Свечой, подсвечивающей и освещающей Дом. Два эти [вида] воды я рассмотрел в опубликованных мною небольших трактатах; и, хотя за мои труды в меня бросали грязью, однако это стало так привычно, что я не возмущаюсь; ибо, живя здесь, мы [словно] скачем по большой дороге. Не могу считать мудрым того, кто оплакивает свои раны, поскольку он устанавливает цену вещам, её не имеющим, и впадает в уныние там, где уместно презрение. Это угощение я приберёг для своих противников; и если оно покажется им слишком грубым, то пусть судят там, где [что-то] понимают, и тогда их ждёт лучшая участь.

Euphrates,
или
Воды Востока

Читателю

Я полагаю, читатель, тебе небезызвестно, что за последние годы я выразил свои философские воззрения в нескольких небольших трактатах. Я сказал «философские», ибо в алхимию — в принятом значении этого слова, т.е. в попытку металлов, — я никогда не верил; ещё меньше я изучал её¹. Мои книги, при внимательном прочтении, дадут тебе свидетельство этого; ибо в них я отсылаю тебя к универсальному предмету, то есть основанию всей Природы, материи, из которой создано всё, и которой питаются сотворённые существа. Я полагаю, что ею не может быть металл; а поскольку я всегда отвергал алхимию в обычном значении, я счёл уместным сообщить об этом алхимикам, дабы, изучая мои сочинения, они не истолковали бы некоторые места в смысле, противоречащем суждению их автора. Итак, ты можешь видеть, каковы были мои представления, когда я начинал писать; и теперь я должен сказать тебе, что они остались прежними, а мой немалый опыт ничуть не поколебал, а неопровержимо подтвердил их. Но чтобы показать тебе, сколь я чистосердечен, добровольно признаюсь, что в своей практике отступил от собственных принципов, ибо, потерпев неудачу в первых попытках, оставил истинный предмет и удовольствовался тем, что последовал гвалту тех, кто не желает слышать ни о чём,

¹ Признание весьма необычное, учитывая дневник [Вогана] с описанием экспериментов, и историю смерти Вогана [считается, что он погиб при проведении эксперимента]. Кроме того, можно не говорить, что он изучал и переводил литературу по алхимии, так что смысл его высказывания, оставляя в стороне символизм, в том, что великие алхимики не работали с металлами.

кроме металлов. Как я рабствовал в этой грязной и зловонной школе на протяжении трёх лет, не буду тебе здесь рассказывать². По счастью, я, в конце концов, покинул её и вновь вступил в тот сияющий свет, который по безрассудству оставил. Я всегда считал, что металлы скрывают великие тайны, если вначале их свести [к беспримесному состоянию] подходящим растворителем. Но искать в самих металлах этот растворитель или материю, из которого он состоит, — не просто ошибка, а безумие³. Во имя истины, и чтобы оправдать мои прежние, наивные сочинения, я добавил к ним сей небольшой опус, который, может статься, содержит в себе столько, что в мире до сих пор не публиковалось ничего подобного. По правде говоря, в него вошло менее десятой доли того, что я изначально задумывал, но некоторые серьёзные соображения заставили меня остановиться, как ты поймёшь из моего внезапного и неожиданного заключения. Но те тайны философии, что я сокрою сейчас, могут быть открыты впоследствии в нашей «Метеорологии», а что до теологических [тайн], то мы опишем их ради нашего собственного применения в *Philosophia Gratiae* [с лат.: «Философия благодати»]⁴.

² Откуда следует, что его эксперименты проводились наудачу, без подлинной веры или руководства.

³ Едва ли алхимия удостаивает этот вопрос вниманием. Мне неизвестно, чтобы кто-нибудь из учеников и тем более мастеров искал необходимый им растворитель в металлах. Вопрос в том, оказывались ли вообще металлы в тигле тех, кто знал процесс делания, и не работали ли они скорее с веществами, которые искусство истинных мастеров превращало в совершенные металлы, как те, что Природа создаёт в рудниках.

⁴ Трактат по метеорологии и сочинение о благодати не были написаны, хотя Воган, без сомнения, жил ещё около десяти лет после опубликования «Евфрата». Вторая из обещанных книг была бы очень важна для позиционирования Вогана как мистика. Я всегда держался мнения, что если бы он отказался от космогонических фантазий, он мог бы дать яркое описание души и её достижений.

Мне осталось сказать немного; но если это что-то добавит к твоему удовлетворению, то заверяю тебя, что здесь нет ни единого утверждения, которое не было бы плодом моего собственного опыта. Я могу честно сказать «моего собственного», ибо с немалым трудом добыл его из земли, не имея никакого наставника⁵. Я не хотел бы, чтоб ты воздвигал горы на основании, заложенном мною здесь, — особенно горы из золота. Но если ты собираешься воздвигнуть на нём врачевание, то я показал тебе скалу и основу того знаменитого Искусства, которое столь часто оглашается и столь редко понимается. Здесь тебе будет показан и — если ты не слишком твердолюб — достаточно приоткрыт истинный его предмет. Здесь сам Бог и Слово Божие подведут тебя к оному. Здесь Свет [Божий] укажет тебе свет [знания]; и здесь будет прояснено свидетельство Ямвлиха и египетские записи, а именно, о том, что Господь в благих видениях открыл жрецам и пророкам древности некую материю, и назначил её для пользы человеческой.

Я завершу таким увещанием: если ты желаешь познать Природу, то берегись сурьмы и обычных металлов⁶. Ищи лишь ту наипервейшую смесь элементов, которую Природа создаёт в большом мире. Ищи её, говорю я, пока она свежа и молода, и, когда найдёшь, сокрой её. Что до её применения, то не вздумай искать его в книгах: скорее молись [чтобы получить] его из десницы Божией; ибо это — Его дар, и никогда человек не достаивался его без явной и ощутимой поддерж-

⁵ Это утверждение заслуживает внимания в связи с предшествующим. Воган не нашёл личного наставника и не вступал ни в одну из школ инициации.

⁶ Т.е. их надлежит остерегаться. Вопреки Василию Валентину и его сочинению «Triumphal Chariot of Antimony» [«Триумфальная колесница сурьмы»], путь достижения заключён в универсальном, а не в отдельном предмете. Сурьма прославилась среди алхимиков благодаря этому трактату Валентина, хотя он относится скорее к фармации, нежели к металлургии.

ки свыше. Не пренебрегай моим советом, хоть его и могут счесть забавным своимудрые, насмехающиеся над милостью Господа. Многие живут в этом мире без Бога. Он не посещает их, и потому они смеются над теми, кто ищет Его, и ещё более над теми, кто нашёл. Апостол Павел славил Откровения от Него, но тот, кто попробует сделать это ныне, будет причислен к пустомелям и анабаптистам. Но пусть это не отвлекает тебя: если ты служишь Богу, то служишь хорошему Господину, и Он не удержит твоего жалованья. Здравствуй же во Христе Иисусе.

Евгений Филалет

Euphrates

В тех живых пророчествах, которые мы получили и [в которые] веруем, написано, что есть Ангел вод⁷; кажется, это сказано в общем смысле, словно тот Ангел был господином всей названной стихии. В другом месте мы узнаём о другом Ангеле, ограниченном более частной задачей: к примеру, о том, который нисходил по временам и возмущал воду в купальне Вифезде⁸. Также нет ничего странного в том, что Ангелы посещают и возмущают ту стихию, над которой носился Дух Божий⁹. Я цитирую эти фрагменты не потому, что они необходимы для моей цели или полностью соответствуют ей, хоть и осознаю, что они никак ей не противоречат. Я привожу их в качестве общих сведений, дабы показать, что Господь сообщается с материей, хотя и не привязан к ней, и это единственное моё намерение. Тем не менее мне известно, что царственный Авиценна причислял св. Иоанна Евангелиста к химикам¹⁰; и, конечно, если привести некоторые фрагменты из «Откровения», — притом лишь в той мере, насколько это согласно с их смыслом, — то будет не просто опровергнуть его мнение. Разумеется, я отношусь к [числу] тех, кто высоко-

⁷ Откр 16:5.

⁸ Ин 5:4. Век, в который жил Воган, и его вера не допускали мысли, что Священное Писание может быть чем-то иным, кроме как всеобъемлющим, точным в каждой подробности, вдохновением. Он относился к Новому Завету так же, как еврейские раввины — к Ветхому.

⁹ Согласно гипотезе Вогана, наша природная вода — не та стихия, над которой носился Божий Дух в начале всего. Отсюда следует, что он или был небрежным мыслителем, или полагал, что логическая последовательность мало что значит, когда речь идёт об оккультном предмете.

¹⁰ Я не нашёл в трудах Авиценны упоминаний о св. Иоанне.

го мнения о Природе, и если и избегаю подобных диспутов, то лишь потому, что не хочу оскорблять слабые души. Ибо есть люди, которые хоть и не осмеливаются допускать, будто величие Господа приуменьшилось из-за того, что он сотворил мир, однако дерзновенно полагают, будто величие Его слова будет весьма унижено, если приложить оное к сотворённому Им, — мнение это содержит в себе наиопаснейшее богохульство, а именно: будто Божие Слово и Божие Творение столь различны, что одно неизбежно оскверняет другое.

Признаюсь, мне придётся долго искать, к чему прилагать Писание, и для кого оно было написано, если не для нас и не для нашего наставления. Ведь если здоровые не имеют нужды во враче¹¹, то — как свидетельствует наш Спаситель — Господь не мог ниспослать Писание ни для Себя, ни для Своих ангелов, ибо оно было написано для созданий, которые утратили своё изначальное достояние и подверглись порче. Итак, если Писание было написано для нас, то нам весьма важно знать, какую пользу можно из него извлечь; и мы поймём это, сравнив различные состояния человека — до и после грехопадения. До грехопадения человек был прекрасным существом, принявшим от Господа бессмертие и совершенное знание¹²; но после грехопадения он утратил бессмертие, а взамен знания получил невежество. Что касается нашего искупления сего падения, мы — принимая во внимание смерть — не можем ожидать его в этом мире, ибо Господь установил, что любой человек когда-нибудь умрёт. Но что касается нашего невежества, то мы можем и должны отбросить его

¹¹ Мк 2:17.

¹² Ср. воззрения Парацельса, Бёме, Сен-Мартена и католических богословов: последние весьма далеки от такого мнения.

в этой жизни, поскольку никому не спастись без знания Господа, ибо Он — основа и залог нашего будущего бессмертия¹³. Итак, получается, что от невежества мы должны избавиться частично уже в этой жизни¹⁴, прежде чем нам удастся избавиться от смертности; и, без сомнения, для того и было дано Писание, чтобы с его помощью достигли мы знания Господа и вернулись к Тому, от Кого отпали¹⁵.

А теперь пусть никто не досадует на меня, если я спрошу, как Писание учит нас познать Господа: неужели оно просто говорит, что Бог есть, оставляя прочее на наше усмотрение? Учит ли оно нас познавать Господа через Его Творения¹⁶ или без оных? Если через Его Творения, то те должны быть природными сущностями, ибо только они являются Его Творениями, и никакие иные. Если же без Его Творений, то я хотел бы услышать, что это за познание, поскольку такое мне неизвестно. Если кто-нибудь скажет, что оно происходит путём вдохновения, я отвечу, что так может учить нас Господь¹⁷, но не Писание, так как не подлежит сомнению, что Писание никогда никого не вдохновило, хотя само возникло в результате вдохновения. Если же нам возразят, что Писание есть свидетельство вдохновлённых мужей, отвечу, что такой ответ выходит за рамки моего вопроса, ибо я говорю здесь

¹³ Ведь человек пришёл в этот мир, чтобы познать Бога, или стал отдельным от Него существом, чтобы познать Бога сознательно.

¹⁴ Смысл фразы в том, что у человека, стремящегося к познанию Бога, прекращается внутренний сон или — фигурально — смерть души.

¹⁵ Звучит туманно. Смысл не в том, что мы не сможем умереть, пока не избавимся от невежества, а в том, что нам придётся покончить с ним, прежде чем мы со спокойной душой расстанемся с земной оболочкой, в которую облеклись для своего совершенствования.

¹⁶ Главным образом — через Божие Творение, именуемое человеком.

¹⁷ Говоря в глубине души или пробуждая её, чтобы она сама свидетельствовала перед нами о Боге.

не о чистом авторитете или свидетельстве Писания, а о доктрине¹⁸, коей оно доказывает то, о чём свидетельствует, ибо насыщено ею. Я уверен, что Моисей доказал [существование] Бога через Его Творение, а Господь доказал своё существование Моисею, превратив его жезл в змея, а змея в жезл. Египтянам же Он дал более устрашающие доказательства своего могущества и верховенства над Природой, превратив их реки в кровь, а персть их земли в мошек; [наслав] моровую язву на скот их, воспаление с нарывами и смерть первенцев [на людей]; [а также] различные бедствия: жаб, саранчу, град, огонь и тьму — они были лишь великими природными деяниями, посредством коих Он доказал Свою Божественность, как сказал Он Сам: «Тогда узнают Египтяне, что Я Господь, когда простру руку Мою на Египет...»¹⁹. Открывая Себя Киру, он делает это не простым утверждением, что Он — Бог, но доказывает, что является им посредством мира, который Он создал. «Я Господь, — говорит Он, — и нет иного; нет Бога кроме Меня; Я препоясал тебя, хотя ты не знал Меня <...> Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю всё это <...> Я создал землю и сотворил на ней человека; Я — Мои руки распростёрли небеса, и всему воинству их дал закон Я»²⁰.

Пусть каждый прочтёт те величественные и премудрые увещевания Господом Иова²¹; или, попросту, пусть прочтёт оба Завета, и он увидит, — если читал внимательно, — что Писание постоянно обращается к Природе и открывает такие природные тайны, которых не найти ни у одного философа.

¹⁸ В действительности — пробуждение и вдохновение.

¹⁹ Исх 7:5.

²⁰ Ис 45:5, 7, 12.

²¹ Имеются в виду главы 38—41 из Книги Иова.

И это будет показано в дальнейшем изложении. Что до меня, то не побоюсь сказать, что Природа столь важна для Писания, что, как мне представляется, Дух Божий в тех священных пророчествах озабочен не только возрождением человека, но и искуплением Природы в целом²². Потому нам не следует ограничивать сие возрождение собственным родом, если мы не способны ограничить им порчу, что, разумеется, нам не под силу²³. Ибо очевидно, что порча постигла не только человека, но и всю землю из-за него²⁴. А потому, если верно, что у человека есть Спаситель, то также верно, что Он есть у всего Творения, ибо Господь примирил с Собой всё сущее во Иисусе Христе. И если верно, что мы ищем искупления нашего тела и нового человека, то так же верно, что мы ищем нового неба и новой земли, где царит праведность. Тогда не только человек будет обновлён при всеобщем возрождении, но и мир вместе с ним, ибо написано: «...се, творю всё новое»²⁵. Я говорю это не для того, чтобы принизить человека или уподобить ему любое иное существо; поскольку мне известно, что он будет первым при возрождении, как и при грехопадении, а порча, последовавшая в элементах [за его порчей], была лишь цепью, которую волочит за собой пленник. Но я говорю это, чтобы показать, что Господа заботит возрождение Природы вообще, а не только человека, который всё же является лишь небольшой частью Природы, хоть и благороднейшей.

²² Явления внешние свидетельствуют о внутренних, и мир перерождается в человеке для него и вместе с ним.

²³ Ср. «Le nouvel homme» [с фр.: «Новый человек»] Сен-Мартена и «Traité de la Réintégration des Êtres» [с фр.: «Трактат о восстановлении человека»] Мартинеса Паскуалли.

²⁴ Аллюзия на Бытие 3:17.

²⁵ Откр 21:5.

Итак, неужели Писание будет приложено неверно или даже осквернено, если применить его к объекту спасения, а именно к Природе, ибо Господь желает спасти и избавить её от нынешней юдоли, какой она подвластна? Воистину, читая Писание, я не нахожу в нём ничего, что не имело бы отношения к Природе и природным сущностям. Упоминания о возрождении, просветлении, благодати или каком ином духовном даре делается в нём не ради них самих, а ради Природы²⁶; ибо, что означает всё это, как не обновляющее воздействие духа, ниспосланного Господом, чтобы помочь Природе и освободить нас от порчи, гнетущей нас с давних пор? Я полагаю, никто не станет отрицать, что Господь более метафизичен, чем любое Писание, однако было бы весьма нечестиво разделять Бога и Природу в труде спасения, ибо тогда Ему нечего было бы спасать и не на что воздействовать. Как же нелепо разделять Писание и Природу в царстве Природы, ибо к кому, спрошу я вас, обращается Писание? Более того, для кого будет предназначено спасение, если не будет Природы? Для меня несомненно, что человек находится в Природе, а не над ней; и пусть схоласты относят его к каким угодно членам: все те члены будут природными, поскольку метафизичен один лишь Бог²⁷. Я с удовольствием спросил бы у наших противников, откуда они впервые узнали, что Природа испорчена, если Писание научило их сей физической истине, почему оно не может научить их большему? Ведь невозможно отрицать, что именно Писание научило их. Представим

²⁶ Я оставляю фразу как в оригинальном издании, но не способен понять мысль автора. Хотя стилю Вогана часто не хватает выразительности и точности, смысл высказывания редко оказывается спорным, как это имеет место в данном случае.

²⁷ Суть в том, что малый мир окружён большим миром.

себе лекаря столь способного, что он в силах определить истинный темперамент своего пациента, и то, в чём болезнь нарушила его. Разве он делает это не с добрыми намерениями? Без сомнения, так; и, по моему разумению, с тем же намерением Дух Божий — чьим пациентом является Природа — описывает нам в Писании характер Природы, что, разумеется, он делает всесторонне, идёт ли речь о прошлом, нынешнем или будущем характере мира.

Что касается меня, то я придерживаюсь философского убеждения, что все тайны Природы заключаются в знании той порчи, которая упомянута в Писании и которая последовала за падением; а именно, в знании того, чем она является и где преимущественно пребывает, а также в знании того, чем является субстанция, которая сопротивляется ей сильнее всего и сдерживает её, будучи наиболее свободной от неё, — ибо в этих двух [тайнах] сокрыты достоинства жизни и смерти²⁸. Словом, опыт и основанная на нём разумность научили меня, что философия и богословие суть одна и та же наука. Но человек обошёлся с познанием так же, как с реками и ручьями, которые, будучи пущены по нескольким руслам, текут разными путями и в итоге приобретают различные имена. Мы видим, что Господь в своём труде объединил дух и материю, видимое и невидимое; и из союза духовной и природной субстанций возникает совершенный состав, чья сущность и бытие заключаются в этом самом союзе. Как же воз-

²⁸ Могу предположить, что Воган говорит здесь о физическом тлене и последующем распаде, в этом случае гипотетическая субстанция, сопротивляющаяся порче и сдерживающая её, является неким воображаемым эликсиром. Но тот, кто искренне говорит о единстве философии и божественности, часто переходит от физических явлений к духовным, и не всегда понятно, где кончается одно и начинается другое.

можно показать природу этого состава отдельными теориями — духа самого по себе и материи самой по себе? Ибо, если природа состава представляет собой сочетание духа и материи, нам нужно искать сию природу не в разделении оных, а в их смешении и соразмерности, а также в их совместных, перемешанных действиях и страстях. Кроме того, кто и когда видел дух без материи или материю без духа, чтобы дать нам истинную теорию обоих принципов в их простоте? Разумеется, никто из живущих. Так же и с богословием — ибо, если мы допустим отклонение и ограничим богословие абстрактным Богом, то кто, спрошу я, когда-либо знал Его таким? Или кто получил от Него такое богословие, но не передал его нам за всё это время? Воистину, если рассматривать Бога в абстракции, — и поскольку Он пребывает в Себе, — мы не сумеем сказать о Нём ничего положительного, а только отрицательное, как это сделал Дионисий²⁹. Т.е. мы можем перечислять, чем Он не является, но не можем сказать, чем является. Но если под богословием понимать учение о спасении, как оно изложено в Писании, то это, воистину, смешанное учение, включающее и Бога, и Природу. И здесь я не усомнюсь заявить, что тайну спасения — во всей её широте — никогда полностью не постичь без философии³⁰, поскольку она представляет собой приложение Бога к Природе и обращение Природы к Богу, и эти два [взаимных] движения и их средства объемлют всё знание духовное и природное.

²⁹ «Двигаясь шаг за шагом, от меньшего отрицания к большему, чтобы в итоге дерзнуть отрицать всё, что утверждают о Боге, ибо Он — ничто из сущего: ничто из того, что определённо является ничем, и ничто из того, что проявлено». — Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии. Гл. II.

³⁰ Слово «философия» следует здесь понимать в смысле предшествующего утверждения — как науку, тождественную богословию.

Итак, говорить о Боге без Природы — это больше того, что нам под силу, потому что мы не ведали Его таким; говорить же о Природе без Бога — это больше того, что нам дозволено, ибо это значит отнять у Господа Его славу и приписать Природе те действия, которые в действительности принадлежат Богу и Духу Божьему, творящему в Природе. А потому мы будем использовать способ выражения, средний между этими двумя крайностями, и такому способу учит нас Писание, так как пророки и апостолы не использовали никакого иного. Пусть же никто не оскорбится, если в сём трактате мы будем обращаться к Писанию для доказательства философии и к философии — для доказательства богословия, ведь, действительно, наше знание таково, что нашему богословию не обойтись без Природы, а нашей философии — без Бога. Тем не менее я не могу удержаться от мысли, что большинство будет роптать против такого пути, хоть мне и непонятно, почему: ибо, объединяя Писание и философию, я лишь объединяю Бога и Природу, союз этот, разумеется, одобрен Богом, хотя и осуждён людьми³¹. Но я не собираюсь спорить с этим упрямым невежеством, — сколь бы дерзким оно ни было, — поскольку, помимо Писания, у меня есть иные веские и разумные причины, которые привели меня к сему труду.

Вот уже несколько лет я провёл в этом огромном строении, которое удачливые именуют миром, и, разумеется, я проводил своё время как путник, — стремясь не к приобретению, а к наблюдению. Едва ли найдется в нём что-нибудь,

³¹ Следует помнить, что Воган прошёл через религиозную чистку, страстные проповеди и пуританство, не считая [библейского] пуризма. Утверждение о *браке Господа и Природы* в то время было невозможно, хотя даже среди высших лиц протектората [режим военной диктатуры] были избранные души типа Рауза (Rouse), знавшие о союзе высших существ и союзе Бога и Природы в человеческой душе.

способное дать мне пищу для размышлений; но непрерывное воздействие огня на воду сразу и надолго заняло моё внимание³². Эта мысль неведомо как появилась у меня в ранней молодости, задолго до того, как я увидел университет; и, без сомнения, Природа, чьим учеником я был, уже тогда пробудила во мне многие идеи, которые я впоследствии обнаружил в платоновской философии³³. Не удержусь от признания, что тогда я представил один опыт с водой, от которого — даже в те детские дни — ожидал чудес: разумеется, не золота или серебра, ибо я не так уж и думал о них, как и о любых других алчных затеях. Та мысль, посетившая меня в детстве, впоследствии заставила меня вопрошать детей: что думают они о тех элементах, которые мы видим над собой; и от них я узнал, что Природа в своей простоте гораздо мудрее некоторых [зрелых] мужей с их накопленной учёностью и премудростями. Воистину, я полагал, что должен доказать всё, дабы достичь своих законных желаний. Но чтоб вы не подумали, будто я общался только с детьми, признаюсь, что общался и с детьми, и глупцами, т.е., иначе говоря, с детьми и мужами, ибо последние далеко не так мудры, как первые. Ребёнок, я полагаю, *in puris naturabilis* [с лат.: «в естественном состоянии»], — т.е. прежде чем образование изменит и заквасит его, — не удостоивается особого внимания как предмет [исследования], поскольку взрослые не берут его в расчёт, пока он не окажется среди них: вот тут-то они и испортят его. Тем не менее исходя

³² Можно предположить, что подразумевается также воздействие Божественного Огня на воду природных эмоций.

³³ Тем не менее мы так и не получаем — хотя иногда близки к этому — реальных указаний, которые подробно описывали бы воздействие огня на воду, — огня не внешних стихий, а стихийной жизни души. Я говорю о том мистическом браке, который, выражаясь терминологией символизма, заключается между «обширными водами разума» и огнём «вышней мудрости».

из прочтённого, я склонен думать, что естественный нрав детей, прежде чем его исказят обычаи и воспитание, относится к числу явлений, занимавших философов древности, — и даже в удивительной степени. Я не стану излагать здесь то, что обнаружил путём собственного опыта: это касается предвидения и образует основу, посредством коей мудрые достигли определённого знания законов нравственных и физических.

Но достаточно отступлений: вернёмся к принципам, объявленным в начале, а именно — огню и воде; начало своих рассуждений я позаимствую у моего прославленного соотечественника Райса Честерского [Rice of Chester]³⁴, который говорит об этом искусстве в следующих словах: «Сие искусство относится к оккультной философии, к тому разделу, где изучаются атмосферные явления. Оно занимается не только элементами, но также явлениями, ими порождёнными. Ищите же в нём, ибо оно представляет собой великую тайну».

Если бы тайны, к коим эти слова относятся, изложить ясно, то их хватило бы для бесконечного трактата, поскольку они содержат всё, что совершает и может совершить Природа. Но чтобы выразить их смысл в некотором порядке и насколько позволит совесть, прежде всего мы скажем, что Господь есть главный и единственный Творец всего сущего, Словом и Духом Своим придавший форму и проявивший то, что ныне мы не можем видеть. Что до материи, из которой Он вылепил это, субстанции, предсущественной не только для нас, но и для самого мира, то большинство людей считает познание её невозможным, — ибо как познать то, что существовало на-

³⁴ Я пытался отыскать этого автора, перебирая все возможные варианты имени, но безуспешно [далее в тексте Воган называет этого автора Рес Цестренсис (Rhaesus Cestrensis)].

столько задолго до нас и ныне не существует вместе с нами, и даже, по их мнению, никогда не существовало с самого сотворения³⁵? На это возражение, на первый взгляд кажущееся неопровержимым, мы дадим ответ, который его разобьёт; так как мы покажем, как и каким путём узнали эту материю, и не просто узнали, а после долгих усилий увидели, коснулись её и попробовали на вкус³⁶. Достаточно очевидно, что любое отдельное существо, предположим, сам человек, создано из семени, и, когда тело завершено, сие семя больше не проявляется, поскольку изменилось и преобразовалось в тело. Однако же то самое тело затем приносит семя, которое по своей Природе полностью тождественно первоначальному семени, из коего было создано тело. Итак, я полагаю, что тому, кто захочет познать сотворение человека, нет нужды искать в прошлом, вплоть до самого Адама, чтобы познать первоначальное семя; ибо, если Природа по-прежнему способна на подобное, что толку в том бесплодном высматривании? Так же и с миром, ибо первоначально он был сотворён из семени, из семенной, вязкой влаги, или воды. Но то семя, — как мы сказали в наших афоризмах³⁷, — исчезло при сотворении, ибо

³⁵ Исходя из предположения, что источником всего сущего является одно — эфир, эссенция, первичная, неразложимая материя, — кажется очевидным, что она должна быть «существующей» повсюду на протяжении эонов, поскольку является всеобщим корнем и основой.

³⁶ Несмотря на такое заявление, обещанного открытия мы, разумеется, не получаем. Если следовать логике Вогана, то получается, что единственно необходимым было простое заявление этой процедуры, — что бы она собой ни представляла, — благодаря которой он считал себя способным осязать, пробовать и наблюдать то, что он считал Первоматерией.

³⁷ Вряд ли имеются в виду «Афоризмы о магии» самого Филалета, которые следуют за основным текстом «Lumen de lumine»; но других не существует, если не считать десяти афоризмов, упомянутых в сочинении «Химический ключ для запирания и отпирания». Но те афоризмы принадлежали Ноллию.

Дух Божий, витавший над ним, преобразовал его и создал из него мир. Однако тот самый мир теперь приносит плоды и порождает из собственного чрева вторичное семя, которое сутью и субстанцией полностью тождественно тому первичному, общему семени, из коего был сотворён мир. И если кто-то спросит, какое применение находит Природа для этого общего семени, и для чего она его порождает, я отвечу, что оно служит не для того, чтобы творить из него новый мир, а чтобы поддерживать уже существующий. Ибо Всемогущий повелел, чтоб Его создания питались той самой материей, из которой они оформлены; и этим подтверждается тот принцип, который в противном случае оказался бы совершенно ошибочным: «Теми же веществами, из которых мы состоим, мы и кормимся». Мы не слишком стремимся узнать, откуда происходит наше пропитание, равно как пропитание зверей, ибо оба источника очевидны. Но что питает траву, целебные растения, злаки и все породы деревьев с их плодами? Что восстанавливает и насыщает землю, после того, как эти плодовые и бесчисленные виды, сосущие её грудь большую часть года, почти истощают её? Боюсь, они [мои противники] скажут то, что думают: это, мол, вода; но сколь искусные они защитники, будет ясно из дальнейшего.

Конечно, даже то, что едим мы, — равно как и звери, — происходит из того же источника; но, прежде чем достичь нас, оно меняется, ибо животные кормятся созданиями, тогда как растения извлекают сию сперму непосредственно в её небесной, универсальной форме. Однако я не хочу, чтоб меня поняли так, будто то семя служит лишь для питания, ведь из него создано многое, и в особенности — подземное семейство минералов и металлов. Ибо вещество это, представляющееся на вид водой, является коагулируемой жирной влагой, или смесью огня, воздуха и чистой земли, орошённой водой,

и потому не видимой никому и известной лишь немногим. Она зачастую появляется в растениях, так как те питаются не водой, вопреки мнению некоторых, а этой семенной жидкостью³⁸, сокрытой в воде. Её-то и притягивают корни, а от них она поднимается к ветвям, по пути иногда просачиваясь через кору, где, встречаясь с холодным воздухом, остаётся и затвердевает, [превращаясь] в смолу³⁹. Это затвердение происходит не внезапно, а требует некоторого — небольшого — времени, поскольку, если вы найдёте её [т.е. смолу] свежей, она окажется чрезвычайно тонкой жидкостью, хотя и клейкой, способной скручиваться в полоски не толще волоса; достигнув же ветвей, она — когда придёт срок — станет сливой или вишней. Это происходит с ней при холоде, или над землей, но в недрах земли под действием сернистого сульфурного жара она затвердевает и становится металлом⁴⁰, а если место её затвердения будет чистым, то светлым металлом, ибо сия сперма насыщена светом и полна Звёздного Огня⁴¹, которому все металлы обязаны своим блеском. То же самое можно сказать о жемчуге и самоцветах, ибо сие звёздное семя есть мать их всех. Там, где оно минерализуется само по себе и без грязных примесей, оно изливает и извергает свои огни, и столь схоже с небом, что, не знай мы об их сговоре, мы бы удивились, как оно может любить землю. Подытожим же в немногих словах сказанное нами, благо мы желаем

³⁸ Отсюда следует, что жизнь и питание растений зависят от их способности вбирать в себя Первоматерию, повсюду описываемую Воганом как семенная жидкость.

³⁹ Следовательно, эта смола является Первоматерией, и неважно, изменена она или нет тем каналом, по которому движется.

⁴⁰ Итак, смола, плод и золото — все они образованы из одной субстанции: такова физика Вогана.

⁴¹ Современные авторы-окультисты называют его Астральным Огнём.

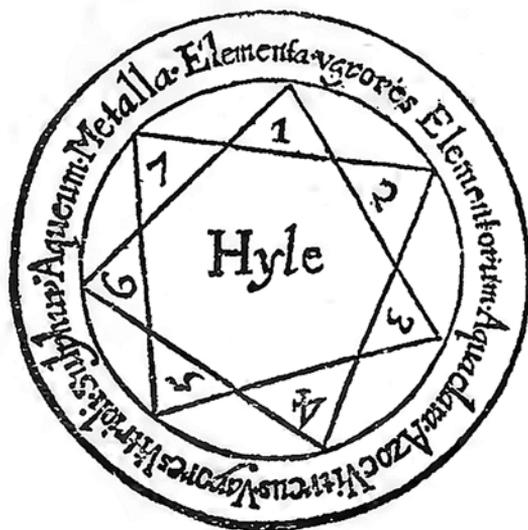
объяснить наш метод и последовать за Раймундом Луллием, который в третьей главе своего «Завещания»⁴² приводит некую фигуру, полностью соответствующую словам Реса Цестренсиса, недавно цитированным нами.

Мы уже упомянули два принципа — Бога и Природу, или Бога и сотворённый мир; ибо того третьего принципа, или хаоса, пресущественного к миру, мы больше не будем касаться. Вместо того обратимся к вторичной сперме, или хаосу, существующему ныне и происходящему из мира видимого. Ибо мы будем возводить наш трактат лишь на видимых явлениях, и перед всем мы поместим Величие Господа, Который есть единственный, центральный Вечный Принцип и Зодчий всего.

Упомянутая фигура принадлежит Раймунду Луллию, и в её центре вы видите Первичное Вещество [Hyle] или материю, из коей был создан мир⁴³. По словам Раймунда, в этой материи потенции всех элементов и природных принципов, — как средних, так и крайних, — пребывали в смешанном состоянии «в воде необычного вида»; и сей изначальный семенной океан заполнял всё то пространство, которые ныне мы относим к воздуху, ибо — говорит автор — «он простирался вплоть до лунного круга». Из этой срединной области, которую мы только что описали, появились все те принципы и тела, перечисленные на окружности сей фигуры: и здесь начинается наша философия.

⁴² «Testamentum Raymundi Lullii, duobus libris Universam Artem Chymicam complectens» [с лат: «Завещание Раймунда Луллия, включающее две книги всеобщего искусства химии»]. Pars I, cap. IV. Рисунок, описываемый Воганом, незначительно отличается от оригинала.

⁴³ Иными словами: 1) первичный хаос; 2) материя Философского Камня; 3) основная материя Меркурия; 4) Первоматерия.

Надписи на окружности по часовой стрелке, начиная с верхней:
 элементы; пары элементов; чистая вода; стекловидный азот;
 пары купороса; водянистый серфур; металлы.

Первыми над материей идут элементы, или видимый сотворённый мир, части которого обычно именуется элементами, т.е. землёй, водой, воздухом и небом, ибо нет никакого иного огня, кроме того *блуждающего огня*, который Аристотель возжёт под луной⁴⁴. Как вы можете видеть, из элементов по правую руку путём утончения и разделения их субстанции выводится следующий принцип, а именно — испарения элементов, или облаков, в этих испарениях низшая и высшая природы встречаются и сочетаются браком, и из смешения их образуется та вторичная сперма или философский хаос,

⁴⁴ Видимо, ещё один презрительный намёк на аристотелевские представления о квинтэссенции, при этом Воган игнорирует тот факт, что вся алхимическая литература полна такого символизма.

который мы ищем. Вслед за облаками, или испарениями элементов, вы увидите третий принцип, а именно — чистую воду, которая образуется непосредственно из облаков. «И она, — сообщает Луллий, — представляет собой субстанцию, скорее схожую с ртутью, которая течёт и струится по [поверхности] земли». Четвёртый принцип, который Природа немедленно создаёт из субстанции, или вязкости водянистого универсального Меркурия, путём его отверждения, есть стекловидный *Азот*⁴⁵, представляющий собой некую огненную, сульфурную, мужскую руду. И она есть философское золото — сера, земля и мужчина, подобно тому, как вязкая вода является Меркурием и женщиной. Остальные принципы, расположенные по окружности, суть искусственные и не могут быть познаны или явлены без Искусства, за исключением седьмого и последнего принципа, который представляет собой или золото, или серебро. Ибо те суть совершенные металлы и ферменты, придающие лекарству, которое само по себе универсально, определённый характер и приводящие его к известным свойствам и действию.

До сих пор мы считали надлежащим говорить с вами открыто, но теперь мы откажемся от этого, ибо лучше не сказать ничего, чем то, что не будет понято. Осмелюсь добавить, что некоторые авторы наслаждаются ими же придуманными голо-

⁴⁵ *Азот* представляет собой Меркурий металлов. Этот термин использовал не только Луллий, но и Гебер, Мария Египетская, Василий Валентин и Парацельс. В труде «*De occulta philosophia*» под рубрикой *De Magicae Abusu* сказано, что он имеет силу против волшебства. Один из вариантов — *азок*, ибо Парацельс говорит в «Авроре» следующее: «Да удовольствуешься ты огнём и *азоком*». Стекловидный или гладкий *Азот* упоминается у Руланда. По Руланду он является универсальным лекарством, всеобщим и центральным по отношению ко всему. В некоторых старых книгах по химии так именовался осадок обычной ртути, но с ней истинный *Азот* не имеет ничего общего.

воломками и находят особое удовольствие в том, чтобы умножать трудности, которые и без того весьма многочисленны. Что касается меня, то не буду испытывать остроту вашего ума. Вы можете узнать остальное у автора [т.е. Луллия] и тем подвергнуть себя той же опасности, которой недавно подвергался и я.

Мы же вновь вернёмся к нашей теории и в качестве вступления укажем, что огонь начинает каждое движение, а движение начинает созидание. Ведь если бы все элементы сего материального мира просто оставались в своих пределах, такая неподвижность не произвела бы ничего. Дабы не допустить этого, Всемогущий Господь поместил в сердце мира, — а именно, в земле, как и в сердце всех остальных творений, — огонь жизни, который Парацельс именует археем⁴⁶, а Сендивогий — центральным солнцем⁴⁷. Сей огонь, чтобы он не прожёт собственную оболочку, т.е. землю, Господь окружил плотной, маслянистой, солоноватой водой, которую мы именуем морем⁴⁸. Ибо морская вода, — как мы узнали на опыте, — не говоря уже о её соли, полна сернистой [sulphureous], летучей жирности, которая не гасит огонь в отличие от обычной воды, а подпитывает его. Подобную предусмотрительность мы обнаруживаем и в телах животных, чей жар или [энергия] жизни смягчается сернистой, солоноватой влагой, а именно — кровью, а кровь [в свою очередь] — дыханием, подобно тому, как море умеряется ветром и воздухом. Превыше этого архея

⁴⁶ Принцип движения в Природе, универсальный и частный деятель, отвечающий за создание и воспроизведение. Сендивогий называет архей слугой Природы, перегоняющим и сублимирующим элементы. — «Novum Lumen Chemicum». Tract. II, IV.

⁴⁷ Там же. См. «Эпилог» или «Заключение» двенадцати трактатов.

⁴⁸ Сендивогий утверждает, что не сокрыл ничего, кроме «нашей морской воды», иначе говоря, Философского Меркурия, ибо эта тайна может быть открыта только Богом. — Там же.

или центрального огня Господь расположил Своё небо, солнце и звёзды, так же как голову и глаза Он расположил над сердцем. Ибо между человеком и миром немалое сходство, и тот, кто не знает одного, не может знать и другого⁴⁹. Также мы можем наблюдать, что ветер проходит меж низшим и высшим огнём, т.е. между центральным и небесным солнцем; и в человеке дыхание обладает полной свободой и [способностью] движения между сердцем и глазами, т.е. между огнём и светом внутри нас⁵⁰. Кроме того, в человеке и в мире мы обнаруживаем наиточнейшее соответствие эффектов: ибо как кровь, так и море имеют постоянный пульс или волнение, в силу того что оба духа движутся и действуют в своих телах схожим образом.

Не следует нам пренебрегать и другим рассуждением: свет мира пребывает в высших его частях, а именно, в солнце и звёздах. Но первичный огонь, откуда вырываются те искры, не показывается, будучи заточён в земле. Точно так же, разумеется, весь свет человека проявляется на его лице, ибо изливается из глаз; но основной его источник, — а именно, тот огонь, который находится в сердце, — видим не более чем огонь земли. Мы можем сказать лишь, что оба заточённых огня обнаруживают себя разуму одинаковыми следствиями, т.е. пульсом, который один [огонь] вызывает в крови, а другой — в море, к чему можно прибавить то потоотделение или испарение телесных соков, производимое обоими духами в своих телах. И чтобы полностью доказать, что сии обозначения —

⁴⁹ Схоже с Алипили: он утверждает, что если мы не найдем внутри себя Великую Тайну Камня, нам никогда не найти её вовне.

⁵⁰ Фантастическая аналогия. Познания Вогана во врачевании не отличаются от познаний любого другого последователя алхимии его времени, но не следует оценивать его лишь по этому критерию. Конечно, он был бóльшим фантазёром, чем многие, но его направлял спасительный свет другого, высшего плана.

архей и *центральное солнце*⁵¹ — не пустые слова, помыслим, сколь сильный жар потребен для сей возгонки паров и испарения; ведь возгоняется не простая вода, а большое количество соли и масла вместе с ней. Если кто-то полагает, будто солнцу это под силу, мне придётся сказать ему, что он несведущ ни в действии солнца, ни в том, каково его назначение в Природе. Солнце служит лишь для того, чтобы высушивать излишнюю влагу, которую ночь оставляет на наружной стороне всего; ибо она делает все плоды холодными и вялыми, препятствуя их питанию и созреванию. Но солнце, [излучая] светлый жар, забирает ту излишнюю влагу и тем способствует их [плодов] конкокции, помогая созреть тому, что ещё незрело. Для этого необходимо мягчайшее тепло, не такое, от которого земля дымится и образует облака, ибо это не приведёт плоды к созреванию, а скорее сожжёт и кальцинирует их. Нам известно, что, долго оставаясь на солнце, мы теряем силы, и обычный огонь не будет гореть при [естественном] свете, поскольку солнце — подлинный огненный элемент — притягивает его, так что он мало-помалу уходит, покидая своё топливо. Но если подвести огонь от солнца, то он сильнее устремится к топливу, соединится с ним и сожжёт его.

Точно так же и с землей: пока присутствует жар солнца, жар земли больше занимается солнцем, чем собственным телом. Как справедливо написал Сендивогий: «Лучи соединяются с лучами на поверхности земли». Лучи обоих светил встречаются на лице земли, и между двумя огнями царит такое согласие, что [огонь] центральный — вырываясь, чтоб

⁵¹ Центральное солнце Вогана находится в земле, и потому его следует отличать от метафизического Солнца, располагаемого некоторыми теософскими системами в центре космоса и считаемого самим Богом. Воган следует Сендивогию. См. «Novum Lumen Chemicum». Tract. XI.

встретить небесный, — испытывает своеобразный экстаз и забывает о собственном теле. Позвольте мне выразиться именно так, ибо меж этими двумя существует такое сродство, что они скорее соединяются друг с другом, чем с третьей природой. Но это возможно лишь отчасти и посредством эманаций, ибо Бог ограничил одного центром, а другого — периферией. Я мог бы объяснить сию симпатию благороднейшим магнетизмом, который я с восхищением наблюдал, меж солнцем и сладким маслом, или, скорее, огнём и душой селитры [nitre]⁵². И здесь я скажу тебе, что земля полна селитры⁵³. Более того, мне следует признать, что чистая земля есть не что иное, как селитра, с чревом, наполненным ветром, воздухом и огнём, и отличающаяся от неба не более, чем корень дерева, скрывающийся в земле, отличается от его же ветвей, растущих под солнцем. Сие притяжение огня огнём есть истинная причина, почему жар земли столь слаб летом и столь силен зимой. Ибо зимой, когда солнце отсутствует, центральный огонь пребывает внутри земли, и, тревожимый враждебным вторжением холода, нагревает воду более усердно, так что зимой испарения и облака гораздо более многочисленны, нежели летом, что было бы невозможно, если бы причиной их являлось солнце. Добавьте к этому, что внешний, сухой жар, подобный солнечному, попадая прямиком на землю, неизбежно

⁵² Имеется в виду философская селитра, но она очень редко упоминается в соответствующей литературе. Словосочетание «Igne nitrum roris invenitur» [«Селитру росы найдёшь близ огня»] давало, между прочим, известную аббревиатуру I.N.R.I., [означающую «Иисус из Назарета, Царь Иудейский»]. Сендивогий сообщает, что селитра служит растворителем золота и является фактически философским Меркурием — одним из тысячи имён.

⁵³ По Сендивогию. Более распространённое название — saltpetre, [а не nitre, использованное в тексте] — практически не употреблялось в алхимической символике. Сендивогий, как кажется, отождествляет её с философской Магнезией.

опалая бы её, прежде чем произвести дым; но внутренний огонь, разбавленный влагой земли и став не столь жгучим, не может опалить, ибо он ослаблен водой и смягчён до влажного жара. Без сомнения, такой огонь способен совершенно естественно растворить некоторые части земли и вызвать их испарение, — подобно тому, как наш внутренний жар, увлажнённый кровью, вызывает у нас потоотделение без всякого усилия.

Подытоживая всё это, скажем, что зимой Господь запечатывает лик земли морозом и холодом, — как человек запечатывает сосуд, — дабы сохранить внутри неё затвердевшую [congelative] сперматическую влагу, которая иначе может подняться вместе с более плотными парами, вырывающимися в эту пору [из земли] в большом количестве, и, заполнив сферу воздуха, впитать, словно губка, небесные, жизненные эманации. И надобно знать, что Природа начинает оплодотворять землю к концу осени и не прекращает всю зиму, а огненные, тонкие истечения небес затем сгущаются хладом и влагой луны, которая правит всю зиму, будучи возвышена над солнцем. Вы можете увидеть это на примере снега, выпавшего в суровый мороз: если взять его, пока он свеж, и выпаривать в золе в течение суток при закрытом сосуде, то, открыв сосуд, когда раствор нагреется, вы ощутите в дыхании воды все ароматы мира, гораздо более приятные, чем в цветах мая. Взглянув на дно сосуда, вы обнаружите там жирный, серый ил, схожий с кастильским мылом. Отделите от него слизь мягкой перегонкой в бане, а остаток поместите в хорошо закрытом сосуде в сухой жар золы. Держите его в таком тепле в течение часа или двух, и внезапно сосуд разлетится на куски, ибо ветер — [т.е.] жизнь или дух — в этом теле неустойчив. На таком примере вы можете наблюдать первые опыты Природы: но если вам известно, как экспериментировать с водой, то вы обнаружите явления более величественные, чем описанные мной.

Итак, Магнезия⁵⁴, как писал Сендивогий, образуется зимой, и не без причины, ибо в эту пору жар земли наисильнейший и более способен к усвоению питания, которое нисходит с небес, чтобы приготовить из него вязкую сперму. Но весенней и летней порой, когда солнце прогоняет холод, а центральное и небесное светила в силу взаимного смещения и слияния лучей расслабляют и расширяют поры земли, сперма получает возможность возноситься более свободно, и, возгоняясь, она притягивается и перехватывается растительным царством, которому и служит непосредственным питанием.

Итак, возвращаясь к тем изначальным словам Реса Цестренсиса, мы утверждаем, что сперма состоит из паров или облаков, а пары создаются поднятием вверх [тонких частей] и опусканием вниз [плотных частей] элементов, и не только их, но также — по его словам — *elementata*⁵⁵, т.е. тел, сложенных из элементов. И в этом сокрыт двойной смысл, так как следует знать, что земля наполнена множеством различных природ, таких как минералы всех видов и многообразные останки; ведь и наши тела остаются в земле, когда дух жизни покидает их. Всё перечисленное, как и сама земля, подвергается истончению и разделению субстанции; ибо на такие пары, по словам Луллия, «разделяются все тела, созданные из элементов, чтобы войти в новое творение».

⁵⁴ См. «Novum Lumen Chemicum». Tract. IV. По преданию, весной высвобождается некий маслянистый пар, состоящий из Сульфура и Меркурия, и он притягивает Меркурий воздуха, даруя жизнь всему. В эпилоге сказано, что «внутренний жар нашей Магнезии» аналогичен «соответствующим центрам солнца и земли». Соль мудрых сокрыта «в чреве Магнезии».

⁵⁵ Слово практически непереводаемо: вариант «то, что создано из элементов» звучит неуклюже; вариант «дети элементов» вызывает ассоциации со стихийными духами фольклора и магии.

Это напоминает мне одно мнение, о котором я узнал из книг каббалистов, что сия грудa или тело, которое мы приобрели вследствие притяжения и трансмутации питания, при воскрешении не возрождается. Вместо него из той семенной частицы, которая вначале притягивала питание, а затем окружилась им, возникнет новое тело, и эта семенная частица, по их словам, сокрыта где-то в костях, а не в той части, которая рассыплется в прах⁵⁶. Действительно, как известно, кости очень долговечны и прочны; и это знал Иосиф, когда на смертном одре в Египте он дал своим братьям такой наказ: «...вынесите кости мои отсюда»⁵⁷. Мы помним, что израильтяне были рабами в Египте почти четыреста лет после кончины Иосифа; и всё это время его кости были хранимы, и их увезли в землю Ханаанскую, как написано: «И взял Моисей с собою кости Иосифа, ибо [Иосиф] клятвою заклил сынов Израилевых, сказав: посетит вас Бог, и вы с собою вынесите кости мои отсюда»⁵⁸.

Без сомнения, поразмыслив здраво, мы будем вынуждены признать, что сия семенная частица — наша единственная основополагающая материя, а остальное есть приращение, вызванное внешними субстанциями: плотью и влагой. Что за беда, если мы отбросим сии испорченные выделения или нарост материи — разве не в силах Он, сотворивший нас вначале из семенной частицы, сотворить нас из неё ещё раз? По моему суждению, апостол Павел не брезгает таким мнением в своём обращении к коринфянам, в котором он объясняет им вид воскрешения, и то, в каком теле восстают

⁵⁶ См. мой труд «Тайное учение Израиля» о каббалистических спекуляциях на предмет воскрешения тела.

⁵⁷ Быт 50:25.

⁵⁸ Исх 13:19.

мёртвые: «Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживёт, если не умрёт. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог даёт ему тело, как хочет, и каждому семени своё тело»⁵⁹. Ибо таков смысл оригинала. И здесь, гневливые читатели, прошу меня извинить: я передаю это не как собственное мнение, но как традицию иудеев, бывших некогда мужами весьма учёными и сведущими в Тайнах Бога и Природы больше любого другого народа⁶⁰.

Но, возвращаясь туда, где мы остановились, знайте, что, когда центральное солнце⁶¹ возгоняет пары, те имеют в себе природу не только земли и воды, но и различных иных, отдельных минералов, которыми наполнена земля и вода. Чтобы разъяснить: испарения — справедливо именуемые так — поднимаются от моря и всех пресных вод. Они содержат в себе субстанцию и качества минералов, находящихся в воде, некоторые из коих схожи с битумом, другие с солью, третьи с ртутью, и все они — влажные и флегматические. Напротив, испарения, поднимающиеся от земли, сухие, поскольку земля горячее и богаче минералами, чем вода. Эти огненные, земные испарения, встречаясь с холодными парами воды, зачастую рождают ужасные бури, причём некоторые из сих испарений содержат азот, другие — мышьяк, третьи — серу, и все они раскалены; а некоторые, вследствие обилия в них серы, негорючи. И те, и другие — я имею в виду испарения земные и водные — встречаются в той обширной сфере воздуха, где их противоположные качества жара и холода сочетаются

⁵⁹ 1 Кор 15:36–38.

⁶⁰ Отсюда не следует, что Воган принимает еврейские спекуляции за чистую истину, хотя и склонен к этому.

⁶¹ Имеется в виду тёмное солнце, которое якобы находится в центре земли.

как деятель и пассивный объект, или Сульфур и Меркурий. А отдельные природы и испарения, воспринятые ими от минералов, расщепляются ветром и целиком сводятся к общим принципам. Удивительно, сколь сильной способностью к разделению обладает ветер или воздух, ведь ветер — не что иное, как воздух, приведённый в движение огнём, подобно тому, как в человеке движение дыхания, как и движение крови, вызывается жаром, причём и то, и другое происходит от одного и того же горячего принципа жизни. Разумеется, жизнь мира вызывает ветер или волнение в воздухе, как и течение в море, ибо оба названных суть моря и имеют свои течения, как мы более полно докажем далее. Воздух же, как мы указали, разделяет всё, но особенно [к этому способен] ветер, ибо он разделяет все соли на воду, и, если этот раствор подвергнуть перегонке, мы обнаружим, что некоторая часть соли сведена к пресной воде⁶². Что до остатка, то, если его подвергнуть воздействию ветра, то он разделится снова, и вы сумеете перегнать его ещё раз. Словом, при повторении такого процесса вы превратите всю массу соли в летучую пресную воду, ничем не отличающуюся от обычной — ни видом, ни вкусом. Но не думайте, будто ваша соль потеряна: если вам известно, как кристаллизовать эту воду, вы найдете её [т.е. соль] вновь, но столь отличной от прежней, что будете удивлены.

Такая практика, при надлежащем понимании, достаточно объясняет природу воздуха; но тот, кто знает, где найти затвердевший воздух и посредством тепла растворить

⁶² Для людей обычного образования трудно представить, что автор, столь очевидно «плавающий» в явлениях физических, может быть сведущ в явлениях духовных; но по такой логике придётся отвергнуть не только Платона и Плотина, но и Экхарта с Рейсбруком; собственно, мне неизвестно, какие мудрецы или святые древности выдержат подобную проверку.

его в вязкую воду, достиг выдающегося [результата]. Много больше я мог бы сказать о том восхитительном, духовном элементе, чью способность к проникновению и разделению [иных субстанций] мне приходилось созерцать в ходе такого несложного опыта. Обычная ртуть обладает чудесным единством частей и является самым сильным из всех составов, за исключением золота; ибо, перегоните вы её в реторте хоть сто раз, она так и останется ртутью, невзирая на все утончения её тела. Но если взять тысячу её долей и испарить их всего один раз под открытым небом, они никогда более не станут ртутью; ибо пары её поднимутся к ветру, где претерпят полное растворение, и вниз выпадет чистая дождевая вода⁶³. По этой же причине пары элементов возносятся в срединную область воздуха, где ветер наиболее хладен и свободен; и ни в каком ином месте невозможно добиться полного их разделения, — к чему стремится Природа. Будучи понятой, она оказывается благороднейшей тайной Природы, и Иов не был невеждой в ней, когда, горюя об увядании собственной плоти, воскликнул: «Ты поднял меня и заставил меня носиться по ветру и сокрушаешь меня»⁶⁴.

Итак, мы показали вам, как огонь разрезает всё, а ветер и воздух разделяют ещё сильнее, чем огонь, примером чего послужила ртуть [quicksilver]. И это же мы показали вам в другом месте и в словах не столь ясных, а именно: что периферия расширяется, а центр сжимается; что высшие [природы] растворяются, а низшие коагулируют; что нам надлежит использовать неопределённого деятеля, пока мы не отыщем

⁶³ Следует помнить, что Воган, по собственному признанию, был наименее учёным из всех химиков, работал без руководства и, как мы узнаём из его записей, не всегда мог повторить собственные опыты.

⁶⁴ Иов 30:22.

определённого⁶⁵. Ибо очевидно, что присущая Меркурию растворяющая способность заключена в воздухе и воздушных творениях, а присущая сере сгущающая способность заключена в земле, т.е. в некоторых минеральных природах и субстанциях, которые Господь сокрыл в земле. Потому возьмите воду воздуха, которая есть великий растворитель, и вызовите её брожение при помощи земли; и наоборот — [вызовите брожение] земли водой. Или, выражаясь сложнее: заставьте забродить Меркурий посредством Сульфура, а Сульфур — посредством Меркурия. И знайте, что сей сгущающей способности весьма способствует тепло, особенно в таких местах, где сперма не может испаряться, а тепло умеренно. Но под открытым небом и при избыточном тепле она рассеивается. Теперь нам остаётся рассказать о двух пассивных материальных элементах — земле и воде, ибо эти тела испытывают воздействие огня и постоянно перерождаются за счёт циклического разрежения и конденсации.

Тем, кто желает стать знатоком сего Искусства, братья Розы и Креста советуют изучать элементы и их действие, прежде чем искать тинктуры металлов⁶⁶. Желательно, чтобы люди поступали подобным образом, ибо тогда у нас не было бы так много поджаривателей [broilers]⁶⁷ и столь мало

⁶⁵ См. «Anima Magica Abscondita». Если мистический символизм Вогана расшифровывается подобным образом, едва ли кто-то из нас был бы благодарен за ключ. Не стоит тратить силы, чтобы открыть «запертый дворец».

⁶⁶ Философская тинктура различных предметов — это не окрашивание поверхности и не пропитка краской. Это — внутреннее изменение природы, которое проявляется снаружи. Ближайшая аналогия — благодать, пребывающая в сердце и душе. [Слово «tincture» в английском языке, помимо значения «настойка, тинктура», означает также «оттенок, примесь».]

⁶⁷ Одно из презрительных обозначений, использовавшихся алхимиками для искаателей и софистов. Но если верить литературе — или, по крайней мере, завещаниям некоторых из них, — после долгих *корректировок* кое-кто достиг своей цели: к примеру, Бернард Тревизан, вначале следовавший самым невероятным практикам.

философов. Но здесь уместно спросить, кто изучает элементы ради того, чтобы наблюдать за их действиями и подражать оным? Поскольку в университетах мы изучаем сии действия единственно для того, чтобы овладеть ложной книжной теорией, которая пригодна разве что для шарлатанства, диспутов и гвалта. Что и говорить, схоластическая наука затемнила и исказила даже ту жажду знания, которую Господь вложил в человека. Ибо в этой науке мы воспринимаем традиции, передаваемые вышестоящими, и впитываем вместе с ними благоговение перед наставниками, которые воспитывают в нас убежденность в их непоколебимости, — так что выпускник университета за всю свою жизнь не может набраться разума и уверенности, чтобы бросить взгляд за пределы того, что он изучил. Сколь часто я удивлялся, как здравомыслящие духи могут считать аристотелевскую философию совершенной, когда она состоит из одних лишь слов без каких-либо следствий; ведь ложность и недостаточность чисто умозрительного знания столь очевидны, что ни один мудрый не станет защищать его. Это превосходно известно врачевателям, которые, даже угодив вначале в этот волчок, затем вынуждены вырываться из него и принимать новые принципы, если они желают быть такими, какими требует быть их профессия. Аристотель глубокомысленно возвещает: «Где кончается философ — там начинается врач». Мне, однако, крайне интересно, какую пользу врач может получить от этого философа, учение которого утверждает, что «знание [направлено] на общее»⁶⁸, — ведь без частного врач ничего не сумеет сделать. Но,

⁶⁸ *Scientia non est particularium*. [Полная фраза звучит так: «Ощущение в действии направлено на единичное, знание же — на общее». Цит. по: Аристотель. О душе. Кн. 2. Гл. 5/Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т.1./Перевод П.С. Попова, ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976.]

говоря серьёзно, разве знание Аристотеля, — если он обладал таковым, — не происходило от частного, или же оно произошло прямым от универсалий? Если от последних, то как он познал их? Знал ли он род, прежде чем узнать вид, или вид, прежде чем познать индивида? Не думаю. Вначале он познал индивида, и, наблюдая его природу и свойства, он перенёс их на весь вид или, говоря по существу, на всех индивидов подобного типа; и это соотнесение сделало общим то знание, которое вначале было единичным, поскольку выводилось из единичного объекта. Это так, и Аристотель сам признаёт это, — хотя вначале изрёк ложь, — ибо в другом месте заявляет: «Ничего нет в уме, чего бы не было прежде в ощущении». Если это истинно, то [утверждение] «знание [направлено] на общее» ложно.

Но достаточно о нём на сей раз; я же узнал давным-давно, — и не у Аристотеля, а у Роджера Бэкона, — что обобщения немногого стоят и не годятся для того, чтобы стремиться к ним, кроме как ради частных. И это очевидно во всех практиках и занятиях, которые приносят какое-то благо для человека. Ибо сама Природа запечатлела универсальные понятия и представления [conceptions] в каждой душе, и учёной, и неучёной, так что нам нет нужды изучать универсалии. И это отметил наш брат [Бэкон]: ибо, по его словам, «в универсальных понятиях душа толпы согласна с [душой] мудреца, тогда как в частном и единичном она расходится и заблуждается». По этой причине он отвергает Аристотеля и Галена, «ибо они занимались общими [понятиями] и универсалиями, и так продолжали до самой старости, растрачивая жизнь на явления обыкновенные и никчёмные, и не различая путей тех великих тайн». Не будем же поступать как язычники, пусть даже в этом им следует бóльшая часть мира. Последуем лучше за самой Природой, ибо она, запечатлев те

универсалии у нас в уме, сделала это не напрасно, но с тем, чтоб мы приложили их к внешним, осязаемым единичным явлениям⁶⁹ и так достигли истинного, опытного знания, которое есть единственный венец и совершенство в сей жизни⁷⁰.

Если человек остановится на одной лишь теории землешествия и довольствуется чтением «Георгик» Вергилия, но не приложит руку к плугу, я сомневаюсь, что такая теория поможет ему добывать ежедневное пропитание. И если мы остановимся на понятиях и названиях вещей, ни разу не прикоснувшись к ним самим⁷¹, мы скорее всего не произведём никаких свершений и не излечим никаких недугов, без них же философия бесполезна и не должна входить в число необходимых предметов. Но Бог видит, сколь это неверно, и человек тоже в силах понять это, если только вспомнит о тех двух жизненных обстоятельствах — болезни и бедности. Но они — не единственные, не учтённые аристотелевской философией: сама его теория по большей части ложна, а там, где она верна, она столь легка и поверхностна, что ведёт в никуда. Поверьте, он вовсе не из числа наших помощников: он — подлинная *remora* [с лат: помеха] для любых природных открытий, и в течение многих веков он не просто препятство-

⁶⁹ Следует помнить, что в то время уже жил Джон Локк [(1632–1704) — английский философ-просветитель. Исходный пункт его учения о познании — отрицание теории врождённых идей, включая идею Бога: всё знание приобретается из сугубо индивидуального опыта].

⁷⁰ Поскольку великое постижение связано и с опытным знанием. На первый взгляд может показаться, будто Воган говорит только о внешнем знании, но он знал о соответствии между внутренним и внешним, между миром физическим и духовным.

⁷¹ Это та самая проверка, которая необходима нам в смысле предшествующего утверждения. Понятия и названия суть образы ума, символы и дары внутренней реальности. До тех пор, пока мы пребываем в них, нам не исцелить болезни души, так же как внешние болезни, или скудость внутри и снаружи.

вал истине, но искоренял её. Можно долго говорить об этом молодце и его невежестве, которое столь же грубо, сколь и порочно. Не буду даже упоминать о его безбожии и всём его злонравии, которое оказалось разрушительно не только для славы философов древности, — чьи книги были сожжены тем бумагомарателем, — но и для счастья и процветания последующих поколений, которых он лишил более древних, выдающихся и бесценных памятников⁷².

Я сделал столь длинное отступление, дабы поправить ту паршивую овцу, испортившую многочисленное стадо; а также из-за недавних вкрадчивых попыток некоторых его друзей, признающих его своим непререкаемым руководителем и отцом их человеческой мудрости; что и говорить, таковым он и является. Но когда нам, выступающим против него, кое-кто говорит, что мы лишь воскрешаем давние ереси, — тогда как в действительности мы боремся с безбожником, притом таким, который отрицал сотворение мира и бессмертие наших душ, — то им придётся смириться с нашим гневом, ибо мы бросим еретика к их дверям, раз они поддерживают его. Тем временем, буде они настроены серьёзно и полагая нас виновными в какой-то ереси, пусть во всеуслышание объявят, в какой именно, и мы не преминем объяснить им [истинный] смысл и их неверное истолкование. Мы же, со своей стороны, не стали бы тревожить их на этот раз, если бы один из них не намекнул⁷³ невнятно и боязливо, будто мы учим новой философии и новой теологии. Я не дам ему никакого иного ответа, кроме следующего: прежде чем судить, какая философия

⁷² Труды самого Аристотеля являются лучшим ответом на основные обвинения Вогана, особенно в безбожии, относительно чего мы, в дополнение к его [Аристотеля] свидетельству, имеем и его предсмертные слова.

⁷³ В сноске на полях две [латинские] буквы: T.P.

или теология является новой, пусть попытается понять старую. Но это — шаг в сторону с моего пути и, чтобы вернуться к настоящему предмету, я продолжу свои рассуждения касаясь земли и воды; без сомнения, они — осязаемые субстанции, а не универсалии или химеры, которых придумывают перипатетики, сочетая Природу и ничто.

Говоря «земля», я понимаю не то нечистое, фекальное тело, по которому мы ступаем, а более простой, чистый элемент, т.е. природную, центральную селитру [salt nitre]. Соль эта неизменна или постоянна в огне и является серой Природы, посредством которой та удерживает и приводит в твёрдое состояние свой Меркурий. Когда два названных встречаются, — я понимаю чистую землю и воду, — земля уплотняет воду, и, напротив, вода разрежает землю; и из них возникает третье — не такое плотное, как земля, и не такое тонкое, как вода, а среднего, вязкого характера, и называется это Меркурием, будучи ничем иным, как сочетанием воды и соли⁷⁴. Ибо нам надобно знать, что эти два суть первичные материалы Природы, без которых она не в силах произвести сперму, или семя. Но это не всё, поскольку семя, даже будучи готовым, никогда не станет телом и не будет разделено и передано новым творениям, если два названных не окажутся близ него, взаимодействуя с ним. Мы можем наблюдать это круглый год, на каждодневном опыте. Ибо когда выпадает дождь, небесная вода встречается с селитрой [nitre], которая, пребывая в земле, растворяет её; а селитра своей едкостью придаёт остроту воде, и такая селитровая вода растворяет все семена, находящиеся в земле. Итак, [сей] раствор оказывается ключом созидания,

⁷⁴ В моём рукописном экземпляре «Euphrates» на полях стоит помета «Noc falsum est» [«Сие неверно»].

и не только в нашем Искусстве, но и в Природе, которая есть Искусство Божье. О земле можно больше не говорить, ибо сих немногих слов, — буде они правильно поняты, — достаточно, и в них сокрыт более глубокий смысл, чем может показать-ся обычному читателю. Мне известно о существовании другой солнечной восточной земли, содержащей золото и серу; но при этом она — не золото, а низменная, презренная вещь, не стоящая ничего, ибо её можно получить даром⁷⁵. Это — земля Эфиопии, вобравшая в себя все её цвета⁷⁶. Это — тот Андро-дам⁷⁷ Демокрита, зелёный Дуенех [Duenech]⁷⁸ и сера, никогда не касавшаяся огня, которая при растворении превращается в наш стекловидный Азот, или купорос философской Венеры.

Этого достаточно о природе земли; теперь поговорим о воде. Сей элемент есть канал [deferent], или *vehiculum* [с лат: колесница] любых воздействий. Ведь какие бы эманации ни исходили от земного центра, они поднимаются из него и доносятся до воздуха. И наоборот, всё, что нисходит с неба, опускается вглубь, ибо в её чреве низшие и высшие природы встречаются и перемешиваются; и им не проявиться вне этого уникального средства. Потому всё, что ни есть в земле чистого, она получает от воды. Под этим я подразумеваю те чистые субстанции, которые философы именуют *разложенными* [на составляющие]. Ибо орёл покидает яйцо, т.е.

⁷⁵ Мне неизвестно, каким источником пользовался Пернети, но он утверждает, что Солнечная Земля представляет собой Материю Магистерия, оставленную в красном состоянии. Она также называется Солнцем Мудрых, или Золотым рудником.

⁷⁶ Ср. с землей Сиона, которая вобрала в себя всю святость, исходящую от высшего Сиона. Поскольку ей не назначена цена, её можно назвать бесценной; но, будучи объектом желания только мудрецов, она может быть названа презренной в глазах мира.

⁷⁷ Камень, считавшийся противоядием, как явствует из его названия.

⁷⁸ Одно из названий сурьмы.

вода⁷⁹ оставляет свой ил [limosity] в земле; и сей ил под воздействием тепла становится селитрой и прочими бесчисленными минералами. Ранее мы поведали вам о двух солнца или огнях: небесном и центральном. Оба они источают свои эманации, или воздействия, кои встречаются в парах воды. Ибо Вулкан, или земное солнце, заставляет воду возноситься в воздушную область, здесь вода истончается под вышними огнями, поскольку на неё взирает око солнца, и изливаются направленные эманации всех неподвижных звёзд и планет, причём в [её] обнажённое, разреженное, открытое тело. Воистину, воздух есть тот храм, где низшие сочетаются браком с высшими, ибо на него нисходит небесный свет, соединяясь с воздушной, маслянистой влагой, сокрытой в чреве воды. Сей свет, будучи жарче воды, делает её набухшей и животворной, а также усиливает её семенную, вязкую влажность, так что теперь она готова к отложению спермы, или ила, как только соединится со своим настоящим мужем. Но это невозможно, пока она не вернётся на родину, — я понимаю землю, где пребывает *collastrum*⁸⁰, или муж. С этой целью она вновь спускается сюда, и муж немедленно завладевает ею, а его огненная, сернистая субстанция соединяется с её илистой влагой. И здесь заметьте, сей Сульфур есть отец всех металлических субстанций — он даёт мужскую, пламенную душу, а вода — тело, т.е. ил, или небесную, водную селитру, из коей путём коагуляции создаётся тело. Кроме того, знайте, что в этом Сульфуре присутствует нечистый, внешний жар, который подтачивает и разъедает сию водную

⁷⁹ Среди четырёх ликов в видении Иезекииля *лицо орлиное* всегда соотносится с водой. [Иез 10:14: «И у каждого из животных четыре лица: первое лицо — лицо херувимово, второе лицо — лицо человеческое, третье лицо львиное и четвертое лицо орлиное».]

⁸⁰ Этого слова я не нашёл ни у Парацельса, ни в других трудах.

Венеру, пытаясь обратить её в нечистую серу, подобную его собственному телу. Но это невозможно благодаря небесному семени или свету, сокрытому в водной селитре [aqueous nitre], которая не допустит подобного. Как только серный, земной жар начинает проявляться, она тотчас восстаёт и пробуждает небесный свет, который, — будучи укреплен теперь мужской тинктурой, или чистым огнём Сульфура, — начинает трудиться над собственным телом — водной селитрой, и отделяет от оной низменные, внешние части Сульфура, и так остаётся самим собой — светлым, небесным телом со свойствами металла.

Заметьте, что тинктура или душа Сульфура не может возродиться в её собственном, нечистом, теле, но ей надлежит покинуть тот тёмный земной остов и облачиться в новое, очищенное, тело, прежде чем соединиться со светом неба. Сие новое тело возникает из воды, ибо вода свела его с неба. И, без сомнения, всем нам предстоит возродиться посредством Воды и Духа, что заставило некоторых учёных богословов утверждать, что проклята была только стихия земли, но не воды. И здесь я не могу не вспомнить поучение апостола Иоанна, который называет воду среди трёх, свидетельствующих о Господе здесь на земле⁸¹. Весьма схожи с этим слова апостола Павла, что Господь «в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями», поскольку подавал им «с неба дожди...»⁸². Благодеяния или благословения, ниспосылаемые Богом, заключаются не в словах, в отличие от благодеяний человека. Они целиком — дух и сущность, а их каналы представляют собой природные, видимые субстанции. А вот как благословил патриарх своего сына: «да даст

⁸¹ Ин 5:8.

⁸² Деян 14:16–17.

тебе Бог от росы небесной», что сверху, «и от тука земли...», что снизу⁸³. Ему было известно о благословениях, которыми Бог Природы наделил те природные вещи; и потому он говорит там же: «...вот, запах от сына моего, как запах от поля [полного], которое благословил Господь»⁸⁴. А апостол Павел в своём «Послании к евреям» указывает, что «Земля, пившая многократно сходящий на неё дождь <...> получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы — негодна и близка к проклятию, которого конец — сожжение»⁸⁵.

Чтобы объяснить, чем является сие благословение, напомним, что мы писали в своё время о двойном характере воды — периферическом и центральном⁸⁶. На периферии она неочищена, летуча и флегматична, но в центре — более густа, вязка, воздушна и пламенна. Сия центральная часть — мягкая и солоноватая; снаружи — белая и лунная, но изнутри — красная и солнечная. Её невозможно извлечь без лунного или солнечного магнита, чьим питанием она является и к нему её влечет удивительная симпатия. Отсюда происходит то туманное изречение философов, когда, описывая свой Меркурий, они называют главным его свойством — притягивать тела или металлы. И, как говорит Пифагор в «Турба», он «следует своему спутнику и достигает его без огня». А потому написано в той же книге, что «велико сродство между магниезией и железом». В самом деле, повседневный опыт указывает нам, что, если какой-нибудь камень долго стоит в обыкновенной воде, на нём образуется некий илистый налёт, отлагаемый водой. Но, невзирая на всё это и на все их слова, мы будем утверждать, что даже

⁸³ Быт 27:28.

⁸⁴ Быт 27:27.

⁸⁵ Евр 6:7–8.

⁸⁶ См. «Anthroposophia Theomagica».

их Меркурий не притягивается к обычным металлам; и употребляя слово «Меркурий», как и все другие термины, полагаем, что они весьма двусмысленны и лукавы. Действительно, с их водой связана тайна, и притом непростая, ставшая камнем преткновения для многих учёных мужей. И, коль скоро мы упомянули её, почему бы нам не рассказать о ней рассудительно. Ничто не встречается чаще, и нет ничего более важного в их книгах, нежели огонь и вода, но взаимозаменяемость и смешение этих понятий изрядно сбивает с толку, ибо они говорят нам, что их вода — это их огонь⁸⁷. Об этом они писали столь путано, что я нередко досадовал; но среди них мне посчастливилось найти одного [философа] доброй воли, доставившего мне удовлетворение⁸⁸. Сей автор признался, что терпел неудачу двести раз, невзирая на то, что знал истинную материю; и всё потому, что он не знал огонь, или деятеля, посредством которого материя меняется. Такие неудачи, как кажется, пробудили в нём сочувствие к последующим поколениям [алхимиков]; но, признаемся, он соизволил выразить своё мнение весьма своеобразно. Вот его слова: «Наш огонь — минеральный, равномерный и постоянный; он не производит пар, если жар не слишком силён; он содержит в себе серу; он растворяет, кальцинирует и делает твёрдым всё; найти его можно искусственным путём, и он не насыщаем [chargeable]; его можно извлечь из чего

⁸⁷ Например, *aqua caelestis* [Небесная вода] именуется огнём и является синонимом философского Меркурия, который всегда символизируется с водой. Ван Хельмонт говорит, что обычные химики обжигают и кальцинируют огнём, а мудрецы — водой. Бернард Тревизан говорит об испарённом огне, который не уничтожает вещество. Поскольку метафорическая вода не увлажняет руки, то метафорический огонь не обжигает их. Сам Азот — это влажный огонь.

⁸⁸ Аллюзия на Понтана и его труд «*Epistola de Lapide Philosophico*» [с лат.: «Письма о Философском Камне»] в сборнике «*Operibus quibusdam Chymicis*». Он шёл ложным путём три года, но, наконец, обнаружил секрет в сочинении Артефия «*Clavis major*» [с лат. «Главный ключ»].

— угодно, кроме материи». Завершаются эти рассуждения высказыванием, которое нам следует особо отметить. «Сей огонь», — говорит он, — не меняется или не преобразуется вместе с материей». Без сомнения, он считал, что открыл достаточно, и так оно и есть, — но только для тех, кто уже знает [немало]⁸⁹.

Что касается меня, то я обнаружил некую минеральную, дурно пахнущую воду, которая имеет некоторые свойства Сульфура и готовится искусственным путём; она не принадлежит к сущностным частям материи, будучи случайной и внешней; она не даёт пара, если её не перегреть; она растворяет, кальцинирует и делает твёрдым всё, но сама не затвердевает; ибо в итоге её изгоняет огонь Природы, и она уходит в клубах дыма. Сей менструальный⁹⁰, сернистый, противоположный огонь⁹¹ показал мне, сколь естествен наш труд; ибо он совершает здесь то, что обыкновенная вода совершает в большом мире. В связи с чем некоторые философы именуют её *флегмой*⁹², *росой*, *облачной водой* — не обязательно, что она является таковой, — а посему не будем обманываться неудачными толкованиями. Пусть тот, кто желает проникнуть в смысл таких терминов, послушает речь весьма сведущего философа. «Она называется облачной водой, — говорит он, — ибо чиста, словно майская роса, и состоит из наитончайших частей. Но она также — самый едкий уксус, превращающий тело в беспримесный дух. И так же, как уксус, обладает различными свойствами, к примеру, он проникает вглубь и стягивает, — так и эта вода растворяет и коагулирует

⁸⁹ Подобное можно сказать и о трактате Артефия.

⁹⁰ [В алхимии менструация — влага, которая в соединении с теплом исполняет роль растворителя.]

⁹¹ Раймунд Луллий и Джордж Риплей говорят о природном и неприродном, или противоположном, огне.

⁹² Другое название Меркурия, или Камня, в его белой стадии.

ет, но сама, не являясь твёрдой субстанцией, не затвердевает». Достаточно о терминах, теперь вернёмся к самому предмету.

Я сказал, что эта вода производит в сосуде то, что обычная вода производит в большом мире; ибо, — подобно тому, как сей флегматический элемент не коагулирует и совершенно не убывает, невзирая на бесконечное число существ, по-прежнему производимых Природой, — то же происходит при нашем делании. Ведь наша вода также не меняется, хотя материя меняется в её чреве, где рождаются наши принципы, а именно — философские Сульфур и Меркурий. Да не будет никто удивлён моим утверждением о невозможности коагуляции обычной воды даже при тепле, ибо я говорю обоснованно. Мне известно, что в воде есть некоторые осадочные природы; но они — части не воды, а других элементов. Также не стану я отрицать, что какая-то часть флегмы — даже значительное её количество, а иногда и вся — может быть удержана благодаря смешению с другими природами, и словно коагулирует в виде камней, иногда прозрачных. Но я говорю о коагуляции не в таком смысле, т.е. не о смешении [различных] частей, как в еде и воде; под коагуляцией я понимаю трансмутацию чистой водной субстанции в землю или воздух, что невозможно при обыкновенной воде. Я знаю, что существует вода, которая сама по себе, без всяких внешних добавок, при мягком жаре коагулирует в растворимую соль, более драгоценную, чем золото; но это — не один из тех видов воды, воспринимаемых глазом, а другая, невидимая влага. Воистину, она повсюду, но, по словам Сендивогия, «не видна, пока мастер не решит проявить её». Этого может быть достаточно для нас; но я добавлю ещё немного, иначе речь моя покажется бессмысленной, — особенно для тех, кто не любит признавать за другими бóльшую проницательность, чем присуща им самим.

Общение, поддерживаемое между небом и землёй благодаря вознесению и обращению воды в пар, достаточно доказывает, сколь опасные последствия может иметь коагуляция этого элемента. Потому невозможно, чтобы мудрый Господь Природы сделал коагулируемой ту влагу, использование и назначение которой требует иных [свойств]. Ибо, если сущность воды, — например, обыкновенной воды, — обладала бы способностью сжатия и затвердения, она постепенно дошла бы до совершенной твёрдости; и не было бы больше никакого сотворения ни спермы, ни тел. И вот почему: если бы вода была твёрдой, не образовались бы ни пары, ни облака, а без облаков не возникла бы никакая сперма, ибо элементы не могут сочетаться и породить сперму иначе, как в паре. К примеру, земля не может вознестись, если прежде не истончить воду, ибо земля устремляется вверх из чрева воды; а если земля, сбросив свою грубую оболочку и утончившись, очистившись водой, не вознесётся, с ней не смешается воздух; ибо влага воды вводит воздух в разреженную и растворённую землю. И опять, как вода примирила воздух с землёй, так и воздух примиряет воду с огнём, словно желая отплатить любезностью за любезность. Ибо воздух со своей маслянистостью и жирностью вводит огонь в воду, причём огонь следует за воздухом и присоединяется к нему, как к своему топливу и пропитанию. Теперь нам остаётся отметить, что водяной пар был *пристанищем* или изложницей, где встретились три остальных элемента, и без неё им никогда не удалось бы сойтись. Ибо сей пар послужил каналом, вознёсшим чистую, девственную землю для бракосочетания с Солнцем и Луной⁹³,

⁹³ Бракосочетание Солнца и Луны в алхимии означает сочетание твёрдого и летучего, или, иначе, Сульфура и Меркурия. Союз триад в этой символике не упоминается, ибо философы следовали собственным аналогиям. Как мы видели, Воган не вполне уверен в этом предмете.

и теперь он возвращает её в своё чрево, насыщенное молоком одного и кровью другого, а именно, воздухом⁹⁴ и огнём, — кои принципы преобладают в сих двух высших светилах.

Быть может, какой-нибудь знаток возразит мне, указав, что сей пар, будучи теперь насыщен, способен подвергнуться коагуляции и затвердеть благодаря тем горячим принципам воздуха и воды. На это отвечу, что способна вязкая, семенная часть, но флегма — никогда; и я докажу сие на таком примере. Когда упомянутый пар полностью насыщен, он более не остаётся в той сфере, а немедленно спускается к земле, откуда поднялся. Но как же он возвращается? Очевидно, не в виде стремительного и бурного низвержения, словно ливень, но, — как я писал в другом месте⁹⁵, — прокрадываясь вниз незримо и безмолвно. Ибо, если это тот самый пар, о котором я говорю, «в котором формируется звёздное семя определённого веса», то его не слышно и не видно долгое время после того. Но, возвращаясь к тому, что я обещал доказать, приведу для примера обыкновенную росу; ибо роса имеет в себе небольшую долю звёздного огня. Как известно, сия влага нисходит беззвучно, ибо заключенный в ней огонь поддерживает её в разреженном состоянии — в виде воздуха — и не допускает её конденсации в воду на той высоте, где это происходит с дождевыми парами. Но, спустившись почти до земли, она смешивается с иными, неочищенными, парами и, заимствуя у них большое количество флегмы, в конце концов, выпадает в виде капель.

Но прежде чем идти дальше, давайте вспомним здесь те слова сына Сирахова: «...Так смотри и на все дела Всевышнего:

⁹⁴ Луна обычно соотносится со стихией воды, но одна из тайных школ согласна с Воганом в этом вопросе.

⁹⁵ См. «Lumen de Lumine».

их по два, одно напротив другого»⁹⁶. Это согласуется с тем небольшим фрагментом, который приписывается Моисею и где Господь даёт ему такое наставление: «Ведомо тебе, что сотворил Я каждой твари равного и противоположного»⁹⁷. Не буду безоговорочно утверждать, что Моисей является автором сего фрагмента или что Господь наставлял его в этих самых словах; но я утверждаю, что слова сии выражают Божию истину и указуют на некоторые великие тайны Его мудрости. Не умолчу и о существенном обстоятельстве, а именно, что в этом фрагменте встречается несколько еврейских слов, и это доказывает, что их автором являлся еврей — пусть даже не Моисей. Но оставим автора и займёмся смыслом: я говорю, что Господь сотворил воду, чтобы противопоставить её земле; и это явствует из различия их характеров и качеств. Ибо земля груба и плотна, а вода тонка и текуча; земля имеет коагулирующую, сжимающую силу, а вода в какой-то мере обладает смягчающей, растворяющей способностью. Земля затем закрывается и [закрывает] в себе огонь, так что невозможно никакое сотворение или произрастание, пока она не откроется, чтобы огонь мог действовать свободно. Мы можем наблюдать это в пшеничном зерне, где сжимающая, присущая земле способность захватила все остальные элементы и свела их к сухому, плотному телу. И до тех пор, пока это тело сухо, — или, словами нашего Спасителя, пока оно остается одно⁹⁸,

⁹⁶ Мне не удалось идентифицировать ни цитату, ни её автора. [Сир 33:14. Приведён Синодальный перевод.]

⁹⁷ *Scias quod unicuique creaturae et compar et contrarium creavi.* — См. «Византийская антология». Апокрифическая литература о Моисее весьма обширна и включает «Вознесение» и «Успение», «Апокалипсис» и «Книгу речей». См. «Codex Pseudepigraphica» Фабриция.

⁹⁸ Очевидно, аллюзия на Евангелие от Иоанна 12:24: «...если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно».

т.е. без воды, — оно не сможет принести плодов. Но если оно упадёт в землю и умрёт, т.е. растворится в ней небесной влагой, — ибо смерть есть лишь растворение, — то принесёт много плодов, как свидетельствует наш Спаситель.

Итак, вода растворяет, а растворение предшествует жизни; ибо, как только тело раскроется, в нём поднимается дух жизни, ощутивший в растворителе или влаге росы другой дух, с которым он жаждет соединиться. Тот дух есть воздух, запертый в росе или воде, этот воздух именуется в философских трудах «водой нашего моря, водой жизни, которая не увлажняет рук». Но кто поверит, что существует сухая вода, сокрытая во влажной? Конечно, немногие, и об этом говорит Сендивогий, подразумевая некоторых знакомых ему софистов: «Они не желают верить, что сия вода находится в нашем море, но при том желают слыть философами». Я сам знавал много таких философов, о которых я могу сказать то же самое. Но, возвращаясь к нашему предмету: воздух называется водой жизни, поскольку он включает в себя огонь, который есть всеобщая жизнь, ещё не отделённая, и потому пребывает в согласии со всеми отдельными жизнями и дружелюбен всем типам творений. Далее, отдельный, определённый огонь, — или жизнь зерна, — образующий магнит растений, притягивает универсальный огонь, или сокрытую в воде жизнь, и вместе с оным он привлекает воздух, служащий одеянием или телом огня, называемого платониками «колесницей души», а иногда — «нимбом нисходящего огня». Итак, это — основа, на которой стоит вся тайна естественного увеличения и преумножения, ибо оболочка пшеничного зерна увеличивается за счёт питания воздухом, — не простым, но разложенным на составные части, ибо он содержится в воде и представляет собой разновидность летучей, сладкой соли. Но огонь, или жизнь, зерна усиливается универсальным огнём, а он присутствует

в воздухе, как воздух присутствует в воде. И здесь мы можем заметить, что не только вода приводит к рождению или возрождению всего, но вода и огонь, т.е. вода и дух, или вода, имеющая в себе жизнь. Это рассуждение, будучи правильно понято, послужит великим руководством [на пути] к Божеству⁹⁹.

Итог всего сказанного таков: корни и семена всех растений расположены в земле, посреди сего источника росы, — как светильник помещён посреди масла, — а огонь или жизнь семени притягивает *абриссак* [*abryssach*], или *лессу* [*lessa*], — я имею в виду сок [juice], или живицу [gum], воды, — как огонь светильника привлекает масло вокруг него. И когда из воды извлечён весь воздух, тогда притяжение прекращается, и начинается конкокция, или трансмутация. Но если неочищенная вода, служившая *колесницей* воздуха, остаётся с семенем, то она препятствует конкокции, и тогда солнце и архей совместно изгоняют её; она улетучивается и возвращается в воздушную область, где вновь наполняет своё чрево звёздным молоком и затем спускается, как и перед тем. Вот почему в Природе наблюдается такое чередование ливней и солнечного света: ливни приносят воздушное питание, а после того, как растения втянут его, солнечный свет призывает неочищенную воду, которая в ином случае помешала бы усвоению и затвердению [воздуха]. Итак, это и есть круговорот обычной воды; но если она будет коагулирована, этот круговорот прекратится, а с ним прекратится вся жизнь. В течение многих лет я взирал на неё [т.е. воду] как на птичку, которая летает к своему гнезду и обратно, чтобы принести пищу своим птенцам и насытить их. Это — не очередная моя фантазия, как считали прежде некоторые учёные мужи;

⁹⁹ Предположительно, в силу строгой аналогии, которая, гипотетически, существует между явлениями материальными и духовными и между внутренним и внешним миром.

в связи с чем та молочная влага, которую находят в её кристалльных грудях, известна среди некоторых из них как «птичье молоко», и они записали, что «птицы приносят к ним свой камень».

В завершение следует отметить, что существует большое различие между обыкновенной водой и нашей химической, или огнём, относительно которого мы ранее цитировали Понтана, ибо наша вода способствует коагуляции, а простая ей препятствует. Ибо, если флегма, или неочищенный дух, останется в воздухе, то никогда не затвердеет; вот почему Сендивогий говорит: «Любая вода затвердевает при жаре, если в ней нет духа». Итак, я доказал свою точку зрения: обычная вода не может затвердеть.

Теперь, когда ничто не препятствует нам, остаётся лишь сделать уверенный и безошибочный вывод, что простая, неочищенная вода не питает ничего; тогда как живица, или загустевшая её часть, питает всё. Ибо она — звёздный бальзам¹⁰⁰ и стихийная, абсолютная [radical] влага, которая, будучи образована из низших и высших [частей], укрепляет как дух, так и тело. Она — то всеобщее, животворное питание, кое Сам Бог подаёт всем Своим созданиям, оно ежегодно создаётся и проявляется в элементах невидимым трудом Его Духа, который действует во всём. Вода заключает в себе всю анатомию неба и земли с чревом, полным огня и жизни, и, вступая в сии низшие части мира, она покрывает их некой зеленью, заставляя рождать цветы, и являет нам нечто, весьма схожее с утраченным нами Раем. Словом, она сотворена

¹⁰⁰ Согласно Парацельсу, бальзам есть то сущностное качество, или принцип, который сохраняет вещи от распада и гниения. *Astrum* [с лат.: звезда] есть способность или потенция, пребывающая во всех и в каждом: обычно она описывается как символ огня. Потому эти термины весьма близки по значению, и сочетание «звёздный бальзам» является тавтологией. Я не припомню его ни у Парацельса, ни у других авторов.

не человеческими руками, а готовится Духом Божиим, и создана не для одних лишь растений, но и для человека, которого Господь иногда ею питает¹⁰¹. Так говорит нам Писание, его авторитет выше Аристотеля и Галена. Ибо вот что я читаю в «Исходе»: «Вечером налетели перепелы и покрыли стан, а поутру лежала роса около стана; роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни *нечто* мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле. И увидели сыны Израилевы и говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который Господь дал вам в пищу»¹⁰². Любое дитя знает, что роса выпадает в виде круглых капель; а здесь Моисей сообщает нам, что, когда флегматическая влага поднялась, густая, оставшаяся часть была круглой и мелкой, ибо по-прежнему сохраняла форму капель, в чреве которых была сокрыта до этого. Сия густая часть — маслянистая и тающая, с чем согласно и Писание, ибо в нём сказано: «...когда же обогрело солнце, оно таяло»¹⁰³. Вдобавок, она легко и быстро изменяется, а потому без труда преобразуется в любую форму; и по этой причине Моисей велел народу не оставлять ничего до утра. Но, как говорится в тексте, «не послушали они Моисея, и оставили от сего некоторые до утра, — и завелись черви, и оно воссмердело»¹⁰⁴, откуда можно заключить, что сия [манна] в какой-то мере обладает животной природой.

Итак, мы видим, что Дух Божий по-прежнему занят водой, и до сего часа парит не только над ней, но и в ней; также

¹⁰¹ Забавный оборот мысли. Постулированное «животворное питание», содержащее «всю анатомию неба и земли» и «полное света и жизни», а также «приготавливаемое Божиим Духом», есть субстанция, названная в Писании манной, примечательной чертой которой является то, что менее чем через сутки она начинает смердеть, и в ней заводятся черви [Исх 16:20].

¹⁰² Исх 16:13–15.

¹⁰³ Исх 16:21.

¹⁰⁴ Исх 16:20.

получили её от патриархов — я имею в виду Авраама, Исаака и Иакова, те — от Ноя, и все названные — от Адама, как мы уже доказали¹⁰⁹. Что и говорить, они были мужами, заботившимися о мире и наставлявшими потомство; и только они — и никто другой — могли быть теми древними, изначальными философами, которых Задит именует *avos mundi* [с лат: старцы мира] — некоторые из подобных выражений приведены у него¹¹⁰.

Прежде чем завершить, мы обобщим всё сказанное нами в немногих словах, согласных с Природой и частями мира, как они были явлены нам опытным путём. Мы с достоверностью обнаружили, что наверху нет ничего, что отсутствовало бы здесь, внизу, только в более грубом, материальном обличье; ибо Господь установил, чтобы грубая и плотная сперма низших [созданий] проводила к телу одухотворяющие и утончённые эманации высших. Далее, Господь не дозволил никакого иного союза спермы, кроме как между телами одной природы и рода; ибо Его собственное слово свидетельствует, что Он не терпит беспорядка или смешения семян разного рода¹¹¹. Не случайно священники — или, по словам Прокла, основатели древнего духовенства — говорили, что «небо — на земле, но по-земному, а земля — на небе, но по-небесному»: ведь иначе они не были бы одного рода. А посему мы говорим, что в этой вселенной существуют четыре светила, два из которых — небесные, а два — центральные. Небесные суть Солнце и Луна, и они известны всему миру. Центральные же неизвестны и потому в них не верят, ибо одно из них покры-

¹⁰⁹ См. «Magia Adamica».

¹¹⁰ Задит иначе известен как Сеньор, и цитировался под этим именем. Им написаны трактаты «De chemia», «Aurelia Occulta» и «Conclusio Alchemiae».

¹¹¹ См. Лев 19:19.

то землёй, а другое — водой. В центре земли сокрыт огонь, по природе солнечный, но более грубый, чем тот, что на Солнце¹¹². А в чреве воды пребывает вязкий, грубый воздух, имеющий лунную, менструальную природу, но не такой светлый и тонкий, как тот, что на луне. Говоря кратко: центральное солнце сыплет во чрево воды мужскую, горячую соль; вода же, получив её, добавляет к ней свой семенной, женский ил, и возносит его на своих крыльях в область воздуха. Итак, мы видим, как образуется материальная часть семени; и теперь этому её телу даёт жизнь небо: луна — свой дух, а солнце — свою душу. Тем самым четыре светила сведены воедино, и вышнее наделяет семя тем, что тонко и животворно, а низшее — тем, что плотно и материально. Само семя остаётся невидимым в чреве ветра и проявляется в воде, — я имею в виду, в воде, чистой как кристалл, — и из воды его и надлежит добывать, ибо под небом нет никакого иного тела, где его можно отыскать.

Я сам искал его в обычных металлах, в ртути, в сурьме и в корольке [regulus]¹¹³ сурьмы, а также в корольке Марса, Венеры, Сатурна и всех прочих тел. Но я старался впустую, ибо искал там, где его нет. И все эти ошибки я допустил уже после того, как познал истинную материю; ибо, потерпев неудачу в своих первых попытках, я оставил сию [задачу] как неразрешимую, и такое отступничество принесло мне множество трудностей. Я твёрдо верил, что купорос, состоящий из сих четырёх несовершенных тел — сурьмы, железа, свинца

¹¹² Ср. Сендивогий: «Novum Lumen Chemicum». Tract. XI: «В центре земли пребывает центральное солнце, жар которого проникает всю землю до самой поверхности».

¹¹³ [Королёк — металл, полученный в результате плавления минерала или руды с содой и другими флюсами.]

и меди, — может быть тем стекловидным Азотом Луллия, чей дух, или воду, он так превозносил в своём «Завещании». Что и говорить, звучит оно привлекательно и может так вскружить молодую голову, что человек превратится в поэта или, подобно дельфийскому демону¹¹⁴, примется вещать небылицы высокопарным слогом. Не менее сбила меня с толку та речь Парменида в «Turba»: «Возьми меди или свинца для смазки или почернения, и олова — для разжижения». На первый взгляд, что может это означать, как не сурьму? И чем может быть тот металл, который получается из неё при разжижении, как не корольком¹¹⁵? Это заставило меня потратить длительное время на опыты с тем нечистым, бесполезным телом в твёрдой уверенности, что корольок сурьмы — это белый свинец или философское олово. Но положим конец таким заблуждениям: все приведённые аллегории относятся к другому минералу, а не к обычной сурьме, и все они осуждаются в «Turba», где Камбар говорит: «Заметьте и запомните, что ревнивые именуют Камень сурьюю». Очевидно, что он не является тем, чем ревнивые называют его. А Василий Валентин в своём труде «Currus Triumphalis», написанном в похвалу сурьме, сообщает нам, что «Господь не позволил, чтобы философский Меркурий, первичная субстанция, ртуть и первичная вода совершенных металлов, — из которых состоит великий Камень древних философов, — могли быть найдены в сурьме или извлечены из оной. Ибо сия первичная субстанция присутствует в другом минерале, обладающем более мощным металлическим воздействием, нежели сурьма». И тот же Василий, говоря чуть дальше о *Stella Martis*

¹¹⁴ [Очевидно, имеется в виду Дельфийский оракул.]

¹¹⁵ О сурьме и корольке сурьмы см.: Василий Валентин. «Currus Triumphalis».

[с лат: Звезда Марса], открывает следующее: «Многие считали сию звезду истинной материей Камня философов и были убеждены в своей правоте, поскольку Природа создала её сама собой. Но я отвергаю это [воззрение], ибо такие люди покинули царственный путь ради непроходимых гор, где обитают дикие козы и хищные птицы. Нельзя приписывать сей звезде, будто она является материей благороднейшего камня, пусть даже там и сокрыто превосходнейшее из лекарств».

Итак, читатель, нам надлежит оставить все обычные металлы, вроде золота, серебра, меди, железа, олова, свинца, сурьмы и ртути; ибо, покуда мы ищем сперму в любом из них, нам никогда не найти её, — ведь, по выражению Сендивогия, мы ищем её в «низких металлах, где её нет». Посему нам надобно искать другое тело, не обычное и не созданное из любого обычного металла путём смешения или как-то иначе, а некий чёрный Сульфур, сотворённый Природой, которого никогда не касался огонь. О таком теле Альберт Великий написал следующее: «В природе сущего есть некое тело со свойствами металлов; оно легко растворяется и распадается: зная его приготовление, ты станешь успешным врачом». Впоследствии его ученик Фома Аквинский, говоря о том же *руднике*, цитирует такие примечательные слова одного философа: «Существует некий вид металла, который никогда не был обнаружен толпой». Сей металл мы и должны искать, и найти его непросто, поскольку для этого нам не придётся копать. Ибо, когда мы узнаем, где он, нам останется лишь нагнуться и поднять его даром. Однако это ни сурьма Глаубера, ни обычный свинец, ни кремень, ни мергель [marl] Петера Фабера, который, измучившись сам и введя в заблуждение своих читателей рассуждениями о сурьме и возгонке солей обычных металлов, под конец стал искать Сульфур в этом комке или *marga* [мергеле], как он его

называет¹¹⁶. Но оставим сии нелепицы и подойдём к заключению: я утверждаю, что сей чёрный Сульфур есть мужчина, и когда мы отыщем его, нам нужно будет отыскать женщину. И здесь следует заметить, что не во всех телах Всемогуший провёл различие между полами, но только в животном царстве; ибо среди растений и минералов такого явления нет. Мы видим, что в зёрнах злаков, например, пшеницы, нет деления на мужчин и женщин, поскольку они все мужчины, и Господь не дал им иных женщин, кроме универсальной, а именно воды, чье вязкое, всеобщее семя, соединяясь с отдельным семенем и духом, заключённым в зерне, ферментируется им и твердеет, становясь с зерном единой природой, и тем самым плодит и умножает зерно. Точно так же и в металлах, ибо каждый из них — мужчина, сернистый и холерический. Господь не соизволил, чтобы какой-нибудь из них плодил и приумножал другой, ни естественно, ни искусственно, хоть мы и не отрицаем, что они могут умножаться при помощи того семени, которое Господь наделил благословением приумножения. Итак, в металлах нет деления или различия полов, так что из оных невозможно извлечь ни мужскую, ни женскую сперму, — ибо таковые извлекаемы только из тел, являющихся женщинами или мужчинами, а металлы ими не являются. Ведь если бы они были ими, они размножились бы без [алхимического] искусства, в силу Божьего установления. Таким образом, ясно, что металлы, не относясь к мужчинам или женщинам, не зарождают в себе семя и, следовательно, не могут дать то, чего не име-

¹¹⁶ Согласно Фаберу, философский Сульфур представляет собой огненную часть философского Меркурия, и его вместе с философской Солью можно найти в некоем метафорическом масле или жире, который, предположительно, и есть *мергель*, упоминаемый Воганом.

ют¹¹⁷. Ибо истина в том, что семя, из которого они происходят, есть то всеобщее семя элементов, а именно некая влага, которая, по словам Сендивогия, проявляется в виде жирной воды. Сия вода есть их семя, их мать и их женщина; ибо из неё они были созданы вначале, и если их вновь свести к ней, то дитя притянет к себе мать и всецело обратит её природу в свою; и наоборот, дух матери будет приумножать дух дитяти и возводить его к совершенству превыше обыкновенного.

Таков путь, и нет другого помимо него; ибо, из какого тела ни извлечь воду, под небом нет воды, имеющей в себе приумножающую способность, кроме сей единственной, благословенной Господом. Но здесь, — хоть я, казалось бы, говорю о металлах без различения, — я подразумеваю не обычные [металлы], ибо их дух был умерщвлён огнём. А посему возьмите наш Сульфур, которого никогда не касался огонь, и чья жизнь полностью сохранилась. Соедините этого живого мужчину с живой женщиной, ибо в этом, — как я указывал ранее¹¹⁸, — и заключается вся тайна: а именно в союзе отдельного духа с универсальным, благодаря чему Природа возвышается и приумножается удивительным образом. Потому основательно и со всем тщанием старайся соединить этих двух; ты не потерпишь неудачу, если тебе известны [способы] приложения. Ибо позволь мне открыть тебе один секрет: приложение активного к пассивному — я имею в виду способ — есть величайшая трудность всего Искусства.

Прощай, читатель, и наслаждайся [плодами] моих трудов, которые — уверяю тебя — я открываю тебе безвозмездно,

¹¹⁷ Это противоречит Сендивогию, который утверждает, что обычный Меркурий «содержит семя металла», что верно и для «прочих металлов». — «Novum Lumen Chemicum». Tract. VI.

¹¹⁸ Имеется в виду «Anima Magica Abscondita».

а не с каким-то умыслом; ибо ищю не собственной славы, но лишь Божией, а также твоего блага.

Краткое приложение для предостережения читателя

У меня не было намерения добавлять что-либо к уже написанному; но, размышляя о превратностях, выпавших мне на пути сей науки, я начинаю думать, что сказал недостаточно. Говоря более ясно: знай, читатель, что любой, ищущий Меркурий Философов в металлах, — какого бы рода они ни были, — уже сбился с пути¹¹⁹; ибо Философский Меркурий, о коем говорили так много, есть вода, а в металлах воды нет, поскольку Сульфур не просто привёл её к отверждению, а полностью [их] иссушил. Это очевидно на примере обычной ртути и сурьмы, наиболее грубых из всех металлических тел; однако, при всей их грубости, они обезвожены своим же огнём. Ибо, если превратить их в пар, тот стугнется не в жидкую эссенцию, а в сухие цветы. Это заставило философов искать более грубый *рудник*, чей пар был бы влажным и превращался бы в воду, поскольку Сульфур ещё не победил его. И таким [рудником] была только Мать Меркурия, или Первоматерия, из которой Природа создает обычную ртуть [common mercury], и её они назвали также живым серебром [quicksilver] и вязкой водою, ибо такой она и является. В этом *руднике* ртутный пар был не столь сухим и сгущался в воду, и сей водой они растворяли металлические тела; так как

¹¹⁹ Это — завет всех сведущих алхимиков, и кажется странным, что во второй половине семнадцатого века повторение этого могло казаться необходимым.

влажный пар названного рудника разбавлял сухие металлические пары, так что оба [вида пара] становились одной водой; и это назвали Философским Меркурием и удвоенным [duplicated] Меркурием. О том мне нет нужды говорить ещё что-то; и если бы они [алхимики] не ослепли по собственной воле, здесь хватило бы света для наших торговцев металлами, а особенно для тех самонадеянных поджаривателей сурьмы, которые над дымом этого вещества грезят о тайнах, словно предались какой-то капномантии¹²⁰. Что касается меня, то я не отрицаю, что сурьму можно свести к ртутной воде, хоть и не знаю, ради чего, ибо из оной — если верить Василию Валентину — не получить ни наш Меркурий, ни нашу Тинктуру¹²¹. Воистину, философы используют её, но лишь как средство, которое вновь исчезает, как они используют кухонный огонь; но это не их материя или предмет, и ещё менее — обыкновенное золото, как того хотели бы некоторые невежды.

Истинно, существует другая сурьма, которая является нашим Сульфуром¹²² и предметом всего Искусства; но её столь трудно найти, — а если нашли, то столь трудно приготовить, — что я чуть не впал в отчаяние. Однако, если ты глубоко поразмыслишь над тем, что я написал и о чём я упоминал в разных местах столь же преднамеренно, сколь и осторожно, от тебя не останется сокрытым ни само вещество, ни его приготовление. В завершение, знай, что у философов

¹²⁰ [Капномантия — предсказание будущего с использованием дыма.]

¹²¹ В завещании Василия Валентина сказано, что «подлинная тинктура сурьмы, которая является лекарством для людей и металлов», готовится исключительно из руды сурьмы, но не из готового продукта. Это, однако, не та универсальная тинктура, под которой понимают Камень Философов. См. Приложение к «Currus Triumphalis» о твёрдой тинктуре сурьмы, именуемой также Огненным камнем.

¹²² Согласно Василию Валентину, сурьма содержит Меркурий, Сульфур и Соль, рассматриваемые как «три великих принципа здоровья».

есть два Меркурия, или две воды: Первая и Вторая. Первая — это дух [spirit] нашей сурьмы; здесь пойми меня правильно. Вторая — дух Философских Меркурия и Венеры; и этого уже достаточно. Но чтобы сократить время, философы ферментируют её обычным золотом¹²³. Я уже выдал больше, чем позволяет осмотрительность; но к этому меня подвигло осознание тех трудностей, с которыми я столкнулся. Однако будь осторожен в своих построениях, чтобы название сурьмы не обмануло тебя; ибо в противном случае ты можешь бесплодно расточить время и материалы. Вот и всё, что я могу сказать, и теперь тебе предстоит решить, как это применить. Если ты способен поверить, хорошо; если же нет, воздержись вообще от сего Искусства, иначе тебе придётся перенести наказание твоей недоверчивости.

¹²³ Вогану следовало бы помнить, что, согласно философам, обыкновенное золото мертво и потому не может служить ферментом.

Содержание

Предисловие. Биографический очерк	5
Anthroposophia Theomagica, или Беседа о природе человека и его посмертном состоянии	27
Anima magica abscondita, или Трактат об универсальном духе природы	95
Magia adamica, или Древность магии	151
Coelum terrae, или Небесный хаос магов	227
Lumen de Lumine, или Новый свет магии	277
Aula Lucis, или Обитель света	351
Братство Розы и Креста, а также краткое описание их труда	381
Euphrates, или Воды Востока	425

Воган Томас
Обитель Света

Выпускающий редактор *Л.В. Коршунова*
Редактор *В.В. Гаврилов*
Дизайн, вёрстка: *Н.В. Краснова*
Корректоры *Р.М. Землянская, О.Н. Зызлаева, А.С. Никитина*

Подписано в печать 13.11.18
Формат 70 x 100/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 30,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1212

ООО «Арт-Лайт»
443110, Россия, Самара, ул. Мичурина, 23
Телефоны: (846) 279-07-03

Отдел продаж: (846) 270-23-87, 279-07-06
Факс (846) 270-23-77
E-mail: book@agniard.ru
www.agniard.ru
www.арт-лайт.рф

Отпечатано в ОАО «Областная типография «Печатный двор»
Россия, 432049, Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27
ul-pd@mail.ru